

ISSN 2524-0285

Вестник Донецкого национального университета

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
*Основан
в 1997 году*

Серия Б
Гуманитарные
науки

3/2020

**Редакционная коллегия журнала «Вестник Донецкого национального университета.
Серия Б: Гуманитарные науки»**

Ответственный редактор – д-р филос. наук, доц. **Е.В. Андриенко**.

Заместитель ответственного редактора – д-р пед. наук, доц. **Д.А. Чернышев**.

Ответственный секретарь – канд. ист. наук, доц. **В.В. Разумный**.

Члены редколлегии: д-р ист. наук, доц. **В.Л. Агапов**, д-р филос. наук, проф. **Т.А. Андреева**, д-р ист. наук, проф. **А.В. Бредихин**, д-р пед. наук, проф. **А.И. Дзундза**, д-р филос. наук, проф. **Н.Н. Емельянова**, д-р пед. наук, проф. **Е.Г. Евсеева**, д-р ист. наук, проф. **Г.П. Ерхов**, д-р филос. наук, проф. **Е.А. Капичина** (Луганская государственная академия культуры и искусств им. М. Матусовского), д-р ист. наук, проф. **А.В. Кияшко** (Южный Федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация), д-р ист. наук, доц. **А.В. Колесник**, д-р пед. наук, проф. **М.Г. Коляда**, д-р ист. наук, проф. **Е.Ф. Кринко** (Институт социально-экономических и гуманитарных исследований, Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация), д-р филос. наук, проф. **Д.Е. Муза**, д-р ист. наук, проф. **Г.Р. Наумова** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Российская Федерация), д-р ист. наук, проф. **В.Н. Никольский**, д-р пед. наук, проф. **П.В. Плотников**, д-р пед. наук, проф. **Е.И. Скафа**, д-р пед. наук, проф. **О.Ф. Турянская** (Луганский национальный университет им. Т. Шевченко), д-р ист. наук, доц. **Л.Г. Шепко**.

**Editorial Board of the journal “Bulletin of Donetsk National University.
Series B: Humanities”**

Editor-in-Chief – Doctor of Philosophy, Docent **Ye.V. Andrienko**.

Deputy Editor-in-chief – Doctor of Pedagogy, Docent **D.A. Chernyshev**.

Executive Secretary – Candidate of History, Docent **V.V. Razumnyi**.

Members of the Editorial Board: Doctor of History, Docent **V.L. Agapov**, Doctor of Philosophy, Prof. **T.A. Andreeva**, Doctor of History **A.V. Bredikhin**, Doctor of Pedagogy, Prof. **A.I. Dzundza**, Doctor of Philosophy, Prof. **N.N. Yemelianova**, Doctor of Pedagogy, Prof. **Ye.G. Yevseeva**, Doctor of History, Prof. **G.P. Yerkhov**, Doctor of Philosophy, Prof. **E.A. Kapichina** (Lugansk State Academy of Culture and Arts), Doctor of History, Prof. **A.V. Kiyashko** (Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation), Doctor of History, Docent **A.V. Kolesnick**, Doctor of Pedagogy, Prof. **M.G. Kolyada**, Doctor of History, Prof. **Ye.F. Krinko** (Institute for Socio-Economic and Humanities Research, Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation), Doctor of Philosophy, Prof. **D.Ye. Muza**, Doctor of History, Prof. **G.R. Naumova** (Moscow State University M.V. Lomonosov, Russian Federation), Doctor of History, Prof. **V.N. Nikolskiy**, Doctor of Pedagogy, Prof. **P.V. Plotnikov**, Doctor of Pedagogy, Prof. **Ye.I. Skafa**, Doctor of Pedagogy, Prof. **O.F. Turyanskaya** (Lugansk National University), Doctor of History, Docent **L.G. Shepko**.

Адрес редакции: ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
ул. Университетская, 24, 83001, г. Донецк

Тел: +38 062 302-92-33

E-mail: elena_andrienko8@mail.ru, razumnyi.vitalii@yandex.ru

URL: <http://donnu.ru/vestnikB>

Научный журнал «Вестник Донецкого национального университета. Серия Б: Гуманитарные науки» включён в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук (приказ МОН ДНР № 1134 от 01.11.2016 г. с изменениями № 122 от 13.02.2018 г.) по следующим группам научных специальностей: 07.00.00 – Исторические науки и археология; 09.00.00 – Философские науки; 13.00.00 – Педагогические науки.

Печатается по решению Учёного совета ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

Протокол № 10 от 25.12.2020 г.

Вестник Донецкого национального университета

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 1997 ГОДУ

Серия Б. Гуманитарные науки

№ 3/2020

СОДЕРЖАНИЕ

История

- Азарова С.И., Шенко Л.Г.* Шахтерский ансамбль как художественная реальность Донбасса (1937–1990 гг.) 5
- Дьяченко Г.С.* Основные направления англо-американского сотрудничества в 1960 – 1963 гг. 15
- Ищенко В.Б., Разумный В.В.* Особенности положения женщин в Иране в 1960-1970-е годы: по воспоминаниям Ашрафа Ахмедзянова 21
- Медовкина Л.Ю., Лавриненко Д.С.* История развития геополитических интересов ЕС на евразийском пространстве в 2002–2014 гг. 27
- Нога М.С.* Помощь Советского Союза в восстановлении сельского хозяйства Польской Республики в 1944 – 1945 гг. 37
- Попова В.О.* Японо-российские отношения в период деятельности Синдзо Абэ: сравнительный анализ общественных настроений населения Японии (2012–2020 гг.) 43
- Разумная Н.Н.* Проблемы финансирования образовательных учреждений на территории Мариупольского уезда в 1917 году 52
- Скопылатова В.И.* Сегрегация в среде молодежи Северной Ирландии на фоне этно-конфессионального конфликта (1968–1998 гг.) 60
- Федоровский Ю.Р.* Интернациональное движение Донбасса – первые донецкие автономисты 66
- Шабельников В.И., Терзи Е.С.* Этнодемографические процессы в Донбассе: исторический анализ 1920–1980 гг. 79

Философия

- Бабенко А.И.* Техногенная цивилизация и духовный кризис человечества 88
- Бартагариева И.И.* Правовой дискурс: определение, типологическая идентификация, структура 95
- Баталин Р.А.* Понятие «патриотизм»: генезис и противоречия 102
- Даренская В.Н.* Ментальные основания восточнохристианской цивилизации 111

<i>Емельянова Н.Н.</i> Разрушение и созидание в жизнедеятельности человека	118
<i>Ищенко Н.С.</i> Принцип онтологической дифференции в философских концепциях Хайдеггера и Соловьева	125
<i>Лукьянченко О.Г.</i> Библиотеки как социокультурный феномен Луганщины (первая половина XX ст.)	131
<i>Мазаненко О.М.</i> Экспликация эмпатической феноменологии творческого сознания композитора	138
<i>Миргородский А.А.</i> Концепция государства и церкви в творчестве Сергея Николаевича Булгакова: постановка проблемы	145
<i>Пчелкина С.Ю.</i> Картина мира: мировоззрение, языковая игра, мифология	152
<i>Сухина И.Г.</i> К вопросу о семантике культурологического понятия «модернизм»: опыт концептуальной экспликации на основе исторического подхода	158

Педагогика

<i>Гончарова В.С.</i> Искусство и любовь в контексте формирования духовных потребностей и интересов	167
<i>Дзундза А.И., Цанов В.А.</i> Обоснование дефиниции «эстетический компонент системы мировоззренческих ориентиров цифрового поколения будущих учителей математики»	173
<i>Ефимова А.Ю.</i> Роль и место природоохранных знаний в системе географической подготовки школьников	183
<i>Исаева Ю.А.</i> Педагогические условия формирования профессиональных прогностических компетенций у будущих педагогов дошкольного образования	193
<i>Козлова Т.Л., Чернышев Д.А.</i> Формирование ценностных ориентиров школьников в олимпиадном движении	199
<i>Мерхелевич Г.В.</i> Исторические этапы развития непрерывного обучения английскому языку в Европе и мире: научно-аналитический обзор	206
<i>Савченко М.В.</i> Формирование мировоззрения у детей дошкольного возраста в процессе знакомства с абсолютными ценностями	213
<i>Суркова Н.А.</i> Теоретические основы междисциплинарного подхода к формированию культуры профессиональной импровизации педагога дополнительного образования	220
<i>Тищенко Е.В.</i> Анализ особенностей управления качеством отечественного образования в системе средних профессиональных учреждений на рубеже XIX – XX веков на примере востока Украины	226
<i>Уманец С.Ф.</i> Новые возможности педагогической прогностики в условиях метаобразовательного пространства педагогического вуза	230
<i>Чудина Е.Ю., Жмыхова Т.В.</i> Реализация принципа внутренней дифференциации при обучении математике в условиях дистанционного обучения в инженерном вузе	235
Правила для авторов	240

Bulletin of Donetsk National University

SCIENTIFIC JOURNAL

FOUNDED IN 1997

Series B.
The Humanities

No 3/2020

CONTENTS

History

- Azarova S.I., Shepko L.G.* Miner's song and dance ensemble as an artistic reality of Donbass (1937 – 1990) 5
- Dyachenko G.S.* The main directions of anglo-american cooperation in 1960–1963 15
- Ishchenko V.B., Razumnyi V.V.* Women in Iran in the 1960 -1970s: by the memoirs of Ashraf Akhmedzynov 21
- Medovkina L.Yu., Lavrynenko D.S.* EU geopolitical interests in Eurasian space: 2002–2014 27
- Noga M.S.* Assistance of the Soviet Union in the Restoration of Agriculture in Polish Republic in 1944–1945 37
- Popova V.O.* Japanese-Russian relations during the period of **Shinzo Abe's** cabinet: a comparative analysis of public attitudes in Japan (2012 – 2020) 43
- Razumnaya N.N.* Problems of financing educational institutes in the territory of Mariupol District in 1917 52
- Skopylatova V.I.* Segregation among young people in Northern Ireland against the background of the ethno-confessional conflict (1968–1998) 60
- Fedorovsky J. R.* International movement of Donbass – first Donetsk autonomists 66
- Shabelnikov V.I., Terzi V.S.* Ethnodemographic processes in Donbass: historical analysis (1920–1980s) 79

Philosophy

- Babenko A.I.* Technogenic civilization and spiritual crisis of humanity 88
- Bartagarieva I.I.* Legal discourse: definition, typological identification, structure 95
- Batalin R.A.* The concept of "patriotism": genesis and contradictions 102

<i>Darenskaya V. N.</i> Mental foundations of the eastern christian civilization	111
<i>Yemelyanova N. N.</i> Destruction and creation in human vital activity	118
<i>Ishchenko N. S.</i> The principle of ontological differentiation in the philosophical concepts of Heidegger and Soloviev	125
<i>Lukyanchenko O. G.</i> Libraries as a socio-cultural phenomenon of Lugansk region (the first half of the xx century)	131
<i>Mazanenko O. M.</i> Explication of the empathic phenomenology of the composer's creative consciousness	138
<i>Mirgorodskiy A. A.</i> The concept of the state and the church in the works of Sergei Bulgakov: problem statement	145
<i>Pchelkina S. Yu.</i> Pi cture of the world: worldview, language game, mythology	152
<i>Suhina I. G.</i> On semantics of the cultural concept of modernism: experience of conceptual exposure based on a historical approach	158

Pedagogy

<i>Goncharova V. S.</i> Art and Love in the context of formation of mental needs and interests	167
<i>Dzundza A. I., Tsapov V. A.</i> Substantiation of the definition "the aesthetic component of the system of worldview guidelines for the digital generation of future mathematics teachers"	173
<i>Efimova A. Yu.</i> The role and place of environmental knowledge in the system of geographical training of pupils	183
<i>Isayeva Y. A.</i> Pedagogical conditions for forming professional prognostic competencies in future preschool teachers	193
<i>Kozlova T. L., Chernyshev D. A.</i> Schoolchildren's value guidelines formation in the Olympiad movement	199
<i>Merkhelevich G. V.</i> A historical insight about development of English language teaching/learning in Europe and round the world	206
<i>Savchenko M. V.</i> Formation of the worldview of preschool-age children in the process of acquaintance with none-negotiable absolutes	213
<i>Surkova N. A.</i> Theoretical foundations of the interdisciplinary approach to the formation of supplementary education teacher's professional improvisation culture	220
<i>Tishchenko E. V.</i> The analysis of peculiarities of quality management of national education in the system of secondary professional institutions at the turn of XIX – XX centuries by the example of Eastern Ukraine	226
<i>Umanets S. F.</i> New possibilities of pedagogical prognostics in the conditions of the meta-educational space of the pedagogical university	230
<i>Chudina K. Y., Zhmykhova T. V.</i> The implementation of the internal differentiation principle in teaching mathematics in distance learning environment in the engineering university	235
Guidelines for authors	240

ИСТОРИЯ

УДК 94(477.62):793 "1937/1990"

ШАХТЕРСКИЙ АНСАМБЛЬ КАК ХУДОЖЕСТВЕННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ДОНБАССА (1937–1990 гг.)

© 2020. С.И. Азарова¹, Л.Г. Шепко²

¹Донецкий республиканский краеведческий музей

²ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье проанализирован комплекс документов, связанных с созданием Шахтерского ансамбля песни и пляски и его творчеством прослежены этапы деятельности, показана значимость деятельности «Донбасса» в контексте социальной политики государства, организации культурного досуга населения области, в процессе сохранения достоверной исторической памяти о культуре региона.

Ключевые слова: Шахтерский ансамбль песни и пляски, «Донбасс», культурная история.

Для современных исследований истории культуры характерна тенденция расширения объекта, а соответственно и тематики, круга изучаемых проблем общественной и духовной жизни. Особый интерес представляют исторические периоды, в рамках которых происходили трансформации политических структур, сопровождаемые изменением общественного сознания. В контексте пристального внимания к вопросам исторической памяти, обращение к которой в настоящее время выходит за рамки академического интереса, методическое и теоретическое значение приобретают конкретно-исторические материалы, раскрывающие явления социокультурной жизни переходных эпох.

Ярким явлением советской культуры стал Заслуженный государственный академический ансамбль песни и танца «Донбасс», который, возникнув в сложное время, вышел на уровень художественного воплощения культурной самобытности региона.

Положение Донбасса в современных исторических реалиях, жесткая идеологическая борьба, сопровождающаяся дискредитацией жизни целых поколений, делает актуальным исследование становления и развития культуры советского периода, осмысления явлений музыкальной жизни, связанных с индустриальным развитием края.

Практически отсутствуют комплексные труды, посвященные культуре, искусству Донбасса, деятельности социально коммуникационных институтов. Вопросы истории культуры Донбасса, естественно, не оставлены без внимания исследователей. Круг проблем был задаваем условиями эпохи. В советской историографии предметом изучения были особенности культурных процессов в Донбассе в отдельные периоды, развитие и проблемы системы образования, творческая деятельность писателей и поэтов региона, развитие и формы художественной культуры народов Донбасса. Перечень публикаций достаточно велик. Приведем имена отдельных авторов, в диссертационных исследованиях и статьях которых присутствует обширная библиография [1–4].

В украинской историографии в ряде работ, посвященных изучению культурной сферы, акцент делается на национально-культурных особенностях, в настоящее время просматривается политическая предубежденность и тенденция сознательного искажения событий, которая в последнее время приобретает характер открытой фальсификации. Следует отметить, что история творческих коллективов не стала предметом широкого изучения.

Целью данной работы является анализ документов, отражающих историю, формирование и этапы творчества Заслуженного государственного академического ансамбля песни и танца «Донбасс» (Донецк). Предметом исследования выступают формы культурной деятельности, рассмотренные сквозь призму социальных процессов советского периода.

Находясь в поле междисциплинарных исследований, данная тема располагает достаточно широким кругом источников. Прежде всего, это законодательные и нормативные акты, решения Коммунистической партии и советского государства, текущая документация творческих коллективов, материалы СМИ. Деятельность и творчество художественных учреждений в 30–80-е гг. XX в. освещались в основном в периодической печати. В последние десятилетия XX – начала XXI вв. работа художественных коллективов широко отражена в ТВ, Интернет-изданиях. Изучение ее невозможно без использования визуального типа источников: кино- и фотодокументов, а также материалов устной истории.

Одним из источников, еще недостаточно востребованных, но позволяющих проследить творческую биографию коллективов, являются плакаты, благодарственные письма и грамоты. В фондах ГУК «Донецкий республиканский краеведческий музей» хранится собрание грамот, которыми была отмечена деятельность Шахтерского ансамбля [5]. Грамота как мера поощрения приобрела особую значимость в СССР. Творческие достижения в трудовой деятельности сопровождались вручением различных грамот, которые являлись признанием успехов и стимулом к профессиональному и личностному росту. Награждение почётной грамотой производили Президиумы Верховного Совета союзных и автономных республик, ВЦСПС, министерства, ведомства, исполкомы местных Советов, администрации, предприятий и учреждений. По решениям общественных организаций почётной грамотой награждались «за активную общественную работу». Порядок представления к награждению Почетными грамотами предусмотрен положениями о них [6].

Как и грамота, благодарственное письмо – это оформленный на фирменном бланке предприятия полноценный официальный документ, содержащий слова благодарности за оказанную услугу, выполненную работу или выражающий искреннюю признательность за сотрудничество. Оба вида данных документов являются официальными письменными бумагами. Они достаточно информативны как исторический источник по рассматриваемому вопросу: фиксируют время, место события, название творческого коллектива, организацию, оценку деятельности общественностью и государством. Это письменное подтверждение и признание результатов деятельности определенного человека или группы людей. Комплекс сохранившихся документов позволяет составить летопись концертной деятельности, установить географию и социальную ориентированность коллектива.

20-е годы XX в. советского государства ознаменовались, процессом урбанизации края, мощным подъемом культурного развития. Широко развернулась культурно-просветительная работа. В народном творчестве Донбасса появились новые темы, мотивы и образы. Индустриализация и промышленные приоритеты закрепили за

регионом устойчивый образ «шахтёрского сердца страны». В это же время в советских общественных и партийных организациях шли дискуссии о методах и направлении развития культуры.

Начиная с конца 1920-х годов, происходит процесс централизации государственной культурной политики. Важным шагом было постановление Совнаркома от 13 апреля 1928 г. об образовании Главискусства, которое стало центральным государственным органом, призванным руководить всеми видами искусства. Дальнейшие шаги в этом направлении были предопределены Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» 23 апреля 1932 г. В документе был отмечен «как количественный, так и качественный рост литературы и искусства», но было рекомендовано ликвидировать независимые творческие организации и объединить «всех писателей, поддерживающих платформу Советской власти и стремящихся участвовать в социалистическом строительстве, в единый союз советских писателей и провести аналогичное изменение по линии других видов искусства [7].

В прессе развернулись дискуссии, осуждающие «формализм и натурализм» в искусстве, особенно резкое обсуждение проявилось в серии журнальных и газетных публикаций в 1936 г. [8]. В ходе поиска форм развития народного творчества и формирования образа трудового человека обратили внимание на народные ансамбли. В России с 1910 г. действовал Русский народный хор им. Пятницкого. В 1931 г. хор стал исполнять авторские песни, в которых находила отражение современная эпоха – коллективизация, индустриализация, что импонировало руководству [9].

По пути создания большого концертного музыкально-хореографического коллектива, объединяющего мужской хор, оркестр и танцевальную группу, пошел А. В. Александров, один из организаторов и первый музыкальный руководитель Ансамбля красноармейской песни (1928 г., ныне Ансамбль песни и пляски Советской Армии Краснознамённый им. А. В. Александрова). Его деятельность положила начало созданию и развитию коллективов нового типа – ансамблей песни и пляски, сочетающих вокальное, хореографическое и музыкальное искусство.

1937 год стал годом создания целого отряда ансамблей народного танца. Это Ансамбль народного танца СССР (руководитель И. А. Моисеев), Ансамбль народного танца УССР (руководитель П. П. Вирский), Ансамбль песни и танца Татарской АССР (А. С. Ключарёв) [10]. В 1936–1938 гг. сложился коллектив Башкирского ансамбль песни, пляски и музыки, были организованы Государственный узбекский ансамбль песни и танца (1936), ансамбль народной песни и пляски Армении (1938) [11], создан Азербайджанский ансамбль песни и танца (1938). В 1939 г. Приказом народного комиссара обороны Союза ССР К. Ворошилова в штат Московского, Ленинградского, Киевского, Белорусского, Забайкальского, Харьковского, Приволжского и Закавказского округов, 1 и 2 Краснознаменной армии были введены ансамбли красноармейской песни и пляски [12], был создан ансамбль песни и пляски Центрального клуба НКВД Союза ССР имени Дзержинского [13].

В 1937 г. Решением Центрального комитета профсоюзов рабочих угольной промышленности в городе Сталино был создан Шахтерский ансамбль песни и пляски [14]. Начало работы приходится на март 1938 г. Была проведена большая подготовка по подбору артистов, которых отбирали на просмотрах художественной самодеятельности в кружках шахтерских клубов Донбасса. Перед ансамблем стояла задача создать песни и танцы, отражающие шахтерскую специфику и формирующие образ Донбасса [15]. Возглавили ансамбль З. Дунаевский [16], Б. Коганер, М. Баканин, В. Бальшин.

Ансамбль, численностью до 200 чел., включал хор, хореографическую группу, оркестр народных инструментов и эстрадный оркестр. Поддержка из городского бюджета позволяла шить сценические костюмы и выезжать на гастроли. До немецкой оккупации ансамбль «Донбасс» базировался в районе станции Рутченково [17].

15 июня 1938 г. Ансамбль шахтёрской песни и пляски показал свою первую программу. Выступление артистов ансамбля вызвало у зрителей отрадное впечатление, вместе с тем, по мнению «Социалистический Донбасс», в первом представлении ещё мало было специфически горняцкого, следовало шире использовать шахтёрский фольклор и творчество поэтов Донбасса [18].

Творческие успехи коллектива были по достоинству оценены правительством. В марте 1939 г. Шахтёрский ансамбль песни и пляски был приглашен для участия в концерте для делегатов XVIII Съезда ВКП (б).

Летом 1939 г. ансамбль работал над подготовкой третьей концертной программы. О ее концепции и ходе подготовки рассказали руководители Шахтёрского ансамбля В. Бальшин и З. Дунаевский. Она строилась «на всемерном развитии шахтёрской тематики и театрализации концерта, превращающего песню, танец, музыкальный и речевой номера в единый, целеустремлённый спектакль». К ее подготовке были привлечены известные композиторы, балетмейстеры драматурги, и поэты страны, донецкие поэты [19].

Шахтёрский ансамбль демонстрировал свое искусство в городах Днепропетровске, Харькове, Запорожье, Киеве, Москве, столицах республик СССР.

С началом войны часть ансамбля была призвана в армию. Из числа артистов-добровольцев в июне 1941 г. была создана концертная бригада, которая, получив военное обмундирование, три автомашины, была откомандирована на Южный фронт в район Каховки в кавалерийский корпус генерала Белова [20]. В архиве ансамбля хранится уникальный документ – приказ командующего войсками 18 армии Южного фронта, генерал-лейтенанта А. К. Смирнова об объявлении благодарности «всему составу ансамбля песни и пляски шахтёров Донбасса», датированный 12 сентября 1941 г. «...Боевые песни, прекрасно исполненные пляски, бодряя музыка, дружественные встречи работников искусства с бойцами и командирами воодушевили личный состав частей на ещё большие героические подвиги в борьбе против озверелого германского фашизма...» [21].

Один из первых концертов ансамбля состоялся в начале октября 1941 г. для бойцов и командира 5-й кавалерийской дивизии генерал-майора В. Баранова. Артисты выступали в авиационных и пехотных соединениях Юго-Западного и Закавказского, Второго Украинского фронтов. В связи с новой задачей – обслуживание бойцов и командиров фронта в репертуар вошли песни: «Священная война» А. Александрова, «В бой за Родину» З. Компанейца, «Давай закурим» М. Табачникова. Более 900 концертов дали участники ансамбля на передовой, в перерывах между боями, для раненых, а также для труженников прифронтной полосы. Концерты проходили в сложной обстановке, часто прерываясь артобстрелами [22].

За активную концертную деятельность ансамблю не раз выносили благодарности. Весь состав Шахтёрского ансамбля песни и пляски был награжден медалями «За оборону Кавказа» [23].

В конце июля 1942 г. ансамбль был направлен в г. Прокопьевск Кемеровской области для культурного обслуживания шахтеров Кузбасса и Сибири. Ансамбль давал по 2–3 концерта в день. Для работы на малых площадках артисты делились на 3–4 бригады по 10–12 чел. Нередко бригады давали 5–6 концертов в день.

Осенью 1943 г. после освобождения Донбасса от фашистских захватчиков ансамбль возвращается в г. Сталино, выступает перед трудящимися региона, восстанавливаемыми разрушенными шахты и заводы.

В послевоенные годы Шахтерский ансамбль песни и пляски располагался в г. Сталино на 9-й линии (ныне ул. Челюскинцев, д. 53). Состав Ансамбля увеличился снова до 200 чел. за счет молодежи из кружков художественной самодеятельности. Коллектив много гастролировал по Советскому Союзу: Приднестровье и Поволжье, Кривбасс и Кузбасс, Молдавия и Белоруссия, Баку и Ленинград. В создании хореографических постановок участвовали известные балетмейстеры: П. Вирский, И. Моисеев, Б. Галейзовский, В. Таиров, И. Мессерер и др.

В 1948 г. репертуар ансамбля пополняется «Шахтерским вальсом», ставшим визитной карточкой коллектива (музыка З. Дунаевского, вокал Г. Комова), песней «Говорят у нас в Донбассе» [24].

В феврале 1957 г. Ансамбль был расформирован, но спустя некоторое время восстановлен. Художественным руководителем стал Г. Реутский, музыкальным руководителем – В. Пономаренко, балетмейстером К. Аппак, хормейстером В. Келэп. В 1957 г. июле-августе был набран новый, молодежный состав артистов. Ансамбль теперь назывался «Молодая Гвардия» и базировался в Дружковке. В течение 4-х месяцев готовилась концертная программа, и в середине декабря в Доме культуры им. Ленина шахты «Кочегарка» (Горловка) состоялся первый концерт. Программа включала многочисленные инсценировки на шахтерские темы: «Хоровод и украинская пляска шахтеров», «На комсомольской шахте», песни «Комсомольский уголек», «Спят курганы», «Шахтерочка», «Донецкие припевки». В те же годы на базе ансамбля был снят художественный фильм «Годы молодые», в котором отображались шахтерские будни [25]. Зрители в танцевальных картинках увидели добычу угля в шахте. В фильме впервые прозвучала песню «Рушник» (муз. П. Майбороды, сл. Малышко).

60-90 гг. XX в. Новый этап в деятельности ансамбля начинается с 1959 г., когда он был переименован в Шахтерский ансамбль песни и танца «Донбасс». Художественным руководителем снова стал З. Дунаевский [26], музыкальным руководителем Б. Клейман, балетмейстером был приглашен В. Михайлов, в хоре продолжил свою работу В. Келэп. Коллективом была подготовлена новая программа, которая была представлена в Киеве, Москве, Западной Украине, Белоруссии, Прибалтике, Грузии, Азербайджане, Караганде и Сибири. Программа состояла из четырех обновленных отделений: Донбасс, родина, молодежная тематика, эстрадные номера. Такое построение программы обеспечивало прочный успех ансамбля у любого зрителя.

В апреле 1961 г. ансамбль гастролировал в г. Баку, на «Нефтяных камнях». Выступления прошли с успехом. Ансамбль был отмечен Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Азербайджанской ССР [27].

После ухода на пенсию З. Дунаевского в 1962 г. художественным руководителем становится Анатолий Федорович Ушкарев (1962–1965), выпускник Московской консерватории [28]. Он привлекает к формированию программ ансамбля композиторов Донбасса А. Виленца, Г. Сесиашвили, А. Водовозова, сам пишет для ансамбля.

География выступлений ансамбля «Донбасс» обширна. Он выступает также в Колонном зале Дома Союзов (г. Москва). За большую работу по культурному обслуживанию трудящихся ансамбль награждается почетной грамотой Президиума ВЦСПС (№ 1076 от 17 января 1964 г.) [29].

Для «Донбасса» насыщенным гастролью был 1964 г. Начинается год встречами с трудовыми коллективами родного края. Комитет по радиовещанию и телевидению при Совете Министров УССР 30 августа 1964 г. награждает Шахтерский ансамбль песни и танца за успешную работу в советском радиовещании и телевидении [30].

Акцент в деятельности коллектива сделан на выступлениях перед шахтерами, работниками горнодобывающей отрасли [31]. В ноябре 1964 г. за выступления в г. Караганда (трест «Кисилевуголь»), перед трудящимися Карагандинского угольного бассейна коллектив награждается грамотой.

География творческой деятельности ансамбля расширилась за счет поездок за рубеж. Он выезжает с гастролью в Румынию, Польшу (1967), ГДР (май, 1969). Выступления коллектива освещались в прессе и получили высокую оценку музыкальной и театральной критики. В ходе «Недели Дружбы» городов-побратимов Магдебурга и Донецка ансамбль провел 11 концертов, на которых присутствовало более 25 тыс. зрителей, несколько выступлений перед солдатами и офицерами Группы советских войск в Германии и везде встречал теплый прием и глубокую признательность.

В 1973 г. ансамбль «Донбасс» становится лауреатом фестиваля в Греции.

Коллектив ансамбля постоянно работает над репертуаром. Кроме того, юбилейные и знаменательные даты советской истории и Донбасса отмечались подготовкой новых программ. Так, были подготовлены новая программа ко Дню освобождения Донбасса от фашистских захватчиков, юбилейная программа к 50-летию Советской власти

В 1972–1977 гг. коллектив готовит несколько новых программ, посвященных памятным датам: 50-летию образования СССР, 30-й годовщине освобождения Донбасса; 30-летию со Дня Победы над фашистской Германией. В последнюю вошли специально написанная к этой дате поэма для солиста и хора «Саур-Могила» А. Литвинова и вокально-хореографическая постановка «Колокола Хатыни» (музыка Е. Досенко. Происходит значительное обновление концертной программы. В ней широко представлена шахтерская тематика. Программа была показана в Донецке, Кузбассе и Поволжье. К 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции ансамбль «Донбасс» подготовил новую программу (1977).

Одним из направлений концертной деятельности ансамбля Донбасс, который свято чтит память защитников Отечества, являются встречи с военными. Коллектив неоднократно выступал в военных частях. В июле 1960 г. Шахтерский ансамбль песни и танца выступал с шефским концертом перед воинами Озерновского гарнизона [32].

В ноябре 1967 г. он выступает перед моряками-катерниками в г. Балтийск, Калининградским гарнизоном, в декабре – Лиепайским гарнизоном. Военный Совет дважды Краснознаменного Балтийского флота (г. Калининград) отметил грамотой плодотворную работу по развитию шефских связей шахтеров Донбасса с военными моряками-балтийцами и культурно-художественному обслуживанию личного состава, военных авиаторов, личного состава Высшего Совета [33].

В июле 1969 г. проходят концерты перед военными моряками Рижского гарнизона, авиаторами–балтийцами [34], военными моряками–ракетчиками, моряками-катерниками в Таллинне и Балтийске, Клайпедским гарнизоном, коллективом рабочих и служащих предприятия Министерства обороны СССР (г. Калининград) [35], участвует в празднике ко дню Военно-Морского Флота в Алуштае. В 1971 г. выступление ансамбля было отмечено Дипломом Внутренних войск МВД [36]. С шефскими концертами ансамбль «Донбасс» выезжает в Артемовский (март 1973) и Черновицкий гарнизоны (май 1973), в г. Кронштадт (октябрь 1973).

В декабре 1976 г. коллектив успешно выступил перед жителями г. Катовице (ПНР) в рамках «Неделе Дружбы», провел серию концертов перед группой советских войск в ГДР и на контрольно-пропускном пункте «Брест». В октябре 1981 г. он дает шефский концерт перед военными моряками Краснознаменного Черноморского флота. В 1983 г. с успехом выступает в Звездном городке.

Творческая деятельность ансамбля «Донбасс» неоднократно отмечалась наградами разного уровня.

В сентябре 1966 г. за выдающиеся заслуги в развитии советского искусства Указом Президиума Верховного Совета Украинской ССР, ансамблю было присвоено звание «Заслуженного ансамбля песни и танца УССР «Донбасс» [37].

Так, Дипломом Донецкого обкома комсомола коллективу присуждена областная комсомольская премия им. Артема за создание и постановку музыкально-художественных программ, посвященных жизни и труду горняков, Донецкому краю, молодежи Донбасса [38].

Почетной грамотой Президиума Верховного Совета УССР ансамбль был награжден за заслуги в развитии советского искусства и значительную работу по эстетическому воспитанию трудящихся (январь 1973). В 1974 г. коллектив становится лауреатом областной премии им. Артема, Республиканской премии им. Н. Островского и лауреатом премии ВЛКСМ на фестивале молодых творческих коллективов (Москва).

В связи с 40-летним юбилеем коллектива и с 30-летием Дня шахтера (1977). заслуженный Шахтерский ансамбль песни и танца Украинской ССР «Донбасс» за большую работу по культурному обслуживанию шахтеров Донбасса был награжден знаком «Шахтерская Слава» I-й степени и Почетной грамотой Министерства угольной промышленности СССР и ЦК профсоюза рабочих угольной промышленности [39]. Президиум Верховного Совета УССР наградил коллектив Заслуженного шахтерского ансамбля песни и танца «Донбасс» Почетной грамотой (1977).

В 1979 г. в честь 325-летия воссоединения Украины с Россией ансамбль был награжден Почетной грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР за большой вклад в развитие вокально-хореографического искусства и активное участие в воспитании молодежи (09.02.1979) [40].

За активное участие в движении сторонников мира, пропаганде идей мира и в связи с 50-летием заслуженный Шахтерский ансамбль песни и танца «Донбасс» награжден почетной грамотой Донецкого областного комитета защиты мира (январь 1988 г.) [41].

Признанием успехов, высокого исполнительского мастерства является участие ансамбля «Донбасс» в республиканских и общесоюзных мероприятиях, таких как концерт в Государственном центральном Колонном зале Дома Союзов (1973, Москва), выступление в Кремлевском Дворце съездов (1976, Москва), заключительные мероприятия III фестиваля молодежи Украины (сентябрь 1977). Коллектив ансамбля песни и танца «Донбасс» приглашают для участия в мероприятиях по организации досуга и отдыха граждан в Москве, Сочи. Их работа была отмечена благодарностями Дирекций Парка культуры и отдыха «Сокольники» и Парковой зоны отдыха ВДНХ СССР (август, 1977) [42], Управлением по иностранному туризму Совета Министров РСФСР (октябрь 1978) [43].

Творческий отчет в День шахтера состоялся в Москве, на ВДНХ (31 августа 1980), дирекция ВДНХ выразила свою благодарность в дипломе [44].

В 80-е гг. XX в. получила распространение такая форма культурной деятельности творческих коллективов, как фестиваль. Фестиваль представляет собой

поликультурный диалог, в ходе которого происходит обмен социальным, творческим и духовным опытом, демонстрация достижений в области спорта, искусстве (изобразительном, танцевальном, музыкальном). Как актуальная форма социально-культурной деятельности своего времени они имели не только воспитательное значение, но и выступали способом сохранения исторической памяти и трансляции социокультурных образов в будущее.

Реализовывались различные социальные культурные проекты, в которых принимал участие ансамбль. В 1986 г. Шахтерский ансамбль «Донбасс» принимает участие в фестивале искусств «Дружба народов» (Душанбе) [45], в VI республиканском фестивале советской песни «Донецкие самоцветы», во всеукраинском фестивале «Козацькому роду нема переводу», в сентябре выступает в Большом Царицыне Калмыцкой АССР, Третьем фестивале народного творчества «Шолоховская весна», посвященном 83-й годовщине со дня рождения М. А. Шолохова (май, 1988) [46], проходят концерты перед военными строителями, участниками ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС.

Новый исторический этап в жизни Донбасса начинается в 90-е гг. XX в. Политические трансформации отразились и на деятельности коллектива. Следующим периодом истории ансамбля будет посвящена отдельная статья.

Таким образом, ансамбль песни и танца «Донбасс», созданный в 1937 г., имеет продолжительную и трудную историю. В ней выделяется несколько периодов, которые отражают не только историю Донбасса. Но Ансамбль «Донбасс» тех времен и сегодняшний объединяют единая концепция и идея. За 82 года шахтерский ансамбль сохранил свой стиль и направление деятельности.

В основу ансамбля была положена форма, в которой сочетались и базовое начало – народное творчество, профессионализм художественных руководителей, государственная поддержка, идеологическая направленность. Творчески использованная форма народного художественного коллектива продемонстрировала свою жизнеспособность. Соединение народной хореографии и классического танца оказалось довольно продуктивным в формировании образов, отвечающих духу времени. Успех обеспечивала гибкость в подборе репертуара и создании программ, разнообразие которых обеспечивало интерес широкой аудитории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ляшенко Г. П. Культурное строительство в Донбассе в 1943-1950 гг.: Автореф. дис. канд. истор. наук. Донецк, 1971. – 27 с.;
2. Торба А. В. Культурное строительство в Донбассе в условиях развитого социалистического общества 1959–1970 гг. (На материалах Ворошиловградской и Донецкой областей): Автореф. дис. канд. истор. наук. Киев, 1973. – 38 с.
3. Трубникова Л. С. Культурные процессы в Донбассе в 20-30-е гг. // Новые страницы в истории Донбасса. 1992. Кн. 2. Донецк: Донбас, 1992; Андросова С. Л. Культурні процеси в Донбасі в 20- 30-ті рр. XX ст.: дис. ... канд. іст. наук: 07.00.01. Донецький національний університет. Донецьк, 2010. – 296 с.
4. Анпілогова Т. Ю. Гуманітарна інтелігенція Донбасу в період нової економічної політики (1921-1928 рр.): Автореф. дис... канд. іст. наук: 07.00.01 / Східноукр. нац. ун-т ім. В. Даля. Луганськ, 2006. – 19 с.
5. Фонды ГУК «Донецкий республиканский краеведческий музей» (далее ГУК-ДРКМ). Акт № 1 от 9.01.2017 г.
6. Почётная грамота // Большая советская энциклопедия: [в 30 т.] / гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. Т.20. М: Советская энциклопедия, 1975. – С.451.
7. Постановление Политбюро ЦК ВКП (б) «О перестройке литературно-художественных организаций» 23 апреля 1932 г. // Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП (б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917–1953 / Под ред. А. Н. Яковлева. Сост. А. Н. Артизов,

- О. В. Наумов. – М.: Международный фонд «Демократия», 1999. – С.172–173. – URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/USSR/1932.htm>
8. Слепухин В. В. Концепция нового советского искусства в программных документах и выступлениях: 1918-1930-е гг. // Culture and Civilization. – 2017. – Vol. 7. Is. 4A. – С.828 –835. – URL: <http://publishing-vak.ru/file/archive-culture-2017-4/73-slepukhin.pdf>
 9. Чуев Ф. 140 бесед с Молотовым. Второй после Сталина. – М.: Родина, 2019. – С. 310.
 10. Ансамбли песни и пляски // Большая советская энциклопедия: [в 30 т.] / гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. Т. 2. – М: Советская энциклопедия, 1970. – С.45-46
 11. Лисициан С. С. Танец. Балет. Армянская Советская Социалистическая Республика // Большая советская энциклопедия: [в 30 т.] / гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. Т. 2. – М: Советская энциклопедия, 1970. – С. 246.
 12. Приказ народного комиссара обороны Союза ССР № 4 9 января 1939 г. – URL: <https://virchane.com/voroshilov-prikazal-virskij-prikaz-vypolnil/>
 13. Приказ НКВД СССР № 607 от 09.09.1939 года «О создании ансамбля песни и пляски Центрального клуба НКВД Союза ССР имени Дзержинского». РГВА. Ф, 40600. Оп.1. Д.32.Л.51 – URL: http://lubyanka13.ru/pics/history/prikaz_o_sozdanii_ans_01.jpg;
http://lubyanka13.ru/pics/history/pismo_o_napravlenii_prikaza.jpg
 14. Заслуженный государственный академический ансамбль песни и танца «Донбасс». – Сайт ансамбля: <http://donbassdance.ru>
 15. Социалистический Донбасс. 1938. 17 июня
 16. Дунаевский Зиновий Иосифович (17 (30) XII 1908-1981), один из основателей и музыкальный руководитель шахтёрского Ансамбля песни и танца Донбасса // Музыкальная энциклопедия. В 6 томах/ Гл. ред. Ю. В. Келдыш. Т. 2. М.: Сов. энцикл.: Сов. композитор, 1974. URL: <http://www.musenc.ru/html/d/dunaevskiy.html>. В сентябре 1939 г. З. Дунаевский был назначен художественным руководителем ансамбля песни и пляски Центрального клуба НКВД Союза ССР имени Дзержинского. URL: http://lubyanka13.ru/pics/history/prikaz_o_sozdanii_ans_01.jpg
 17. Подготовка к открытию Дворца культуры угольщиков // Социалистический Донбасс. 1938. 10 января
 18. Ансамбль шахтёрской песни и пляски создан // Социалистический Донбасс. 1938. 17 июня. Были исполнены «Шахтёрский марш» (музыка З. Дунаевского и С. Германова, текст Н. Панова), «Казачья песня», «Песня о Донбассе» (музыка З. Дунаевского, слова В. Хмары). Успех у зрителей имели «Донбасская оборонная» (музыка С. Германова, текст П. Беспощадного) этюд «Нарядная». Основу репертуара составляли песни, танцы, вокально-хореографические композиции, посвященные героям шахтерского труда А. Стаханову, Н. Изотову, П. Кривоносу, М. Мазаю. В программах звучали и произведения мировой классики: хоры П. И. Чайковского, Н. В. Лысенко, Орландо Лассо и др.
 19. Социалистический Донбасс. 1939. 6 июля. В подготовке программы участвовали музыковед В. М. Беляев, композиторы В. А. Макаров, А. Цфасман, Ю. Милютин, К. Листов, М. Бак, балетмейстеры А. Мессерер, Б. Киркгейм, поэты В. Гусев, Ю. Черкасский, А. Фарбер. Драматург К. Финн работал над водевилем на тему о шахтёрском быте. Е. Шатуновский и З. Дунаевский над джаз-опереттой.
 20. Воспоминания участницы коллектива, ветерана ансамбля, балетмейстера Мары Фёдоровны Трубиной.
 21. Шахтёрский ансамбль песни и пляски: тысяча концертов для Победы. URL: <http://donbassdance.ru/artisty-pobedy/109-tysyacha-kontsertov-dlya-pobedy>
 22. Концертмейстер ансамбля (впоследствии преподаватель Донецкого культпросветучилища) Дмитрий Яковлевич Шарков рассказывал, что в зимнюю стужу приходилось играть, не снимая перчаток.
 23. Медали «За оборону Кавказа» вручены 43 работникам Шахтерского Ансамбля Наркомугля. Приказ (указ) о награждении и сопроводительные документы к нему. Акт от: 28.08.1945 URL: <http://podvignaroda.ru/?#id=1533625188&tab=navDetailDocument>
 24. «Говорят у нас в Донбассе» (сл. С.Р. Цванга, муз. З. Дунаевского, другой вариант музыки С. Крапива), запись была выпущена большим тиражом на фабрике грамзаписи. Дата записи: 1949. URL: https://www.russian-records.com/details.php?image_id=36659&l=russian
 25. «Годы молодые» – советский музыкальный фильм. Режиссер А. Мишури. Киностудия им. А. Довженко. 1958). Премьера 9 марта 1959 г. Съёмки проходили также в Мариуполе и Макеевке.
 26. *Текущий архив* Заслуженного государственного академического ансамбля песни и танца «Донбасс». Приказ по Шахтерскому ансамблю песни и танца от 25.04.1959 г. № 47 (о назначении художественным руководителем и главным дирижером З. И. Дунаевского); Приказ по Шахтерскому ансамблю песни и танца от 27 ноября 1962 г. № 118 (об увольнении З.И. Дунаевского).
 27. Фонды ГУК-ДРКМ. ДС_14301.

28. Власенко Л. Первый ректор Астраханской государственной консерватории А.Ф. Ушкарёв (1928–2008) URL: https://astracons.ru/?page_id=4059&page=6.
29. Фонды ГУК-ДРКМ. НВФ № 39526.
30. Фонды ГУК-ДРКМ. НВФ № 39518
31. Ансамбль выступает перед шахтерами Тульской области (Почетная грамота ЦК профсоюза работников угольной промышленности, 19.09.1963), коллективами объединения «Калининуголь» в Калининской области, шахты треста «Осинникуголь» комбината Кузбассуголь, Ингулецкого горнообогатительного комбината, Беловского цинкового завода, Прокопьевского завода «Электроаппарат», Балхашского горнометаллургического комбината, в Солнцевском районе Курской области (май 1964), шахтерами г. Кадиевка (1 марта 1964), перед горняками г. Кимовска, г. Нововолыньск (1965)
32. Фонды ГУК-ДРКМ. НВФ № 39516.
33. Фонды ГУК-ДРКМ. ДС № 14300; ДС № 14319; ДС № 14320.
34. Фонды ГУК-ДРКМ. ДС № 14299.
35. 38 Фонды ГУК-ДРКМ. НВФ № 39528; ДС № 144322.
36. Фонды ГУК-ДРКМ. ДС № 14317.
37. История заслуженного государственного академического ансамбля "Донбасс" URL: <http://donbassdance.ru>; <http://donbassdance.ru/images/history/historiy-019.jpg>
38. Фонды ГУК-ДРКМ. ДС № 14313.
39. Фонды ГУК-ДРКМ. ДС № 14304. Постановление коллегии от 24/VIII 1977г. № 75/ пр 9.
40. Фонды ГУК-ДРКМ. ДС № 14311
41. Фонды ГУК-ДРКМ. ДС № 14305, № 14306
42. Фонды ГУК-ДРКМ. ДС № 14314, 14315.
43. Фонды ГУК-ДРКМ. НВФ № 39520
44. Фонды ГУК-ДРКМ. ДС № 14308
45. Фонды ГУК-ДРКМ. ДС № 14310.
46. Фонды ГУК-ДРКМ. ДС № 14318

Поступила в редакцию 24.07.2020 г.

MINER'S SONG AND DANCE ENSEMBLE AS AN ARTISTIC REALITY OF DONBASS (1937–1990)

S.I. Azarova, L.G. Shepko

The article analyzes a set of documents related to the creation of the Shakhtarsk Song and Dance Ensemble "Donbass" and its existence, traces the stages of its history. The authors show the significant role the ensemble "Donbass" activities played in the social policy of the state and the organization of cultural pastime for the population of the region, all the while preserving a reliable historical cultural picture of the region.

Key words: Shakhtarsk Song and Dance Ensemble, "Donbass", cultural history.

Азарова Светлана Ивановна
старший научный сотрудник,
Донецкий республиканский краеведческий музей.
E-mail: drkm-official@andex.ru

Azarova Svetlana Ivanovna,
Senior Researcher
History Museum in Donetsk.
E-mail: drkm-official@yandex.ru

Шепко Лариса Георгиевна
доктор исторических наук, доцент
профессор кафедры всемирной истории
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
E-mail: ppakra@mail.ru

Shepko Larysa Georgievna
Doctor of History,
Professor of the Department of the World History,
Donetsk National University.
E-mail: ppakra@mail.ru

УДК 327(410+73)"1960/1963"

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ АНГЛО-АМЕРИКАНСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В 1960–1963 гг.

© 2020. Г.С. Дьяченко

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Статья представляет собой попытку дать объективный анализ основных направлений англо-американского сотрудничества в период администрации президента США Джона Кеннеди и правительства британского премьер-министра Г. Макмиллана (1960-1963 гг.).

Ключевые слова: США, Великобритания, «особые отношения», Г. Макмиллан, Джон Кеннеди.

На современном этапе в международных отношениях наблюдаются процессы поляризации, которые начинают приобретать масштабы, схожие с периодом «холодной войны». В связи с этим, актуальным представляется исследование «особых отношений» между Великобританией и Соединенными Штатами с целью определения их значения для международной политики в 60-е гг. XX в.

Цель статьи – дать объективный анализ основных направлений англо-американского сотрудничества в период администрации президента США Джона Кеннеди и правительства британского премьер-министра Г. Макмиллана (1960–1963 гг.). Данная цель подразумевает решение следующих задач:

- определить факторы, оказывавшие влияние на развитие англо-американского сотрудничества в 1960-1963 гг.;
- изучить особенности внешнеполитического курса Соединенных Штатов Америки и Великобритании в начале 1960-х гг.;
- рассмотреть влияние личных взаимоотношений между лидерами США и Великобритании на характер сотрудничества между странами;
- определить основные направления военно-политического сотрудничества США и Великобритании в 1960-1963 гг.

Источниковую базу статьи составляют официальные государственные документы (издание Foreign Relations of the United States (FRUS), документы личного происхождения, мемуары, дневники и личная переписка первых лиц США и Великобритании).

В отечественной историографии отдельные аспекты англо-американских отношений в указанный период исследовались в работах Н. Л. Яковенко [1], О. Г. Лекаренко [2]. Анализу внешней политики Великобритании после Суэцкого кризиса 1956 года посвящены работы Д. Маклэйна [3], А. Лебедева [4], Г. Колосова [5]. В зарубежной историографии проблема взаимоотношений США и Великобритании рассматривалась в трудах Дж. Бэйлиса [6], С. Эллис [7].

После Суэцкого кризиса 1956 года началом нового этапа англо-американского сотрудничества в ядерной сфере стала встреча Д. Эйзенхауэра и Г. Макмиллана в Кэмп-Дэвиде 28-29 марта 1960 года. В ходе переговоров стороны пришли к договоренности о продаже Великобритании американских ракет «Skybolt», которые должны были стать основой английских ядерных сил, т. к. усилия Г. Макмиллана, направленные на создание системы «сдерживания», оказались неудачными. Британская ракета «Blue Streak» в конце 1959 года не прошла испытания, и британские ученые прекратили работу над её усовершенствованием [8].

Г. Макмиллан обещал предоставить военно-морскую базу на территории Великобритании для американских атомных подводных лодок с ракетами «Polaris». Переговоры между правительствами США и Великобритании по поводу технических и политических аспектов дислокации американских подводных лодок на Британских островах продолжались около 10 месяцев. В ноябре 1960 года Г. Макмиллан заявил, что база для подводных лодок США будет создана в шотландском заливе Холи-Лох в 46 км от Глазго, и что первая американская подводная лодка прибудет в английские воды в марте следующего года [9].

Не менее важным проявлением «особых отношений» оставалось сотрудничество в разведывательной сфере. Инцидент с американским самолетом-разведчиком «U-2», сбитым советским ПВО в воздушном пространстве СССР за две недели до запланированного на май 1960 года саммита глав государств Большой четверки (США, Великобритании, Франции и СССР), перечеркнул усилия Г. Макмиллана, направленные на урегулирование проблем в отношениях между лидерами биполярного мира. Срыв саммита британский премьер-министр воспринял как личную неудачу и в личном дневнике признался, что британцы также неоднократно совершали разведывательные полеты над территорией СССР на американских самолетах. Эти операции назывались «Oldster», но были прекращены по приказу Г. Макмиллана в связи с приближением столь важного саммита [10, Р. 226].

16 мая 1960 г. в Париже Г. Макмиллан заверил Д. Эйзенхауэра, что Великобритания остается на стороне США, и срыв саммита не повлияет на англо-американский союз. По словам британского премьер-министра, большая часть разведывательной работы была общей, и случилась неприятность, что американцы, после стольких успешных операций, потерпели неудачу [10, Р. 228].

В ноябре 1960 года на выборах президента США победил Джон Ф. Кеннеди. Г. Макмиллан написал Д. Эйзенхауэру, что продолжит работать на благо англо-американских отношений с его преемником [11]. Разногласия по поводу того, как бороться с нестабильностью в Лаосе, омрачили первую встречу Г. Макмиллана и Дж. Кеннеди, но это не помешало развитию их дружбы. Только в 1961 году лидеры встретились четыре раза. На протяжении 1961–1963 гг. состоялось семь встреч американского президента и британского премьер-министра, во время которых стороны достигли тесной координации взаимных усилий по наиболее важным проблемам европейской и мировой политики.

Другим значимым политиком на личном уровне был Дэвид Ормсби-Гор, посол Великобритании в Вашингтоне, который являлся давним другом Дж. Кеннеди и имел привилегированный доступ к нему. Деятельность Д. Ормсби-Гора в должности посла значительно способствовала развитию англо-американских отношений в начале 1960-х годов.

Первая встреча Г. Макмиллана и Дж. Кеннеди на Бермудских островах положила начало формированию тесных личных взаимоотношений между лидерами. Дж. Кеннеди удалось заручиться поддержкой британского премьер-министра относительно урегулирования ситуации в Лаосе. Г. Макмиллан обещал предоставить военную поддержку США в случае интервенции Северного Вьетнама против прозападного правительства Лаоса.

В апреле 1961 года состоялась встреча Г. Макмиллана и Дж. Кеннеди в Вашингтоне, результатом которой стало согласие американской администрации с намерениями Лондона присоединиться к ЕЭС. С политической точки зрения, членство Лондона в ЕЭС должно было позволить ему влиять и направлять деятельность

организации в выгодное для США русло. Против приема Великобритании в ЕЭС выступал президент Франции Ш. де Голль из-за ее «особых отношений» с Вашингтоном, считая, что на протяжении истории Великобритания не считала себя европейской державой, а напоминала, скорее, придаток к американской внешней политике [12]. В связи с этим, Г. Макмиллан просил помощи США в урегулировании проблемы присоединения к «объединенной Европе». Президент США обещал своему британскому коллеге обсудить вопрос вступления Великобритании в ЕЭС на встрече с Ш. де Голлем в Париже в конце мая того же года. Отдельно лидеры двух стран рассматривали вопрос о политике в отношении СССР. Обе стороны отметили трудности, с которыми шли переговоры об ограничении ядерных испытаний в Женеве. Дж. Кеннеди заявил о намерении проводить сдержанную политику в отношении СССР с целью постепенно нормализовать двусторонние отношения. Г. Макмиллан полагал, что на тот момент было трудно оценить настроения и намерения Н. С. Хрущева, который в 1959 г. явно был настроен на разрядку [13].

Позже, во время переговоров с французским лидером Дж. Кеннеди выразил надежду на то, что «Общий рынок» превратится в мощное политическое и экономическое сообщество, но отметил, что максимально реализовать свой потенциал он сможет лишь при условии членства Великобритании. Но Ш. де Голль оставался на своих позициях, выражая сомнения относительно желания Лондона получить полное членство в ЕЭС. Тем не менее, 31 июля 1961 года Г. Макмиллан сделал официальное заявление о намерениях Великобритании присоединиться к «Общему рынку». Свою позицию он объяснял особым положением Великобритании, её расположением на пересечении Европы, Америки и Содружества наций. Сближение Лондона с ЕЭС должно было усилить как Великобританию, так и ЕЭС. Этот шаг Г. Макмиллан назвал «поворотным моментом» в истории Англии [14], но из-за вето, наложенного Францией, которая считала Великобританию слишком связанной с США, чтобы стать полноценным участником европейской интеграции, планы британского премьер-министра не удалось реализовать.

США и Великобритания продолжали активное сотрудничество в ядерной сфере, занимая общую позицию в вопросе об испытаниях ядерного оружия. На встрече Кеннеди и Макмиллана на Бермудских островах в декабре 1961 года было согласовано, что США будут способствовать британским подземным испытаниям ядерного оружия в штате Невада, а Великобритания предоставит остров Рождества в Тихом океане для американских испытаний в атмосфере [15].

Размещение советских ядерных ракет на Кубе в октябре 1962 года стало для США политическим вызовом. Отсутствие решительного ответа могло вызвать серьезные внутривнутриполитические проблемы. Советник президента США по национальной безопасности М. Банди заявил, что европейский взгляд на Карибский кризис будет другим, потому что интересы Европы не были задеты, и поэтому было бы неразумно вовлекать американских партнеров по НАТО в процесс принятия решения о том, как реагировать на кризис [16].

Это открывало возможность для одной стороны Атлантического альянса вовлечь другую сторону в полномасштабный ядерный конфликт ради интересов, которые другая сторона не считает жизненно важными. Из этого следовал вывод: обе стороны должны иметь возможность самостоятельно применять ядерное оружие для защиты своих интересов в одностороннем порядке.

Карибский кризис в конце октября стал бесспорным доказательством британской лояльности к США и доказательством «особых отношений». Некоторые

ученые указывают, что Г. Макмиллан и посол Великобритании Д. Ормсби-Гор были де-факто членами исполнительного комитета старших военных, дипломатических и политических советников, созданного президентом США для разрешения Карибского кризиса [17]. С 21 по 28 октября Дж. Кеннеди и Г. Макмиллан консультировались между собой и вели переговоры. Г. Макмиллан заверил президента Дж. Кеннеди, что Великобритания предоставит всю возможную помощь США в Совете Безопасности ООН. Британский премьер-министр обратился с личным письмом к М. Хрущеву с призывом выполнить требование американской администрации по поводу вывода советских ракет с Кубы. Успех политики Вашингтона в решении Карибского кризиса во многом обязан поддержке Лондона. Несмотря на некоторые закулисные разногласия относительно способов урегулирования кризиса, британцы выступили единым фронтом с правительством США, высказавшись за вывод советских ракет с Кубы без каких-либо сделок. Американские ядерные силы, дислоцированные в Великобритании, находились в состоянии повышенной готовности, как и британские Королевские военно-воздушные силы, и баллистические ракеты среднего радиуса действия PGM-17 Thor.

Администрация Дж. Кеннеди под руководством министра обороны Р. Макнамары разработала новую концепцию ракетно-ядерной войны. Президент Кеннеди и Р. Макнамара отклонили концепцию «массированного возмездия» и приняли концепцию «гибкого реагирования». Главной причиной замены одной стратегии другой явилось резкое изменение соотношения возможностей США и Советского Союза по ведению ядерной войны. В сложившейся обстановке, когда Советский Союз добился огромных успехов в развитии ракетно-ядерного оружия, Американский континент оказался в сфере досягаемости советских межконтинентальных баллистических ракет. Массированное применение ядерного оружия Соединенными Штатами Америки по территории Советского Союза могло повлечь за собой сокрушающий ответный удар советских ракетно-ядерных сил по территории США. Таким образом, стратегия «массированного возмездия» оказалась в новых условиях несостоятельной и была заменена стратегией «гибкого реагирования» [18].

Возобновление англо-американского сотрудничества в ядерной сфере не обошлось без проблем. В 1962 году возник кризис из-за покупки Великобританией баллистических ракет «Skybolt». Дело «Skybolt» стало настолько серьезным, что его сравнили с Суэцким кризисом. Если бы Дж. Кеннеди и Г. Макмиллан не были близкими друзьями, этот кризис, возможно, мог бы нанести долгосрочный ущерб англо-американским отношениям. К концу 1962 года у проекта «Skybolt» возникли бюджетные и технические проблемы, и министр обороны Р. Макнамара решил прекратить дальнейшее инвестирование в разработку реактивных ракет. Согласно англо-американскому соглашению 1960 года, Великобритания должна была получить ракеты «Skybolt» для переоснащения своих бомбардировщиков «Вулкан-II». Американской и британской прессе стало известно о намерениях США прекратить разработку ракет еще до официальной встречи министров обороны Р. Макнамары и П. Торникрофта, что осложнило их переговоры 11 декабря 1962 года. Р. Макнамара видел в отмене проекта также оправдание ограничению или даже прекращению действия независимой системы сдерживания Великобритании и убеждал Лондон объединить свое оружие с многосторонними ядерными силами Запада под командованием США.

Для Великобритании угроза отмены проекта «Skybolt» имела серьезные последствия, тем более, что в стране уже назревала внутреннеполитическая ситуация, вызванная экономическими трудностями, проблемами с подачей заявления в ЕЭС и перестановкой в кабинете министров. В этих условиях дальнейшие трудности,

вызванные ближайшим союзником Великобритании, могли стать фатальными для правительства Г. Макмиллана. На встрече британского премьер-министра с Дж. Кеннеди в Нассау в конце декабря 1962 года недоразумение между союзниками было разрешено с помощью замены ракет «Skybolt» ракетами «Polaris», боеголовки для которых британцы могли производить самостоятельно [19]. Соглашение было сочтено выгодным для Великобритании в финансовом плане, поскольку Лондон должен был оплатить только 5 процентов затрат на разработку плюс производство. Дж. Кеннеди предполагал, что эти ракеты будут использованы в многосторонних силах Организации Североатлантического договора. Сделка в Нассау подтвердила мнение генерала Шарля де Голля о том, что Великобритания станет «троянским конем» для Европы, если ей будет разрешено войти в Европейское экономическое сообщество.

Соглашение закрепило особые ядерные отношения между Великобританией и США, но в последующие годы стало ясно, что его значение для Великобритании было гораздо более существенным, чем для США. Одной из целей Великобритании с 1940-х годов и начала ее независимой ядерной программы было сохранение своего присутствия в числе сверхдержав. В 1963 году Великобритания сыграла важную роль в заключении Договора о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой, но это был последний раз, когда Великобритания была участником саммита такого уровня. Арсеналы СССР и США настолько превосходили британские, что в общем стратегическом балансе ее силы стали незначительными.

После отставки Г. Макмиллана премьер-министром Великобритании стал бывший министр иностранных дел А. Дуглас-Хьюм, чья кандидатура удовлетворяла требования Вашингтона. Д. Ормсби-Гор сообщал в Лондон, что любое другое назначение на эту должность могло оказать негативное влияние на англо-американские отношения [10, P. 556].

В октябре 1964 года в результате победы на парламентских выборах в Великобритании к власти пришли лейбористы во главе с Г. Вильсоном. Отношения между новым премьер-министром Великобритании и новым президентом США Л. Джонсоном не были настолько близкими, как между их предшественниками, что сказывалось на развитии англо-американских отношений.

Таким образом, в 1960–1963 гг. англо-американские отношения развивались под влиянием мировых политических процессов. В условиях «холодной войны» основными сферами сотрудничества США и Великобритании оставались ядерная, разведывательная и военная. Благодаря усилиям британского правительства во главе с Г. Макмилланом в начале 1960-х гг. Лондону удалось возобновить «особые отношения» с Вашингтоном после Суэцкого кризиса 1956 г. Англо-американское сотрудничество эффективно развивалось благодаря дружественным отношениям между лидерами двух государств. Тем не менее, «особые отношения» характеризовались асимметричной зависимостью, т. к. США играли ведущую роль, а Великобритания нуждалась в военной и экономической поддержке. Основой для «особых отношений» оставалась общность политических идеологий двух стран, а также взаимовыгодное сотрудничество в военной и ядерной сферах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Яковенко Н. «Особливі відносини» як визначальний фактор британської ролі в Північноатлантичному альянсі / Н. Яковенко // Актуальні проблеми міжнародних відносин. Випуск 111 (Частина I), 2012. – С. 12-23.

2. Лекаренко О. Г. Решение правительства Г. Макмиллана о вступлении Великобритании в ЕЭС в контексте «особых» американско-британских отношений / О. Г. Лекаренко // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2011. – Т. 10. – Вып. 10. – С. 136-140.
3. Маклэйн Д. Внешняя политика Англии после Суэца / Д. Маклэйн. – М.: Прогресс, 1972. – 461 с.
4. Лебедев А. Очерки Британской внешней политики (60-80-е годы) / А. Лебедев. – М., 1988. – 304 с.
5. Колосов Г. В. Военно-политический курс Англии в Европе / Г. В. Колосов. – М., 1984. – 240 с.
6. Baylis J. Anglo-American defence relations, 1939-1984 / J. Baylis. – London: THE MACMILLAN PRESS LTD, 1984. – 290 p.
7. Ellis S. Historical dictionary of Anglo-American relations / Sylvia Ellis. P. cm. – (Historical dictionaries of U.S. diplomacy ; no. 10) Includes bibliographical references. – The Scarecrow Press, Inc., 2009. – 345 p.
8. The Cold War 1945-1991. Leaders and Other Important Figures in the United States and Western Europe / Ed. By V. Frankel. – Detroit; Washington, D. C.; London, 1992. – Vol. 1. – P. 319.
9. Красильников А. Н. Внешняя политика Англии и лейбористская партия (1951-1964) / А. Н. Красильников. – М., 1968. – С. 113.
10. Horne A. Harold Macmillan. Volume II: 1957-1986 / A. Horne. – N. Y., 1991. – P. 226.
11. Macmillan H. Pointing the Way / H. Macmillan. – Macmillan, London, 1972. – 284 p.
12. The Cold War 1945-1991. Leaders and Other Important Figures in the United States and Western Europe / Ed. By V. Frankel. – Detroit; Washington, D. C.; London, 1992. – Vol. 1. – P. 183.
13. Горелова Л. Проблема Западного Берлина в политике правительства Г. Макмиллана (1958-1961 гг.). / Л. Горелова // Международные отношения. – 2019. – № 4. – С. 10-13.
14. Лебедев А. Очерки Британской внешней политики (60-80-е годы) / А. Лебедев. – М., 1988. – С. 20.
15. Дипломатический словарь: В 3 т. – М., 1984. – Т. 1. – С. 28.
16. Trachtenberg M. White House Tapes and Minutes of the Cuban Missile Crisis // International Security, 10 (1985). – 179 p.
17. Ellis S. Historical dictionary of Anglo-American relations / Sylvia Ellis. P. cm. – (Historical dictionaries of U.S. diplomacy ; no. 10) – P. 90.
18. Хозин И. Стратегия «гибкого реагирования» (По взглядам военных специалистов НАТО) / И. Хозин // Зарубежное военное обозрение. – 1977. – № 4. – С. 3–10.
19. The Nassau Agreement. Statement on Nuclear Defence Systems. December 21, 1962.

Поступила в редакцию 12.09.2020 г.

THE MAIN DIRECTIONS OF ANGLO-AMERICAN COOPERATION IN 1960–1963

G. S. Dyachenko

The article is an attempt to give an objective analysis of the main directions of Anglo-American cooperation during the administration of US President John F. Kennedy and the government of British Prime Minister H. Macmillan (1960-1963).

Key words: the USA, United Kingdom, special relationship, H. Macmillan, John F. Kennedy.

Дьяченко Галина Сергеевна

Аспирант кафедры всемирной истории
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
E-mail: g.dyachenko@donnu.ru

Dyachenko Galina Sergeevna

Postgraduate student of the Department of World History,
SEI HPE “Donetsk National University”
E-mail: g.dyachenko@donnu.ru

УДК 347.156(55)"1960/1970"

**ОСОБЕННОСТИ ПОЛОЖЕНИЯ ЖЕНЩИН В ИРАНЕ В 1960–1970-е гг.:
ПО ВОСПОМИНАНИЯМ АШРАФА АХМЕДЗЯНОВА**

© 2020. *В.Б. Ищенко, В.В. Разумный*
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье, опираясь на воспоминания советского журналиста А. У. Ахмедзянова, дана характеристика противоречивым тенденциям правового и общественного положения женщин в Иране, затронут вопрос о женщинах племен шахсевенов и луров, о последовательницах зороастризма.

Ключевые слова: Иран, Пехлеви, женщины, революция, эмансипация

В течение XX века положение женщин в Иране кардинально менялось. Революции и реформы, затронувшие основы социального и экономического устройства, не могли не отразиться на жизни иранских женщин. Отдельного внимания в данном случае заслуживает период «белой революции».

После того, как меджлис заблокировал проект аграрной реформы в 1961 году, шах Мохаммед Реза Пехлеви решил формировать новое правительство. Формирование нового кабинета было поручено Али Амине, одному из крупнейших помещиков Ирана, стороннику модернизации в аграрной сфере. Новый политический курс опирался на аграрную реформу и комплекс мер, направленных на ликвидацию кризиса 1959–1960 гг., повышение жизненного уровня населения, борьбу с коррупцией [1, с. 376].

Первые проекты реформ были вынесены на всеобщий референдум в январе 1963 г. и получили одобрение. Но последний закон, который предусматривал уравнение женщин в избирательных правах с мужчинами, вызвал особенное сопротивление духовенства [1, с. 377-378].

В воспоминаниях Ашрафа Ахмедзянова отражены противоречивые тенденции относительно «женского вопроса» в период 1960–1970-х гг. Учитывая то, что в отечественной историографии вопрос о положении женщин в периоды реформ и в постреформенный раскрыт недостаточно полным образом, данный источник представляет собой интерес для анализа указанной проблемы. Среди зарубежных работ данной тематики следует отметить исследования Хамиде Седгхи [2], Лиоры Хендельман-Баавур [3] и Хушанг Фархуджаста [7].

Таким образом, объектом данного исследования выступают воспоминания А.У. Ахмедзянова, предметом – отражение в них положения женщин. Цель состоит в том, чтобы определить, опираясь на сведения автора, особенности положения женщин в Иране в период после «белой революции» и накануне исламской революции. Данная цель подразумевает решение следующих задач: 1) отразить особенности правового положения женщин в целом; 2) охарактеризовать положение женщин-представительниц национальных и религиозных меньшинств; 3) проследить изменения, произошедшие в жизни женщин после «белой революции».

Ашраф Усманович Ахмедзянов (1927–1986) после окончания Московского университета в 1956 году работал научным сотрудником Института востоковедения Академии наук СССР, в 1963-1968 гг. являлся сотрудником журнала «Азия и Африка сегодня». В период с 1968 по 1973 гг. находился в качестве собственного корреспондента ТАСС в Иране [4].

«Как и в большинстве стран мусульманского Востока, женщина в Иране занимает особое положение. Как правило, в иранском обществе вопрос о женщине обходили, делали вид, что его не существует. Вы могли со своим знакомым говорить о чем угодно, кроме темы о его жене или дочери», – писал А. Ахмедзянов [5, с. 109-110].

Пытаясь ослабить влияние консервативных религиозных нравов и обычаев, шахское правительство поставило женскую эмансипацию одной из задач «белой революции». Автор отмечает, что «в городах, где процент грамотности был выше, что-то удалось сделать, то в селе мало что изменилось» [5, с. 110].

Согласно статистическим данным, которые приводит Хамиде Седghi, наблюдался следующий рост уровня грамотности женского населения: почти с 8 % в 1956 году – до 17,4 % в 1966 году и до 26,3 % в 1971 году. Однако многие женщины не смогли получить образование, особенно в сельской местности, из-за физического труда, домашней работы и родов, заболеваний, вызванных ранней и многоплодной беременностью [3, р. 121].

Программа шахской «революции» также включала оказание бесплатной помощи (медицинской и т. п.) беременным женщинам [6, с. 404]. Весной 1972 года во время кампании за сокращение рождаемости А. У. Ахмедзянов отправился вместе с бригадой врачей в Муганскую степь к шахсевенским племенам, чтобы познакомиться с жизнью шахсевенов [5, с. 110].

«Прямо за стойбищем было собрано все взрослое население племени – женщины и мужчины. Врач стал рассказывать о важности для экономики страны, семьи и здоровья женщины ограничения рождаемости. Выступление врача вызвало у женщин оживленную реакцию. Одна из них даже выступила в «прениях» и рассказала под гул одобрения женской части собрания о тяжелом состоянии здоровья своих подруг, большинство из которых не знает, что такое хотя бы один год не быть беременной», – вспоминает А. У. Ахмедзянов [5, с. 110].

Когда медики стали раздавать шахсевенским женщинам противозачаточные пилюли, мужчины были категорически против того, чтобы их жены принимали средства, раздаваемые мужчинами-врачами. Но после того как поняли, что против властей им ничего не сделать, отобрали у жен пилюли и стали сами принимать их. Когда мужчины разошлись, женщины окружили медиков и стали просить новые пилюли. Но когда врачи предложили сразу же принять их, женщины удивились, ведь «жалко глотать такие красивые пилюли, мы лучше из них бусы сделаем» [5, с. 110].

Востоковед А. У. Ахмедзянов делает вывод о том, что «в земледельческих районах, в деревнях, жизнь женщин недоступна взгляду постороннего. Она скрыта за забором и зорко охраняется обычаями. Но в кочевых племенах женщина более свободна» [5, с. 110].

Вместе с группой советских специалистов, задействованных в строительстве элеватора, в апреле 1977 года А. У. Ахмедзянов поехал в Боруджерд. «Время это совпало с весенней перекочевкой лурских племен. Племя передвигалось вдоль шоссе. На некотором отдалении от шоссе двигались отары овец, подгоняемые чабанами и их верными помощниками – злобными черными курдскими овчарками. Ближе к дороге, вдоль нее, по бесчисленным протоптанным тропинкам двигались верблюды, груженные домашним скарбом, ослы, на которых из перекладных сум высывались забавные мордашки новорожденных ягнят. И вдруг я обратил внимание на женщин, которые, согнувшись, несли на спинах какие-то деревянные сооружения. Я остановил машину и подошел к кочевникам. Тут я разглядел: за спиной женщин были тяжелые деревянные люльки с грудными детьми. Я обратился к молодой матери, страдальческое

лицо которой, покрытое крупными каплями пота, выглядывало из-под тяжелой плетеной шерстяной лямки, охватывающей ее лоб. Я спросил, почему она не погрузит люльку на осла. За нее вопросом на вопрос ответил старик: – А на чем мы повезем новорожденных ягнят? А если они помрут? Чем мы будем жить тогда? А это женщины, – продолжал он, – и до них матери так же носили своих детей, и ничего с ними не случилось. И эти поносят. Дети же свои, не чужие, а своя ноша легче», – вспоминает автор [5, с. 110-111].

А. У. Ахмедзянов приводит данные о том, что в Иране, по переписи 1976 года, на 17,5 млн. мужчин приходилось 16,5 млн. женщин. Происходило это оттого, что рождение в семье дочери рассматривалось почти как несчастье, по крайней мере, радости не вызывало. Поэтому когда в семье были мальчик и девочка, то главное внимание обращалось на мальчика, продолжателя рода, помощника отцу. Ему отдавались лучшая еда, лучшая одежда. Если он заболел, то, при возможности, его и к врачу могли отнести. С детских лет мальчик чувствовал свое превосходство над женщиной [5, с. 111].

И совсем другим было отношение к девочке. Считалось, что она в семье лишний рот. Когда вырастет – уйдет в чужой дом, за ней еще и приданое надо давать. Поэтому и обращение с ней было соответственным. Смерть заболевшей девочки не воспринималась как большое горе. Как правило, отец скорее ради приличия говорил: «На все воля Аллаха. Аллах дал, Аллах взял» [5, с. 111].

«Доля женщины в иранском обществе была тяжелой, – пишет А. У. Ахмедзянов. «Среди моих иранских друзей был один, в дом которого я ходил чаще, чем к другим. Звали его Али Мехрджу. Он работал в библиотеке, сам обладал коллекцией редких книг по истории Ирана, и я пользовался ими. Мои визиты не обходились без того, чтобы не попить чаю, не съесть халвы, сушеных фруктов и других сладостей. Нас всегда обслуживала женщина, лица которой я так никогда и не увидел. Она появлялась незаметно, молча ставила перед нами чай и сладости и исчезала. Только по телефону, когда Али не было дома, она брала трубку, и я слышал молодой и приятный голос. Однажды, нарушая персидский этикет, я спросил у Али, а кто она такая, кем она ему приходится и почему она не вступает в разговор? И Али рассказал мне печальную историю. – Она моя младшая сестра, – начал он. – Была замужем, имела двоих сыновей, но муж увлекся другой женщиной и развелся с ней. У нас это просто. Достаточно мужчине сказать трижды «Талак, талак, талак» и занести это в книгу регистрации в мечети, как его жена уже является разведенной. Она лишается всего: имущества, которое было нажито совместно, личных вещей и даже украшений, принесенных в дом мужа, если в момент произнесения мужем этих роковых слов на ней этих украшений не было. Она лишается права на своих детей, если они старше трех лет. В случае, когда младший не достиг этого возраста, ребенок оставался с матерью, но потом отец все равно забирает его к себе. Разведенная женщина несет на себе печать общественного презрения. Исключительно редко она вторично выходит замуж, как правило, за человека физически неполноценного – хромого, косоного или страдающего каким-нибудь другим недугом. После развода женщина или возвращается к родителям, если они есть, становясь объектом постоянных родительских упреков, или идет к братьям или сестрам. Отныне ее место только на кухне, отныне ее удел – это пределы дома и самая черная работа. Она не имеет права выходить на улицу ради развлечения, не имеет права наряжаться, садиться за общий стол, когда в доме гости. – Вот вы, европейцы, удивляетесь тем, что у нас очень редки разводы – на каждую тысячу браков, по статистике, приходится в деревне 3 развода, а в городе – 16. Но это же не от хорошей

жизни, – в сердцах вскричал Али. – Если бы вас допустили в семьи, то даже среди образованных слоев общества, среди людей с достатком вы увидели бы страшные драмы и трагедии, происходящие из-за бесправия женщины, из-за того, что она лишена права на развод и на своих детей», – вспоминает автор [5, с. 111-113].

В 1973 году меджлис утвердил «Закон о защите семьи». Но даже женщины очень богатых и известных родителей не найдут защиту под этим законом. Ее сживут со света за неуважение к обычаям родители, родственники и соседи. Только удалившись за границу, если, конечно, на это есть средства, женщина может себя защитить. Муллы и ахунды жестко держат в своих руках все матримониальные дела в деревне. В городе отношение к женщине начинает постепенно меняться [5, с. 113].

Горожанки, входившие в различные женские организации, активно боролись за свои права, и им кое-что удалось сделать: разводы стали производиться не по шариату (троекратным произнесением слова «талак»), а через суд, по решению которого женщина получала право на своего ребенка и на часть имущества [5, с. 113].

Необходимо отметить, что в период «белой революции» в Иране существовали различные женские организации, находившиеся под покровительством государства. Официальное женское движение в рассматриваемый период возглавляла принцесса Ашраф Пехлеви. Коалиция «Женские организации Ирана» была образована в 1966 году, когда уже существующие 55 женских организаций объединились под главенством принцессы. Коалиция женских организаций создала курсы по обучению грамоте, профессиональному обучению, уходу за детьми, планированию семьи и профориентации в городских центрах и некоторых провинциальных городах. Также организация повлияла на принятие закона о защите семьи 1975 года, который установил минимальный возраст для вступления в брак от 15 до 18 лет для женщин и от 18 до 20 лет для мужчин. Закон предоставил женщинам равные права на подачу ходатайств о разводе в семейные суды. Матерям было разрешено опекунство над детьми (такие дела передавались под юрисдикцию судов по защите семьи). Кроме того, были попытки ограничить многоженство – требовалось согласие первой жены. Организация содействовала разрушению некоторых традиционных и юридических барьеров на пути трудоустройства женщин [8].

«Но после свержения династии Пехлеви и установления Исламской Республики Иран власть ахундов окрепла, они отменили все прежние законы, защищавшие интересы и права женщин, и восстановили полностью шариат, по законам которого в современном Иране строится вся гражданская жизнь. Женщины лишились даже тех минимальных прав, которыми они обладали. Вновь введено обязательное ношение женщинами чадры или специального покрывала. На женскую половину дома опять имеют право заходить из мужчин только сыновья, муж, отец и братья. Парфюмерные магазины закрылись, закутанной в чадру иранке разрешено пользоваться лишь туалетным мылом, вся остальная косметика категорически запрещена» – сообщает автор [5, с. 113].

А. У. Ахмедзянов отмечает, что иранские женщины по-разному относятся к глобальной исламизации всех сторон жизни иранского общества. Имеются сторонницы традиционного положения женщины в семье и в обществе, часть женщин вынуждена мириться с восстановлением неравноправия полов, другая – пытается отстаивать завоеванные женщиной права. Во всяком случае, реставрация шариата и некоторых старых традиций в Иране – процесс болезненный [5, с. 113].

В 1980 году, после падения шахской монархии, автор посетил Йезд – важный центр зороастризма в Иране. Из 150 тысяч жителей этого города зороастрийцы

составляли около 8 тысяч [5, с. 74]. А. У. Ахмедзянов пишет, что на улицах зороастрийских кварталов города много женщин. Они не носят чадора и не закрывают лица от взглядов посторонних мужчин. Вот как он описывает последовательниц зороастризма: «Зороастрийки – не затворницы и не чураются общения с посторонними. Женщины одеваются просто, но цветасто: на голове ярко расцветенная шаль, короткое до колен платье из цветной ткани и широкие шаровары, стянутые у щиколотки шнуром» [5, с. 76].

В доме зороастрийской семьи автора встретила «пожилая женщина с печальным лицом, на котором... отразились все невзгоды этого маленького народа». Ее сын женился на мусульманке. Когда родился мальчик, родители невестки без согласия отца ребенка тайно обратили мальчика в ислам [5, с. 77].

Зороастрийская молодежь сетовала: «при шахском режиме мы пользовались относительным равноправием... С победой исламской революции наступили иные времена... Нас притесняют, вынуждают к отказу от своей религии... Фанатики из партии Хезболла выкрадывают наших девушек, бесчестят, вынуждают выходить замуж за мусульман». Ему также рассказывали, что традиция требует от зороастрийцев браков внутри общины, в которой все с той или иной мере приходится друг другу родственниками, что отрицательно влияет на здоровье детей [5, с. 83].

Таким образом, государственная политика 1960–1970-е гг. характеризовалась стремлением расширить политические, экономические и социальные права женщин. Однако реализация многочисленных проектов находила отпор со стороны консервативных слоев общества. Наименее эффективными оказались реформы в деревне. Тенденции вестернизации и секуляризации проявились именно в городской среде. Частные примеры, которые приводит А. У. Ахмедзянов, свидетельствуют о том, что изменения слабо укоренились в консервативной среде.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. История Востока: В 6 т./ гл. редкол.: Р.Б. Рыбаков (пред.) и др.: Ин-т востоковедения РАН. – М.: Вост. лит., 1995. Т. 6: Восток в новейший период (1945-2000 гг.) / отв. ред. В. Я. Белокреницкий, В. В. Наумкин. – 1095 с.
2. Ахмедзянов Ашраф Усманович // Татарская энциклопедия (Онлайн – энциклопедия Tatarica) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tatarica.org/ru/razdely/sredstva-massovoj-informacii/personalii/ahmedzyanov-ashraf-usmanovich>.
3. Sedghi, Hamideh. Women and politics in Iran. – Veiling, Unveiling, and Reveiling. Cambridge University Press, 2007.
4. Hendelman-Baavur, Liora. Creating the Modern Iranian Woman: Popular Culture between Two Revolutions. – Cambridge University Press, 2019.
5. Ахмедзянов А. У. Иран, каким я его видел. Записки журналиста. 1968-1978 гг. – М.: «Известия», 1990. 208 с.
6. Алиев, С. М. История Ирана. XX век / Алиев Салех Мамедоглы; Рос. акад. наук. Ин-т востоковедения. – М.: Ин-т востоковедения РАН: Крафт+, 2004. – 648 с.
7. Хушанг Фархуджаста. Семья в Иране (Ханавада). – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2009. – 192 с. (Iranica).
8. FEMINIST MOVEMENTS iii. IN THE Pahlavi PERIOD// Encyclopedia Iranica. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iranicaonline.org/articles/feminist-movements-iii>.

Поступила в редакцию 10.09.2020 г.

WOMEN IN IRAN IN THE 1960-1970S: BY THE MEMOIRS OF ASHRAF AKHMEDZYANOV

V. B. Ishchenko, V. V. Razumnyi

The article deals with problem of the status of women based on the memoirs of the Soviet journalist A.U. Akhmedzyanov. The contradictory trends of legal and social features are described. The issue of women of the Shahseven and Lur tribes, and Zoroastrian followers also considered.

Key words: Iran, Pahlavi, women, revolution, emancipation

Ищенко Валентина Борисовна

Студентка 2 курса ОП «Магистратура»
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
E-mail: ivfoch@gmail.com.

Ishchenko Valentina Borisovna

2-nd year magistrate student
SEI HPE «Donetsk National University»
E-mail: ivfoch@gmail.com.

Разумный Виталий Витальевич

Кандидат исторических наук, доцент.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
E-mail: v.razumnyi@donnu.ru.

Razumnyi Vitalii Vilatyevich

Candidate of History, Docent.
SCE HPE «Donetsk National University».
E-mail: v.razumnyi@donnu.ru.

УДК 94:327.8

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ ЕС НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ В 2002–2014 гг.

© 2020. *Л.Ю. Медовкина, Д.С. Лавриненко*
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В представленной статье проводится анализ нескольких направлений геополитики Европейского Союза: в отношении стран Восточной Европы, азиатских государств, а также государств, чьи внешнеполитические устремления сосредоточены на присоединении к Европейскому Союзу. Также в статье упоминается базис, на котором строит свою геополитику Европейский Союз, и методы применения данных оснований в отношении рассматриваемых географических пространств.

Ключевые слова: геополитика ЕС, Восточное партнерство, стратегия ЕС, европейские ценности, евроинтеграция.

Учитывая современную мирополитическую обстановку, отрицать роль Европейского союза (далее – ЕС, Евросоюз) в глобальной геополитике становится невозможным. Данная организация, которая уже несколько десятилетий является центром интеграционных процессов в Европе, демонстрирует, что она обладает большим международным влиянием. С конца XX века (особенно после Лиссабонского саммита) ЕС определенно стал одним из главных геополитических центров притяжения.

С тех пор связанные с интеграцией процессы стали более заметными. Во-первых, следует отметить, что ЕС – международная организация с высоким уровнем влияния на международные отношения. Цели, которые были поставлены ею как таковые, автоматически конкурируют с ведущими мировыми державами – США, Россией и Китаем [1, р. 1]. Хотя США являются естественным союзником Европы, у последней однозначно имеются определенные геополитические интересы. Следовательно, целью данной статьи является рассмотреть геополитические устремления ЕС на постсоветском пространстве, на азиатском пространстве, а также на государства, которые стремятся стать частью большой Европы.

Исследованием данного вопроса занимались как отечественные, так и зарубежные авторы. Среди отечественных следует обозначить С. И. Астахову [2, с. 89-94], А. А. Бурханову [3, с. 92-100], Н. К. Арбатова [4], которые изучали геополитику ЕС на центрально-азиатском направлении; весомый вклад в изучение геополитики ЕС на восточном направлении внесли исследования А. А. Сергунина [5, с. 205-210], Е. И. Пономарева и Л. Н. Шишелина [6]; изучение вопросов взаимодействия ЕС с Украиной, Молдовой и Грузией, в данной статье, в основном, опирается на такие интернет источники как Euractiv [14], Eucam [11, 13], European Union [10], Независимая газета [4] и т.д.

В основе изучения геополитики ЕС вышеуказанными учеными лежит рассмотрение первооснов европейской геополитической мысли. Определяя основания европейской геополитики и ее общий геополитический вектор развития, очевидно, что ЕС обладает достаточными возможностями, чтобы представлять себя в качестве глобальной силы. В целом, следует отметить, что ЕС обладает лидерскими функциями в следующих трех областях [7, с. 72-85]. Во-первых, организация обладает достаточно высоким экономическим потенциалом. Во-вторых, Европа имеет колоссальное

культурное и культурно-идеологическое влияние. В этом смысле не случайно центральное место в деятельности организации занимает концепция «европейских ценностей». В основе этого слова лежит кантовская парадигма международных отношений. И. Кант отдавал в этом плане приоритет крайне либеральным ценностям. Взяв эту позицию за основу, ЕС дает широкое толкование данным европейским ценностям, придавая им различные оттенки. Среди них, мирное урегулирование споров, уважение политических и гражданских прав, обеспечение основных свобод и уважение прав национальных меньшинств занимают особое место. Понятие «европейские ценности» включает и другие факторы, такие как обеспечение экономической и политической стабильности на основе социальной солидарности, создание среды, основанной на безопасности и дружбе. Говоря о «европейских ценностях», английский исследователь Дж. Линдли писал: «Сущность Европы как центра власти, воплощенного в лице Европейского Союза, состоит в ее моральности» [2]. Следует отметить, что данный принцип является центральной и во внешней политике организации. Данная геополитическая позиция имеет как положительные, так и отрицательные стороны. Что демонстрирует ситуация на Ближнем Востоке и в Украине [8].

В-третьих, возможность военного и политического влияния. Эксперты отмечают, что среди стран-членов ЕС есть сильные армии. Среди них Франция и Англия обладают ядерным оружием, а Германия традиционно является страной с мощной военной системой. В настоящее время организация насчитывает 29 стран, что означает наращивание ее потенциала в этом направлении. В принципе, благодаря своему военно-политическому потенциалу ЕС может играть определенную роль в глобальной геополитической мощи.

Эти три основания – экономический потенциал, военная сила и идеология – являются фундаментом европейской геополитической мысли. Именно этим арсеналом средств располагает ЕС в распространении своего влияния. Вместе с тем, следует отметить, что особенностью геополитики ЕС является её стремление к приобретению авторитета не с помощью «жесткой» силы, а с помощью таких инструментов, как договоры, соглашения и законодательные инициативы, которые связывают государства общими правилами. Такого рода геополитическое влияние действует в достаточно длительных временных масштабах и направлено на демократическое восстановление мира, а не на достижение краткосрочных тактических успехов. Отталкиваясь от таких основ, европейская политическая элита выстраивает свои отношения с государствами-лимитрофами, азиатскими государствами и теми странами, чьи амбиции заключены в присоединении к данной организации.

В отношении государств бывшего Советского Союза, следует отметить, что целостное внешнеполитическое направление ЕС с постсоветскими государствами начало выстраиваться лишь в 2002–2004 гг., когда была разработана и введена в действие Европейская политика соседства (далее – ЕПС), [9] которая подразумевала сотрудничество с постсоветскими странами региона и странами Средиземноморья. Вместе с тем, следует отметить, что основа для диалога между ЕС и постсоветскими странами была заложена в 1990-е годы соглашениями о партнерстве и сотрудничестве (СПС), однако на тот момент это внешнеполитическое направление не было приоритетным для Брюсселя. Только в контексте расширения границ ЕС, после принятия новых членов в 2004 и 2007 годах, данное направление получило все более значительный статус.

В дальнейшем Европейский Союз все более активизировал свою политику в отношении постсоветского пространства, которое в начале двадцатых годов третьего

тысячелетия стало зоной конкуренции между Москвой и Брюсселем. Все же следует заметить, что к настоящему моменту ЕС пока не удалось существенно увеличить свое влияние в регионе, главным образом, из-за просчетов в формулировании и реализации европейской политики соседства, а также за счет новых внешнеполитических инициатив ЕС, таких как Восточное партнерство. Однако в любом случае попытки ЕС усилить свое влияние на постсоветском пространстве будут продолжаться.

Как и в 1990 году, ЕС и в новом тысячелетии окончательно не определился с форматом и целями сотрудничества с постсоветскими государствами. Актуальной остается лишь идея укрепления позиций ЕС в регионе и расширения его присутствия. Однако неопределенность позиций ЕС относительно целей на макроуровне, не дает оснований говорить об отсутствии долгосрочной программы отношений на постсоветском пространстве. В частности, принятие «Плана действий» в рамках ЕПС представляет собой определенный набор реформ.

В качестве примера отсутствия единых взглядов на развитие отношений со странами региона является тот факт, что изначально положения ЕПС не должно было распространяться на республики Закавказья. Это произошло только после революционных событий в Грузии, и представляло из себя реакцию Запада. Общего решения не было выработано и после «оранжевой революции» в Украине. Между членами ЕС возникли острые разногласия по поводу вступления Украины в ЕС. Так, например, Европейский парламент, Польша, Литва и Венгрия поддерживали евроинтеграцию Украины, тогда как Европейская комиссия, Германия и Франция выступали категорически против. Не наблюдается общих точек соприкосновения между членами ЕС и в развитии отношений с Беларусью. Необходимость демократизации режима Лукашенко очевидна для всех государств-членов ЕС, но Германия и Швеция поддержали расширение контактов с белорусской оппозицией и правительством, в то время как представители Великобритании и Нидерландов настаивали на ужесточении санкций против Минска.

ЕС также демонстрирует свою отстраненность в решении конфликтов на Кавказе и в Приднестровье в одиночку, предпочитая действовать под эгидой Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе или Совета Европы. В этом плане посредничество президента Франции в связи с эскалацией конфликта в Южной Осетии в августе 2008 года является скорее исключением из правил. Отчетливо просматривается, что в миротворческих усилиях лидеры государств-членов ЕС обычно больше заботятся о национальном имидже, чем об успехе и геополитическом престиже ЕС в целом.

Очевидно, что Восточная Европа в восприятии Брюсселя остается довольно беспокойным регионом, что требует постоянных усилий в рамках демократизации, поскольку даже такие государства-члены ЕС, как Венгрия, Польша и Чехия, определяются Брюсселем как страны, не соответствующие демократическим стандартам. Более того, демаркационные линии, проведенные членами ЕС между собой и Брюсселем путем отказа от компромиссов по некоторым вопросам – в частности, по вопросу миграционных квот, – свидетельствуют о стагнации интеграционного движения в целом. Действительно, миграционный кризис обозначил определенные политические границы внутри ЕС. Например, страны, которые недавно вступили в ЕС, считают, что их голосование вообще ничего не значит. В то же время западноевропейские страны традиционно скептически относятся к требованиям своих «новых партнеров».

Очевидно, что основной целью Стратегии ЕС в рамках Восточного партнерства является более тесная работа с неактивными государствами в этом процессе и,

следовательно, сосредоточение внимания на проектах, связанных с Беларусью. Это тем более верно, что к скорому времени Восточное партнерство должно реализовать 20 ключевых положений, касающихся прав человека, гражданского общества, средств массовой информации и управления. С этой целью двустороннее сотрудничество осуществляется в рамках так называемых многосторонних площадок для диалога между парламентариями, гражданским обществом, членами правительства, деловыми кругами и их представителями из Европейского союза с акцентом на диалог с гражданским обществом. В этом контексте можно ожидать значительного увеличения числа гуманитарных программ и проектов в рамках Восточного партнерства в ближайшее время.

В отличие от восточноевропейских государств, ЕС заинтересовался Центральной Азией довольно поздно по ряду причин. Прежде всего, начало данной заинтересованности отслеживается со времен эскалации конфликта в Афганистане и активизация участия членов ЕС под давлением США в политике Вашингтона в этом регионе. Кроме того, с 2005 по 2006 год Евросоюз начал активно диверсифицировать импортируемые на свою территорию энергоресурсы, опять же под давлением Вашингтона, главные устремления которого сосредоточились на ограничении влияния России на страны центрально-азиатского региона и на энергетический рынок ЕС. В результате ЕС начал проявлять большую заинтересованность казахской нефтью и туркменским природным газом. Кроме того, ЕС сконцентрировал свое внимание в Центральной Азии главным образом по причине своей собственной экспансии, которая приблизила его физические границы к региону [10].

В этой связи ЕС уделяет приоритетное значение инфраструктуре и проектам в этой области, таким как ТРАСЕКА (транспортный коридор Европа-Кавказ-Азия), который призван соединить Китай, Центральную Азию и Европу [11].

Что касается вопросов политической и региональной безопасности, то Евросоюз давно решил ограничить свое участие в регионе, используя «вспомогательные механизмы» в поддержку политики Вашингтона по формированию прозападной элиты и ограничению влияния России и Китая в Центральной Азии и Афганистане. Однако именно поэтому «демократизация по западному образцу» остается приоритетом для ЕС в Центральной Азии, а также оказание негласной поддержки всем радикальным националистическим и либеральным организациям региона. К тому же, Соединенные Штаты довольно активно участвуют в подобных процессах в Центральной Азии, что еще больше побуждает Евросоюз действовать именно там.

Геополитическая стратегия сотрудничества Европейского сообщества со странами Центральной Азии, принятая в 2007 году, принесла свои плоды в развитие нормативных документов, однако беспорядки 2005 года в Андижане продемонстрировали отсутствие единой политики ЕС в этом регионе [12]. Бюрократизм, присущий сотрудничеству между ЕС и Центральной Азией, был очевиден: многие программы не были реализованы из-за нежелания ЕС вкладывать какие-либо средства в страны региона. Эта стратегия остается инструментом ЕС в продвижении своих интересов в регионе, что очевидно для правительств и народов центрально-азиатских государств.

Для достижения своих политических и экономических целей ЕС активно использовал подход «публичной дипломатии», создав ряд европейских неправительственных организаций (НПО), таких как Amnesty international, Фонд Фридриха Эберта, Transparency International, Фонд Конрада Аденауэра, Институт Гете, Фонд Ханнса Зайделя и другие. Следовательно, геополитика Евросоюза в основном

проявляется через его геокультуру и направлена на подрыв влияния России и насаждение вместо этого своего влияния, независимо от того, какие названия давались этим программам и как их сопроводительная речь согласовывалась с Россией.

Кроме того, турне по Центральной Азии, которое Федерика Могерини, представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности, завершила в июле 2019 года, и ее участие в 15-й встрече министров иностранных дел ЕС и Центральной Азии, состоявшейся в Бишкеке, было признаком намерения ЕС попытаться продвинуть свою стратегию, которая была принята Советом ЕС 17 июня 2019 года. В новой геостратегии ЕС особое внимание уделяет торгово-экономическому сотрудничеству, всеобъемлющей программе безопасности и развитию сотрудничества со странами региона и внутри них. Также ЕС планирует укрепить сотрудничество между Центральной Азией и Афганистаном, и демонстрирует готовность считаться с участием стран Центральной Азии в других интеграционных инициативах (включая Евразийский экономический союз и проект «Один пояс, один путь»). ЕС с большим энтузиазмом смотрит на перспективы этого регионального сотрудничества, развитию энергетической безопасности и созданию нового регионального сотрудничества, благоприятного инвестиционного климата и совместное решение экологических проблем.

Однако вышеупомянутые планы были встречены в регионе с осторожным оптимизмом, поскольку страны Центральной Азии и ЕС всегда имели разные цели и программы. Представленный ЕС документ, излагая новую геостратегию Евросоюза, еще раз демонстрирует, что внешняя политика ЕС изначально формировалась в собственных интересах, поскольку неточность формулировок и отсутствие заявлений по этому вопросу очень бросаются в глаза. Следовательно, Европейский Союз предпочитает, чтобы страны этого региона решали все имеющиеся вопросы либо сами, либо с помощью внешних игроков: Москвы, Пекина и, в некоторой степени, Вашингтона, в то время как Брюссель займет позицию стороннего наблюдателя [13].

Одновременно ЕС отчетливо демонстрирует все большую заинтересованность в развитии отношений с некоторыми странами региона. Например, в последнее время особое внимание уделяется совершенствованию сотрудничества с Туркменистаном и Кыргызстаном. Европейский Союз остается одним из главных торговых партнеров Туркменистана. Согласно статистике ЕС, их двусторонний товарооборот в 2018 году оценивался примерно в 700 миллионов евро. Решение ЕС усилить свое присутствие в этой стране путем создания полноценного представительства в 2019 году знаменует собой кульминацию двусторонних отношений и ясно показывает заинтересованность Европейского Союза в укреплении сотрудничества с Туркменистаном. Более того, ЕС и Туркменистан работают над рамочным соглашением о поставках туркменского газа в Европу и уже подписано двустороннее соглашение по ядерной энергетике. Следует отметить, что европейские политики, которые всегда призывали центрально-азиатские государства придерживаться ключевых европейских принципов, то есть защищать права человека и продвигать демократию, обращались только к политической риторике и, по-видимому, игнорировали любые нарушения в государстве, чтобы извлечь выгоду из сотрудничества с ним.

Поскольку Европейский Союз не считает Центрально-Азиатский регион приоритетным в области торговли и инвестиций, он обычно связывает свое экономическое участие с программами помощи в целях развития. В этом смысле ЕС может быть полезным партнером в создании рабочих мест для стран Центральной Азии с целью сокращения трудовой миграции или стимулирования местной трансграничной торговли [14].

Но, пожалуй, самый ценный вклад, который Европа может внести в развитие Центральной Азии касается области образования. ЕС активно участвует в высшем образовании через программу «Erasmus+», а также осуществляет особую региональную образовательную инициативу, направленную именно на Центральную Азию. Образование считается приоритетной отраслью в развитии сотрудничества с Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном и Туркменистаном.

Таким образом, сегодня большинство региональных аналитиков склонны считать, что роль обновленной Стратегии ЕС в содействии устойчивому развитию Центральной Азии явно преувеличена брюссельскими пропагандистами. В любом случае это будет прежде всего инструмент продвижения интересов самого Евросоюза в регионе, а также реализация вашингтонского политического заказа, направленного на облегчение отделения этого региона от России и Китая всеми возможными средствами.

Следовательно, страны, находящиеся в поле геополитической заинтересованности ЕС, постоянно будут подвержены всевозможным трансформациям и перестановкам сил. В стремлении реализовать свои геополитические амбиции, ЕС уделяет особое внимание таким государствам как Украина, Грузия и Молдова, которые находятся на пересечении геополитических интересов России и США. Европейские элиты все чаще переосмысливают свое прежнее недоверие по отношению к Молдове и Грузии, рассматривая их как реальную возможность нормативного сближения с этими государствами. Вильнюсский саммит является основным показателем способности и готовности ЕС действовать эффективно и вносить свой вклад в формирование будущего Восточной Европы и Южного Кавказа [15].

Основной инструмент воздействия ЕС на политику рассматриваемых государств состоит в увеличении финансовой и технической помощи Молдове, Украине и Грузии. Кроме того, восточное партнерство продемонстрировало готовность ЕС нарушить статус-кво, который Россия пытается сохранить вокруг этих государств. Это касается в основном замороженных конфликтов. Содействие реинтеграции Молдовы и Приднестровья является частью долгосрочных планов ЕС для стран Восточного партнерства. По мнению еврокомиссара Штефана Фюле, глубокая и всеобъемлющая зона свободной торговли (ЗСТ) является хорошей основой для реинтеграции Молдовы и Приднестровья, вместе с тем участие в этом режиме Приднестровья может иметь негативные экономические последствия. Та же логика применима и к Грузии, которая стремится воспользоваться экономическими выгодами от вступления в Углублённую и всеобъемлющую зону свободной торговли (УВЗСТ), распространив их действия на отколовшиеся территории – Абхазию и Южную Осетию, создавая тем самым условия для воссоединения страны.

Таким образом, Брюссель затеял геополитическую борьбу с Россией, не имея при этом достаточной военной мощи или меркантилистской силы. Понимание геополитики ЕС отличается от традиционных геополитических подходов и более тесно связано с так называемой «критической геополитикой». Эта школа считает, что геополитика всегда имела значение, но вместо борьбы с «грубой силой» борьба происходит между идентичностями. В этой трактовке геополитика заключается, прежде всего, в переосмыслении географических идентичностей и аргументов в пользу признания принадлежности к тому или иному геополитическому пространству. Другими словами, это больше выбор, чем критический геополитический контроль. Например, изменения в сторону концепции Центральной Европы, ранее понимаемого как Восточная Европа, могут быть интерпретированы именно в рамках этой концепции. На данный момент ЕС хочет продолжить эту тенденцию и пытается приблизить своих восточных соседей к основам европейского регулирующего порядка.

Если на Украине постепенно растет число евроскептиков из-за развала госучреждений и социально-экономического кризиса, а в Грузии по итогам парламентских выборов в законодательный орган была избрана коалиция, настроенная против России, то ситуация в Молдове пошла куда дальше. Игорь Додон, лидер Социалистической партии, ярый критик проевропейского курса и сторонник восстановления статических отношений с Москвой, победил на последних президентских выборах. Он не только выиграл выборы, но и заявил, что первым делом совершит серию визитов в Москву, определив тем самым главный вектор будущей внешней политики Кишинева.

Многие были искренне удивлены тем, что в Молдове, которую в ЕС приводили в качестве «истории успеха» евроинтеграции и политика которой осуществлялась под внешним контролем Брюсселя, восприятие евроинтеграции настолько усугубилось и пропорционально этому возросли пророссийские настроения, что люди проголосовали за Додона и маятник повернулся в сторону России. «Выборы показали, что пресловутая «история успеха» – ложь. Красивые картинки, слова и помпезные визиты сопровождались безудержной коррупцией, произвольной властью, отсутствием реальных реформ и постоянным падением уровня жизни населения. Молдавские граждане откровенно устали от этого», – заявляет молдавский политолог Николай Цветков [15]. Это красочное описание ситуации в Молдове очень похоже на современные украинские реалии. Однако по причине наличия значительных проевропейских настроений в Молдове (за проевропейского кандидата проголосовало более 40% населения) президент вряд ли получит право сделать резкий поворот в сторону России, что существенно ослабит позиции Запада.

Следовательно, проблема промежуточного цикла в процессе геополитического выбора для таких стран, как Молдова, Грузия, Армения и Украина, связана с тем, что эти относительно новые политические образования слишком сильно вовлечены во внешнюю политику. В течение многих лет власти этих стран не могли выйти из положения постоянного выбора между Россией и Западом. Вместо минимальной работы по внутреннему строительству, укрепления своих государственных институтов и экономики государств всеми возможными внешними ресурсами, элиты этих стран представляли себя игроками на мировой политической арене, способными делать расчеты и принимать решения. В своей внешней политике элиты некоторых постсоветских стран ставят слишком глобальные цели, которые не соответствуют их весу и порой действуют активнее, чем страны с фундаментальной историей и внешнеполитическими традициями. Такая импульсивная и недальновидная политика просто смехотворна. Достаточно вспомнить Михаила Саакашвили во главе власти в Грузии и результаты, к которым он привел свою страну.

Поэтому не стоит удивляться, что в странах Восточного партнерства реализация реформ в европейском стиле осуществляется по схеме «один шаг вперед и два шага назад». Реформы на данном геополитическом пространстве проводятся за счет финансирования ЕС и с такой ставкой, как будто это необходимо европейцам, а не им самим. Это признак того, что перед местными элитами вообще не стоит задача развития собственной страны. На торг под ярлыком «интеграции» выносятся геополитический вектор управляемой ЕС территории [16, с. 205-210]. В странах, лидеры которых живут в цикле постоянных геополитических выборов, задачи укрепления государства и обеспечения экономического развития уходит на второй план, и в итоге побеждают популизм, пропаганда и демагогия. Таким образом, эти страны приходят к цветным революциям и прочим потрясениям.

Таким образом, приходим к убеждению, что способность ЕС формировать свою идентичность геополитическим образом ограничена рядом факторов. Во-первых,

стратегия ЕС по-прежнему базируется на «позитивных стимулах», на которые Москва в большинстве своем не способна дать адекватный ответ «негативными стимулами». Более того, в то время как предложения ЕС политически мотивированы и могут принести плоды только в долгосрочной перспективе, «негативные стимулы» России в сочетании с предложением некоторых прагматических преимуществ оказывают немедленное влияние.

Во-вторых, переход ЕС к геополитике остается структурно незавершенным. В большинстве случаев Брюссель избегает принятия жестких политических решений по поводу адаптации к авторитарным и коррумпированным правительствам или введении санкций против них за несоответствие европейским стандартам [17, с. 162-168]. В результате Киев и Ереван, а не Брюссель, начали приостанавливать переговоры по соглашению об ассоциации. Решение не закрывать дверь для Украины, принятое под влиянием Прибалтики и Польши, оставляет окончательное решение за Киевом.

В-третьих, важность проекта геополитического проекта ЕС понимается в государствах-членах ЕС по-разному. В частности, есть заметные различия между «максималистами», которые склонны к евроцентрическому видению Большой Европы, и «прагматиками», которые могут, например, признать, что потеря Приднестровья является приемлемой потерей европеизации Молдовы, или что признание нынешней ситуации в Косово является условием для интеграции Сербии в ЕС.

Анализ вышеобозначенного дает возможность убедиться, что различия в восприятии Восточного партнерства выявили концептуальное несоответствие между европейскими и российскими интеграционными проектами. На риторическом уровне Кремль принимает старый европейский нарратив «Европа от Лиссабона до Владивостока», но заменяет его первоначальное содержание, основанное на универсальности европейских стандартов, плохо концептуализированной идеей двух интеграционных проектов, которые будут объединены в будущем. В настоящее время политика России по привлечению в Таможенный союз таких стран, как Вьетнам и Сирия, отражает ее намерение не только диверсифицировать экономические отношения, но и создать экономический противовес для ЕС.

Это заставляет специалистов по международным отношениям пересмотреть некоторые свои представления о так называемых перспективах свободы маневра, которые постколониальный миропорядок дал малым государствам, географически расположенных среди крупных держав [18, с. 43-52].

На основании всего вышеизложенного можно отметить следующие особенности геополитики ЕС на евразийском пространстве. В отношении геополитической стратегии ЕС на постсоветском пространстве, следует отметить, что развитие евразийской интеграции изменяет конфигурацию отношений между Россией и ЕС, существенно усложняя их. Если ранее существовало два уровня отношений: Россия – национальные государства, являющиеся членами ЕС, и Россия – Европейский Союз в целом, то сейчас есть дополнительные уровни: ЕС – Таможенный союз и ЕАЭС, отдельные члены ЕС – Таможенный союз. Негативный сценарий развития отношений между Европейским Союзом и Таможенным союзом (далее – ТС) предполагает отсутствие взаимодействия между интеграционными группами, жесткую борьбу за влияние на постсоветском пространстве и, как следствие, необходимость выбора между проектами ЕС или ТС для стран этого региона. Такая перспектива объективно не будет способствовать позитивному развитию отношений между заинтересованными сторонами. Альтернативой конкуренции могло бы стать создание крупной зоны свободной торговли, основанной на правилах ВТО и интеграции ЕС и стран евразийской интеграции. Основные направления Стратегии ЕС в Азии вытекают

из Глобальной Стратегии ЕС. Основные приоритеты Стратегии – оборона и безопасность, повышение устойчивости и интегрированный подход, укрепление внутренних и внешних взаимосвязей, обновление действующих стратегий и подготовка новых, укрепление механизмов общественной дипломатии. Исходя из данных пунктов стратегии, главная цель европейской политики состоит в расширении потребительского рынка Европейского Союза. Из-за системного внутреннего кризиса (финансового, еврозоны и иммиграции) и игнорирования геополитических реалий Брюссель не в состоянии наладить конструктивные и выгодные отношения со своими соседями, которые все чаще разочаровываются в преимуществах евроинтеграции. Таким образом, между Западной Европой и Россией образовалась обширная «серая зона» новой мировой периферии, грозящая стать очередным эпицентром глобального конфликта. Следовательно, можно констатировать, что геополитический вектор ЕС на евразийском пространстве направлен против какого-либо ощутимого влияния России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. [A Secure Europe in a Better World: European Security Strategy](#). Adopted at the European Council meeting in Brussels, December 12, 2003. – P. 1
2. Julian Lindley-French. [The ties that bind](#) / «NATO Review». – 2003. – № 3.
3. Бурханова А. А. Проблемы и перспективы политики Европейского союза в Центральной Азии глазами казахстанских экспертов // Казахстан в глобальных процессах. – 2007. – № 1. – С. 92-100.
4. Геополитическая Еврокомиссия 2019–2024: новая стратегия, старые вызовы // www.ng.ru. – URL: http://www.ng.ru/dipkurer/2019-11-24/9_7734_europe.html (дата обращения: 05.01.2020).
5. Садыкова Р.О. Партнерство ЕС и Центральной Азии на современном этапе: предпосылки и динамика // Вестник Казахского национального университета. – 2016. – № 7. – С. 25-34.
6. Панфилова В.Б. Новая стратегия ЕС для Центральной Азии // Независимая газета. 29.03.2007.
7. Астахова С. И. Молдавия в ожидании перемен // Россия и новые государства Евразии. – 2012. – № 1. – С. 89-94.
8. Mustafa Kutlay. [AB-nin Arap Bahari Perspektifi: Eski Paradigmanın Devamı](#) / USAK, «Analist». – 2013. – № 28.
9. Patten C., Solana H. Joint letter on Wider Europe by Commissioner Chris Patten and High Representative Solana, 2002, 8 August.
10. Документ «ЕС и Центральная Азия: стратегия нового партнерства» от 2007 года // eeas.europa.eu. URL: http://eeas.europa.eu/archives/docs/central_asia/docs/2010_strategy_eu_centralasia_ru.pdf (дата обращения: 05.01.2020).
11. Боонстра Й., Ляруэль М. Сотрудничество ЕС и США в Центральной Азии: параллели пересекаются в бесконечности? // eucentralasia.eu. – URL: <https://eucentralasia.eu/ru/2013/07/eu-us-cooperation-in-central-asia-parallel-lines-meet-in-infinity-ru/> (дата обращения: 25.01.2020).
12. Панфилова В.Б. Новая стратегия ЕС для Центральной Азии // Независимая газета. 29.03.2007.
13. Боонстра Й. Пересматривая подход ЕС к Центральной Азии. // eucentralasia.eu. URL: <https://eucentralasia.eu/ru/2015/02/reviewing-the-eus-approach-to-central-asia-ru/> (дата обращения: 25.01.2020).
14. Готев Г. ЕС разработает новую стратегию по Центральной Азии до конца 2019 года. // euractiv.com. URL: <https://www.euractiv.com/section/central-asia/news/brussels-ministerial-paves-the-way-to-launching-eu-central-asia-strategy/> (дата обращения: 25.01.2020).
15. Беликова Ю.В., Бовдунов А.Л. Молдавия – Румыния: перспективы сближения // Проблемы национальной стратегии. – 2011. – № 2. – С. 70-86.
16. Сергунин А.А. Восточное партнерство: вызов российской дипломатии в Восточной Европе // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и между-нар. коммуникации. – 2010. – № 1. – С. 205-210.
17. Турсунмуратов Т.М. Политико-правовые основы внешнеполитической деятельности Европейского Союза в регионе Центральной Азии // Вестник Волжского государственного университета. – 2017. – № 4. – С. 162-168.
18. Фокина Л. Молдова на перепутье между ЕС и ТС // Россия и новые государства Евразии. – 2013. – № 2. – С. 43-52.

Поступила в редакцию 29.09.2020 г.

EU GEOPOLITICAL INTERESTS IN EURASIAN SPACE: 2002–2014

The article presents an analysis of several areas of geopolitics of the European Union: in relation to countries of Eastern Europe, Asian countries, and also states whose foreign policy aspirations are focused on joining the European Union. The article also mentions the basis on which the European Union builds its geopolitics, and the methods of applying these bases in relation to the geographic spaces under consideration.

Key words: EU geopolitics, Eastern Partnership, EU strategy, European values, European integration.

Медовкина Лина Юрьевна

Кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры международных отношений и
внешней политики исторического факультета
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
E-mail: MedovkinaL@gmail.com

Medovkina Lina Yurievna

Candidate of historical sciences, associate Professor.
Department of international relations and foreign
policy, faculty of history,
SEI HPE «Donetsk National University».
E-mail: MedovkinaL@gmail.com

Лавриненко Дарья Сергеевна

Аспирант кафедры международных отношений и
внешней политики ГОУ ВПО «Донецкий
национальный университет».
E-mail: daria.lavrinenko@gmail.com

Lavrynenko Darya Sergeevna

Postgraduate student of the Department of international
relations and foreign policy, faculty of history
SEI HPE «Donetsk National University»
E-mail: daria.lavrinenko@gmail.com

УДК 94:327(47+57)+(475)“1944/1945”

ПОМОЩЬ СОВЕТСКОГО СОЮЗА В ВОССТАНОВЛЕНИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА ПОЛЬСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В 1944–1945 гг.

© 2020. М.С. Нога

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье на основе архивных и опубликованных документов рассмотрены основные направления помощи, оказанной СССР Польской Республике в сельскохозяйственной сфере в 1944–1945 гг. Проанализированы виды, объемы и значение предоставленной помощи, а так же механизмы ее передачи и распределения.

Ключевые слова: сельское хозяйство, Временное правительство Польской Республики, Государственный Комитет Оборона СССР, Штаб тыла Красной Армии.

Восстановление сельского хозяйства в странах, прошедших через немецко-фашистскую оккупацию, являлась одной из первоочередных задач государств Восточной Европы после освобождения, так как это непосредственно связано с другой жизненно важной задачей – обеспечением продовольствием населения своих территорий.

Оценка роли и значения помощи Советского Союза в послевоенном восстановлении Польши вызывает массу споров в отечественной и зарубежной историографии. В этом ряду советско-польские отношения занимают особое место. На современном этапе освобождение страны солдатами советской армии все чаще называют «оккупацией» Польши, забывая какое количество товаров и ресурсов было направлено для послевоенного восстановления освобожденных польских территорий.

Целью автора является определение размеров помощи в сельскохозяйственной сфере, оказанной советским военным командованием и частями советской армии населению Польской Республике с августа 1944 г. по 31 декабря 1945 г., а также механизмы передачи и распределения данной помощи.

Вопросы помощи СССР Польше являются «белыми пятнами» истории советско-польских отношений после 1944 г. и в отечественной историографии изучены недостаточно.

Изучением истории советско-польских отношений после Второй мировой войны занимались такие авторы как В.С. Парсаданова [1] и А.М. Орехов [2]. В своей монографии, посвященной становлению и развитию межгосударственных отношений между СССР и послевоенной Польшей, В.С. Парсаданова обращается к малоизученным страницам истории сотрудничества двух стран. Однако основное внимание в данной работе уделяется помощи в восстановлении промышленности и транспортной сферы, а вопрос восстановления сельского хозяйства представлен неполными данными о помощи, которая была оказана 1-м Белорусским фронтом [1]. В монографии А.М. Орехова, опубликованной в 2017 году и посвященной истории экономических отношений Советского Союза и Польской Народной Республики после Второй мировой войны, в числе прочего, проанализирована помощь, которая была оказана СССР Польше с 1944 г. Однако основное внимание автор уделяет продовольственной помощи, помощи товарами первой необходимости и помощи в сфере промышленности и кредитования польской экономики [2].

В 2017 году Центральным архивом Министерства обороны РФ был опубликован ряд рассекреченных документов, касающихся безвозмездной помощи, оказанной

Советским Союзом Польской Республике на завершающем этапе Второй мировой войны [3–10]. Данные архивные документы позволяют по-новому оценить значение помощи советского военного командования на освобожденных польских территориях.

В июле 1944 г. началось освобождение советскими войсками Польши – одной из наиболее пострадавших от немецко-фашистской оккупации стран. Оккупация привела к обнищанию сельского населения, которое на протяжении пяти лет беспощадно грабили немецкие захватчики. Большинство лучших поместий на территории Польши во время оккупации принадлежало немецким семьям. Немцы забирали весь урожай хлеба, запрещали помол зерна на мельницах и забой скота, все хозяйства должны были отдавать по 800 литров молока с каждой коровы [11]. Все это привело к голоду среди польского крестьянства, невозможности обеспечить себя какими-либо запасами. Многие села были сожжены, их население беспощадно истреблялось или было угнано в Германию, а их имущество и скот изъят. У крестьян осталось очень мало домашней птицы – она была почти полностью забрана немецко-фашистскими оккупантами [11].

Содержание писем советских военнослужащих, находившихся на территории Польши, за декабрь 1944 г. говорит о значительном уровне обнищания сельского населения страны. Как и до войны, большинство крестьян не имели своей земли и скота – основная их часть в Польше принадлежала помещикам. У той части сельского населения, у которой была своя земля, ее было мало и урожая не хватало даже на то, что бы прокормить семью. Основной рацион сельского населения составляла картошка, которую зачастую варили в кожуре в целях экономии. Крайне редко и в небольшом количестве в рационе присутствовали хлеб и сало [12].

Советская помощь в восстановлении сельского хозяйства Польской Республики была оказана по четырем основным направлениям – передача сельскохозяйственной техники и инвентаря, скота, посевного и кормового материала, помощь в проведении посевных работ. Анализ справки №085 от 6 февраля 1946 г., касающейся экономической помощи, оказанной населению Польской Республики войсками 1-го Белорусского фронта с августа 1944 г. по май 1945 г. и Группой советских оккупационных войск в Германии с мая 1945 г. по 31 декабря 1945 г., позволяет оценить размеры оказанной помощи и механизмы ее передачи по одному из четырех советских воинских формирований, освобождавших территорию Польши [3]. Однако данные являются не совсем полными, так как передача продовольствия и имущества, производившаяся комендантами 1-го Белорусского фронта польским местным властям не всегда оформлялась актами и о передачах не всегда доносилось. Помощь польскому населению оказывалась воинскими частями, комендатурами, складами, управлениями и отделами Штаба 1-го Белорусского фронта путем безвозмездной передачи представителям местных польских властей продовольствия, имущества, скота, необработанных посевов, а также восстановлением разрушенных немецко-фашистскими оккупантами народно-хозяйственных объектов и сооружений.

Одновременно с передачей бывших немецких хозяйств в районах восточнее р. Одер советскими военными было передано 80 локомобилей, 110 тракторов, 4 комбайна, 678 сеялок, 804 молотилки, 1923 плуга, 250 борон, 1878 уборочных машин, 22 сенокосилки, 41 культиватор, 16 соломорезок, 162 мотора и двигателя и 6931 шт. прочего сельскохозяйственного инвентаря [3].

В период весенней посевной кампании 1945 года части 1-го Белорусского фронта оказывали польскому населению помощь в сельскохозяйственных работах посредством предоставления безлошадным хозяйствам лошадей для работы в количестве 130 000 конедней. Польским властям в районах восточнее р. Одер были переданы необработанные посевы 1945 года, произведенные советскими воинскими

частями в количестве 8 488 га картофеля, овощей и корнеплодов, 10 595 га зерновых, а также 206 т удобрений. Менее чем за полтора года польскому населению через местные органы власти было передано 138 094 т зерна, 11 761 т сена и 17 065 т соломы [3].

Следующим направлением оказанной помощи являлась безвозмездная передача и продажа скота. За указанный период комендатурами и войсковыми частями 1-го Белорусского фронта было передано 108 288 голов крупного рогатого скота, 948 голов молодняка крупного рогатого скота, 74 784 овец, 41 795 свиней, 15 362 лошадей и 747 жеребят [3].

Польским хозяйствам в районах Гнезно, Врешен, Шнейдемюль, Мюнхе, Посадово, Шевцо-Овсяне, Оборы и Седлец в период с июля по октябрь 1945 г. было продано по твердой цене 2484 выбракованные лошади [3]. По постановлению ГОКО № 8254 с от 23.04.1945 г. в соответствии с просьбой Временного правительства Польши о предоставлении помощи в срок до 1.06.1945 г. польским властям было передано 150 000 голов скота [4]. Передаче подлежал трофейный скот, находившийся на 2-м Белорусском, 1-м Белорусском и 1-м Украинском фронтах в следующем количестве: крупного рогатого скота – 40000 голов, молодняка крупного рогатого скота – 50 000 голов, овец – 40 000 голов, свиней – 20 000 голов [4]. Прежде всего, он предназначался для раздачи переселенцам и маломощным крестьянским хозяйствам, в первую очередь семьям Войска Польского. Согласно докладной записке №257 с от 9.07.1945 г., председатель Совета Министров Временного правительства национального единства Польской Республики Э. Осубка-Моравский от имени Правительства Польши летом 1945 г. обратился к И.В. Сталину с просьбой о выдаче в порядке помощи для Варшавы 650 лошадей, 700 коров и 450 голов свиней [5]. Несмотря на уже выделяемое по Постановлению количество скота, по согласованию с командующим Северной группой войск К.К. Рокоссовским, было принято решение о возможности удовлетворить данную просьбу [5].

Весной 1945 г. по Постановлению ГОКО № 7931 от 27.03.1945 г. населению Польши была оказана помощь семенами для проведения весенней посевной кампании. По плану 1-м, 2-м и 3-м Белорусскими фронтами, 1-м Украинским фронтом и Народным комиссариатом земледелия СССР должен был быть передан посевной материал в следующем количестве: пшеница – 4000 т, ячмень – 6000 т, овес – 5000 т, просо – 50 т, горох – 100 т, фасоль – 100 т, люпин – 100 т, лен – 100 т, конопля – 50 т, клевер – 100 т, люцерна – 50 т, брюква – 1 т, капуста – 0,2 т, огурцы – 0,25 т, лук – 0,5 т, турнепс – 1 т [6].

1-м Украинским фронтом было отгружено по железной дороге в адрес Келецкого воеводства на ст. Келец 1 359 т пшеницы, 168 т ячменя, 2 028 т овса, 2 т брюквы. Также было передано на месте в Жешувском воеводстве 2 172 т пшеницы, 2 341 т ячменя, 1 078 т овса, 220 т ржи, 118 т проса, 83 т гречихи, 172 т гороха и 155 т зерносмеси [7]. Отличается указанное в документах количество переданной кукурузы – 20 и 39 т [6–8]. На основании подсчетов автора 1-м Украинским фронтом было отгружено по железной дороге и передано на месте 3 531 т пшеницы, 2 509 т ячменя и 3 106 т овса, а общее количество переданного посевного материала составило от 9 917 т до 9 936 т.

1-м Белорусским фронтом было отгружено по железной дороге в адрес Белостокского воеводства на ст. Белосток 2 072 т ячменя и 929 т овса, в адрес Жешувского воеводства на ст. Жешув 80 т гороха, в адрес Келецкого воеводства на ст. Келец 60 т гороха и было передано на месте в Белостокском воеводстве 50 т проса [7]. На основании подсчетов автора 1-м Белорусским фронтом было отгружено по

железной дороге 140 т гороха, а общее количество переданного посевного материала составило 3 191 т.

2-м Белорусским фронтом было отгружено по железной дороге в адрес Белостокского воеводства 140 т люпина, 80 т льна, 10 т конопли и было передано на месте 500 т овса; в адрес Келецкого воеводства было передано 60 т люпина и 20 т льна, в адрес Жешувского воеводства – 20 т конопли и в адрес Министерства земледелья Польши в Варшаву было передано 100 т люпина [7]. Итого 2-м Белорусским фронтом было отгружено 300 т люпина и 100 т льна. Отличается указанное в документах количество переданных 2-м Белорусским фронтом семян конопли – 40 и 50 т [6, 8]. На основании подсчетов автора общее количество переданного 2-м Белорусским фронтом посевного материала составило от 940 до 950 т.

3-м Белорусским фронтом было отгружено по железной дороге в адрес Белостокского воеводства 1000 т ячменя и 1000 т овса [7]. Также 3-м Белорусским фронтом польскому населению были переданы 1 т люпина, 7,6 т клевера, 3 т вики и 1 т разных огородных семян [8]. На основании подсчетов автора общее количество посевного материала, переданного 3-м Белорусским фронтом, составило 2012,6 т.

Кроме того, по Постановления ГОКО №7931 о помощи семенами населению Польши, из ресурсов Народного комиссариата земледелия СССР было выделено 0,2 т семян капусты, 0,25 т семян огурцов, 0,5 т семян лука и 45 т фасоли [6]. Семена капусты, огурцов и лука были доставлены самолетом из Москвы и переданы в Варшаве [7, 8]. Для выполнения Постановления ГОКО о помощи семенами населению Польши из Ростово-Ярославской конторы Сортсеменоводов была отгружена вся имеющаяся в наличии фасоль, а именно 42,8 т. Как ясно из документов, заместитель Народного комиссара земледелия СССР обратился к начальнику тыла Красной Армии генералу армии А.В. Хрулеву с просьбой выделить недостающие 2,2 т фасоли на месте из ресурсов тыла Красной Армии [9]. В случае невозможности удовлетворить данную просьбу, в документе указывается на необходимость предоставить самолет для отгрузки семян фасоли из Москвы [9].

Весной 1945 г. начальником тыла Красной Армии генералом армии А.В. Хрулевым было дано указание о передаче Министерству земледелия Польской Республики посевного зерна из ресурсов 3-го Белорусского фронта [10]. Уполномоченному Польского правительства Сварцевичу в период с 17.04.1945 г. по 22.04.1945 г. было передано 859,3 т ячменя и 9038 шт. мешков, уполномоченному Польского правительства инженеру Сурыну 26.04.1945 г. – 979,2 т овса и 5985 шт. мешков, представителю Польского правительства Паровому 28.04.1945 г. – 144,6 т ячменя и 2217 шт. мешков, представителю Польского правительства Мечковскому 15.05.1945 г. – 200 т овса, 15,3 т ржи и 2361 шт. мешков [10].

На основании подсчетов автора весной 1945 г. Польской Республике был передан посевной материал в количестве, указанном в табл. 1.

Таблица 1

Наименование с.-х. культуры	Кол-во в тоннах
Овес	6 714,2
Ячмень	6 584,9
Пшеница	3 531
Горох	312
Люпин	301
Рожь	235,3
Просо	168
Зерносмесь	155
Лен	100

Продолжение табл. 1

Гречиха	83
Конопля	от 40 до 50
Фасоль	45
Кукуруза	от 20 до 39
Клевер	7,6
Вика	3
Брюква	2
Разные огородные семена	1
Лук	0,5
Огурцы	0,25
Капуста	0,2
Всего	от 18 303,95 до 18 332,95

Анализ документов позволил сделать вывод о значительном уровне поддержки, оказанной советским военным командованием в восстановлении сельскохозяйственной сферы Польши в 1944–1945 гг. Среди основных направлений оказанной помощи, следует выделить безвозмездную передачу польскому населению через местные и центральные органы власти скота, посевного материала, сельскохозяйственной техники и инвентаря. В первую очередь помощь оказывалась маломощным крестьянским хозяйствам, переселенцам и семьям Войска Польского. Важным направлением помощи стало содействие в проведении весенней посевной кампании 1945 г. Посевной материал передавался на месте, отгружался по железной дороге и доставлялся самолетом из Москвы, безлошадным хозяйствам для работы предоставлялись лошади. Основная часть помощи посевным материалом была оказана Келецкому, Жешувскому и Белостокскому воеводствам, а так же Министерству земледелия Польской Республики. Часть посевов весной 1945 г. была произведена советскими воинскими частями и впоследствии передана в распоряжение польских властей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Парсаданова, В. С. Советско-польские отношения, 1945-1949 / В. С. Парсаданова ; Отв. ред. Ю. С. Новопашин ; АН СССР ; Ин-т славяноведения и балканистики. – Москва : Наука, 1990. – 191, [1] с.
2. Орехов А.М. Очерки истории экономических отношений СССР и ПНР (1944-1957 гг.) – М.: «Индрик», 2017. – 272 с.
3. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее ЦА МО РФ). – Ф. 254 оп. 23550с д. 10 л. 6-14
4. ЦА МО РФ. – Ф. 15, оп. 725588с д. 30 л. 223-225.
5. Докладная записка №257с от 9.07.1945 г. на имя председателя ГОКО В.М. Молотова. – Текст : электронный // Память против забвения : [сайт]. – 2017. – URL: <https://helppoland.mil.ru/> (дата обращения: 20.08.2020).
6. ЦА МО РФ. – Ф. 67 оп. 12001 д. 676 л. 48-49.
7. Справка-доклад от 24.04.1944 г. об исполнении Постановления ГОКО № 7931с. – Текст : электронный // Память против забвения : [сайт]. – 2017. – URL: <https://helppoland.mil.ru/> (дата обращения: 20.08.2020).
8. ЦА МО РФ. – Ф. 67 оп. 12001, д. 676 л. 57.
9. Обращение заместителя Народного комиссара земледелия СССР №711с от 30.04.1945 г. – Текст : электронный // Память против забвения : [сайт]. – 2017. – URL: <https://helppoland.mil.ru/> (дата обращения: 20.08.2020).
10. ЦА МО РФ. – Ф. 67 оп. 12001 д. 676 л. 82,85.
11. ЦА МО РФ. – Ф. 236 оп. 2675 д. 305 л. 268-278.
12. ЦА МО РФ. – Ф. 36 оп. 2675 д. 312 л. 610-613.

Поступила в редакцию 08.09.2020 г.

ASSISTANCE OF THE SOVIET UNION IN THE RESTORATION OF AGRICULTURE IN THE
POLISH REPUBLIC IN 1944-1945.

M.S. Noga

Based on archival and published documents, the article examines the main areas of assistance provided by the Soviet Union to the Polish Republic in the agricultural sector in 1944-1945. The size of the aid provided, as well as the mechanisms of its transmission and distribution, have been analyzed.

Key words: agriculture, The Provisional Government of the Republic of Poland, The State Defense Committee, the Headquarters of the Rear Services of the Red Army.

Нога Маргарита Сергеевна

Аспирант кафедры международных отношений и
внешней политики
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
E-mail: rita.noga.93@mail.ru

Noga Margarita Sergeevna

Graduate Student of the Chair of International
Relations and Foreign Policy,
SEI HPE “Donetsk National University”.
E-mail: rita.noga.93@mail.ru

УДК 94:327(470+571):(520)"2012/2020"

**ЯПОНО-РОССИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПЕРИОД ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
КАБИНЕТА СИНДЗО АБЭ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОБЩЕСТВЕННЫХ
НАСТРОЕНИЙ НАСЕЛЕНИЯ ЯПОНИИ (2012–2020 гг.)**

© 2020. *В.О. Попова*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье проводится сравнительный анализ общественных настроений населения Японии в период деятельности второго кабинета Синдзо Абэ (2012-2020 гг.). Рассматривается динамика отношения японцев к политике, проводимой Российской Федерацией. Сравнительный анализ позволяет выделить общие тенденции и тренды в общественных настроениях японцев, охарактеризовать их разочарования, ожидания и надежды, связанные с деятельностью кабинета Синдзо Абэ в контексте взаимоотношений Японии и России.

Ключевые слова: Российская Федерация, Япония, мирный договор, Курильские острова, общественное мнение.

В условиях научно-технического прогресса и доступности информации возрастает вовлечённость широких кругов населения в обсуждение международных процессов. Рост уровня участия в международной жизни общественности, и, как следствие, оказание влияния на формирование внешнеполитического курса страны приобретает всё большую актуальность. Интерес, в частности, представляют социологические опросы, направленные на определение отношения населения к той или иной стране, проводимые международными и национальными исследовательскими организациями. Автором были рассмотрены результаты ежегодного опроса общественного мнения в Японии, касающегося отношения японцев к России, проводимого отделом по связям с общественностью кабинета министров и премьер-министра Японии [1].

Вопрос взаимодействия общественного мнения с процессом осуществления внешней политики в Японии находит своё отражение в отечественной историографии, в частности, в исследованиях Д.В. Стрельцова «Внешнеполитический процесс в современной Японии» [2], О.И. Казакова «Об отношении японцев к другим странам» с подробным анализом результатов опроса текущего года [3].

Целью данной статьи является рассмотрение динамики представлений японцев о России и японо-российских отношениях в период правления второго кабинета Синдзо Абэ (26 декабря 2012 – 16 сентября 2020 гг.) по результатам всеяпонского ежегодного опроса, проводимого отделом по связям с общественностью кабинета министров и премьер-министра Японии.

В соответствии с конституцией Японии, проведение внешней политики главным образом закреплено за кабинетом министров, который, в свою очередь, несёт ответственность перед парламентом. Глава правительства обязан предоставлять периодические отчёты по вопросам внешней политики высшему законодательному органу страны – парламенту.

В Японии отсутствует специальный документ, определяющий внешнеполитический курс страны. Концептуальное видение реализации внешней политики изложено в программных выступлениях премьер-министра. Обзор международной ситуации за прошедший год, а также тексты базовых выступлений премьер-министра и

министра иностранных дел содержатся в «Голубой книге по дипломатии», размещённой на сайте министерства иностранных дел (МИД) Японии.

В настоящее время на формирование внешнеполитического курса Японии существенное влияние оказывает общественное мнение населения страны. Прежде всего, это связано с увеличением роли популизма в качестве значимого политического ресурса, используемого как действующей властью, так и оппозицией. В связи с этим в Японии существует довольно обширная сеть учреждений направленных на исследование общественного мнения по отдельным аспектам международной политики. Это, в свою очередь, позволяет политическому руководству страны иметь представление об отношении населения к отдельным странам и мировым процессам в целом. Заказчиками такого рода социологических опросов, в частности выступают канцелярия премьер-министра и МИД [2]. Результаты опросов общественных настроений могут быть использованы при формировании дальнейших внешнеполитических ориентиров страны.

По традиции главой кабинета министров становится лидер парламентского большинства. В Японии смена премьер-министра случается достаточно часто по сравнению с другими странами ввиду того, что он одновременно является председателем правящей партии [4]. Следовательно, внешнеполитический курс страны может чаще подвергаться корректировкам в зависимости от действующего лидера. Премьер-министром, который смог удержать власть в своих руках наиболее продолжительное время стал Синдзо Абэ. В ноябре 2019 г. он стал национальным рекордсменом по продолжительности пребывания на посту премьера, а в августе 2020 г. – стал первым по непрерывной длительности нахождения на посту главы правительства за всю историю Японии [5].

Правление кабинета Синдзо Абэ ознаменовалось ключевыми изменениями не только во внутренней, но и внешней политике «Страны восходящего солнца». Отчасти, успеху Синдзо Абэ на первых этапах своей карьеры способствовало его происхождение из известной в политическом мире семьи и принадлежность от рождения к высшим правящим кругам. Его дед по материнской линии Нобусукэ Киси в 1957–1960 гг. был премьер-министром. Вдобавок, будущий политик начинал карьеру, работая личным секретарём у своего отца Синтаро Абэ, занимавшего в 1982–1986 гг. пост министра иностранных дел [6].

Синдзо Абэ являющийся представителем Либерально-Демократической партии Японии, несмотря на подчеркивание особой важности проведения самостоятельной внешней политики, как и его предшественники, считал, что в её основе лежит лояльность японо-американскому союзу. Относительно японо-российских отношений, то во время первого срока премьерства, продлившееся только год (26 сентября 2006 – 26 сентября 2007) и второго (26 декабря 2012 – 16 сентября 2020) Синдзо Абэ рассматривал Россию важным соседом и подчеркивал развитие двусторонних связей с выгодой для обеих стран, а также обещал прилагать максимальные усилия для урегулирования территориального спора по поводу принадлежности Курильских островов.

За время деятельности кабинета Синдзо Абэ представления японцев о России, развитии японо-российских отношений изменились в положительную сторону, о чём свидетельствуют данные ежегодного всеяпонского опроса общественного мнения, касающегося отношения японцев к другим странам и регионам. В целом опрашивают 3 тыс. человек в возрасте от 20 лет и старше, начиная с 2016 г. с 18 лет. Целью опросов является получение информации относительно осведомлённости людей о междуна-

родных процессах, а также дальнейшего использования данных для формирования внешнеполитической доктрины государства.

В первом разделе «Отношения между Японией и другими странами» содержатся данные опроса о представлениях японцев относительно некоторых государств и в целом регионов мира. Респондентам задавали три вопроса:

1. Вы испытываете дружеские чувства к указанной стране/региону?
2. Считаете ли вы отношения между Японией и указанной страной в целом хорошими?
3. Считаете ли вы дальнейшее развитие отношений между Японией и указанной страной важным для двух стран, а также для Азиатско-Тихоокеанского региона? [1].

Согласно пункту №1 («Вы испытываете дружеские чувства к России?») всеяпонского опроса общественного мнения больше половины японцев отрицательно относятся к России и не чувствуют связи с соседней страной (таблица 1). Россия по данному параметру, в сравнении, например, с другими странами значительно уступает. По данным на 2019 г. «Да» на первый вопрос ответили по отношению к России 20,8 %, Китаю – 22,7 %, Южной Корее – 26,7 %, Индии – 45,6 %, странам Европы – 65,3 %, США – 78,7 % и т.д. [1]. Высокий уровень симпатий чётко прослеживается среди союзников Японии на международной арене, а низкий указывает на страны, с которыми имеются разногласия.

Таблица 1

Источник: 外交に関する世論調査 [Опрос общественного мнения по внешней политике] // 内閣府大臣官房政府広報室 [Отдел по связям с общественностью кабинета министров и премьер-министра] (На яп.) URL: <https://survey.gov-online.go.jp/index-gai.html>

Однако следует отметить, что за последние годы доля лиц, положительно воспринимающих Россию, увеличилась. Сравнивая результаты периода между первым и вторым кабинетом Синдзо Абэ с 2008 г. по 2012 г. и его второго срока правления, наблюдается небольшая положительная динамика. Средний показатель дружелюбно

настроенного населения Японии по отношению к России в 2008-2012 гг. составил 15 %, в 2013-2019 гг. – 19,4 % [1].

Низкий процент симпатий японцев к России свидетельствует о плохой осведомлённости населения Японии о соседней стране, а также проблеме Курильских островов. В данном контексте на общественное мнение по внешнеполитическим вопросам, созданию определенного образа России, оказывают влияние средства массовой информации Японии, а также, недостаточное культивирование в японском обществе положительного имиджа российского государства.

СМИ в настоящее время являются не единственным, но практически главным источником информации. Примером может служить освещение курильского вопроса, где Россия выступает оккупантом «северных территорий» (японское наименование южных Курильских островов).

Тем не менее, в сравнении с деятельностью предыдущих премьер-министров Японии, за время работы второго кабинета Синдзо Абэ туризм и сфера культуры между двумя странами стали активно развиваться. Увеличение частоты рейсов, продвижение России и Японии в качестве туристических направлений, облегчение визового режима способствовало улучшению ситуации в данных сферах [7]. В области культуры важным событием стало открытие в 2018 г. «перекрёстных годов» России и Японии, когда Синдзо Абэ с официальным визитом посетил Россию [8].

Хотя в период правления Синдзо Абэ наблюдается небольшая положительная динамика относительно представлений японцев о России, показатели остаются по-прежнему довольно низкими. В связи с этим России необходимо развивать механизмы «мягкой силы». Например, Япония в продвижении своей страны делает акцент на распространение японского языка и культуры, такого рода опыт будет весьма ценным для продвижения положительного имиджа российского государства.

В целом позитивный образ Японии в России формируется благодаря различным культурным и образовательным мероприятиям, к примеру, проведение фестивалей при поддержке Японского фонда (Japan Foundation), ежегодного единого экзамена, (Japanese Language Proficiency Test), выделение грантов для российских специалистов, японоведов (например, стипендия японского правительства (МEXT), распространение японской массовой культуры (дорамы, анимэ, j-рор, косплей, манга) и т.д.

В связи с этим согласно глобальному индексу «Мягкая сила 30» агентства Portland, Япония входит в десятку стран с лучшими показателями применения «мягкой силы» (в 2019 г. – 8 место, в 2018 г. – 5, в 2017 г. – 6). Соответственно Россия в 2019 г. заняла 30 позицию, в 2018 г. – 28, в 2017 г. – 26 [9]. России необходимо серьёзно подойти к применению «мягкой силы», а именно активного продвижения российской культуры и языка в Японии, налаживанию культурно-научных обменов, развитию туризма, что, несомненно, способствовало бы увеличению доли японцев, симпатизирующих России.

Согласно пункту №2 («Считаете ли вы отношения между Японией и Россией в целом хорошими?») всеяпонского опроса общественного мнения больше половины японцев дают отрицательную оценку японо-российским отношениям. Существенная часть респондентов однозначно не смогла охарактеризовать отношения, либо затруднилась ответить (таблица 2).

Проводя параллель между периодом с 2008 г. по 2012 г. и вторым кабинетом Синдзо Абэ заметен рост количества японцев, считающих отношения между двумя странами хорошими. Средний показатель за период 2008-2012 гг. составил 21,4 %, за второй срок правления Синдзо Абэ – 25,5 % [1]. Максимальный процент за весь период

второго кабинета Синдзо Абэ был достигнут в 2013 г. – 30,4% (таблица 2). Кроме того, доля японцев, признающих отношения хорошими последний раз превышала отметку 30 % лишь в 2003 г. – 32,4 % [1].

Ощутимый сдвиг в 2013 г., в сравнении с предыдущими годами, связан с усилиями Синдзо Абэ в направлении развития японо-российских отношений в первый год его деятельности, а также ожиданиями японцев урегулировать территориальный конфликт. Ключевым стал первый за 10 лет официальный визит премьер-министра Японии в Россию. В ходе переговоров на высшем уровне 29-30 апреля 2013 г. Синдзо Абэ и Владимир Путин акцентировали намерение возобновить диалог о мирном договоре, углубить сотрудничество, а также взаимодействовать при решении различных международных проблем [10].

Таблица 2

Источник: 外交に関する世論調査 [Опрос общественного мнения по внешней политике] // 内閣府大臣官房政府広報室 [Отдел по связям с общественностью кабинета министров и премьер-министра] (На яп.) URL: <https://survey.gov-online.go.jp/index-gai.html>

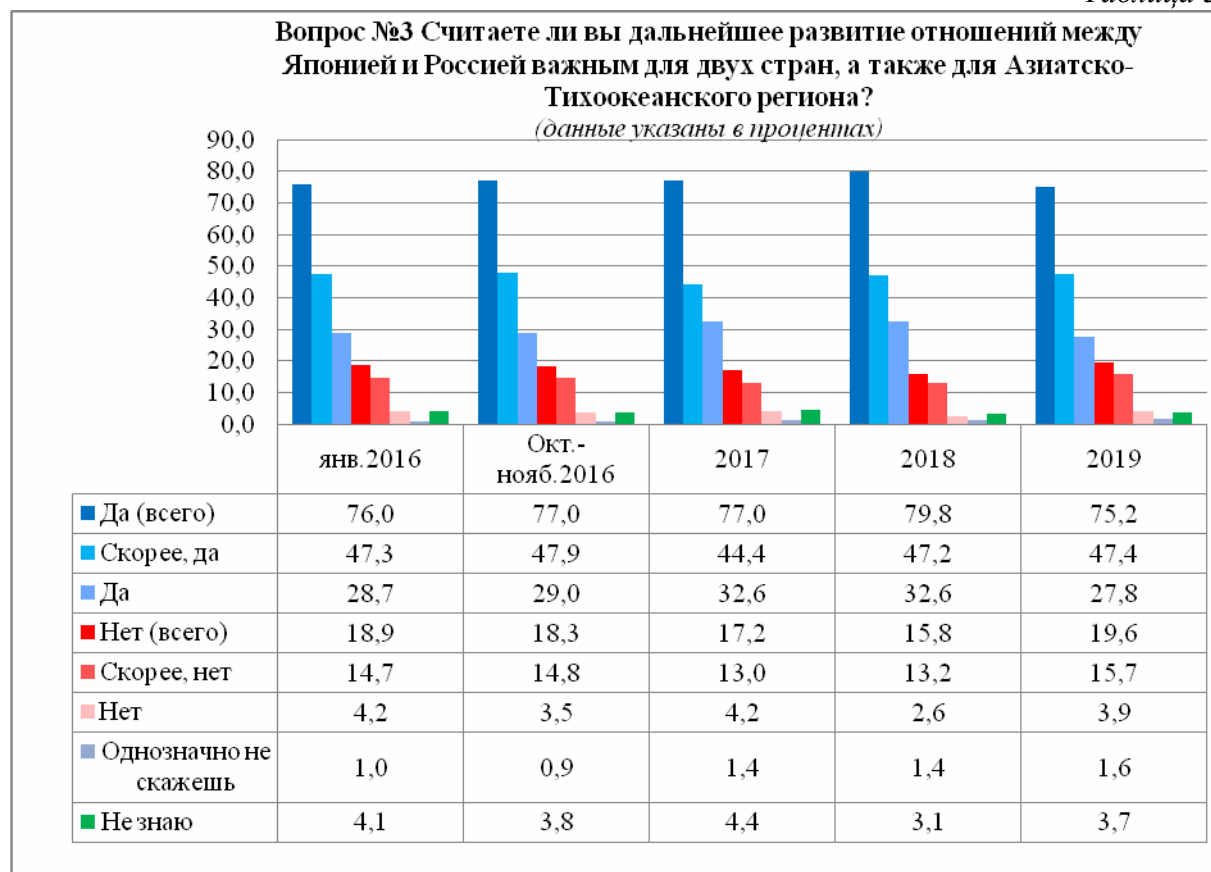
В феврале 2014 г. Синдзо Абэ, единственный из лидеров стран «Большой семёрки», принял участие в церемонии открытия Олимпиады в Сочи. Тогда президент Российской Федерации Владимир Путин подчеркнул, что Россия и Япония продуктивно сотрудничают на полях различных международных организаций, разрабатывают новые механизмы взаимодействия, что благоприятно сказывается на двусторонних отношениях. Президент отметил расширяющиеся торгово-экономические связи, которые создают дружественный климат для решения политических вопросов [11]. В том же году прошёл ряд встреч на международных

платформах, на которых главы России и Японии выразили готовность к продолжению контактов по всем направлениям.

Несмотря на конструктивный диалог между двумя государствами по сотрудничеству в ряде сфер количество японцев, считающих японо-российские отношения хорошими, сократилась на 9% (2013 г. – 30,4%, 2014 г. – 21,3%) (таблица 2). Спад вызван решением Японии поддержать антироссийскую политику стран «Большой семёрки» на фоне внутривосточного кризиса на Украине. В марте 2014 года, опираясь на волеизъявление народа, Крым вошел в состав Российской Федерации. Япония, демонстрируя солидарность с позицией других стран «семёрки», ввела санкции в отношении некоторых российских высокопоставленных лиц и организаций, что, естественным образом, не способствовало продолжению дружественной политики добрососедства.

В 2016 г. наметилась тенденция на улучшение японских общественных настроений в отношении России, о чём свидетельствует рост показателя на 6 % (2015 г. – 21,8 %, 2016 г. – 27,8 %) (таблица 2). Связано это с ожиданием в декабре официального визита президента России Владимира Путина и последующим возможным решением территориального спора. В декабре 2016 г. состоялся первый за одиннадцать лет официальный визит президента Российской Федерации в Японию.

Таблица 3

Источник: 外交に関する世論調査 [Опрос общественного мнения по внешней политике] // 内閣府大臣官房政府広報室 [Отдел по связям с общественностью кабинета министров и премьер-министра] (На яп.) URL: <https://survey.gov-online.go.jp/index-gai.html>

Итоги встречи стали отправной точкой на пути к плодотворному сотрудничеству двух государств в различных сферах. Было подписано 12 межправительственных и межведомственных, а также 68 коммерческих договоров, начат диалог по налаживанию совместной хозяйственной деятельности (СХД) на южных Курильских островах [12].

На встрече в Сингапуре в ноябре 2018 г. российский и японский лидеры договорились об активизации японо-российских переговоров о заключении мирного договора на основе Совместной декларации от 19 октября 1956 г., что сразу же изменило общественные настроения в Японии. Так, вслед за встречами двух лидеров в Сингапуре, 23–25 ноября ведущей деловой газетой Японии Nikkei был проведён опрос среди японцев. По результатам опроса 67 % респондентов положительно оценили достигнутую в Сингапуре договоренность о заключении мирного договора на основе Совместной декларации от 19 октября 1956 года.

Отмечается, что только 21 % опрошенных высказался отрицательно относительно российско-японской инициативы. Идею возвращения Японии сначала двух из четырех южных островов Курильской гряды поддерживают 46% опрошенных. Наряду с этим, только 5 % готовы принять ситуацию, при которой Японии будут переданы только два острова. Мнение о возможности заключения мирного договора перед решением территориальных разногласий разделилось – 43 % опрошенных Nikkei согласились с таким исходом, тогда как 45 % респондентов выступили против [13].

На протяжении 2019 г. года осуществлялась работа, направленная на скорейшее заключение мирного договора между двумя странами. Проводились консультации глав внешнеполитических и оборонных ведомств двух стран в формате «2 + 2», встречи российского и японского лидеров на площадках различных международных форумов, а также в ходе рабочего визита Синдзо Абэ в Россию. Основная тема переговоров оставалась неизменной – перспективы заключения мирного договора между Москвой и Токио. В январе 2019 г. Синдзо Абэ поклялся на могиле отца сделать всё, чтобы продвинуться в переговорах с Россией [14]. В июле 2019 г. в эфире японского телевидения Синдзо Абэ заявил о желании заключить мирный договор с Россией до окончания своего премьерского срока в 2021 г. [15]. Такими заявлениями Синдзо Абэ старался повлиять на общественное мнение, и не потерять поддержку граждан своей страны. Тем не менее, согласно проведённому агентством Kyodo опросу 88,2 % японцев не верят в разрешение территориального вопроса с Россией за время премьерства Синдзо Абэ [16].

Несмотря на то, что достаточно низкий процент респондентов с оптимизмом оценивают японо-российские отношения, согласно вопросу №3 («Считаете ли вы дальнейшее развитие отношений между Японией и Россией важным для двух стран, а также для Азиатско-Тихоокеанского региона?») больше половины японцев рассматривают развитие японо-российских отношений важным. Средний показатель за период с 2015 г. по 2019 г. составил 77 % (таблица 3). Японцы воспринимают Россию важным партнёром, с которым необходимо в дальнейшем развивать сотрудничество.

Анализ результатов опроса позволяет сделать вывод о том, что общественные настроения японцев относительно России довольно противоречивы. Приведённые данные показывают заинтересованность японцев в улучшении взаимоотношений с Россией (вопрос №3). Однако в процентном отношении респондентов, которые не ощущают связи с Россией большинство (вопрос №1). Данная ситуация свидетельствует о том, что японцы хотя и имеют небольшие представления о соседней стране, оценивая международную расстановку сил на международной арене, более прагматично и трезво подходят к развитию японо-российских отношений.

По сравнению с предыдущими опросами в период между деятельностью кабинетов Синдзо Абэ (2008–2012 гг.) и его вторым сроком наблюдается положительная динамика. Представляется, что подобный процесс тесным образом связан с изменением в подходах и готовностью кабинета Синдзо Абэ урегулировать разногласия с Россией.

Новый премьер-министр Японии Ёсихидэ Суга, вступивший в должность в сентябре 2020 г. заявил о намерении продолжать политику в отношении России бывшего главы кабинета министров Синдзо Абэ. Следовательно, такие заявления дают основания полагать, что в дальнейшем интерес граждан Японии в отношении России будет возрастать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. 外交に関する世論調査 [Опрос общественного мнения по внешней политике] // 内閣府大臣官房政府広報室 [Отдел по связям с общественностью кабинета министров и премьер-министра] (На яп.) URL: <https://survey.gov-online.go.jp/index-gai.html>
2. Стрельцов Д. В. Внешнеполитический процесс в современной Японии / Д. В. Стрельцов // Вестник МГИМО-университета. – 2010. – №1 (10). – С. 245-255
3. Казаков О. И. Об отношении японцев к другим странам в 2012 г., 2013 г., 2014 г., 2015 г., 2016 г., 2017 г. Актуальные проблемы современной Японии. Выпуски XXVII, XXVIII, XXIX, XXX, XXXI, XXXII. – М.: ИДВ РАН.
4. Молодякова Э. В. Как выбирают лидера страны в современной Японии (на примере Коидзуми Дзюньитиро) / Молодякова Э. В. // Япония 2006. Ежегодник. – М.: «АИРО-XXI», 2006. – С. 29
5. Абэ установил рекорд по времени непрерывного пребывания на посту премьера Японии // ТАСС. 23 августа 2020 г. – Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/9269765>
6. Сенаторов А. И., Цветова И. А. Один год правления кабинета С. Абэ / А. И. Сенаторов, И. А. Цветова // Япония 2007. Ежегодник. – М.: «АИРО-XXI», 2007. – С. 5-26
7. Турпоток из России в Японию в 2019 году вырос на 26% // Интерфакс. 17 января 2020 г. Режим доступа: <https://tourism.interfax.ru/ru/news/articles/65605/>
8. Российско-японские переговоры // Президент России. 26 мая 2018 г. Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/57564>
9. Soft Power 30. – Режим доступа: <https://softpower30.com/>
10. Россия и Япония возобновляют диалог о мирном договоре // «Первый канал». 29 апреля 2013 г. – Режим доступа: <http://www.1tv.ru/news/polit/231977>
11. Встреча с Премьер-министром Японии Синдзо Абэ // Президент России. 08 февраля 2014 г. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/20184>
12. О состоянии и перспективах развития российско-японских отношений на современном этапе / МИД Российской Федерации. Режим доступа: <https://www.mid.ru/perspektivy-rossijsko-aponskih-otnosenij>
13. Nikkei: договоренность об активизации переговоров России и Японии поддерживают 67% японцев // ТАСС. 26 ноября 2018 г. Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5833140>
14. Абэ пообещал «поставить точку» в переговорах с Россией по Курилам // RT. 7 января 2019 г. – Режим доступа: <https://russian.rt.com/world/news/590169-abe-rossiya-kurily>
15. Абэ заявил о желании заключить мирный договор с Россией до 2021 года // RT. 21 июля 2019 г. – Режим доступа: <https://russian.rt.com/world/news/651838-abe-rossiya-mirnyi-dogovor>
16. Опрос: 88% японцев не верят в разрешение ситуации с Курилами при Абэ // RT. 3 февраля 2019 г. – Режим доступа: <https://ru.rt.com/cu50>

Поступила в редакцию 21.08.2020 г.

**JAPANESE-RUSSIAN RELATIONS DURING THE PERIOD OF SHINZO ABE'S CABINET:
A COMPARATIVE ANALYSIS OF PUBLIC ATTITUDES IN JAPAN (2012-2020)**

V.O. Popova

The article provides a comparative analysis of public attitudes in Japan during the second Cabinet of Shinzo Abe (2012–2020). The dynamics of Japanese attitudes to the policy pursued by the Russian Federation are examined in the article. The comparative analysis allows us to identify common trends in the public attitudes of the Japanese related to the activities of the Cabinet of Shinzo Abe towards Russia.

Key words: Russian Federation, Japan, peace treaty, Kuril Islands, public attitudes.

Попова Валерия Олеговна

Аспирант кафедры международных отношений и
внешней политики

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

E-mail: valeria.popova12@mail.ru

Popova Valeria Olegovna

Graduate Student of the Chair of International
Relations and Foreign Policy

SCE HPE “Donetsk National University”

E-mail: valeria.popova12@mail.ru

УДК 94:37.09(477.62)"1917"

ПРОБЛЕМЫ ФИНАНСИРОВАНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ МАРИУПОЛЬСКОГО УЕЗДА В 1917 г.

© 2020. *Н.Н. Разумная*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье рассматриваются проблемы, возникшие в сфере образования на территории Мариупольского уезда в 1917 г.. Особое внимание уделяется вопросам финансирования старых и новых школ, училищ. Новизна работы состоит в изучении докладов прозвучавших на чрезвычайной сессии Мариупольской уездной управы осенью 1917 г.

Ключевые слова: Мариупольский уезд, земство, школа, училище, Первая мировая война, временное правительство, образование, сельское общество, 1917 год.

В связи с событиями февраля 1917 г. на территории Российской империи, последующей деятельностью Временного правительства на территории Екатеринославской губернии происходили существенные изменения в системе образования, Мариупольский уезд не был исключением. Актуальность данной проблемы обусловлена недостаточной степенью изученности событий, происходивших на территории Донбасса в 1917 г. Даже в условиях общегосударственного кризиса 1917 г., местные органы самоуправления пытались поддержать существующие образовательные учреждения и открывать новые, способствовать распространению грамотности среди сельского населения.

Интерес к событиям, произошедшим в годы Первой мировой войны на территории Донбасса, заметно усилился в начале XXI века [1–3]. В своей предыдущей статье автор рассматривала вопрос о деятельности Бахмутского уездного земства в сфере медицины на основе публикаций в уездной периодической печати. Были определены наиболее актуальные вопросы в организации охраны здоровья населения, которые имели первостепенное значение [2].

Целью данной статьи является изучение основных вопросов связанных с функционированием начальных и средних школ, народных училищ на территории Мариупольского уезда в условиях социально-экономического кризиса 1917 г.

В связи с необходимостью принятия решений по различным накопившимся к тому времени актуальным вопросам, 10 сентября 1917 г. состоялось заседание чрезвычайной сессии Мариупольского уездного земского собрания. В связи с приходом к власти Временного правительства, 8 мая 1917 г. были упразднены губернские и уездные училищные Советы, которые осуществляли руководство народным образованием в Российской империи. До издания общего закона о народном образовании руководство учебными учреждениями осуществляли губернские и уездные земства. Получив данное распоряжение, при Мариупольской уездной земской управе была образована комиссия по народному образованию. В ее состав вошли представители реорганизованного Училищного Совета и новые лица: член управы, заведующий народным образованием, заведующий отделом народного образования, два врача в общей сложности 37 человек. Комиссия рассматривала все вопросы, связанные с развитием народного образования на территории Мариупольского уезда. За период с 17 июля по 10 сентября состоялось 21 заседание, и было рассмотрено более

200 вопросов. Комиссией был принят проект организации процесса управления сферой образования в уезде. Руководство осуществлял Временный уездный Комитет. Комитету подчинялись общественные школы и другие просветительские организации уезда. В его компетенции было утверждение школьных программ, общий контроль над учебными заведениями, назначение, переводы и увольнение учителей, утверждение смет, школьная статистика и т.д. В заседании комитета могли принимать участие и другие специалисты. Председатель и секретарь комитета по народному образованию избирались из числа членов комиссии [4].

Был создан отдел народного образования, который состоял из управляющего комитета, 4-х руководителей учебной частью, руководителя профессиональным образованием, заведующего внешкольным образованием, школьного врача и техника. Руководители учебной частью и отделом внешкольного образования назначались из числа лиц, получивших среднее образование и имеющих определенный стаж работы. В исключительных случаях на должность руководителя могли избирать лиц, не получивших среднего образования [4, с. 131].

От уполномоченного родительских организаций средних учебных заведений и женского профессионального училища в г. Мариуполе в земскую управу поступила просьба о предоставлении материальной помощи данным учебным заведениям. В связи с повышением цен на предметы первой необходимости, все учебные заведения вынуждены были поднять оплату за обучение на 100–120 %. Такое повышение оплаты для многих учащихся являлось непосильным, поэтому многие из них задумывались о прекращении обучения, даже возникал вопрос о закрытии данных учебных заведений. Комиссия по народному образованию, рассмотрев данную просьбу, пришла к выводу, что нарушение нормального процесса функционирования учреждений народного образования на территории Мариупольского уезда было бы нежелательным

Состоялось совещание, в котором приняли участие представители от средних учебных заведений и родительских организаций, членов Комиссии по народному образованию, на котором детально обсуждался вопрос финансового положения учебных заведений. На этом совещании было подчеркнута тяжелое положение всех учебных заведений г. Мариуполя, но окончательное решение вопроса о форме и размерах помощи этим учебным заведениям отложили до октября 1917 г. К тому времени все учебные заведения должны были предоставить сведения о нуждающихся учащихся. Отдельно было подчеркнута тяжелое материальное положение городского женского профессионального училища, в связи с ограниченной оплатой труда учителей [5].

В 1916/1917 учебном году в данном училище числилось свыше 200 человек учащихся. Его содержание оплачивало государство не без участия Мариупольского уездного земства. В связи с необходимостью повышения окладов учителям, до необходимого прожиточного минимума, а также в связи с огромным повышением хозяйственных расходов училища, его бюджет на предстоящий учебный год увеличили с 9 725 руб. до 22 580 рублей. В ходе обсуждения, высказывались мнения о необходимости поднять плату за обучение вдвое, что давало бы дополнительные 2 тыс. рублей (годовая плата за обучение 12 рублей). Оставался дефицит бюджета в 10 тысяч рублей, который мог быть покрыт с помощью городского и земского самоуправлений.

Уездное земство принимало участие в содержании названного училища на $\frac{1}{4}$, городское самоуправление в $\frac{1}{2}$. Комиссия посчитала, что в сокращении дефицита земство могло бы оказать финансовую помощь в размере, $\frac{3}{4}$ т.е., в сумме 2 500 рублей в виде единовременного пособия, на 1917/18 учебный год. Члены Комиссии, гласные земской управы доложили чрезвычайному уездному земскому собранию о безвыходном положении данного учебного заведения [5, с.134].

19 августа 1917 г. был принят Циркуляр Министра Народного Просвещения № 2873, опубликованный в Вестнике временного правительства от 26 августа за № 140/186. В соответствии с этим документом, все начальные церковно-приходские школы переходили в распоряжение местных органов самоуправления. Земская управа направила две комиссии для изучения материального состояния данных учебных заведений. На территории Мариупольского уезда действовало 60 одноклассных церковно-приходских школ. Открытых комплектов насчитывалось 94, на 79 из них был открыт государственный кредит по 390 руб. на каждый. Управа просила предоставить кредит на период последней трети 1917 г. для оплаты жалования сторожам [6].

На рассмотрение управы поступил доклад о включении в школьную сеть уезда и о принятии на содержание за счет земства еврейских и немецких начальных училищ Мариупольского уезда. Названные ходатайства были переданы на рассмотрение Комиссии по народному образованию. Комиссия обследовала санитарно-техническое и материально-техническое состояние всех еврейских и немецких начальных училищ. До того времени все данные школы содержались за счет соответствующих сельских обществ. После выяснения ситуации оказалось, что все училища обеспечены более или менее удовлетворительными помещениями, и лишь некоторые из них находятся в крайне запущенном состоянии, например, такие как в с. Зеленопольском.

После всестороннего обсуждения вопроса комиссия постановила: вопрос о еврейских начальных училищах г. Мариуполя оставить открытым, в связи с последующим выделением города в отдельную земскую единицу. Было решено ходатайствовать перед Министерством народного просвещения о включении в школьную сеть уезда еврейских и немецких церковно-приходских и существующих на общем основании закона от 1 июля 1914 г. училищ, в общем количестве около 17. Еврейские и немецкие начальные училища были отданы в распоряжение уездного земства. Сельские общества должны были привести в полный порядок здания школ, квартир и все сопутствующие помещения [7].

Еще в мае 1917 г. состоялось заседание обновленного состава Мариупольского уездного земского собрания. Была подчеркнута необходимость создания на территории уезда благоприятных условий для развития начального и среднего образования. К тому времени на территории уезда функционировало три высших начальных училища: в с. Мангуш, с. Бешеве и с. Богатыре. Кроме того, предусматривалось открытие подобных начальных училищ в с. Игнатьевке, с. Янисоле, с. Павловке, с. Сартане, с. Каране и с. Александровке. В связи с тем, что средние школы городов были переполнены на тот момент, почти все они проводили обучение в две смены. Количество учащихся доходило до 700–800 человек. Такое скопление учеников различных возрастов часто ставило процесс обучения и воспитания в невыгодное положение, что ущемляло интересы не только учащихся, но и учителей [8]. Далее в докладе, прозвучавшем на чрезвычайной сессии Мариупольского уездного земства, обосновывалось данное прошение. Городской образ жизни влиял на детей, приехавших из деревенской среды и лишенных родительского внимания и поддержки. Вопрос об определении детей в данные учебные заведения, часто для родителей формулировался так: учить или не учить?

Педагогическая мысль того времени, также высказывала точку зрения о том, что необходимо выводить средние учебные заведения из города в деревню, на лоно природы. Имея в виду более естественное воспитание в условиях деревенской жизни. Открытие средних школ в уезде на тот момент, было связано и с финансовыми возможностями населения, особенно в условиях войны, когда содержание учащегося в

городе обходилось до 100 руб. в месяц и поэтому являлось доступным лишь обеспеченным семьям.

Считая вполне целесообразным отделение учащихся младшего школьного возраста, Министерство Народного просвещения установило новый тип средней школы, гимназий и народных училищ, в составе четырех средних классов 5, 6, 7 и 8. Учитывалось то, что в 1-й (5 класс) такого учебного заведения будут поступать лица, окончившие курс высшего начального училища. Для открытия таких учебных заведений в распоряжение Министерства Народного просвещения были определены значительные средства. Комиссия по народному просвещению пришла к заключению, что была необходимость в открытии одного учебного заведения смешанного типа в составе четырех старших классов.

При обсуждении вопроса о месте открытия средней школы, Комиссия остановилась на четырех населенных пунктах: Павловке, Игнатьевке, Большой Янисоле и деревне Нескучной. При этом комиссия учитывала следующие условия: 1) отдаленность села от города, где находились средние учебные заведения; 2) населенность района; 3) близость к станции железной дороги; 4) количество учащихся в ближайших высших и средних учебных заведениях; 5) наличие помещения для учебного заведения; 6) культурные условия необходимые для жизни учебного заведения.

Было подчеркнуто, что ни один из вариантов не соответствовал поставленным условиям, выделялась только с. Нескучное. Комиссия по народному образованию обратилась к сельским обществам с предложением инициировать открытие средних школ, и сообщить – какую часть финансовой помощи может оказать сельское общество. В ответ поступили два предложения от Ипатьевского и Нескученского сельских обществ. Был получен ответ от наследницы барона Корфа Е.Н. Немирович-Данченко, которой принадлежала его усадьба. Членами комиссии была осмотрена данная усадьба и Игнатьевская второклассная церковно-приходская школа, перешедшая в ведение земства. После обследования усадьбы оказалось, что она является идеальным местом для открытия в ней среднего учебного заведения. В пользу усадьбы было то, что на ее территории находился большой дом и, к сожалению, больше почти ничего [8, с.200].

Были все основания для открытия среднего учебного заведения в здании Игнатьевской церковно-приходской школы. Поскольку эта школа имела собственное 2-х этажное здание размером 10х7 сажень. На втором этаже находилось четыре классные комнаты, коридор и по две комнаты квартир для учителей. На первом этаже располагались три больших классных комнаты, предназначенных для спален учащихся, и коридор. Кроме того, значительная часть нижнего этажа, площадью до 35 кв. сажень, была занята квартирами учителей и кухнями. Школа была снабжена необходимой классной мебелью, инвентарем и общежитием для учащихся [8, с. 201]. Второклассной школе принадлежала усадьба в 1 десятину, Игнатьевское общество согласилось предоставить среднему учебному заведению большое здание волостного правления со службами и двором, прилегающее к усадьбе школы. Планировалось приспособить здание волостного правления под квартиру директора и учителей средней школы. Общество отдавало в распоряжение среднего учебного заведения еще и участок земли в 6 десятин.

Принимая во внимание необходимость улучшения качества и количества учебных заведений на территории уезда, земство не могло ограничиться открытием только одного среднего учебного заведения. Следовало приложить все усилия для

открытия в уезде еще целого ряда средних школ, Комиссия по народному образованию документально оформила данную просьбу и направила ее на рассмотрение земского собрания. Она состояла из трех основных пунктов: поручить земской управе, совместно с комиссией по народному образованию, рассмотреть возможность открытия 2-й средней школы в усадьбе барона Н.А. Корфа [8, с. 204].

К докладам, прозвучавшим на чрезвычайной сессии уездного земского собрания, прилагались приговоры сельских обществ, инициирующих данные вопросы. Так, к примеру, 6 августа 1917 г., состоялся сельский сход в с. Игнатьевке Мариупольского уезда, на котором был принят приговор и занесен в книгу под № 95. На сходе в присутствии местного сельского старосты Николая Савича Сачли собрались 600 поселян, что составляло более $\frac{2}{3}$ всего сельского общества. Было заслушано предложение уездной земской управы № 1064 от 24 июня 1917 г. об открытии гимназии с 5, 6, 7 и 8 классами в с. Игнатьевке. Общество единогласно постановило, что 2-х классную церковную школу, перешедшую к тому времени, в ведение Игнатьевского сельского общества, вместе с фруктовым садом в 1 десятину земли и 6 десятинами земельного участка, отдать под среднее учебное заведение. Для квартиры директора и учителей общество решило предоставить, имеющее по соседству здание волостного правления со всеми службами и двором. Сельский сход единогласно поддержал прошение направленное Мариупольскую уездную земскую управу об открытии гимназии в с. Игнатьевке [9].

Был также заслушан доклад об открытии в уезде новых школьных комплектов 1 и 2 классов в новом учебном 1917/1918 гг. Согласно заключению комиссии по народному образованию, утвержденному земской управой, в Мариупольском уезде было предложено открыть 12 новых школьных отделений для 1-го и 2-го классов. По инициативе земского собрания, земская управа направила на рассмотрение в Министерство народного просвещения запрос о выделении земству материальной помощи на содержание новых комплектов 2-го класса в с. Валерьяновке, с. Ново-Каракубе, с. Константинополе и с. Ольговке. Основанием был закон, принятый 7 июля 1913 г.. В условиях общего экономического кризиса на период последней трети 1917 г. и на весь 1918 г. В земскую управу поступили ходатайства Игнатьевского, Камарского и Павловского сельских обществ об открытии высших начальных училищ осенью 1917 г., в соответствии с положением о высших начальных училищах принятого 25 июня 1917 г. [10].

Игнатьевское общество, рассчитывая открыть высшее 4-х классное начальное училище, предоставляло для него временное помещение в здании 2-х классного училища. По окончании войны Игнатьевское общество рассчитывало построить на свои средства отдельное здание для училища с квартирами для учителей. Учитывая, что в 1917 г. в распоряжении Министерства народного просвещения не было средств на открытие высшего начального училища, Игнатьевское сельское общество выделило на содержание училища с 1 сентября 1917 г. по 1 июля 1918 г. – 9 727 рублей 50 копеек. Планировалось, что с 1 июля 1918 г. содержание училища передать Министерству народного просвещения или Мариупольскому уездному земству. При этом общество выделило 2 000 рублей на оборудование высшего начального училища и столько же на его содержание.

В свою очередь Камарское сельское общество инициировало открытие высшего начального училища в 1917 г., в составе 1-2-го классов на определенных условиях. Общество предоставляло для высшего начального училища временное приспособленное помещение с тем условием, что по окончании войны общество

обязалось построить специальное помещение для высшего начального училища по плану Министерства народного просвещения, для чего выделило из своих средств 40 000 рублей. Обязывалось предоставить инспекторам и учителям высшего начального училища квартиры с отоплением и освещением. Отводило безвозмездно под усадьбу высшего начального училища 3 десятины земли. При постройке здания высшего начального училища общество брало на себя доставку всех строительных материалов по наряду бесплатно. Выделило из своих средств одновременно на содержание высшего начального училища в последнюю треть 1917 г. – 4 015 рублей, и на 1-ю половину 1918 г. – 5 035 рублей, с тем условием, что с 1 июля 1918 г. содержание училища планировалось передать на средства государства или земства. В заключении общество предоставило на содержание высшего начального училища по 1 000 руб. в год.

Павловское сельское общество инициировало открытие высшего начального училища в с. Павловке, но на определенных условиях. Общество предоставляло для высшего начального училища, помещение 2-х классного училища, с тем, что старшие отделения двухклассного училища будут преобразованы в высшее начальное училище. Планировалось на основе 1-го класса (3 отделения) открыть одноклассное народное училище, которому в 1917/18 учебном году отводилось помещение в одном здании с высшим начальным училищем. По окончании войны общество рассчитывало построить для него специальное здание. Павловское общество выделило из своих средств разовую помощь на обустройство высшего начального училища 3 000 руб. и ежегодно на его содержание 500 рублей. Рассчитывали, что высшее начальное училище может быть открыто в 1917 году за счет государства или земства.

Комиссия по народному образованию рассмотрев данные просьбы сельских обществ, приняла решение о том, что высшие начальные училища не только дают законченное начальное образование, но и являются связывающим звеном между низшей и средней школой, открывая, таким образом, населению путь к получению среднего и высшего образования [10, с. 217-219].

Земская управа, присоединяясь к заключению Комиссии по народному образованию, рекомендовала земскому собранию принять следующее постановление: во-первых, предложить губернской земской управе рассмотреть вопрос об изменениях в сети высших начальных училищ Мариупольского уезда, дополнив ее высшим начальным училищем в с. Игнатьевке; во-вторых, обратиться в Министерство народного просвещения с вопросом об открытии в с. Игнатьевке, с. Камаре и с. Павловке высших начальных училищ с начала 1917/18 учебного года на условиях, изложенных в приговорах сельских обществ; в-третьих, на случай если Министерство народного просвещения признало бы невозможным взять на себя содержание училища в с. Павловке с начала 1917/18 учебного года, выделить из средств Мариупольского земства, в смете 1918 г. 8 150 руб., на содержание высшего начального училища в с. Павловке [10, с. 220].

27 августа 1917 г. состоялся сельский сход с. Павловки Мариупольского уезда Екатеринославской губернии. В присутствии сельского старосты Григория Власенка, заслушали доклад учителя Н. Андреева уполномоченного от Павловского сельского общества в уездное земство. Выступали с инициативой о преобразовании в 1917 г. местного двухклассного земско-общественного училища в высшее начальное училище. Необходимо было только выделить определенную сумму на содержание высшего начального училища как разово, так и ежегодно. Определить временное, а со временем и постоянное помещение для первого класса 2-х классного училища, Сельский сход, в

дополнение к приговору от 6 августа, единогласно постановил предоставить единовременно на содержание высшего начального училища 3 000 руб. и ежегодно по 500 рублей. Предоставило временное, а со временем и постоянное помещение для 1 класса 2-х классного училища. Приговор подписали 30 грамотных и 181 неграмотных домохозяев [10, с.221].

6 августа состоялся сельский сход населения с. Павловское в присутствии председателя Исполнительно-Продовольственного комитета Григория Власенко, слушали предложение №1065 Мариупольской уездной земской управы от 25 июля 1917 г. об открытии в с. Павловке среднего учебного заведения в составе старших четырех классов (5, 6, 7 и 8 классов). В с. Павловке высшего начального училища, из которого ученики могли бы переходить в среднее учебное заведение и высшие классы, не было, а было двухклассное земское училище, которое по своему устройству могло бы быть преобразовано в высшее начальное училище. На сельском сходе постановили инициировать перед Мариупольской уездной земской управой и другими учреждениями преобразовать двухклассное земское училище с начала учебного 1917 г. в высшее начальное училище. Для быстрого рассмотрения данного вопроса постановили избрать уполномоченным учителя Никонора Ивановича Андреева, выделив ему на расходы по поездке из общественных сумм 25 руб. [10, с. 222].

В связи со сложной экономической ситуацией, на данной сессии Мариупольского уездного земского собрания был также заслушан доклад о выделении средств на изготовление школьной мебели для начального училища Мариупольского уезда. Предусматривалось в 1917/1918 учебном году открыть в Мариупольском уезде свыше 40 новых школьных комплектов (отделений) 1-го и 2-го классов. Такое, сравнительно большое, количество новых отделений вызывало необходимость снабжения отделений и квартир учителей мебелью, партами, столами, классными досками, стульями, табуретками и т.д. По приблизительному подсчету для обеспечения всех открываемых комплектов мебелью необходимо было изготовить: двухместные парты на сумму – 14 400 руб.; учительские столы – 450 руб.; классные доски стоимостью до 900 руб.; вешалки – стоимостью до 400 руб., столы для учительских квартир – стоимостью до 400 руб.; табуретки – стоимостью до 40 руб.; стулья, стоимостью до 800 руб.; кровати для учительских квартир – стоимостью до 300 руб.; кадки для воды – стоимостью до 300 руб.. Всего необходим был кредит на сумму 20 000 руб.. Часть парт (около 100 шт.) земская управа рассчитывала взять у женской гимназии и отремонтировать. С условием последующего возврата. Другую часть мебели земская управа предполагала изготовить в земской ремесленной учебной мастерской на свои средства. На основании этого, земская управа предлагала выделить из сметы 1918 года 17 500 рублей для заготовки необходимой мебели для вновь открытых учебных заведений [11].

В феврале 1917 г. на территории Российской империи, в связи со сменой власти и последующей деятельностью Временного правительства происходили существенные изменения в системе образования. Данные тенденции были характерны и для местного самоуправления на территории Мариупольского уезда. Были созданы новые организационные структуры в сфере образования, поскольку в распоряжение земств были отданы церковно-приходские, еврейские и немецкие начальные школы. В условиях общегосударственного кризиса Мариупольское уездное земство продолжало финансировать и способствовало созданию новых учебных заведений начальных, средних и высших начальных училищ. Следуя одной главной цели – повысить уровень и качество народного образования на территории уезда.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Разумная Н.Н. Организация благотворительных мероприятий в учреждениях Одесского учебного округа (1915-1916 гг.) // Причерноморье в истории и современном развитии Российского государства: опыт интеграции. – Сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции. – Керчь. 2-3 ноября 2017 г. – Краснодар, 2017. – С.142-147;
2. Разумная Н.Н. Внутренняя политика Временного правительства (на примере Мариупольского уезда) // Журнал исторических, политологических и международных исследований. – 2018. – № 4(67). – Донецк: ДонНУ. – С. 32-41;
3. Разумная Н.Н. К вопросу о продовольственном кризисе в Донбассе в 1917 году // Вестник Донецкого национального университета. Серия Б. Гуманитарные науки. – 2019. – № 2. – Донецк: ДонНУ. – С. 35-42.
4. Доклад об организации управления народным образованием в уезде // Журналы Мариупольского уездного земского собрания чрезвычайных 30 июля и 10 сентября 1917 г. сессии. – Мариуполь: эл.тип. "Печатное искусство", 1917. – С.127-129.
5. Доклад об ассигновании пособия Мариупольскому женскому с профессиональным отделением училищу // Журналы Мариупольского уездного земского собрания чрезвычайных 30 июля и 10 сентября 1917 г. сессии. – Мариуполь: эл.тип. "Печатное искусство", 1917. – С. 132-133.
6. Доклад о принятии в ведение земства церковно-приходских школ // Журналы Мариупольского уездного земского собрания чрезвычайных 30 июля и 10 сентября 1917 г. сессии. – Мариуполь: эл.тип. "Печатное искусство", 1917. – С. 142.
7. Доклад о включении в школьную сеть уезда и о принятии в хозяйственное ведение земства еврейских и немецких начальных училищ Мариупольского уезда // Журналы Мариупольского уездного земского собрания чрезвычайных 30 июля и 10 сентября 1917 г. сессии. – Мариуполь: эл.тип. "Печатное искусство", 1917. – С. 209-211.
8. Доклад об открытии среднего учебного заведения в Мариупольском уезде // Журналы Мариупольского уездного земского собрания чрезвычайных 30 июля и 10 сентября 1917 г. сессии. – Мариуполь: эл.тип. "Печатное искусство", 1917. – С. 196-197.
9. Доклад об открытии в уезде новых школьных комплектов 1 и 2 классов в новом учебном 1917-1918 гг. // Журналы Мариупольского уездного земского собрания чрезвычайных 30 июля и 10 сентября 1917 г. сессии. – Мариуполь: эл.тип. "Печатное искусство", 1917. – С. 206.
10. Доклад об открытии высших начальных училищ в с. Камаре, Игнатевке и Павловке // Журналы Мариупольского уездного земского собрания чрезвычайных 30 июля и 10 сентября 1917 г. сессии. – Мариуполь: эл.тип. "Печатное искусство", 1917. – С. 217.
11. Доклад об ассигновании средств на изготовление школьной мебели для начальных училищ // Журналы Мариупольского уездного земского собрания чрезвычайных 30 июля и 10 сентября 1917 г. сессии. – Мариуполь: эл.тип. "Печатное искусство", 1917. – С. 148-149.

Поступила в редакцию 28.08.2020 г.

PROBLEMS OF FINANCING EDUCATIONAL INSTITUTIES IN THE TERRITORY OF MARIUPOL DISTRICT IN 1917

N.N. Razumnaya

The article is devoted to study the problems that arose in the field of education on the territory of the Mariupol district in 1917. Special attention is paid to the financing of old and new schools and colleges. The novelty of the work lies in the study of the reports presented at the emergency session of the Mariupol district government in the fall of 1917.

Key words: World War First, provisional government, Zemstvo, Education, rural society, Mariupol district, 1917.

Разумная Надежда Николаевна

Кандидат исторических наук, доцент.
доцент кафедры отечественной и региональной истории ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
E-mail: n.razumnaya@donnu.ru

Razumnaya Nadezhda Nikolaevna

Candidate of History, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of National and Regional History, SEI HPE Donetsk National University.
E-mail: n.razumnaya@donnu.ru

УДК 323.1(410)(=152) «1968-1998»

СЕГРЕГАЦИЯ В СРЕДЕ МОЛОДЕЖИ СЕВЕРНОЙ ИРЛАНДИИ НА ФОНЕ ЭТНО-КОНФЕССИОНАЛЬНОГО КОНФЛИКТА (1968–1998 гг.)

© 2020. *В.И. Скопылатова*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Статья посвящена сегрегации в среде молодежи Северной Ирландии на фоне этно-конфессионального конфликта. Противостояние между двумя противоборствующими общинами происходило не только на политической и военной арене, но и в сфере социального формирования личности путем среднего образования.

Ключевые слова: сегрегация, этно-конфессиональные общины, Северная Ирландия, конфликт, школа, Ольстер, образование.

Актуальность темы данной статьи «Сегрегация в среде молодежи Северной Ирландии на фоне этно-конфессионального конфликта (1968–1998 гг.)» обусловлена, прежде всего, современной геополитической ситуацией в мире. В зонах этнических конфликтов сегрегация молодежи противоборствующих сторон стоит особенно остро и, изучив пример этно-конфессионального конфликта в Северной Ирландии, появляется возможность выработать алгоритм решения данной проблемы.

Целью статьи является определение факторов сегрегации в молодежной среде Северной Ирландии на фоне этно-конфессионального конфликта.

Историографическая база исследования достаточно обширна, но прежде всего, стоит отметить работу Джона Дарби «Конфликт в Северной Ирландии: предыстория. Аспекты конфликта в Северной Ирландии» [1]. Работа состоит из трех разделов: во-первых, краткое описание развития ирландского конфликта; во-вторых, краткое описание основных сторон и интересов в конфликте; и в-третьих, обзор подходов к управлению или разрешению конфликта. В работе Эда Кэрнса, «Попавшие под перекрестный огонь: дети и конфликт в Северной Ирландии» [2] проводится анализ участия подростков в конфликте в Северной Ирландии. Средства массовой информации сообщали, что, по крайней мере, некоторые дети в Северной Ирландии слишком хорошо усвоили уроки истории и применяли на практике то, что они узнали на улицах Белфаста, изначально это участие в насилии ограничивалось почти исключительно беспорядками в той или иной форме, и такие заголовки, как «Подростки нападают на полицию в Белфасте» или «Столкновение молодых людей с британскими войсками» стали обычным явлением.

Северная Ирландия во многих отношениях является регионом, в котором сосредоточено множество социальных проблем. Когда две трети Ирландии достигли независимости, Ольстер остался в составе Соединенного Королевства. В качестве средства обеспечения определенной степени лояльности со стороны своих националистически настроенных слоев населения Юнионистский правящий класс 1920-х годов способствовал созданию религиозных школ, которые в значительной степени контролировались бы Римско-Католической Церковью, а финансирование происходило бы за государственный счет.

В то время как в обществе, раздираемом глубинными внутренними противоречиями, которые, по сути, привели к гражданской войне на этно-

конфессиональной почве, религиозное образование не является чем-то необычным, в постреволюционном, глубоко разделенном обществе, таком которое сложилось в Северной Ирландии. Было неизбежно, что дети из семей, которые относились к католическому, угнетаемому меньшинству почти все будут отправлены своими родителями в католические школы, а государственные школы, которые должны были быть открыты для широких слоев населения, вскоре будут заняты исключительно детьми из протестантских семей. Именно разделение школ на католические и протестантские повлекло за собой углубление разделения общества, которое выразалось уже не только конфессионально окрашенных школах, но и разделило города на конфессиональные районы [3].

«Смута» – это термин, первоначально вошедший в обиход среди жителей Белфаста. «Смута» включает в себя более чем тридцатилетнюю пропаганду, запугивание, борьбу с бандами, беспорядки, уличные бои и партизанскую войну между протестантскими и католическими гражданскими лицами, военизированными группами, североирландскими силами безопасности и британской армией. В результате этого погибло 3 600 человек, более 40 000 получили ранения, а значительные слои населения были вынуждены покинуть свои дома. В качестве временного периода он обычно относится к эскалации военизированного насилия, наблюдавшейся с 1969 г., хотя он также может описывать жестокие столкновения в 1920–1930-х и 1950-х гг. военизированная террористическая деятельность, следует отметить, распространяется на материковую часть Великобритании и на Европу. На долю молодых людей (до 29 лет) в Северной Ирландии приходится более половины всех смертей в ходе беспорядков, и в этой статье мы проиллюстрируем некоторые переживания детей, ставших свидетелями военных действий и насилия в Белфасте и Дерри-Лондондерри. Жилые районы населенные преимущественно католиками часто становились объектом случаев насилия. Однако характер конфликта таков, что, хотя не все население непосредственно сталкивается с насилием, повседневная жизнь большинства граждан способствует поддержанию боевых действий и формированию культуры страха. Не в последнюю очередь часто говорят, что у всех, кто живет в Северной Ирландии, есть друзья или родственники, которые были убиты [4].

«Смута» в Северной Ирландии породила огромное количество исследований на тему этно-конфессионального конфликта в Северной Ирландии, но лишь немногие исследователи пришли к единому мнению о классификации и определении конфликта в Ольстере. Джон Дарби описывает конфликт как комплекс из шести проблемных факторов: конституционное, социальное и экономическое неравенство, культурная идентичность, безопасность, религиозные различия и повседневные отношения [5]. Однако во многих сердцах и умах эти темы коренятся в актах дискриминации, которые начались более трехсот лет назад. По этой причине то, что обычно считается «политикой» в общепринятых терминах, для большинства жителей Северной Ирландии имеет второстепенное значение по сравнению с «историей» в их жизни. Рассказы о прошлом сохраняются и становятся необычайно резонансными политическими акторами с обеих сторон, не в последнюю очередь из-за их внедрения в воображение детей. Политическая идентичность с раннего возраста играла весомую роль в самоидентификации детей и подростков Северной Ирландии периода тридцатилетней Смуты, что становилось фактором сегрегации в ирландском обществе на основе политических и религиозных предпочтений.

История противостояния католиков и протестантов насчитывает длительный период, но после приобретения Ирландией статуса доминиона и независимости в

последствии, сосредоточилась в Ольстере, который остался в составе Великобритании по результатам мирного договора после англо-ирландской войны за независимость. Общество оказалось разделенным на две противоборствующие части. Хрупкое перемирие было нарушено католическим движением «За гражданские права», которое попыталось решить проблему дискриминации католического меньшинства Ольстера, особенно при распределении жилья, выдвигались требования равенства в Северной Ирландии для всех слоев населения. Высокий уровень младенческой смертности и уровень бедности в Северной Ирландии, особенно среди католиков, рассматривается некоторыми как классический пример структурного насилия, сохраняющегося в рамках колониальных отношений. Католические марши за гражданские права в 1968 г. были расценены протестантами как явно угрожающие мирному урегулированию в обществе, что привело к массовым беспорядкам и уличному насилию в Дерри-Лондондерри и Белфасте. В 1969 г. британская армия была направлена на подавление насилия. Вскоре после этого последовала эскалация насилия между лоялистскими и республиканскими военизированными группировками и закрытие Стормонта. После «кровавой воскресной резни» 1972 г. было введено прямое правление Северной Ирландией из Лондона. Британские войска, североирландские силы безопасности и правительственные деятели становились ключевыми объектами межконфессионального насилия вплоть до переговоров о прекращении огня и мирном урегулировании. Обе общины писали отдельные исторические книги и литературу, поддерживали разделение жилых районов, школ и церквей и породили различные политические идентичности, а иногда и почти расовые стереотипы. Дети, в частности, осознают свою непохожесть через воспитание, менталитет окружения и закрытость католических и протестантских районов.

Майкл Тауссиг говорит о политическом сознании человека и действиях, порожденных этими образами и историями, в противоположность конкретным представлениям о событиях и причинно-следственных связях. Когда насилие усилилось в начале 1970-х годов, утверждалось, что люди «инстинктивно обратились к единственному источнику мудрости, применимому к таким обстоятельствам – унаследованной народной памяти о том, что было сделано в прошлом, как хорошее, так и плохое» [6].

Примером такой героизации одной сторон может служить Бобби Сэндс, республиканский заключенный [7], ему едва исполнилось 18 лет, но он считал очевидной политической стратегией обучение своих товарищей-заключенных гэльскому языку и поддержание их политической воли уроками истории о развитии ирландского общества и угнетение со стороны англичан.

Яркие конструкции героев, демонизация врага, поляризация добра и зла, «нас» и «других» – все это было типично для детских историй, рассказанных в Северной Ирландии. Героические мифы, утверждающие общинные истории и факторы идентичности, необходимые для поддержания общины в осаде, передавались в семьях и учителями во время Смуты. Неформальное образование было признанным средством укрепления национализма. Однако одной из особенностей школьного обучения детей в такой общине является то, как мало ее раздробленность признается в официальных кругах. Характерно, что школа не рассматривается как «политический» институт. 98 % детей в Северной Ирландии проводят большую часть своей жизни в сегрегированных школах, несмотря на то, что они, возможно, не так сильно сегрегированы на своих собственных улицах или даже в семьях [8].

В Северной Ирландии сегрегация образования и предрассудки в преподавании уже давно подозреваются в том, что они играют ключевую роль в поддержании

конфликта. Современная сегрегация образования восходит к 1820-м гг., когда католическому духовенству было разрешено управлять школами для католиков. Дети-католики, исключенные из государственных школ, стали источником беспорядков, и их необходимо было приютить. Этот шаг был воспринят протестантскими властями не как уступка, а как средство сосуществования. После того, как первый ирландский педагог Эоин Макнейл (1867–1945) возродил преподавание ирландской истории и литературы, католическая школа стала местом организованного политического просвещения. Макнейл продвигал гэльский спорт вместе с Дугласом Хайдом, который основал гэльскую Лигу легкой атлетики. Он также пропагандировал ирландскую историю и введение преподавания ирландского языка в начальных школах. Это назначение позволило Эоину Макнейлу и Шинн Фейн, поддержкой, которой он пользовался, продвигать идеи ирландского гражданства среди детей и, что немаловажно, их родителей [9]. Точно так же республиканец Патрик Пирс (1879–1916) основал свою собственную двуязычную школу Сент-Энда в 1908 г. Его ученики изучали ирландский язык и читали гэльскую литературу. Он был еще одним революционером, который позже был казнен, тем самым заработав место центрального героя в историях и мифах патриотов и мучеников, о которых учителя рассказывали детям [10].

Примечательно, что в декларации Ирландской Республики, принятой в 1916 г. [11], содержалось стремление к укреплению ирландской идентичности и говорилось о важности «равной заботы обо всех детях нации» [11]. Однако создание отдельного образования Северной Ирландии в 1921 г. привело к созданию отдельных школ для католических и протестантских детей. В школах были разработаны различные учебные программы, и пропаганда ирландских и британских ценностей стала маркером инакомыслия и национализма, а также верности союзу с Объединенным Королевством соответственно. Закон лорда Лондондерри об образовании 1923 г. [12] предполагал, что католические и протестантские дети будут учиться вместе без религиозного образования, но значительное противодействие со стороны церкви привело к сегрегации школ с 1930-х гг. и в дальнейшем. Большинство протестантских детей не были обучены развитию республиканства или истории ирландского национализма, и ссылки на ирландскую идентичность были заменены британской идентичностью. Школьная система осталась почти полностью сегрегированной. В настоящее время обязательное образование в Северной Ирландии распространяется на всех детей в возрасте от четырех до шестнадцати лет, и был проведен ряд исследований о потенциальном влиянии школьных систем на общество, в которых ставится вопрос о том, способствует ли конфессиональное разделение в образовании эскалации социального конфликта [13]. Многие специалисты в области образования утверждают, что школы являются главным фактором, способствующим развитию конфликта в Северной Ирландии, благодаря их институционализированной сегрегации и формированию культуры «другого», а так же «инакомыслящего», которую порождает такая структура образовательной системы. Была выдвинута гипотеза о влиянии раздельного школьного обучения для двух противоборствующих общин. Культурная гипотеза рассматривает культурное неравенство образования для двух общин. Однако было отмечено, что относительно мало исследований было посвящено присутствию политизированного «школьного этноса» или национализированной «скрытой учебной программы» в школьном обучении. Джон Дарби и Шеймус Данн предполагают, что «раннее исследование достигло двери класса, но не вошло внутрь. Трудность изучения преподавания спорных предметов оказалась слишком велика» [14].

Эта неспособность попасть в аудиторию, следить за тем, что говорит преподаватель, какими примерами иллюстрирует события, доказывает насколько эффективно

образование может уклоняться от пристального внимания, возможно, это следствие его неполитического статуса в формальных кругах. Школа обладает мощным потенциалом для того, чтобы выступать в качестве органа политической социализации детей.

Исходя из вышесказанного, можем прийти к выводу, что дети могут играть центральную роль в качестве национализированных и милитаризованных сторон в конфликте. Политическая социализация детей в Северной Ирландии облегчается их общинным воспитанием и конфессиональным характером конфликта. Конфессиональные общины разделяют и политизируют социальные институты, особенно школы, заставляя детей постоянно осознавать этно-конфессиональные ценности и границы. Дети в Северной Ирландии также особенно подвержены повторному проживанию истории и ежедневному националистическому отождествлению с прошлым. Такое построение политических ценностей в доступном формате, на стенах, в своих школах и в историях, рассказанных в семьях, легко усваивается детьми. Можно предположить, что впитывание националистических настроений в стенах школы, способствует ассимиляции молодежи в различные военизированные роли.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Darby, J., Conflict in Northern Ireland: The development of a Polarised Community, – Gill and Macmillan: Dublin, 1976, – P. 187.
2. Cairns E., Caught in Crossfire Children and the Northern Ireland Conflict. – Syracuse University Press, 1987, – P. 184.
3. The Consequences of Segregated Faith-based Education in Northern Ireland June 26, 2016/by David McIlveen – Режим доступа: <https://www.impact-se.org/the-consequences-of-segregated-faith-based-education-in-northern-ireland/>
4. The nationalisation and militarisation of Children in Northern Ireland by Helen Brocklehurst – Режим доступа: <https://cain.ulster.ac.uk/issues/children/brocklehurst/brocklehurst99.htm>
5. Darby J. Conflict in Northern Ireland: The development of a Polarised Community, – Gill and Macmillan: Dublin, 1976, – P. 237.
6. Michael Taussing. Culture of Terror – Space of Death. Roger Casement's Putumayo Report and the Explanation of Torture // Comparative Studies in Society and History. – 1984. – P. 468.
7. Скопылатова В.И. Борьба кабинета Маргарет Тэтчер с Ирландской Республиканской Армией (1981 г.) // Журнал исторических, политологических и международных исследований. – 2016. – № 2 (58). – С. 82-88.
8. The nationalisation and militarisation of Children in Northern Ireland by Helen Brocklehurst – Режим доступа: <https://cain.ulster.ac.uk/issues/children/brocklehurst/brocklehurst99.htm>
9. The nationalisation and militarisation of Children in Northern Ireland by Helen Brocklehurst – Режим доступа: <https://cain.ulster.ac.uk/issues/children/brocklehurst/brocklehurst99.htm>
10. Cairns Ed. Caught in Crossfire: Children and the Northern Ireland Conflict. – Belfast: Appletree Press, 1987. – P. 11.
11. Boyle, John F. The Irish Rebellion of 1916: a brief history of the revolt and its suppression. – biblioBazaar, 2009. – С. 127—152.
12. Lord Londonderry & Education Reform in 1920s Northern Ireland. – Режим доступа: <https://www.historyireland.com/troubles-in-ni/ni-1920-present/lord-londonderry-education-reform-in-1920s-northern-ireland/>
13. The Cost of the Troubles Study, – The United Nations University and the University of Ulster, Derry Londonderry, April 1999; Half the Battle: Understanding the impact of the troubles on children and young people, Marie Smyth and the Cost of the Troubles Study, – University of Ulster: Derry Londonderry, 1998.
14. John Darby, Conflict in Northern Ireland: A background essay, in Seamus Dunn ed., Facets of the Conflict in Northern Ireland, – Macmillan Press, 1995. – P. 21.

Поступила в редакцию 22.09.2020 г.

**SEGREGATION AMONG YOUNG PEOPLE IN NORTHERN IRELAND AGAINST THE
BACKGROUND OF THE ETHNO-CONFESSIONAL CONFLICT (1968-1998.)**

V.I. Skopyilatova

The article is devoted to segregation among the youth of Northern Ireland against the background of ethno-confessional conflict. The confrontation between the two opposing communities took place not only in the political and military arena, but also in the sphere of social formation of the individual through secondary education.

Key words: segregation, ethnic and religious communities, Northern Ireland, conflict, school, Ulster, education.

Скопылатова Виктория Игоревна

старший преподаватель кафедры всемирной истории
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
E-mail: v.skopyilatova@donnu.ru

Skopyilatova Victoria Igorevna

senior lecturer of the Department of world history,
SEI HPE «Donetsk National University».
E-mail: v.skopyilatova@donnu.ru

УДК 329.63 + 930 (477.62)

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ ДОНБАССА – ПЕРВЫЕ ДОНЕЦКИЕ АВТОНОМИСТЫ

© 2020. Ю.Р. Федоровский

ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный университет имени В.Даля»

В статье изложена история зарождения и существования первого автономистского движения Донбасса – Интернационального движения Донбасса. С привлечением ряда документальных материалов, ранее не публиковавшихся, показано развитие и многолетняя борьба организации за автономные права региона, в защиту русского языка, против агрессивного украинского национализма.

Ключевые слова: Интерфронт, национализм, федеративно-земельный строй, региональное двуязычие.

К концу 1980-х годов непродуманные «реформы» последнего руководителя СССР М.Горбачева начали приобретать откровенно разрушительный характер. Подъем общественно-политической активности масс в условиях постепенной деградации традиционной компартийной системы неизбежно вел к подъему в национальных республиках СССР радикально-деструктивных националистических сил, начавших разжигать кровавые конфликты. На Украине эти силы выступали под лозунгами «національного відродження». В 1987 г. во Львове возникли «Товариство Лева», в 1988 г. возобновила деятельность «Українська Гельсинська Спілка» во главе со старым диссидентом Л.Лукьяненко, в 1989 г. в Киеве на базе Союза Писателей Украинской ССР возникло «Народное движение за перестройку» («Рух»), во главе которого вскоре встал В.Чорновил. Разгул «гласности» на практике превращался в модную русофобию с перманентным клеймением СССР как «империи зла». На территории Украины данное явление продолжается с обострениями и до сего дня.

В противовес националистам начали зарождаться движения про-союзного, интернационалистического характера. Первыми эти процессы затронули прибалтийские республики, где общество раскололось между Народными фронтами и Интернациональными фронтами. По их образцу осенью 1989 г. зародился Донецкий Интерфронт, позже превратившийся в Интердвижение Донбасса (ИДД).

Научных публикаций о деятельности этой организации очень мало: лишь в 2005 г. донецкая исследовательница Т. Болбат затронула проблему в обзорной статье о деятельности общественных организаций Донбасса [1], А. Иванов посвятил ИДД несколько страниц в книге «Донбасс, Украина, Русский мир» [2]. Новый интерес к теме вспыхнул уже в наше время после провозглашения Народных Республик Донбасса: вышли работы Д. Рыбальченко и О. Пеньковой [3], С. Бунтовского [4, 5], А. и С. Крыськовых [6], А. Никонорова [7]. Однако все эти работы страдают отсутствием документальных данных, а опусы с той стороны фронта – еще и многочисленными ошибками, откровенно политизированной ангажированностью. В свое время автору довелось участвовать в работе Интердвижения. Благодаря этому, в личном архиве осело некоторое число документальных материалов, имеющих непосредственное отношение к теме. В год 30-летия создания ИДД назрела насущная необходимость введения данных материалов в научный оборот и создания обобщающей работы о деятельности организации, первой выдвинувшей идею создания Донбасской

автономии. Тем более что украинские исследователи «донецкого сепаратизма» уже много лет выписывают свою схему истории Донбасса последнего времени в откровенно враждебном ключе [8]. Таким образом, целью работы является освещение деятельности ИДД, направленной на защиту интересов русского населения Донбасса.

В условиях роста идей демократизации советского общества к активной деятельности начали подключаться самые широкие массы народа. Отнюдь не всех, особенно в интернациональном Донбассе, устраивали идеи украинского национализма, пропагандируемые растущими в основном на Западной Украине организациями. Когда подобные идеи зазвучали уже в Киеве – активные люди Донбасса начали делать первые шаги по самоорганизации. Как вспоминал один из первых активистов ИДД Евгений Маслов, для него большим потрясением стал эпизод, когда во время поездки в Киев летом 1987 г. он увидел свободно дефилирующих по Крещатику людей с желто-голубым флагом [9].

31 августа 1989 г. в одной из аудиторий Донецкого государственного университета собралась «группа обеспокоенных граждан» (так они обозначили себя), в основном из числа преподавателей и выпускников. Среди них были: Дмитрий Корнилов, выпускник факультета романо-германской филологии, работавший учителем иностранного языка средней школы в Ясиноватском районе, преподаватель иностранных языков ДонГУ Евгений Царенко, брат Дмитрия Владимир Корнилов, студент-заочник исторического факультета, инструктор Ворошиловского райкома ЛКСМУ и др.

На основании этой общности некий С. Мамлюк (С.Потапенко) выдвинул нелепую версию происхождения ИДД из идей германского национализма, якобы распространяемых через активно открываемые в университетах факультеты романо-германской филологии и немецкие культурные общества [10]. Но, разумеется, дело было вовсе не в этом, просто неравнодушным людям, патриотам своей малой Родины – Донбасса, было видно, как под лозунгами «демократизации» определенные силы старательно вели в гуманитарной сфере ползучую украинизацию и вытеснение русского языка – объединяющего начала всей большой страны СССР. То есть фактически под маской «национального возрождения» велась откровенно сепаратистская пропаганда. Напомним, что руководитель «УГС» Л. Лукьяненко был открытым сторонником выхода Украины из состава Советского Союза. А в западных областях уже начинались печально известная «война с памятниками» и вывешивание никем не узаконенных желто-голубых флагов.

В этих условиях и было решено создать в регионе антифашистскую организацию для борьбы против украинского национализма, за сохранение СССР, под условным названием «Интернациональный фронт Донбасса». Весной 1990 года на выборах в Верховные Советы союзных республик националисты получили уже официальное представительство. В парламенте Украинской ССР 176 депутатов, избранных главным образом в 3 западных областях, создали фракцию «Народна рада». А в Прибалтике националистические власти взяли твердый курс на вывод республик из состава СССР. В самом Донецке местные «демократы» в марте 1990 г. даже собрали в митинг в поддержку этого решения – немногочисленный, но характерный.

Прибалтика считалась самым «передовым» регионом в смысле демократизации. Поэтому летом 1990 г. братья Корниловы совершили поездку для ознакомления с политической ситуацией именно туда, а также на Западную Украину. Наблюдаемая картина произвела на них понятное впечатление. Результатом стал такой парадокс: первая программная публикация организации – «Манифест Интернационального

фронта Донбасса» состоялась в Риге – в газете Латвийского Интерфронта «Единство» 27 августа 1990 г. А по возвращении домой, 18 сентября 1990 г. в газете «Вечерний Донецк» Д. Корнилов опубликовал объявление: «По вопросу создания Интернационального Движения обращаться по (номер домашнего телефона)».

Фигура Дмитрия Владимировича Корнилова, главного вдохновителя и организатора ИДД, безусловно, является ключевой в описываемом процессе. Очень яркий и талантливый человек, прекрасный лингвист, педагог, победитель конкурса «Учитель области» имел все шансы на успешную преподавательскую карьеру в университете. Однако, как всякий талант, он имел сложный характер и не вмещался в привычные рамки. Еще в начале 1980-х гг., будучи студентом, он выступил с критикой компартийных порядков и имел неприятности с угрозой отчисления из вуза, исключения из ЛКСМУ и даже вызовом на беседу в КГБ. Поэтому после получения «красного диплома» Дмитрий был отправлен из Донецка в захудалую школу в поселке Опытное Ясиноватского района. Невзирая на это, он продолжал научную активность, в 1989 г. вместе с В. Заблоцким, А. Дынгесом и др. вошел в Ученый совет Донецкого отделения Советской ассоциации молодых историков. А с 1990 г. посвятил все свои способности целям организации Интердвижения.

Первоначальной инициативой еще официально не оформленного ИДД стала работа по воскрешению памяти о полузабытом тогда событии отечественной истории – Донецко-Криворожской Республике 1918 года. В феврале 1990 г. в газете «Комсомолец Донбасса» появилась статья В. Шевченко о ДКР. «Интеры» начали активно пропагандировать эту историю и 17 октября организовали в Доме политпросвещения доклад преподавателя ДонГУ И. Чарских о ДКР с обсуждением темы. К сожалению, нормальной дискуссии не получилось: на мероприятие явилась группа членов «Демократического руха» во главе со скандально известной активисткой Е. Ратниковой (исключенной из «Руха»), которая фактически сорвала мероприятие.

5 ноября в Обращении организации начали формулироваться задачи: «ИДД будет содействовать возвращению к изучению забытых страниц истории нашего края, неугодных и Сталину и Драчу. Таких как Донецкая республика, существовавшая в 1918 г., или становление интернационалистских традиций Донбасса – ведь здесь никогда не было межэтнических столкновений».

18 ноября 1990 г. в том же Доме политпросвещения прошла учредительная конференция ИДД. Около сотни делегатов представляли города Донецк, Макеевка, Енакиево, Ясиноватая, Красный Лиман, а также Волновахский, Великоновоселковский и Шахтерский районы Донецкой области. Были приняты Программа и Устав, избран Центральный Совет из 12 человек [11]. После дискуссии по поводу названия, остановились в конце концов на более умеренном варианте: «Интернациональное Движение Донбасса». В состав Центрального Совета ИДД вошли: Дмитрий Корнилов, преподаватель ДИСТ Виталий Заблоцкий, горняк шахты имени Челюскинцев Виталий Хомутов, учительница донецкой СШ №72 Ольга Маринцова, рабочий завода «Точмаш» Евгений Маслов, мастер завода холодильников Игорь Сычѳв и др. Сопредседателями движения стали Д. Корнилов и В. Заблоцкий. 12 декабря ИДД получило официальную регистрацию в Донецком облисполкоме.

В начале 1991 г. работа ИДД систематизировалась в форме знаменитых «интеровских сред»: каждую неделю в среду в 18.00 десяток-другой активистов собирались в одной из аудиторий ДонГУ и обсуждали текущие проблемы. Например, 27 февраля слушали доклад Е. Царенко об истории и ее извращениях со стороны украинских националистов, 20 марта обсуждали результаты Всесоюзного референдума

17.03.1991 и отношение ИДД к КПСС, 10 апреля – доклад о визите в Донецк известного тогда политика Е.Когана (лидер Интердвижения Эстонии, народный депутат СССР) и решение об учреждении Историко-культурной ассоциации Донбасса, 24 апреля – Всесоюзный съезд Интердвижений в Москве, 29 мая – нападение на члена ИДД И.Сычева, 5 июня – проблемы Приднестровья и Абхазии, 24 июля – акцию с возложением цветов к памятнику Артему по поводу 70-летия его гибели и т.д. [12].

В вышедшем тогда «Манифесте интернационального движения Донбасса» были впервые озвучены основные программные принципы ИДД, сформулированные Д.Корниловым в форме красивой аббревиатуры «СССР». Первая буква «С» означала «Свобода». «Мы выступаем за утверждение во всех сферах жизни приоритета прав, свобод, интересов личности над интересами нации, классов, партий». Вторая «С» – «Стабильность». «Мы утверждаем, что только в стабильном, предсказуемом обществе, основанном на уважении к закону, возможно свободное и достойное положение личности... было бы неразумно «разрушать до основания» политические и экономические структуры, которые доказали свою жизнеспособность». Третья «С» – «Справедливость». «Мы отстаиваем равноправие всех граждан независимо от их национальности, вероисповедания, социальной принадлежности, политических убеждений; равноправие всех наций и языков». «Р» – «Развитие». «Нашей целью не является возвращение нашего общества к одному из прожитых им этапов или слепое копирование неких готовых образцов. Мы защищаем принцип стабильного развития нашего общества на основе общечеловеческих закономерностей» [12].

Как верно отмечал А.Иванов, отношение Интердвижения к вопросам Союзного референдума было неординарным. К общесоюзному вопросу, вынесенному на голосование 17 марта 1991 г., украинскими властями во главе с крайне гибким политиком Л.Кравчуком, был добавлен республиканский. И если общесоюзный вопрос предлагал выразить отношение к продолжению существования Союзного государства в виде обновлённой федерации, то в республиканском шла речь об одобрении Декларации о суверенитете, проташенной через Верховную раду летом 1990 г. Таким образом, голосуя «да» на республиканском опросе, люди фактически поддерживали документ, направленный против союзного государства. «Понимая цели готовившегося подлога, ИДД призвало своих сторонников ответить однозначно «да» на вопрос общесоюзного референдума, а бюллетени с софистически сформулированным республиканским вопросом получить и унести с собой. Так поступили все участники Интердвижения» [13].

Вопреки утверждениям украинских авторов о связях ИДД с властями [7, с. 9], никакой поддержки ИДД не имело. Дряблая горбачевская вертикаль не была способна ни на какие решительные действия против радикальных националистов. Поэтому пропаганду своих идей «интеры» вели в основном при помощи листовок, изготавливаемых своими силами и за свой счет. Наиболее резонансными в 1991 году стали такие: «Союзному договору – да!» (к референдуму 17 марта), «Прав ли пан Следнев?» (о финансировании директором ДМЗ националистической пропаганды ТУМ «Просвита»), «Так кто же нас грабит?» (о перекачивании средств из восточных областей-доноров в западные и требования автономии Донбасса) [14].

В 1991 г. в донецких газетах появились статьи енакиевского активиста В. Чередниченко, народных депутатов СССР А. Бойко и В. Гончарова, академика В. Мамутова, которые обосновывали необходимость создания «Донецкой федеративной земли» или автономии через проведение референдума. Интердвижение поставило этот вопрос наиболее радикально. Во время известных событий 1991 г.,

связанных с выступлением ГКЧП, Центральный Совет ИДД 28 августа принял Заявление «Об общественно-политической ситуации», в котором выражалась «тревога в связи с тем, что Донбасс может стать ареной серьезных столкновений различных политических сил», и поэтому предлагалось до 1 декабря 1991 г. провести региональный референдум о предоставлении Донецкой области статуса автономии в составе СССР. Это дало возможность Т.Болбат писать, что «Интердвижение было первой общественной организацией в Донбассе, которая выступила с инициативой о придании Донецкой области статуса самоуправляющейся территории (автономии)... ИДД была разработана концепция перехода Украины к федеративному устройству государства» [15].

В это же время «интерами» была выпущена листовка «Из истории флагов», в которой критиковались псевдоисторические изыски украинофилов о «древности» желто-голубого флага, который начали насаждать как государственный (хотя он был утвержден лишь в 1992 г.). Резонанс был таков, что в донецкой газете «Городъ» даже вышел разносный материал «Когда «историки» близки к истерике», автор которого С.Штейников, правда, не смог выдвинуть никаких возражений по существу. Однако резко меняющаяся ситуация (стремительное обрушение союзных структур и мощная пропагандистская кампания к референдуму 1 декабря) привели к определенному кризису организации. В конце сентября сопредседатель ИДД В.Заблоцкий (представитель «умеренного» крыла) объявил об отставке (позднее вступил в Партию труда, с 2006 г. избирался депутатом ВРУ от Партии регионов). На собраниях начали поговаривать о переходе в подполье. Тем не менее, в октябре было объявлено о создании Историко-культурной ассоциации Донбасса, которая намеревалась продолжать работу по изучению истории края. А 8 октября на митинге впервые был поднят собственный красно-сине-черный флаг ИДД, под которым на центральной площади Донецка проводили сбор подписей в поддержку автономии.

В позднейшем интервью 2015 г. Владимир Корнилов пояснял происхождение цветов так: «Дело в том, что к периоду незалежности боролись две концепции – либо принять в качестве символа Украины петлюровско-скоропадский сине-желтый флаг, либо же оставить красно-синий флаг СССР (пусть даже без звезды и серпа с молотом). Понятное дело, мы отстаивали второй вариант – красно-синий. Так и родился флаг Донбасса – к красно-синему мы добавили черную полосу, символизирующую уголь нашего края» [16] Свои версии объяснения цветов были озвучены также А.Волынцом в апреле 2014 [17] и И. Сычевым в ноябре 2015 [18].

Однако в личном архиве автора сохранилась листовка ИДД с таким объяснением: «Наше знамя – красно-сине-черное полотнище. Эти цвета – цвета нашего родного края, нашего Донбасса. Красный – цвет пролетарской солидарности рабочего Донбасса. Синий – цвет моря, омывающего берег нашей родной Мариупольщины. Черный – цвет угля, на котором стоит наш край» [14]. Сегодня, когда данный флаг в перевернутом виде используется как государственное знамя ДНР, официальные вексиллологи придумали гораздо более пышное и цветистое объяснение, но исходник был именно таким. Сделал этот первый флаг, еще малого размера, активист Игорь Сычев. Позднее флаг был передан в Донецкий музей и в 1997 были сшиты несколько больших флагов, которые впервые были подняты на Первомайском митинге.

Активисты ИДД принимали участие в Собрании народных депутатов всех уровней Юга и Востока Украины 26 октября 1991 г. (на котором приняли Заявление Верховному Совету с предложением: «Внести положение о федеративно-земельном устройстве Украины в концепцию и в проект Конституции»), в Форуме интеллигенции

Донбасса 27 октября и Конгрессе донецкой интеллигенции 28 ноября. Осенью 1991 г. в Донбассе имело место жесткое противостояние организаций, выступающих «за» и «против» идеи федерализма. С одной стороны, это Интердвижение, социалисты, Народное Движение Луганщины, общество «Возрождение»; с другой – областные организации УРП, Демократической партии Украины, ПДВУ, Народного Руха, ТУМ имени Т. Шевченко. Противостояние выражалось в различных формах: распространении листовок, принятии обращений и заявлений, выступлениях на страницах периодической печати, митингах, форумах, организации пикетов местных органов власти. Причем зачастую употреблялись весьма жесткие выражения, носящие оскорбительный характер.

В связи с запретом и исчезновением с политического поля Компартии, накануне голосования 1 декабря ИДД оказалось практически единственной политической силой, выступившей с призывом сказать «Нет» на референдуме по «Акту провозглашения независимости». Фактически подпольно, в условиях тотального господства «проукраинской» линии, «интерам» удалось выпустить две листовки соответствующего содержания: «Товарищи! Земляки! Дончане!» и «Донбасс говорит – НЕТ». Для агитации использовалась также выборная кампания. На собрании 13 ноября было принято решение выдвинуть Д.Корнилова и И.Сычева кандидатами на проводимых одновременно выборах депутатов Донецкого областного Совета. И в их программных листовках, изданных за казенный счет, еще раз были озвучены идеи и лозунги ИДД [14].

Однако противостоять государственной машине было невозможно и 1 декабря 1991, по официальным украинским данным, большинство населения проголосовало в поддержку «Акта». Настроение «автономистов» было настолько подавленным, что Д. Корнилов даже заявил о своей отставке с поста руководителя ИДД. Но надо было перестраиваться к новым условиям существования в откровенно враждебном государстве и это заявление от 3 декабря осталось без последствий. По мнению Д. Корнилова, для смягчения противоречий в разнородной стране «Украина» и торможения насильственной украинизации, следовало добиваться федерализации и автономии [5]. Уже 25 декабря активисты ИДД приняли участие в организованном социалистами Круглом столе, посвященном 74 годовщине Советской власти на Украине.

Состав ИДД был весьма пестрым: в него входили и рабочие (Е.Маслов, В.Хомутов, слесарь ЖЭК Виктор Миронцев), и представители интеллигенции (Д.Корнилов, адвокат Виктор Филиппенко, преподаватель Игорь Карпенко), и пенсионеры (Петр Диденко, Владимир Петренко, Даниил Романенко), и молодежь (Сергей Чепик, Алексей Городилов, Ярослав Кочуровский, Сергей Абуков). В организацию переходили даже идейные враги: экс-руховец А. Васильев, бывший УНСО-вец Артем. В начале 1992 г. возникла идея организации молодежного крыла движения. Эту работу взяли на себя два студента Донецкого госуниверситета – Юлий Федоровский и Александр Дмитриевский, которые заняли соответственно должности секретаря и председателя «Молодежной лиги Интердвижения». Федоровский написал первые протоколы, а также Устав МЛ ИДД, утвержденный Д.Корниловым 19 марта 1992 г. Согласно Протоколу № 3 от 11 апреля, МЛ вошла «в состав Союза молодежных организаций Донбасса в качестве коллективного члена». В организацию были вовлечены Федоровским несколько студентов ДонГУ (Г. Назаркин, И. Гужва, В. Разумный), а Дмитриевским – участники одного из Макеевских спортклубов. В сохранившемся списке членов МЛ значится 21 человек [12].

25 января 1992 г. на пленуме ИДД были конкретизированы основные задачи организации: обеспечение приоритета прав человека во всех сферах общественной

жизни, поддержка добровольных интеграционных процессов в пределах государств бывшего СССР, сохранение единого экономического пространства, возможность получения двойного гражданства [19]. Продолжался выпуск листовок: «В чьих руках судьба Донбасса?», «Что нам принесла самостоятельность?». 19.03.1992 г. было направлено Обращение в Донецкий облсовет с предложением признать на территории области русский язык в качестве официального (под ним было собрано около 5 тысяч подписей). 22.03.1992 г. «интеры» вместе с социалистами провели массовый митинг, в Резолюцию которого вошли также требования сохранения единого с Россией экономического и информационного пространства и придания Украине земельно-федеративного устройства [14].

В рамках дальнейшей формализации деятельности, в августе 1992 г. Д. Корнилов начал выдавать членские билеты организации. Небольшая книжечка размерами 7x10 см из плотной бумаги была снабжена личной фотографией и украшена лозунгом «Свобода, стабильность, справедливость, развитие!». На внутренних страницах расшифровывались основные идеи ИДД: федеративное устройство Украины, объединительные процессы в пределах Советского Союза, законодательное закрепление русско-украинского двуязычия, защита региональных интересов Донбасса, борьба против национал-фашизма. Всего их было роздано около сотни.

Активизировалось сотрудничество с новосоздаваемыми организациями близкого направления: в феврале 1992 г. возникло «Движение за возрождение Донбасса» (сопредседатель Александр Базилюк), в апреле Партия Славянского единства, в мае – Гражданский конгресс. 18 апреля была создана ячейка ИДД в Красноармейске. Поскольку законодательство новорожденного украинского государства не предусматривало существование региональных партий, возникла идея объединения региональных антинационалистических организаций в одну политическую силу. В октябре 1992 г. в Донецке состоялся II Гражданский конгресс, который завершил этот процесс и создал одноименную партию. Среди ее учредителей были: ДВД и «Интердвижение Донбасса» (Донецк), движения «Демократический Донбасс» и «Единство» (Луганск), «Гражданский форум» (Одесса), «За Союз» и «Выборы-89» (Харьков) и др. От ИДД в руководство ГКУ были избраны Д. Корнилов, И. Сычев, Ю. Федоровский.

Однако тогда же в октябре при перерегистрации ИДД выяснилось, что руководители ДОО одной из мелких националистических партиек – «Демократической партии Украины» В. Суярко и И. Бирчак написали донос властям с требованием запретить деятельность сторонников федерально-земельного устройства. К таковым были отнесены ИДД и ДВД. Но прокуратура не нашла в действиях Интердвижения состава преступления.

1993 г. начался весьма знаменательными событиями: ИДД выпустило свою газету «Наш Донбасс» (тираж 10 тыс.), в которой были напечатаны Программа движения, выступления лидеров дружественных партий А. Базилюка (ГКУ) и И. Карпенко (ПСЕУ) и ряд критических и исторических материалов Д. Корнилова и И. Сычева. Тогда же начал выходить региональный еженедельник «Донецкий кряж», превратившийся со временем в ведущее издание Донбасса. Д. Корнилов и Ю. Федоровский начали активно печататься в нем, используя газету как трибуну для пропаганды своих автономистских идей. На общеобластном митинге «День единых действий» 13 февраля ИДД, ГКУ и социалисты сформулировали ключевую триаду требований: региональное двуязычие, федеративное устройство Украины, подписание Устава СНГ, распространялась листовка ИДД «Год без Союза». На многочисленных

митингах, форумах и съездах Корниловым и другими озвучивались разработанные им поправки в Закон о языке и к обсуждаемому проекту новой Конституции. 11 апреля Корнилов на конференции движения «Демократический Донбасс» в Луганске еще раз подчеркнул: «Мы за федеративное устройство Украины и автономию Донбасса» [20].

Пиком стали события знаменитой июньской стачки. Начавшись как шахтерская, она быстро переросла в региональную, а затем общенациональную, на митингах звучали требования отставки президента Л. Кравчука и региональной самостоятельности Донбасса. Кравчук, согласившись уйти, после прекращения забастовки попытался «забрать слово обратно» и напоролся на августовскую инициативу активистов ИДД, ГКУ, ПСЕУ и др. по сбору подписей за референдум по отставке президента [21]. В результате политических маневров ему удалось оттянуть окончательное решение до выборов 1994 года.

Принятое 9 июля резонансное решение Верховного Совета РФ о российском статусе Севастополя получило горячую поддержку донецких «автономистов», озвученную, в частности в выступлении Ю.Федоровского в «Российской газете» 15 июля 1993 г. Буквально через несколько дней после этого на него произошло нападение трех боевиков УНА-УНСО во главе с самим «командиром Донецкого отряда УНСО» «Архангельским» (А.Надтока). По этому поводу Интердвижение выступило с Заявлением протеста, напечатанным в «Правде Украины» 10 августа 1993.

Сближение с ДВД-ГКУ привело к тому, что после того как в июне 1993 г. партия обрела свою штаб-квартиру в Донецке по улице Постышева, 68, «интеровские среды» сменили адрес сбора и переехали из ДонГУ туда.

На октябрьские события в Москве Молодежная лига ИДД отреагировала заявлением осуждения «кровавой провокации ельцинских властей». Один из предвыборных опросов, проведенных в ноябре, показал, что за Интердвижение в области были готовы проголосовать 7 % избирателей, за КПУ – 22 % [14].

Именно под давлением «автономистов» областными Советами Донецка и Луганска было принято решение провести 27 марта 1994 г. одновременно с президентскими и парламентскими выборами региональные референдумы по ключевым вопросам: федеративное устройство Украины, региональное двуязычие, подписание Устава СНГ. Украинские исследователи А. и С. Крыськовы именно к этому референдуму относят дату рождения «сепаратистского движения в Донбассе» [4]. Правда другой украинский автор А.Никоноров считает официальной датой зарождения сепаратизма в Донецкой области февральское 1993 г. интервью председателя облсовета В. Чупруна газете «Донецкий кряж», в котором на самом деле шла речь только о федерализации [22].

Так или иначе, именно тогда власти в первый и последний раз решили поинтересоваться мнением народа. Формулировки вопросов, поставленные двумя облсоветами, были идентичными. Правда, в Луганской области решением суда вопрос о федерации был исключен из бюллетеня. Результаты были таковы: на вопрос «Согласны ли вы с тем, чтобы Конституция Украины закрепила функционирование русского языка в качестве государственного языка Украины наряду с государственным украинским языком?» в Донецкой области ответили «ДА» – 2 430 821 чел. (87,16%), в Луганской области – 1 400 852 чел. (90,38 %). «Согласны ли вы с тем, чтобы на территории области языком работы, делопроизводства и документации, а также образования и науки был русский язык наряду с украинским?» в Донецкой области ответили «ДА» – 2 455 949 ч. (87,9 %), в Луганской области – 1 416 571 ч. (90,91 %). «Вы за подписание Устава СНГ, полноправное участие Украины в Экономическом

Союзе, в Межпарламентской Ассамблее стран СНГ?». В Донецкой области ответили «Да» – 2 481 981 (88,72 %), в Луганской – 1 413 960 (90,74 %). «Согласны ли Вы с тем, чтобы Конституция Украины закрепила федеративно-земельное устройство Украины?». В Донецкой области ответили «Да» – 2 227 538 ч. (79,69 %), «Нет» – 419 794 ч. Недействительных – 147 889 [23].

Националисты немедленно опротестовали проведение референдума и 6 апреля в Ворошиловском райсуде начался долгий «процесс над тремя миллионами» (именно столько избирателей насчитывалось тогда в области). Соответчиками выступили Донецкий облсовет и народный депутат от ГКУ Юрий Болдырев. Активисты ИДД и ГКУ регулярно пикетировали заседания суда, протестуя против подавления народного волеизъявления. После многомесячного разбирательства суд благополучно утонул в юридическом крюкотворстве сторон. Как признает украинский исследователь К. Скоркин «Центральная власть в целом проигнорировала решения референдума, после принятия конституции 1996 г., закрепившей унитарный строй, о нем забыли. Но только не на Донбассе, идея была отложена до лучших времен» [20]

Середина 1990-х годов была пиком активности Интердвижения. Однако, за апогеем неизбежно следует спад. Д.Корнилов в 1994 г. окончательно перешел на журналистскую работу, став штатным сотрудником «Донецкого края» и в 1995 г. перед длительной зарубежной командировкой передал должность председателя ИДД Сергею Чепику. Наступала новая эпоха – эпоха номенклатурных политических партий. Актив постепенно разбредался: в Социалистическую партию Мороза, в Партию труда, в Гражданский конгресс или Партию славянского единства. Как подсчитал как-то Д. Корнилов, из ИДД вышли лидеры пяти украинских партий. Председатель ПСЕ И. Карпенко еще в конце 1994 г. гордо заявлял, что начал свой путь в рядах ИДД и даже сейчас выступает против самороспуска движения [24]. По мнению Р.Туровского, «Во второй половине 1990-х гг. инициатива на местной политической сцене перешла к партиям, представляющим местный истеблишмент – чиновничество и директорский корпус. Партии, выражавшие особые политико-культурные интересы Донбасса, потеряли свое влияние [5].

Тем не менее, организация продолжала существовать и постепенно редущий актив все так же собирался по средам в штабе ГКУ. Одним из основных направлений стала борьба против ползучей украинизации школ и пикетирование местных советов, чтобы побудить их к имплементации результатов референдума 27 марта. Первым областным советом, принявшим решение о региональном двуязычии, 27 октября 1994 г. стал Луганский. Затем, 11 января 1995 г., под гул пикетчиков из ГКУ, ИДД, СПУ, аналогичное решение принял Донецкий городской совет. 17 марта – годовщина Союзного референдума – стала традиционным «красным днем календаря» для сил про-союзного направления и отмечалась ежегодными акциями, становясь традицией.

27 июня 1995 г. «интеры» и члены ГКУ пикетировали Донецкое телевидение, протестуя против политической цензуры. Работавший там Владимир Корнилов тогда выпускал критическую программу «Выбор» и местные националисты регулярно писали на нее кляузы, требуя закрыть за «антидержавну пропаганду». У «телевизионной кампании» было продолжение. Обрывая очередную ниточку между Россией и Украиной, правительство последней приняло решение о прекращении с 1 августа трансляции ОРТ. Это привело к вспышке массового недовольства и многодневным акциям протеста по всей Украине (Киев, Одесса, Николаев, Харьков, Луганск, Севастополь и др.). В Донецке главным союзником ГКУ в этой кампании стало Интердвижение. Под давлением митингующих 18 августа областные власти

согласились произвести обратную перекоммутацию телеканалов. Последним актом затухающей кампании стали «Дни единых действий» 1–2 октября.

В 1996 г. Интердвижением были приняты «Заявление в поддержку решения Госдумы РФ о денонсации Беловежских соглашений (20 марта)», но основным содержанием работы стала борьба против украинизации школы № 107 Петровского района. Благодаря этому, в состав актива пришли новые люди – из числа обеспокоенных родителей. Наиболее известной из них стала Ирина Попова, позже избранная депутатом областного совета, а в 2014 г. ставшая депутатом Народного Совета ДНР 1 созыва. 26 октября в рамках борьбы за сохранение российского телевидения в Донецке произошел наиболее яркий эпизод кампании – театрализованное действо «Похороны телевизора». Подобные акции состоялись также в Киеве, Крыму, Луганске, Харькове.

В 1997 г. борьба против украинизации школ продолжалась. Апогеем стал визит 14 апреля трех активистов ИДД в школу №107, на который нервно среагировал даже главный орган украинских националистов – газета «Шлях перемоги» [25]. 2 июня ИДД, ГКУ, ДВС и Русская община Донецка направили совместное заявление протеста председателям Донецкого городского и Петровского районного Советов, а 4 июня в том же составе устроили пикетирование Петровского райсовета. Об этом резонансном событии писали многие донецкие газеты [26]. Шум в публичной сфере дал эффект: 11 июня Петровский райисполком приостановил собственное решение годичной давности о переводе школы на украинский язык обучения [14]. Тогда же, накануне Первомая, а также в преддверии надвигающегося 80-летнего юбилея Донецко-Криворожской Республики, стараниями И.Сычева были изготовлены несколько новых больших флагов ИДД [18], которые были зафиксированы на акции 7 ноября.

А 8 февраля 1998 г. шествием и митингом у памятника отцу-основателю ДКР Артему «интеры» заложили еще одну традицию, ставшую многолетней. К этой дате стараниями Е.Маслова были выпущены листовки с картой ДКР, нарисованной Ю.Федоровским и ныне широко известной в интернете. Также вышла листовка-приглашение «Земляк – донбассовец!» и листовка «Интернациональное движение Донбасса» с расшифровкой цветов флага организации. Тогда же в «Донецком кряже» вышла большая статья Владимира Корнилова «Забывтая страна», а в газетах «Городъ» и «Донеччина» – интервью Ю.Федоровского на ту же тему [27]. В 1999 г. эта акция была замечена СМИ: «На площади Ленина Интердвижение Донбасса провело митинг, посвященный 81 годовщине провозглашения Донецко-Криворожской Республики... Митинг принял резолюцию, протестующую против экономической политики президента и правительства, а также против курса по втягиванию Украины в НАТО» [28]. Февральские митинги у памятника Артему, став традицией, дожили до нашего времени и в ДНР отмечаются уже на государственном уровне.

В мае 1999 г. председатель ИДД С.Чепик стал делегатом Первого съезда русских Украины и был избран членом Ревизионной комиссии Русского Совета. В июне он подписал Заявление протеста партий, входящих в движение «Народная оппозиция Донбасса» против преследования оппозиции (вместе с КПУ, СПУ, Славянской партией). К государственным праздникам Украины 28 июня и 24 августа И.Сычевым были составлены и выпущены от имени ИДД еще две листовки «Уважаемая публика!» и «Что мы празднуем?» Кроме того, в августе 1999 г. группа активистов ИДД (Чепик, Городилов, Дворянинов, Сурин, Сычев, Якубовская и др.), совершила «Святогорский поход»: выдвинулась с флагами Интердвижения к знаменитому памятнику Артему на меловых горах, по пути агитируя провинциальных граждан и рассказывая о своей организации в пику официозным мероприятиям «Дня незалежности».

Своего рода итоговым документом можно считать выпущенный 9 февраля 2000 г. С.Чепиком как председателем Центрального Совета ИДД к очередной годовщине ДКР «Календарь праздничных дней ИДД», в который были включены: 18 января – День Переяславской рады, 9 февраля – День провозглашения ДКР, 17 марта – День Союза, 27 марта – День Вседонбасского референдума, 25 апреля – День открытия 1 съезда Советов Дон.Крив.области, 18 ноября – День основания Интернационального движения Донбасса и др. [14] Примерно в это время в связи с потерей помещения штаб-квартиры ГКУ на Постышева ИДД «переехало» в полуподвальное помещение на бульваре Шевченко, относящееся к Областной юношеской библиотеке.

Тяжелым ударом для организации стала безвременная смерть ее основателя и идейного лидера Дмитрия Корнилова 31 января 2002 г.

В процессе подготовки «Первого Майдана» правонационалистический блок «Наша Украина» во главе с В.Ющенко в октябре 2003 г. попытался провести свой съезд в Донецке, чем спровоцировал массовые акции протеста дончан, имевшие широкий резонанс. «Интеры» со своим черно-красно-синим флагом засветились в первых рядах протестующих. Вместе со всеми они приняли посильное участие в движении Антимайдана времен «Оранжевой революции» 2004 г.. Председатель ИДД С.Чепик был делегатом Северодонецких съездов 2004 и 2008 гг. В огне этих событий организация фактически передала эстафету и флаг новому поколению «автономистов». В палаточном городке зародилась организация «Донецкая республика» во главе с Александром Цурканом и Андреем Пургиным, официально зарегистрированная в 2005 г. Такое же красно-сине-черное трехцветие взяла на свой флаг и возникшая в 2007 «Донбасская Русь». Позднейшие эпизодические засветки ИДД в СМИ свидетельствуют о сближении их позиций с коммунистами. Накануне парламентских выборов 2006 г. в газете КПУ появилась заметка С.Чепика «Интердвижение за союз с Компартией» [29]. В 2008 г. «интеры» поддержали инициативу коммунистов о создании памятника Герою Советского Союза Н.Ватутину. В условиях «оранжевой эпохи» увековечение советского генерала, убитого бандеровцами, было серьезным вызовом киевской власти. Памятник был открыт 8 сентября 2009 г., в день освобождения Донбасса. На этой акции можно было в последний раз увидеть флаги Интердвижения.

С. Чепик принимал активное участие в Евразийском движении. В одной из бесед он сказал, что считает себя счастливым человеком, ибо дожил до того дня, когда то, что казалась в 1990-е годы несбыточной фантазией, стало реальностью. На конференции в ДНР, посвященной 25-летию организации, один из основателей ДНР А. Пургин высоко оценил деятельность ИДД: «Не будь Интернационального движения Донбасса, не было бы сегодня Донецкой Народной Республики. Это фундамент, на котором она стоит... Оно хотело изменить систему, частью которой не являлось. И это настоящий подвиг» [31].

Резюмируя многолетний путь борьбы Интердвижения Донбасса, можно с уверенностью сказать, что оно выступило предтечей событий Русской Весны 2014 года, которая, таким образом, является не случайным явлением в истории, а закономерным следствием всего хода развития русского Донбасса. Идеи донбасского ирредентизма и воссоединения с Россией имеют глубокие корни, уходящие во времена «перестройки».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Болбат Т.В. Проблема государственного устройства Украины в деятельности общественных организаций Донбасса в начале 1990-х гг. / Т.В. Болбат // Наука, релігія, суспільство. – Донецк, 2005. – № 1.
2. Иванов А., Бунтовский С. Донбасс, Украина, Русский мир. / А. Иванов, С. Бунтовский // Донецк, 2012. – С.102-107.

3. Рыбальченко Д.А., Пенькова О.Б. Дмитрий Корнилов и его роль в истории Интердвижения Донбасса / Д.А. Рыбальченко, О.Б. Пенькова // Донецкие чтения 2018. Материалы III Международной научной конференции. – Д., 2018. Т. 7. – С.146-148.
4. Бунтовский С.Ю. История Донбасса / С.Ю. Бунтовский. – Донецк: Донбасская Русь, 2017. – С. 266-268.
5. Бунтовский С.Ю. Общественно-политические организации Донбасса прорусской направленности в конце XX – начале XXI века [Электронный ресурс] / С.Ю. Бунтовский // Научный журнал КубГАУ. – Краснодар: КубГАУ, 2016. – № 10. – Режим доступа: <http://ej.kubagro.ru/2016/10/pdf/31.pdf> (дата обращения: 11.11.2020).
6. Криськов А.А., Криськова С.А. Сепаратистський рух на Сході України у 1990-ті роки / А.А. Криськов, С.А. Криськова // Матеріали Міжнародної науково-технічної конференції 14-15 травня 2020 р. «Фундаментальні та прикладні проблеми сучасних технологій». Тернопіль, 2020. – С.253-254.
7. Ніконоров О. Історія розвитку сепаратизму в Донецькій області / О. Ніконоров // Український журнал 2015. – № 11-12. – С. 6-17.
8. Дмитриевский А.В. Интердвижение Донбасса: у истоков нашей борьбы / А. Дмитриевский // Донецкое время. – 2019. – 13 ноября.
9. Сычев И. Интердвижение и уроки Донбасса. [Электронный ресурс] / И. Сычев. – Режим доступа: <https://c-eho.info/interdvizhenie-i-uroki-donbassa/> (дата обращения: 11.11.2020).
10. Мамлюк С. Интер-Движение Донбасса (ИДД). [Электронный ресурс] / С. Мамлюк. – Режим доступа: <https://politiko.ua/blogpost105504> (дата обращения: 11.11.2020).
11. Лыков В. Штрихи к политическому портрету: партии и общественные организации в Донецке. – Д., 1991. – С.15-16.
12. Записи из личного архива автора.
13. Иванов А. Донбасс против нацизма: очерки из новейшей истории Украины. [Электронный ресурс] / А. Иванов. – Режим доступа: <http://www.odnako.org/blogs/donbass-protiv-nacizma-ocherki-iz-noveyshey-istorii-ukraini/> (дата обращения: 11.11.2020).
14. Из личного архива автора.
15. Болбат Т., Халимова Е. Политические партии, общественные организации и движения Донецкой области. – Д., 1993. – С.23-24.
16. 25 лет Интердвижению Донбасса. Вспоминает Владимир Корнилов. [Электронный ресурс] / В.В. Корнилов. – Режим доступа: <https://ukraina.ru/interview/20151118/1014858890.html> (дата обращения: 11.11.2020).
17. Вольнец А. Донецкая республика: мифы и реальность. [Электронный ресурс] / А.Вольнец. Режим доступа: <https://rusplt.ru/policy/Donetskaya-respublika-istoriya-9298.html> (дата обращения: 11.11.2020).
18. Любимова В., Сычев И. История ДНР. Интернациональное Движение Донбасса / И. Сычев, В. Любимова // Новая Земля. – №10 (ноябрь) 2015. – С.6-7.
19. Донецкая область: политические партии, движения, общественные организации. – Д., 1994. – С.42.
20. Скоркин К. 25 лет донбасского сепаратизма / К. Скоркин // Реальная газета. – 2016. – 15 марта.
21. Базилюк А. Референдум-93 / А.Ф. Базилюк // Донецкий кряж. – 1993. – 6 августа; Лузан А. Почему ГКУ проводит сбор подписей / А. Лузан // Гражданский конгресс. – №1 (август) 1993.
22. Ніконоров О. Історія розвитку сепаратизму в Донецькій області. [Электронный ресурс] / О. Ніконоров. – Режим доступа : <https://dn.depo.ua/rus/donetsk/istoriya-rozvitku-separatizmu-v-donetskiy-oblasti-28102015090000> (дата обращения: 11.11.2020).
23. Сообщение // Донбасс. – 1994. – 1 апреля.
24. Карпенко И. Воссоединение ради спасения / И.К. Карпенко // Донецкий кряж. – 1994. – 16 сентября.
25. Українській гімназії у Донецьку бути! // Шлях перемоги. – 1997. – 24 квітня.
26. Комсомольская правда в Донецке 14.02.1997; Донецкий кряж 21.02.1997 и 19.06.1997; Позиция 14.03.1997; Городь 20.03.1997; Петровка: день за днем 10.04.1997.
27. Корнилов В. Забытая страна / В.В. Корнилов // Донецкий кряж. – 1998. – 19 февраля.
28. Сычев И. Донбасс когда-то был республикой / И. Сычев // Донецкий кряж. – 1999. – 18 февраля.
29. Чепик С. Интердвижение за союз с Компартией / С.О. Чепик // Коммунист Донбасса. 2006. 17 февраля.
30. 25 лет со дня основания Интердвижения Донбасса: конференция на истфаке. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://news.donnu.ru/2015/11/24/25-let-so-dnya-osnovaniya-interdvizheniya-do/> (дата обращения: 11.11.2020).

Поступила в редакцию 20.11.2020

INTERNATIONAL MOVEMENT OF DONBASS – FIRST DONETSK AUTONOMISTS

J. R. Fedorovskiy

The article describes the history of the origin and existence of the first autonomous movement of Donbass – the International movement of Donbass. With the involvement of a number of documentary materials that were not previously published, the development and long-term struggle of the organization for the autonomous rights of the region, in defense of the Russian language, against aggressive Ukrainian nationalism is shown.

Key words: Interfront, nationalism, federal-land system, regional bilingualism.

Федоровский Юлий Рудольфович.

Кандидат исторических наук, доцент.
Доцент кафедры истории ГОУ ВО ЛНР
«Луганский государственный университет имени
Владимира Даля», Луганск, ЛНР.
E-mail: zonnenberg@lds.net.ua

Fedorovsky Julius Rudolfovitch.

Candidate of historical sciences, Associated Professor.
Docent of the Faculty of history, SEI HE «Lugansk
Vladimir Dahl State University», Lugansk, LPR.
E-mail: zonnenberg@lds.net.ua

УДК 39:314.113:94(477.6)

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ДОНБАССЕ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ (1920–1980-е гг.)

© 2020. В.И. Шабельников¹, Е.С. Терзи²

¹ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

²ГОУ ВПО «Донбасская аграрная академия»

Статья посвящена этнодемографическим процессам, происходившим на территории многонационального Донбасса в 20–80-е гг. XX века. На основе проведенного исторического анализа итогов всесоюзных переписей населения в рамках данного исследования раскрыты факторы, обусловившие изменения в национальном составе населения региона, его естественный и механический рост, восприимчивость к русскому языку, межэтнические браки и ассимиляционные процессы. Изучены динамика основных демографических тенденций и изменений, причины и последствия миграционных процессов, проведен сравнительный анализ демографических аспектов в среде малых этносов, сделаны выводы по результатам исследования.

Ключевые слова: всесоюзные переписи, этнографические процессы, этнос, национальные меньшинства, этнические группы, национальная структура, миграция, ассимиляция, межэтнические браки, депопуляция.

Донбасс – один из крупных регионов не только по территории и уровню индустриального развития, но и численности населения, которое по своему составу является многонациональным.

Демографические процессы в Донецком крае происходили в условиях коренных перемен во всех сферах общественной жизни, которые берут свое начало со второй половины XIX века. Бурное развитие промышленного производства в годы первых советских пятилеток, изменения в социальной инфраструктуре послужили началом привлечения рабочих рук, способствовали высокому приросту населения, который был прерван Великой Отечественной войной. Затем, во второй половине 40-х – 60-х гг., когда в Донбассе осуществлялось масштабное промышленное строительство, сюда из различных регионов России, как и в 1930-е гг., вновь стала прибывать молодежь, пополняя прежде всего количество проживающих здесь русских. Создавались молодые семьи, а потому именно в эти годы был достаточно высоким естественный прирост населения, численность которого в Донецкой и Луганской областях достигла в конце 1980-х гг. в общей сложности 8,2 млн. чел. Этнические украинцы и русские доминировали среди представителей более 130 национальностей и составляли в структуре населения 93,5 %.

Целью статьи является исследование этнодемографических процессов в Донбассе в 20–80-е годы прошлого века.

В течение 1990-х гг. – начале XXI века проблемы истории национальных меньшинств Донецкого региона в обозначенный период находятся в центре общественного внимания и обсуждаются на различных уровнях, в научных дискуссиях, публицистике. Им посвятили свои труды ученые-демографы, историки, социологи, правоведы, экономисты и др. Впервые комплексное исследование истории национальных меньшинств Донбасса в 20–30-е гг. XX века было осуществлено О.В. Обыденовой [1]. Однако она не ставила перед собой цель исследовать этнодемографические процессы. Малые этнические группы Донбасса так и не стали

объектом специального исследования Донбасса, а упоминались лишь попутно, в основном путем беглого обзора.

Сведения о демографии национальных меньшинств в регионе можно найти в работах Б. В. Чирко [2]. В ней автор рассматривает политику советской власти в вопросах создания необходимой правовой базы, основные причины, содержание, противоречивость и незавершенность реформ в вопросах национально-государственного и культурного строительства в межвоенный период.

Работа Л. Я. Якубовой [3] дает возможность изучить формирование, особенности и основные проблемы этнодемографических изменений в истории отдельных национальных меньшинств на территории Донбасса, в частности, греческих, русских, еврейских и немецких этнических групп.

Таким образом, представленная нами литература дает определенный обзор информации для изучения поставленной проблемы. Однако в целом этнодемографические процессы на территории Донбасса в исследуемый период изучены недостаточно. В историографии нет комплексных работ данной направленности по всему периоду нашего исследования. К сожалению, сегодня отсутствуют исследования польского, болгарского, татарского, белорусского, молдавского, армянского населения Донбасса, которые можно отнести к наиболее многочисленным этносам, а потому вне поля зрения историков остаются многие вопросы, в том числе по проблеме демографии. К тому же, имеющиеся научные работы по истории национальных меньшинств ограничиваются лишь 20–30-ми годами XX века. Поэтому тема требует дальнейшего изучения.

Опираясь на достигнутые результаты в исследовании данной проблемы, учитывая ее актуальность и недостаточную разработанность, авторы исследования поставили цель проанализировать этнодемографические процессы в Донбассе в 20-е – 80-е гг. XX века, особенности и результаты заселения, размещения различных этнических групп в Донецком крае. В качестве источников для написания данной работы использованы данные Государственного комитета статистики Украины по Донецкой и Луганской областям, а также в целом по Украине на основе результатов Всесоюзных переписей населения 1926, 1939, 1959, 1979 и 1989 гг., документов и материалов государственных архивов, а также периодических изданий.

Задача исследования состоит в том, чтобы выявить этнический состав населения в разные периоды нашей истории, основные факторы демографических процессов: изменение этнического состава населения Донбасса, в том числе городского и сельского, различия в показателях естественного прироста живущих здесь народов, миграции и этнические процессы, ведущие к изменению этнического самосознания.

Чтобы обеспечить глубину и логику исследования считаем целесообразным начать его рассмотрение с численного состава наиболее многочисленных этнических групп на территории Донбасса в хронологических рамках Всесоюзных переписей населения (см. таблицу), которые позволяют проследить динамику этнодемографических процессов в регионе в 1920-х – 1980-х гг.

Как видно из таблицы, по результатам пяти Всесоюзных переписей населения с 1926 по 1989 гг. произошли существенные изменения количественного состава национальных этносов Донбасса, новые тенденции в динамике структуры их населения.

В таблице четко прослеживается, что большинство населения региона по результатам всех переписей составляли украинцы, хотя их часть в национальной структуре населения постоянно снижалась. В 1926 г. украинцы составляли 64,4 %

населения региона, в 1939 г. – 61,3 %, 1959 г. – 56,3 %, 1979 г. – 51,6 %, 1989 г. – 49,7 %, т. е. за 63 года их численность в национальной структуре населения снизилась на 15,7 %. Тенденция падения удельного веса украинцев в составе Донецкого региона и роста за их счет части русского населения наблюдается особенно заметно после 1959 г. и продолжалась до распада СССР, хотя и меньшими темпами. Так, если с 1926 по 1939 гг. часть украинцев возросла на 37,5 %, то за 20 лет, с 1959 по 1979 гг. – всего на 6,3 %, а с 1979 по 1989 гг. – снизилась на 2,9 %.

Таблица

Численный состав наиболее многочисленных этнических групп на территории Донбасса по данным переписей населения 1926, 1939, 1959, 1979, 1989 гг. [4]

№ п/п	Этнические группы	Годы переписей населения									
		1926	%	1939	%	1959	%	1979	%	1989	%
1	Украинцы	1878002	64,43	3006313	61,3	3784435	56,3	4095268	51,6	3975664	49,7
2	Русские	764424	26,06	1567098	31,9	2551237	37,9	3447435	43,3	3595134	43,8
3	Белорусы	15177	0,52	40179	0,75	89160	1,5	109368	1,47	110451	1,35
4	Греки	98573	3,36	95235	3,1	94463	1,4	91930	1,16	84826	1,04
5	Татары	14664	0,5	24018	0,5	37110	0,55	38298	0,48	37432	0,45
6	Евреи	54439	1,86	85505	1,6	56440	0,98	46036	0,58	36365	0,44
7	Молдаване	8883	0,3	7107	0,2	17506	0,26	17727	0,21	19117	0,27
8	Армяне	98573	3,36	–	–	8138	0,12	9801	0,12	14011	0,17
9	Поляки	10147	0,35	15460	0,31	13406	0,11	12301	0,16	10636	0,14
10	Болгары	15177	0,52	–	–	13182	0,2	10070	0,12	9725	0,13
11	Немцы	65010	2,22	64680	1,25	4757	0,07	7332	0,08	8291	0,11
12	Другие	17365	0,57	35797	0,7	44396	0,66	43332	0,55	267160	2,4
13	Всего	3040434	100	4941392	100	6714220	100	7937906	100	8168812	100

Вместе с тем, переписи населения свидетельствуют о значительном возрастании количества русского населения. Только за 13 лет, с 1926 по 1939 гг. численность русских в национальной структуре населения Донбасса увеличилась с 764 424 до 1 567 098 человек (151,3 %), украинцев – с 1 878 002 до 3 006 313 человек (60,1 %).

В послевоенные годы начался новый этап интенсивного роста населения за счет переселения рабочих на Донбасс из России, Украины и других республик СССР, что было связано с восстановлением региона и строительством шахт. Численность населения только Сталинской области с 1939 по 1959 гг. увеличилась в основном за счет русских на 1,2 млн. человек, или на 110,2 % [5].

По подсчетам профессора В. Н. Докашенко с 1959 по 1970 гг. количество приехавших на постоянное место жительства в Донецкую область из РСФСР, Белорусской ССР, Казахской ССР и других союзных республик составило около 650 тыс. человек, или 8,6 % от общего количества населения. В тоже время увеличение численности украинцев за этот период составило всего 319 тыс. человек [6].

В течение 50 лет, с 1939 по 1989 гг. численность русского населения в национальной структуре Донбасса выросла в 2,5 раза и составила 3595134 человека, а численность украинцев за это время выросла лишь в 1,3 раза и составила 3975664. Аналогичным образом складывалось соотношение между двумя ведущими этносами в Донецкой и Луганской областях в отдельности. Если в 1939 г. украинцы составляли в Донецкой области 59 % всего населения, то в 1947 г. их удельный вес снизился до 58,7 %, в 1959 г. – до 55,7 %, в 1979 г. – до 50,9 %, а в 1989 г. – до 50,7 %. Подобным образом снижалась часть украинского населения в Луганской области: в 1959 г. – 57,5 %, в 1979 г. – 53,1 %, в 1989 г. – 52,1 % [7].

Однако тенденции изменения численности русских и украинцев носила неравномерный характер. Так с 1979 г. рост русского населения почти прекратился, а украинского начал заметно падать. Характерной особенностью этого процесса был рост численности городского населения больших этнических групп и падение их численности в сельской местности.

На протяжении всего исследуемого периода украинцы не были большинством в крупных городах Донбасса. Более того, их удельный вес в национальной структуре городского населения постоянно снижался. Если в 1926 г. украинцы составляли 61,6 % городского населения, 1939 г. – 59,4 %, 1959 г. – 55,6 %, 1979 г. – 50,9 % то в 1989 г. – 50,7 %. Лишь в небольших и средних городах украинцы были большинством, а в крупных городах преобладало русское население. В 1989 г. русские были крупнейшей этнической группой в Донецке – 48,2 % русских и 46,7 % украинцев, Енакиеве – 51,4 % русских и 45,3 % украинцев, Макеевке – 50,8 % русских и 45 % украинцев, а в городе Луганске русские составляли 47 %, украинцы – 50 % [8].

При этом русское меньшинство занимало главенствующую роль в удовлетворении своих языковых и культурных потребностей среди остальных этнических групп, что особенно проявилось после признания в 1927 г. русских в УССР национальным меньшинством, что явилось основанием для образования в том же году в Луганском округе трех русских национальных районов. К концу 1920-х гг. в них было сконцентрировано 79,1 % русского населения [9].

Процесс роста части русских в составе населения Донбасса из-за возрастающего их притока на промышленные объекты способствовал тому, что с конца 1950-х гг. русские составляли большинство рабочего класса, специалистов в ведущих отраслях народного хозяйства и руководителей региона. Анализ переписи населения в 1979 г. показал, что в Донецкой области работали в горной промышленности 50,4 % русских и 45,6 % украинцев, в металлургической – соответственно 48,0 % и 49,5 %, в качестве служащих – 23,7 % русских и 20,4 % украинцев, рабочими соответственно 72,8 % и 70,8 % [10].

Причин протекания таких процессов было несколько. Во-первых, приток в Донбасс в 1930-е гг. и особенно во второй половине 1940-х – 1950-е гг. русских и представителей других народов республик СССР на восстановление промышленности и новостройки, но при этом главным источником пополнения рабочими и инженерно-техническими кадрами промышленности Донбасса была Россия. Внешняя миграция населения оказывала существенное влияние на численный состав постоянных жителей.

Демографические потери, резкое сокращение рождаемости и повышение смертности в послевоенный период стали причиной того, что довоенная численность населения всех этносов Донбасса восстановилась только к середине 1950-х гг., т. е. спустя 10 лет после войны. Так, в Донецкой области на 1 июля 1941 г. проживало 3 388,5 тыс. человек, к концу войны оно сократилось на 1,6 млн. человек и составило всего 1,7 млн. человек. Лишь на начало 1956 г. население области выросло до 3 931 тыс. человек [11].

Однако к концу 1950-х гг. промышленное строительство в регионе замедлилось, что отразилось на темпах роста населения, так как приток русских и украинцев в Донбасс значительно сократился.

Во-вторых, в интенсивном росте русского населения важную роль сыграл такой фактор, как ассимиляционные процессы и переход в другую национальность. В 1970-е гг. руководство СССР провозгласило концепцию новой исторической интернациональной общности – советский народ, что на практике должно было

означать ассимиляцию в недалеком будущем всех языков и народов, населявших в то время страну, а, следовательно, и Донбасс, т. е. предполагалась не этническая, а советская идентичность. В Донбассе ассимиляционные процессы были в значительной степени связаны с интенсивными миграционными процессами, которые оказывали влияние на увеличение числа лиц, владеющих вторым, а нередко даже третьим языком, способствовали формированию общего национального самосознания, проживающих в регионе этносов. Интернационализация этносов делала Донбасс еще более многонациональным и колоритным.

В связи с этим предпримем попытку проанализировать выбор языка общения. Если мы сравним распространение русского языка в масштабах Украины, то увидим, что украинский язык в целом считали родным 69,4 % в 1970 г., а в 1989 г. – только 64,7 %. Наиболее русифицированным оказался Донбасс. Если в 1926 г. русский язык на территории Донецкой области считался родным для 48,2 % украинцев, 0,2 % белорусов, 1,4 % евреев, то в 1989 г. русский язык в Донецкой области считали родным 74,9 % всего населения [12].

В городской местности ассимиляционные процессы проходили значительно быстрее. По данным опроса в городах Донецкой области в 1990 г. употребляли русский язык в быту 57,6 %, украинский язык – 26 %, оба языка – 16,6 %, на производстве – соответственно 75,2 %, 8,8 % и 16,0 %. Среди молодежи в возрасте 17–20 лет на русском языке общались 88,6 % [13]. Только немцы и татары сохранили в своем подавляющем большинстве свою идентичность.

В-третьих, уменьшению численности украинцев и увеличению за их счет русских в составе населения Донбасса немаловажное значение имело изменение этнонациональной структуры брака и семьи. Удельный вес одноэтничных украинских браков, а, следовательно, и семей, постоянно уменьшался. По состоянию на 1979 г. он снизился до 62,8 %, а в 1989 г. – до 60,2 %. Что касается количества браков русских, то здесь мы наблюдаем обратный процесс [14].

По результатам мониторинговых социологических опросов, проведенных в 1990-х гг. Институтом социологии НАН Украины этнические русские на востоке Украины гораздо чаще вступали в смешанные браки, чем украинцы. Создавая собственную семью, лишь 12,1 % опрошенных украинцев выбрали брачного партнера другой национальности, тогда как в смешанные браки вступили 38,3 % русских. В русско-украинских семьях до 75 % совершеннолетних подростков оформляли паспорта в качестве русских [15].

Главным фактором изменения этнонациональной структуры семьи принято считать миграции, в результате которых росло число этнических смешанных семей, которые создавались на основе заключения межнациональных браков.

Как считают многие этнографы, процесс возрастания уровня межэтнических браков имел под собой и идеологическую подоплеку, которая ведет свое начало с 1930-х гг., когда были фактически сняты юридические, политические и религиозные препятствия для межэтнических браков, в результате чего в местах скопления разных этнических групп они составляли от четверти до трети от всех заключенных браков, чему в немалой степени способствовал приток русских в Донбасс.

Следует отметить также, что русский язык признавался в качестве родного во всех малых национальных этносах. Самый высокий процент признания русского языка родным был характерен для греков, немцев, болгар, татар, армян и др.

Из представителей других национальностей наиболее русифицированными оказались евреи. Уже в конце 1920-х гг. более половины евреев Донбасса своим

родным языком считали русский и менее половины (48 %) – идиш [16]. В 1989 г. русский язык считали родным в Донецкой области 93,7 % евреев, в Луганской области – 94,1 %. Если в 1926 г. 83 % греков, проживающих на территории Донецкой области, назвали родным греческий язык, то в 1989 г. 93,6 % греков в качестве родного назвали русский язык [16], который оказался для них более удобным для общения, чем свой язык. Этот процесс был неминуемым в условиях перемешивания народов, в результате чего люди разных национальностей овладевали общим для них языком.

В Донбассе за многие годы сложилась пестрая национальная структура, в которой имел место довольно высокий процент представителей малых этносов, проживавших в основном, как в сельской местности (немцы, греки, болгары, поляки, молдаване, так и в городе, где преобладали евреи, армяне, татары). Среди них значительную часть составляло еврейское население. После революции 1917 г. многие евреи как беженцы переселились из Литвы и Белоруссии в Юзовку. По переписи 1926 г. они насчитывали 54439 человек, из них в городах проживало только 7,4 %. Однако в начале 1930 гг. началась новая волна переселенцев из страдающих от голода центральной Украины в относительно благополучный Донбасс. В середине 1930- гг. начался процесс активного исхода евреев из сел в город и уже в 1939 году число городского населения евреев составило 97,4 %, причем большая их часть была сосредоточена в крупных городах. Только в городе Сталино евреи составляли 20 % населения, тогда как в 1926 г. – 10,7 % [17].

Динамика численности городского еврейского населения в 1920 – 1930-е гг. имела тенденцию к увеличению в 1,6 раза, а количество еврейского сельского населения к уменьшению в 2,3 раза. В национальной структуре городского населения Донбасса евреи в 1939 г. занимали третье место, уступая лишь украинцам и русским [18].

В конце 1950-х гг. началась новая волна переселения евреев в города. Если в 1939 г. в сельской местности проживало 2,7 %, 1959 г. – 0,6 %, то уже в 1979 г. – всего лишь 0,3 %.

По итогам переписи 1989 г. в сельской местности Донецкой и Луганской областей проживало менее 150 евреев. Более половины их общего числа в регионе проживали в трех крупных городах: Донецке – 17 824 человека, Луганске – 5,3 тыс. и Мариуполе – 2,7 тысячи [19].

Что касается татарского населения, то следует отметить, что подавляющая его часть (96,4 %) уже в 1926 г. была представлена городскими жителями и лишь 3,6 % проживали в сельской местности. Это было связано с тем, что до 85 % татар по своему социальному положению были рабочими преимущественно на предприятиях угольной и металлургической промышленности, а потому концентрировались в городах и поселках [20].

К 1939 г. численность татарского населения Донбасса возросла на 9354 человека, затем вплоть до 1979 г. темпы его роста продолжали оставаться высокими, в результате чего численность татарского населения достигла 38 298 человека, т. е. увеличилась более чем в 4 раза. Это был самый высокий показатель численности татар в Донбассе, после чего он медленно стал снижаться и к 1989 г. составил 37 432 человека [21].

Представляет научный интерес история армянского населения Донбасса, которая связана с событиями в России и Крыму в последней трети XVIII века. Однако на территории региона общины армян были настолько малочисленны, что их население не зафиксировано во время переписи 1939 г.

Лишь только в послевоенное время мы наблюдаем массовый приток армян-мигрантов, среди которых было много специалистов, интеллигенции, в результате чего в регионе сформировалась значительная армянская диаспора.

В 1980-х гг. в результате спада экономики в Армении, Грузии, Азербайджане начался очередной приток мигрантов-армян в Донбасс, численность которых только за 10 лет, с 1979 по 1989 гг. увеличилась с 9 801 до 14 011 человек, или на 142 %. В Донецкой и Луганской областях армяне жили в больших городах. Прежде всего это Донецк (4 050 чел.), Луганск (1 216 чел.), Мариуполь (1 205 чел.), Горловка (784 чел.). В начале XXI века наибольшая концентрация армян на Украине наблюдалась в Донецкой области (15700, или 0,33 % от численности всего населения региона) [20].

На изменение демографической ситуации в среде малых этносов Донбасса оказали влияние факторы, связанные с этнонациональной политикой советской власти, которая претерпела существенные перемены. Так, характерной особенностью 1920-х – начала 1930-х гг. была относительно лояльная политика в отношении к национальным меньшинствам, но с середины 1930-х гг. органы советской власти перешли к жесткой, нередко жестокой политике по отношению к представителям этнических групп, особенно немцев, поляков, греков и других. Все они, ощущая давление со стороны органов власти и особенно карательных структур, угроз, репрессий встали на путь переселения в другие страны. Если в 1920-е гг., в период НЭПа, наблюдались немногочисленные случаи эмиграции, прежде всего немцев, по причине их активной экономической деятельности, то в период сплошной коллективизации и в последующие предвоенные годы, она приобрела массовый характер, прежде всего потому, что немцы, проживающие в Донбассе, в большинстве своем эффективно занимались сельским хозяйством и достигли довольно высокого уровня благосостояния, что в то время рассматривалось как незаконное обогащение, проявлением кулацкого хозяйствования. Немцев стали обвинять в шпионаже, во враждебной деятельности. Это приводило к тому, что немецкое население массово эмигрировало в Германию, Северную и Южную Америку, Канаду, Бразилию и другие страны. На миграционные процессы и падение численности этого народа оказали влияние голод 1921–1922 гг., 1932–1933 гг., интенсивные темпы коллективизации, репрессии 1937–1938 гг. Только с 1926 по 1933 гг. количество немцев в Сталинской области уменьшилось на 6 тысяч человек, или на 11,3 %. За 30 лет, с 1959 по 1989 гг. количество немцев сократилось на 3 534 человека и составило десятую часть довоенного немецкого населения [20].

Из всех национальных меньшинств Донбасса наиболее склонными к внешней миграции были греки. В течение 1930-х гг. большая часть крестьянства греков, как и немцев, рассматривалась как кулачество, что вызвало массовое раскулачивание. В 1932 г. были ликвидированы Сарганский и Мангушский греческие национальные районы в Донецкой области [20]. Начались карательные акции. Только в Донецкой области, в состав которой до 1938 г. входила Луганская область [20].

Начиная с 1959 г. удельный вес греков постоянно снижался. Если в 1959 г. в Донецкой области насчитывалось 93,2 тыс. греков, а удельный вес составлял 1,5 %, то в 1979 г. их численность составляла уже 90,5 тыс., а удельный вес – 1,7 %, в 1989 г. – 83,6 тыс., а удельный вес упал до 1,5 % [21]. Главные причины убыли греческого населения связаны с отъездом на временную работу и постоянное жительство в Грецию и на Кипр части греков, заключением смешанных браков. Одновременно резко сокращалась численность еврейского и польского населения Донбасса. По переписи 1989 г. еврейская диаспора на территории Донбасса составляла одну двадцать пятую часть от довоенной численности. Только с 1979 по 1989 гг. численность еврейского населения Донбасса уменьшилась на 10,5 тыс. человек [21]. Такой высокий уровень депопуляции был вызван падением воспроизводства населения, главным образом, по причине низкого уровня жизни, выездом за пределы региона, а еще в большей степени

массовой эмиграцией на постоянное жительство в Израиль, США, Канаду и Германию. Депопуляция населения польского происхождения происходила по тем же причинам, только выезжали они на свою историческую родину, в Польшу.

Резко снижалась также численность болгарского населения. За период с 1959 по 1989 гг. оно сократилось на 3 357 человек, или более чем на 25 %. В то же время число белорусов и татар за 30 лет увеличилось соответственно на 21,3 тысячи (19,3 %) и 0,3 тыс. (0,8 %) [22]. Однако и те и другие в отличие от русских, немцев, греков, жили в основном разрозненно, а потому очень сложно найти данные, чтобы глубоко и детально исследовать демографические процессы в их среде.

Таким образом, этнический состав населения Донбасса является историческим фактором. Его формирование проходило веками, однако в советский период численность и структура этносов, демографические процессы постоянно изменялись под воздействием внутренних и внешних факторов (естественный и механический прирост населения, миграции, социально-экономические, политические и духовные процессы).

Всесоюзные переписи населения зафиксировали такие наиболее характерные тенденции в этнической структуре населения Донбасса, как неоднозначный характер численного состава национальных этносов, изменение национальной языковой идентичности, расширение масштабов и доминирование русского языка, увеличение численности русского населения с одновременным уменьшением части украинцев, греков, немцев, евреев и других этносов в национальном составе региона, в результате чего оно стало более однообразным и единым.

В контексте вышеизложенного представляется актуальным необходимость выстраивать государственную этнополитику, направленную на улучшение демографической ситуации путем повышения естественного прироста населения, правового регулирования в вопросах межэтнических связей, выявление особенностей этнического состава населения и определение путей его развития во всех сферах общественной жизни,

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Обидьонова О. В. Націлнальні меншини Донбасу в 20–30-ті роки ХХ ст.: дис. ... канд. іст. наук: 07.00.01 / О. В. Обидьонова. – Донецьк, 2002. – 176 с.
2. Чирко Б. В. Національні меншини в Україні (20–30-ті роки ХХ ст.) / Б. В. Чирко. – К. : Спілка, 1995. – 215 с.
3. Якубова Л. Я. Маріупольські греки (етнічна історія): 1778 – початок 30-х років ХХ ст. / Л. Я. Якубова. – К., 1999. – 331 с.
4. Таблица составлена авторами на основе следующих источников: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Вып. IV. – М. : ЦСУ СССР, 1928. – 465 с.; Всесоюзная перепись населения 1939 г.: Основные итоги. – М. : Наука, 1992. – 256 с.; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. – Москва : Госполитиздат, 1963. – 210 с.; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. – Т. IV. Часть 2. – М., 1979 г.; Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. – М. : Статистика, 1991. – 158 с.; Национальный состав населения Донецкой области (по данным Всесоюзной переписи 1989 г.) Статистический сборник. – № 4. – Донецк, 1992; ЦДАВО Украины. – Ф. 413. – Оп. 1. – Д. 453. – Л. 42.
5. ГА ДНР. – Ф. Р. – 4229. – Оп. 1.
6. Енциклопедія українознавства. – Т. 2. – Львів.- 1993. – С. 571.
7. ЦДАВО України. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 699. – Л. 155.
8. Всесоюзная перепись населения 1979 г. – Донецк, 1981. – С. 9, 10, 64, 67.
9. Всесоюзные переписи населения 1926, 1970, 1989 гг. – Донецк, 1981. – С. 64, 67.
10. Коширець В. Українці та росіяни в етнічній структурі населення України: зміни в загальнодержавному та регіональному вимірах / В. Коширець // Історичні і політологічні дослідження. – 2004. – № 1. – С. 147.

11. Прибыткова И. М., Субботин И. Межнациональные браки как аксимилирующий фактор. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ukraine-russia.livejournal.com/1359889.html>
12. Лаврив П. І. Історія Південно-Східної України / П. І. Лаврив. – К. : Спілка, 1996. – С. 182–183; Национальный состав населения Донецкой области (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.) Статистический сборник. – № 4. – Донецк, 1992. – С. 152 с.
13. Енциклопедія українознавства. – Т. 2. – Львів, 1993. – С. 158; Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. – М. : Наука, 1992. – С. 68,
14. ГА ДНР. – Ф. Р-2. – Оп. 1. – Д. 994. – Л. 52; Статистический справочник Сталинского округа. – Сталино, 1928. – С. 6–7.
15. Всесоюзная перепись населения 1979, 1989 гг. // Демоскоп Weekly. – № 819–820. (17–30 июня 2019). – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2019/0819/index.php>
16. Всеукраинская перепись населения 2001 года. Изменение численности населения регионов Украины // Демоскоп Weekly. – № 173–174. – 11–24 октября 2004.
17. ГА ДНР. – Ф. Р-249. – Оп. 1. – Д. 265. – Л. 84.
18. ГА ДНР. – Ф. Р-2109. – Оп. 1. – Д. 310. – Л. 1, 2.
19. Нікольський В. М. Правда через роки / В. М. Нікольський // Реабілітовані історією. Донецька область. – К. : Донецьк, 2004. – С. 9–74.
20. Согласно Всесоюзной переписи населения 15 января 1959 г., 17 января 1979 г., 12 января 1989 г.
21. Согласно Всесоюзной переписи населения 15 января 1959 г.
22. Согласно Всесоюзной переписи населения 15 января 1959 г., 12 января 1989 г.

Поступила в редакцию 26.08.2020 г.

ETHNODEMOGRAPHIC PROCESSES IN DONBASS: HISTORICAL ANALYSIS (1920–1980s)

V. I. Shabelnikov, E. S. Terzi

The article is devoted to the ethno-demographic processes that took place on the territory of a multinational Donbass in the 20–30s. XX century. On the basis of the historical analysis of the results of the all-Union population censuses, this study revealed the factors that caused changes in the national composition of the region's population, its natural and mechanical growth, susceptibility to the Russian language, inter-ethnic marriages and assimilation processes. The dynamics of the main demographic trends and changes, the causes and consequences of migration processes were studied, a comparative analysis of demographic aspects among small ethnic groups was carried out, and inputs were made according to the research results.

Key words: all-census censuses, ethnographic processes, ethnos, national minorities, ethnic groups, national structure, migration, assimilation, inter-ethnic marriages, depopulation.

Шабельников Виктор Ильич

Доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры истории России и
славянских народов
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
E-mail: Shabelnikov36@mail.ru

Shabelnikov Victor Ilych

Doctor of historical sciences, Professor
Professor of the Chair of Russia's History and
History of Slavonic Peoples
Donetsk National University
E-mail: Shabelnikov36@mail.ru

Терзи Елена Станиславовна

Кандидат исторических наук,
доцент кафедры юриспруденции
ГОУ ВПО «Донбасская аграрная академия»
E-mail: andrey.terzi@mail.ru

Terzi Elena Stanislavovna

Candidate of historical sciences,
Associate Professor of the department of
Jurisprudence,
Donbass Agrarian Academy
E-mail: andrey.terzi@mail.ru

ФИЛОСОФИЯ

УДК 101.1:316

ТЕХНОГЕННАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ДУХОВНЫЙ КРИЗИС ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

© 2020. *А.И. Бабенко*

ГОО ВПО «Донецкий национальный медицинский университет имени М. Горького»

В статье рассматривается проблема духовного кризиса в условиях современной цивилизации в идеальных образах и поведенческих моделях людей как субъектов исторического процесса. Автор представляет историко-философский обзор исследуемой проблемы, теоретико-методологический аспект исследования, культурно-исторические детерминанты двух векторов кризиса – глобально-цивилизационного и духовного. В работе даны направления и имена исследователей этих вопросов, как отечественных, так и зарубежных.

Ключевые слова: эпоха, глобализация, духовность, культура, кризис, духовное воспитание, кризисное мироощущение.

Введение. Особенностью современной эпохи является кризис человеческого существования, который квалифицируется специалистами как антропологический кризис. Этот кризис держится целое столетие, начиная с Первой мировой войны и по сегодняшний день. Ему способствовал кризис гуманистической идеологии, кризисный захват границ культуры, затем его проникновение и распространение во все сферы существования и социальной практики в формах тоталитаризма, фашизма и др. Периоды резких социальных трансформаций сопровождалась потрясениями и сменой картины мира, разрывом старых и привычных связей людей, утратой смысла жизни, потерей духовной защиты, ощущением бессмысленности бытия, потерей культурно-исторических ориентиров, нравственным и духовным падением.

Проблематика современной эпохи и цивилизационного кризиса широкая, многогранная и многоаспектная. Она представлена разными исследовательскими векторами и направлениями, ее исследовали на протяжении последнего столетия философы, просветители как отечественные, так и зарубежные.

Общее экзистенциальное состояние субъектов истории усугублялось еще одним вектором развития цивилизации – вступлением ее в глобальный техногенез, в новую информационную эпоху – более жесткую и сложную для выживания. Этот феномен ни для кого не остался незамеченным – ни для простых людей, ни для аналитиков.

В условиях всесторонней изученности данной проблемы целью нашего исследования является краткая концептуальная систематизация имеющегося материала по данной проблеме и историко-научный обзор имеющейся литературы. Задача работы – обозначить имагинальные формы (образы) кризисного состояния современной техногенной цивилизации и, в особенности, показать образы ее духовного кризиса.

Основная часть.

Концептуальный потенциал и историография проблемы. Кризис европейской цивилизации на рубеже XIX–XX вв. был настолько всеохватывающим, что в философской и научной литературе вылился в новое исследовательское направление –

философию кризиса. На протяжении XX столетия тема кризиса исследовалась рядом западных философов – Э. Гуссерлем, Г. Зиммелем, Х. Ортегой-и-Гассетом, Р. Гвардини, К. Ясперсом и др. В русской религиозной философии на кризисную проблему Европы отреагировали Вл. Соловьев, С. Булгаков, Н. Бердяев, И. Ильин и др.

В настоящее время феноменология глобального кризиса исследуется В.Г. Федотовой, Т.Ю. Сидориной, А.В. Кальяновым, Ю.А. Шрейдером, А. Корольковым и др. Современный глобальный техногенез заставил говорить уже об антропологическом кризисе.

В философской, научной, святоотеческой литературе антропологический кризис техногенной цивилизации представлен рядом концепций: «Духовная ситуация времени» (К. Ясперс); «Омассовление общества» (Х. Ортега-и-Гассет); «Социальная диспропорциональность» (К. Манхэйм); «Конец человека нового времени» (Р. Гвардини); «Антропологический анализ кризиса» (М. Бубер); «кризис героического индивидуализма» (Э. Мунье); «Сон разума рождает чудовищ» (Э. Юнгер); «Чувство тревоги как симптом кризиса» (П. Тиллих) и др.

Социальные последствия антропологического кризиса вылились в форму массового его осознания людьми. Это фиксировалось самыми разными мыслителями этого периода: У. Фолкнер, Л. Мэмфорд и др.

Западные социологи, кибернетики, технократы исследовали глобальную трансформацию человечества в новую информационную эпоху и были представлены такими именами: Д. Белл, У. Дайзард, Г. Поппель, Б. Голдстайн, Й. Масуда, П. Штерн, М. Харрингтон, Х. Маклюэн, М. Порат, О. Тоффлер и др.

Духовная антропология в ее историческом становлении достаточно ярко представлена такими именами и работами, как: М. Шелер («Положение человека в космосе»); М.Я. Дворецкая («Интерактивная антропология»); Г. Нисский («Об устройстве человека»); В. Несмелов («Наука о человеке»); А. Корольков («Духовная антропология»); иеромонах Иларион (Алфеев) («Православное богословие на рубеже столетий»); архимандрит Киприан (Керн) («Тема человека и современность»); И.А. Ильин («О грядущей русской культуре», «О тьме и просветлении», «Духовная культура и ее национальные вожди», «Путь к очевидности», «О сопротивлении злу силою», «Наши задачи», «Самобытность или оригинальничанье?»); О.С. Соина («Феномен русского морализаторства») и др.

Методология исследования визуальных образов кризиса эпохи как репрезентантов любых процессов, происходящих в живой материи, социуме представлена работами отечественных и зарубежных ученых: С.Э. Поляков («Феноменология психических репрезентаций»); Э. Бурман («Деконструктивная психология развития»); С.Д. Смирнов («Мир образов и образ мира»); Ю.А. Сухарев («Глобализация и культура. Глобальные изменения и культурные трансформации в современном мире»); М. Стайн («Трансформация: проявление самости»); П. Сорокин («Социальная и культурная динамика»); И.Г. Сощенко («Образ человека в социокультурном пространстве информационного общества»); В.Н. Александровская («Идеальный образ: концептуально-психологические векторы исследования», «Идеальный образ: научно-психологические проблемы исследования») и др.

За неимением возможности представить данную проблему в более широких объемах, мы ограничились обзором ее концептуального потенциала и историографии.

Дальнейшее содержание работы представлено теоретико-методологическими основами исследования формальных проявлений цивилизационного кризиса, в особенности духовного.

Теоретико-методологические основы исследования. Мы также наблюдаем за имагинальным аспектом (*imago*-образом) духовного кризиса цивилизации.

В диалектической позиции исследования работает формула «все сущее всегда себя являет». Даже скрытая, невидимая психика себя тоже проявляет.

В этом отношении весьма интересна монография С.Д. Полякова «Феноменология психических репрезентаций» [5]. То есть, сами репрезентации техногенной цивилизации – это феноменология идеальной (нематериальной) сферы. В нее входят: образы, идеи, идеалы, мысли, смыслы, планы, установки, намерения, задачи, поступки, мотивации и др. Эти явления и формы чего-то сущего имеют свою жизнь, свое существование и в этих рамках мы можем говорить об онтологии идеальной сферы техногенеза. Философия, психология, психиатрия, искусство изучают онтологию идеальной сферы. Христианская антропология – это тоже онтология идеала как одного из факторов идеальной сферы.

Поскольку, как явление, христианский идеал – это образ Божий – высший уровень в системе образов духовной сферы, – он должен отражать содержание эмпирической жизни человека. Однако содержание эмпирической жизни христианина, особенно современной эпохи, далеко не дотягивает до лучших форм своей саморепрезентации. По этому поводу архимандрит Киприан (Керн) писал о том, что «строить антропологию на испорченности нельзя». Его методологическим значением является указание на то, что «наука о человеке, построенная именно на такой почве, не может быть вдохновляющей», земная история человечества началась с грехопадения и пребывает в нем. В его логике наука о нравственности не может основываться на безнравственном существовании и поэтому сама «антропология, сползающая в эмпиризм, никогда не способна созидать учение о человеке, его сущности и назначении» [4, с. 12].

Все нынешние антропологии формируются на одной парадигмальной позиции – на позиции философии кризиса современной эпохи. Поэтому необходимо сделать «идеальное (визуальное) снятие» этой кризисной экзистенциальности современного человечества, то есть показать его в кризисных образах, в облике и поведенческих моделях людей. В качестве примера обратимся к кризисным образам нашей цивилизации, представленных в философском анализе эпохи К. Ясперса.

Весьма образным показателем духовного кризиса, как реакции на него людей, является зафиксированное рядом мыслителей ощущение беспомощности и дезориентации, жизнь теряет ощущение подлинности, возрастает предчувствие всеобъемлющей фальши, сознание оторвано от бытия, и «ломается» под натиском разных идеологий, теряется веками наработанный смысл жизни, растворяются ценности и достоинство. Как отмечают наблюдатели, всеобщий кризис способен менять свой облик: сначала он проявлял себя в кризисе государственности, затем в кризисе культуры, потом в дисфункциональных формах бытия. Кризис настолько широкий в своих параметрах, что ощущается людьми в виде «замкнутого кольца», где все нивелировано. В этой ловушке ощущения людей описываются философами в образе «утраты субстанциональности», разрыва родовых связей и потери «физиогномики поколений». Социальные философы фиксируют «недостаток в людях при натиске соискателей», везде господствует заурядность, аппаратные функционеры (наработавшие свои специфические качества) быстро группируются и достигают успеха вверх по карьерной лестнице. В работе «Смысл и назначение истории» (1994) К. Ясперс подает эту ситуацию в очень точном социальном образе: «Жест заменяет бытие, многообразие – единство, разговорчивость – подлинное сообщение, переживание – экзистенцию; основным аспектом становится бесконечная мимикрия» [6, с. 112].

Анализируя этот кризис, философы указывают и исходные его причины: уродование образов духовных авторитетов; утверждаются поведенческие модели безразличия и цинизма при всеобщей несправедливости; образы не функционируют в душах; бессодержательные идеалы оправдывают и поднимают наверх все примитивное, ничтожное и случайное; тотальное «разбожествление мира» приводит к замене авторитетов случайными идеалами; творческая активность сознания разрушается, деструктивная агрессия выходит на передний план, демонстрируя свой бойцовский облик [6, с. 113]. Все это – идеальные (психические) образы антропологического кризиса, представленного в подобном социальном маскараде. Выход из данной ситуации К. Ясперс видел в одном – пережить и перетерпеть по мере своих сил и возможностей эту духовную ситуацию. В свою очередь православная антропология видит механизм выживания в вере, в возможности человека в его движении к идеальному совершенству – Первообразу. В православии даже в основе аскетического существования лежит вера в Бога, в онтологический идеал. Православная антропология четко констатирует: индивидуальные и исторические беды, духовная деградация общества и личности заканчиваются их гибелью.

В рамках имагинального подхода оценивает состояние современной цивилизации и испанский философ Хосе Ортега-и-Гассет. Свое видение он изложил в работе «Восстание масс» (1930 г.). В этой работе он указал на знак эпохи – появление «человека массы».

Цивилизационный кризис нашей эпохи, – писал Х. Ортега-и-Гассет, – породил «человека массы», «среднего человека». Это новое порождение задало тон всеобщего нивелирования: в живой жизни пошел процесс «омассовления» (исчезли герои, примитивы стали утверждаться везде и повсюду в цивилизованном мире). Х. Ортега-и-Гассет указывает на появление в жизни людей нового социального факта: «Европейская история» впервые оказывается в руках заурядного человека, «человека массы» и зависит от его поведения и его решений» [6, с. 116].

Гносеологические корни процесса «омассовления» Европы Х. Ортега-и-Гассет видел в том, что «человек массы» – это общий «социальный тип», который рекрутируется из всех слоев населения. Он не является представителем какого-либо класса, сообщества и т.п. К причинам появления этого феномена философ относит также рост населения в Европе, рост материального благосостояния и быстрое развитие научно-технического прогресса, а также либерально-демократическую политику.

«Человек массы» стал идеальным (психическим) образом эпохи. Этот образ эпохи Х. Ортега-и-Гассет представил в разных обликах: вульгарное самодовольство «человека массы»; восприятие жизни только легкой и обильной и без каких-либо ограничений, нищенства и материальных трагедий; крайняя степень самодовольства, что утверждает им во всех сферах его жизни; он не смущен и не считается с остальными; постоянное чувство господства в этой жизни; ради власти идет на все; всем навязывает свое вульгарное мнение; его сознание воспитано на мифах и сказках о его превосходстве; его метод – сила [6, с. 117].

Анализируя образы духовной деструкции техногенной европейской цивилизации, современный философ Т.Ю. Сидорина также отмечает, что «человек массы» настолько примитивен, что он даже не ощущает и не понимает, что его «превосходство» – это полная культурно-историческая деградация Европы, где вульгарность «правит бал» на основе мещанских душ. В результате, отмечает Т.Ю. Сидорина, уничтожается все индивидуальное, неординарное, творчески яркое. Она заключает, что появление «человека самодовольного» – это противоречие в самой

сущности человеческой жизни. Все это заканчивается синдикализмом и фашизмом. «Когда такой человек, – пишет Т.Ю. Сидорина, – начинает задавать тон в обществе, надо бить в набат и громко предупреждать о том, что человечеству грозит вырождение, духовная смерть» [6, с. 117].

Х. Ортега-и-Гассет указывал, что засилье нашей цивилизации «человеком массы», ее «омассовление» – это трагедия современной эпохи. «Человек массы» в силу своей примитивности не может управлять цивилизацией. Он не понимает, что цивилизация – это культурно-историческое образование. Он не понимает ее хрупкости. Он относится к цивилизации как к чему-то раз и навсегда данному. Он пользуется ею как дарами природы, игнорируя ее основы: культурные, этические и социальные нормы и законы. Он не понимает, что цивилизация – это не готовая среда (как природа), ее надо поддерживать, что она может рухнуть. Принципы и ценности цивилизации не существуют для «человека массы». Он не видит социокультурной пропасти между собой и цивилизацией, не видит того, что цивилизован мир, но не его обитатели» [6, с. 115].

Анализируя кризисное состояние современной Европы, Т.Ю. Сидорина также делает вывод: «Развитая цивилизация всегда порождает сложные проблемы и чем выше ступень прогресса, тем больше опасности крушения» [6, с. 116]. В свое время еще Гельвеций предупреждал, что с высоты нет другого пути назад, кроме как падения [1, с. 65].

Однако самую большую опасность для Европы философы видели в культе насилия вместо права, что ведет цивилизацию к ее уничтожению, провоцирует тоталитаризм государства, которое подавляет всех. В результате, отмечают они, «общество будет принуждено жить для государства, человек – для правительственной машины, а это уже фашизм» [6, с. 119].

Образ будущей Европы Х. Ортега-и-Гассет также видел в мрачных красках: «Господство «человека массы», господство тоталитарного режима, уничтожение культуры, превращение людей в моральных идиотов и технических роботов» [6, с. 120].

Выход из этой ситуации Х. Ортега-и-Гассет видел только в «избранном меньшинстве». Он полагал, что «именно избранное» меньшинство выведет Европу из кризиса, потому что у него «духовное превосходство», оно руководствуется нормами, культурой, разумом, истиной. Фиксируя образ Европы в этих условиях, Т.Ю. Сидорина заключает: «Европа напоминает испанскому философу могучую птицу, которая отчаянно бьется о железные прутья клетки» [6, с. 121].

Культурно-исторические детерминанты духовного кризиса цивилизации. Как мы уже показали, констатированным фактом техногенной цивилизации является ее кризисное состояние, духовная деградация и культурно-моральное падение. Эта ситуация обязывает остановиться на феномене духовной деконструкции нашего времени.

По мнению философов первичная проблема глобального духовного кризиса заключается в том, что современная техногенная цивилизация стала выступать альтернативой внутренним качествам личности, убивая в человеке человеческое. Еще К.Г. Юнг предупреждал о необходимости все время держать в поле зрения сознание человека, не давать ему деградировать, так как это опасно для судеб всего человечества. Он писал: «Подлинная история развития человеческого сознания не в ученых книгах, она хранится в психической организации каждого из нас» [2, с. 109].

Л.С. Выготский говорил, что сознание, мозг и психика человека – это культурно-исторические образования, которые человечество формировало и передавало из

поколения в поколение веками и тысячелетиями. Культура сознания, мозга и психики человека есть матрица культуры духовной – того, что отличает человека от животного [1, с. 80].

Более того, учеными доказано, что духовное и культурно-историческое освоение окружающего мира – это «основная функция живого» (А.Ц. Торосян), механизм существования и выживания человечества в любых условиях. Эволюционные биологи говорят, что «на сегодняшний день природа ничего лучше и ничего сильнее человеческого сознания в своей эволюции не создала и, видимо, уже никогда и не создаст» [2, с. 275].

О фундаментальном статусе культуры говорили ряд мыслителей: К. Маркс: культура, если она не управляется, а развивается стихийно, способна оставить после себя пустыню; П.А. Флоренский: техника работает в сфере смерти и по мере ее развития надо очеловечивать и технику и человека; А. Вознесенский: все прогрессы реакционны, если рушится человек [3, с. 43].

Русский религиозный философ И.А. Ильин предвидел наступление такой эпохи в истории человечества, когда оно окажется на краю пропасти и на грани выживания. По его мнению, этому будет способствовать эпоха технического прогресса, которая дорого обойдется человечеству. Падение нравственности и духовности будут настолько масштабными и глубокими, что рядом и вокруг человека кроме Бога больше никого и не окажется: «И будет время, – писал он, – когда мы все будем помышлять только о внутреннем обновлении, и будем искать Божьей помощи и спасения» [4, с. 121]. И, как пишет А.А. Корольков, «или в мире необходимой станет духовность или силы хаоса, распада, деградации превратят человечество в клоаку, которая наскоро обретет какое-то подобие почвы, способной на новую жизнь культуры, или трясина утопит здоровую жизнь, а останется кривое, угловое имитаторство культуры» и далее: «Кризис духовности имеет логически неизбежный финал в виде деградации или гибели личностей, государств, культур... России суждено быть или православной и святой, или никакой, – ...нужно не только убеждения лечить, а самую жизнь» [4, с. 21-23].

В очень ярком образе духовное падение и нравственное разложение человека современной техногенной цивилизации представлено в диалоге Берсень-Беклемишева и Максима Грека: «Которая земля приостанавливает свои обычаи, та земля недолго стоит. Мы и подпали под духовное рабство Европы», «прельстились западным пониманием христианства, – продолжает Киприан (Керн), – строгое, православное, аскетическое направление заменилось рационалистическим, удобным, необременительным христианством, оно постепенно и даже довольно быстро просачивалось во все уголки жизни», «душу стали перекраивать», «о бытовом исповедничестве уже и немислимо было говорить. Совестно стало перед Европой, стыдно воплощать веру в жизнь, ходить в церковь, соблюдать посты, говеть, жить нравственной жизнью, совестно стало даже, проходя мимо Храма, снять шапку и перекреститься. Ужаснее всего того то, что перестали ощущать потребность деятельной религиозной жизни, точно все живое, возвышенное в душе, самый образ и подобие Божие стали выветриваться из души» [4, с. 22].

На основе изученного нами философского материала мы показали нравственное разложение, духовный упадок и культурно-историческое разложение современного человека и человечества в условиях техногенеза, о чем предупреждали мыслители, мудрецы и просто умные люди.

Заключение. Изучение специальной философской, духовной святоотеческой литературы позволяет нам сделать несколько заключений. Во-первых, мы живем в

эпоху трансформации человечества на новый уровень техногенеза – в информационно-компьютерную цивилизацию, еще сильнее обострившую нравственные и духовные проблемы; во-вторых, за эту трансформацию человек платит дорогую цену – теряет человеческий облик, историческую ответственность, находится в состоянии моральной деградации и духовного разложения; в-третьих, несмотря на глобальный и тотальный кризис нашей цивилизации, выход из него есть – надо возвратиться к своим корням, духовным ценностям и не поддаваться соблазнам прогресса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александровская В.Н. Идеальный образ: концептуально-психологические векторы исследования: монография / В.Н. Александровская. – Сумы: «Университетская книга», 2015. – 338 с.
2. Александровская В.Н. Идеальный образ: теоретико-практические аспекты исследования: монография / В.Н. Александровская. – Сумы: «Университетская книга», 2016. – 424 с.
3. Александровская В.Н. Информационная парадигма прогресса: научно-психологические проблемы исследования: монография / В.Н. Александровская. – Донецк: Норд-Пресс, 2009. – 186 с.
4. Корольков А. Духовная антропология. – СПб.: изд-во С-Петербур. Ун-та. – 2005. – 234.
5. Поляков С.Э. Феноменология психических репрезентаций / С.Э. Поляков. – СПб.: Питер, 2011. – 668 с.
6. Сидорина Т.Ю. Философия кризиса. Учебное пособие / Т.Ю. Сидорина. – М.: Флинта: Наука, 2001. – 456 с.

Поступила в редакцию 20.09.2020 г.

TECHNOGENIC CIVILIZATION AND SPIRITUAL CRISIS OF HUMANITY

A. I. Babenko

The article deals with the problem of spiritual crisis in the conditions of modern civilization in the ideal images and behavioral models of people as subjects of the historical process. The author presents a historical and philosophical overview of the problem under study, the theoretical and methodological aspect of the study, cultural and historical determinants of two vectors of crisis – global-civilizational and spiritual. The paper gives directions and names of researchers of these issues, both domestic and foreign.

Key words: age, globalization, spirituality, culture, crisis, spiritual education, and the critical attitude.

Бабенко Александр Ильич

Преподаватель кафедры философии и психологии,
ГОО ВПО «Донецкий национальный
медицинский университет имени М. Горького»
E-mail: babenko64a@gmail.com

Babenko Aleksandr Pyich

Lecturer of the Chair of Philosophy and Psychology,
SEO HPE “Donetsk national medical University
named after M. Gorky”
E-mail: babenko64a@gmail.com

УДК 101.1:316

ПРАВОВОЙ ДИСКУРС: ОПРЕДЕЛЕНИЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ, СТРУКТУРА

© 2020. *И.И. Бартагариева**ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Правовой дискурс анализируется как акт коммуникации, метод конструирования правовых смыслов, форма познавательной деятельности. Делается вывод, что понимание интересубъективного правового дискурса исключительно как способа существования языка не является релевантным. В пользу данного тезиса свидетельствует структура дискурса. Она включает автономные нелингвистические элементы, без которых дискурсивная практика проблематична. Фиксируются существенные атрибуты правового дискурса, определяется его типологическая принадлежность. Подчеркивается, что «сильная» текстуальность правового дискурса дополняется важными и не устранимыми контекстами. Цель правового дискурса видится в создании адекватной нормативной матрицы, устойчивого каркаса социальных связей и отношений.

Ключевые слова: дискурс, правовой дискурс, дискурсивность, текст, контекст.

Введение. Концепт «дискурс» – один из маркеров современной интеллектуальной среды, испытавшей влияние постмодернистской мировоззренческой парадигмы. Это понятие широко используется не только в семиотике, лингвистике, литературоведении, но и в социальной эпистемологии, культурологии, социальной философии, логике. Современные социально-гуманитарные науки нередко трактуются как многообразие форм дискурса, как массив взаимосвязанных нарративов. Разнообразие предметных и, соответственно, смысловых научных пространств обуславливает множество типов дискурсов, со своей онтологией и телеологией, категориальной и процессуальной спецификой. Мода на дискурс обусловлена продолжающимся «лингвистическим поворотом», размыванием эпистемологических стандартов, междисциплинарностью (иногда на грани тривиального эклектизма), интернет-революцией. Процесс дисциплинарной идентификации дискурса как феномена современной цивилизации знаний пока не завершен.

Своя ниша имеется у правового дискурса (далее – ПД), выступающего в качестве механизма формирования и «работы» правовой рациональности. Но не только в этом его миссия. ПД – важнейшее средство защиты прав человека, конструирования теорий гражданского общества. Эти теории также есть основание рассматривать как незавершенный дискурс, задача которого – обнаружение максимально адекватного способа бытия социума. Результаты такого дискурса отличаются вариативностью, его превращение в общезначимый текст-программу не окончено; область воплощения в жизнь – ограничена, будучи детерминированной географическими, социально-историческими, политическими, религиозными факторами. На пересечении социальной философии и эпистемологии остается ряд нерешенных проблем. Одна из них – обнаружение доминирующих атрибутов ПД, фиксация его структурных элементов.

Цель статьи: определение существенных признаков, типологической принадлежности, структуры правового дискурса. В методологическом срезе работа представляет собой своего рода дедукцию – переход от общего (дискурс, как таковой) к частному – дискурсу правовому. В статье объединяются в методологическую мини-программу анализ наличных дефиниций и классификаций понятия «дискурс», а также абстрагирование и одна из его разновидностей – идеализация.

Основная часть. *Discursus* (лат. разговор, аргумент) – производное от *discurro* – «бегать в разных направлениях», «распространяться». Дискурс интерпретируют как дискуссию, беседу (в том числе с самим собой), переговоры, спор. Так или иначе, дискурс есть общение. В классической философии, дискурсивность, с ее последовательностью, доказательностью, когерентностью, противопоставлялась интуитивному схватыванию. В настоящее время дискурс, как правило, отождествляется с аргументированной коммуникацией, текстуальностью и контекстуальностью, шире, – функционированием языковых систем в пространстве культуры. В рамках неклассической, прежде всего французской, философии сформировался дискурс-анализ – методологический подход с явным креном в сторону социального конструктивизма и антисциентизма, отождествления дискурса с феноменом власти. Структуралистски нагруженному дискурс-анализу противостоит немецкая школа, впитавшая англосаксонские теории языковых игр. Здесь акцентируется внимание на этической стороне дискурса как коммуникативного действия. Для постструктурализма, в свою очередь, характерны деконструкция дискурса как целостности, акцент на максимально критическую интерпретацию смыслов, разрыв между знанием и референциальной действительностью (идеальной и материальной), аналитика симулякров, социальный конструкционизм и методологический анархизм. Осмысление дискурса отечественными (Г. Б. Гутнер, И. Т. Касавин, Л. А. Микешина, А. П. Огурцов) и зарубежными (О. Апель, П. Рикер, М. Фуко, Ю. Хабермас, Р. Харре) философами, гармонично дополняется исследованиями лингвистов-классиков (Э. Бенвенист, Т. Д. ванн Дейк, М. Холлидей) и современных филологов (Н. Д. Арутюнова, Н. Н. Миронова). Философско-методологические, социально-психологические, лингвистические аспекты дискурс-анализа рассмотрены М. Л. Макаровым. В плане дальнейших приложений теорий ПД интерес представляет предложенная А. В. Поляковым коммуникативная концепция права. На эвристическом поле ПД плодотворно работают филологи – Л. В. Басова, Н. Н. Костина, Н. Г. Храмцова. Последняя акцентирует внимание на дискурсивности как атрибуте права, методологии ПД в теории государства и права с прицелом на совершенствовании положений действующего законодательства РФ. Она видит в ПД новую междисциплинарную научную парадигму, отражающую инновационные представления о праве в условиях современного информационного общества [9, с. 133–134].

Согласно И. Т. Касавина, дискурс – «неоконченный живой текст, взятый в момент его непосредственной включенности в акт коммуникации, в ходе его взаимодействия с контекстом» [1, с. 86]. Семантическая, синтаксическая и прагматическая согласованность такого текста принципиально не завершена. Текст характеризуется неполнотой и открытостью в силу своей экстралингвистичности. Дискурс и текст детерминированы контекстом. Ведя речь о контексте, мы подразумеваем разные вещи. С одной стороны, это некое общее смысловое пространство, связывающее в единое целое элементы дискурса. Назовем такой контекст «внутренним». С другой, контекст – это иная для элементов дискурса среда. В нее мы погружаем тематику дискурса, и в случае необходимости – извлекаем. Такой контекст уместно именовать «внешним». Например, политическая целесообразность в деле принятия законодательным органом нормативного акта – часть внешнего контекста. Демаркация контекстов – результат конвенции. В правовой практике очень важно минимизировать субъективные контексты: интересы отдельных политиков или корпораций не могут изменять правовой ландшафт без ущерба для социума в целом.

Функционально-генетическое определение дает А. П. Огурцов: «Дискурс задает логико-семантическую систему возможностей, которая реализуется в нормах актуаль-

ной речи, в актуальных высказываниях и в письменном тексте». Далее российский философ констатирует, что в классической философии дискурс интерпретировался в качестве согласованной цепочки рассуждений (пропозиций), построение которой регламентировалось некоторыми правилами. В современной же философии понимание дискурса коренным образом меняется: он трактуется как «нелинейная организация речевой коммуникации, где субъекты высказываний могут отличаться от рассказчиков, где взаимопонимание достигается благодаря постижению и оценке меня со стороны Другого, Другого – мною и т. д.» [4, с. 494].

Множество неявных определений находим у М. Фуко. В одном из них прослеживается структура интересующего нас объекта: «Дискурс», когда он воплощается в тексте, не является «простым и прозрачным плетением словес, таинственной тканью вещей и отчетливым сочленением слов, окрашенных и доступных глазу. Дискурс – это тонкая контактирующая поверхность, сближающая язык и реальность, смешивающая лексику и опыт. Анализируя дискурсы, мы видим, как разжимаются жесткие сочленения слов и вещей и высвобождаются совокупности правил, обуславливающих дискурсивную практику». [6, с. 49–50].

Типология дискурса разнообразна. Рассмотрев ее, перейдем к определению ПД. Различают исторические типы дискурса – античный, средневековый и т. д. По формам общественного сознания получаем религиозный, моральный, художественный, правовой, политический, философский, научный. Они взаимодействуют друг с другом. ПД – не исключение. Значительный познавательный потенциал у научно-правового и философско-правового дискурсов. Однако научность ПД – специфическая. Например, естественнонаучный дискурс не является перформативным. Научные пропозиции о законах и явлениях природы преимущественно дескриптивные, они не нацелены на то, «чтобы предписывать человеку, как он должен относиться к природе и какое поведение вытекает из знания ее законов» [3, с. 147]. ПД, как и богословский или моральный дискурсы, наоборот, имеет нормативную результативность. Цель ПД обязывать, разрешать, запрещать, контролировать, вводить санкции. Сузив критерий типологии до научной предметности, получим целый «зоопарк» дискурсов. Один пример: административно-правовой дискурс, гражданско-правовой дискурс, хозяйственно-правовой дискурс и т. д. По объему дискурсы можно поделить на глобальные, локальные, сингулярные (ситуационно-прикладные). ПД вокруг неотчуждаемых прав человека относится к первому типу, дискурс вокруг поправок к УК Франции в связи с распространением коронавируса – к последнему. По целям получаем, как минимум, дискурсы направленные на: 1) производство новых автономных текстов как таковых; 2) смысловую интерпретацию наличного текста; 3) «выжимку» из наличного текста некоторого «внутреннего» контекста; 4) определение и анализ с помощью наличного текста некоторого «внешнего» контекста; 5) обнаружение, с помощью текста, связи между контекстами разных уровней; 6) обнаружение связи между текстами. Если в результате дискурса создается связный массив новых идей, он является конструктивным, если анализируется, с целью принятия или адаптации наличный массив осмысленной информации – дискурс рецептивный. По иерархичности целей дискурсы дихотомически делятся на гипотаксические (одна цель доминирует, подчиняя себе цели второго плана) и паратаксические (иерархия целей размыта, они сосуществуют, создавая размытое пространство слабо согласованных смыслов).

Актуальную для нас типологию предлагает И. Т. Касавин [1, с. 87–88]. В качестве основания он берет силу (высоту) и слабость текста и контекста в формате их взаимодействия. Без правового текста ПД – невозможен. С текста ПД начинается и

текстом, как правило, заканчивается. Основные функции правового текста – гносеологическая и предписывающая. Создателем и отправителем текста является профессионал-юрист, который выражает с помощью текста не только свою субъективную ценностную и прагматическую позицию, но и объективно доминирующие общественные чаяния, проблемы, надежды. Такой текст – отражение жизненного мира. Он устанавливает права и обязанности акторов социального взаимодействия. Реципиентом текста является условно анонимный, но реально существующий социум, либо его сегмент. Другими словами, образ интерпретирующего текст получателя размыт и зависит от ситуации. Любой правовой текст вписан в определенный социокультурный контекст, ПД априори не может быть неисторичным. Средневековый ПД, например, был однозначно вписан в богословский, шире – религиозный контекст, современный ПД детерминирован политическим контекстом. Из правового текста невозможно элиминировать моральный контекст и т. д. Контексты репрезентируются с помощью языка, но не сводимы к нему. Контексты способны трансформироваться в автономные и/или вспомогательные тексты.

Возвращаемся к И. Т. Касавину. По аналогии с классификацией категорических суждений, получаем четыре типа дискурса. Первый характеризуется высокой структурированностью текста и сильной контекстуальной привязкой. Например, политический дискурс, который следует в русле рациональных стандартов научного языка науки и параллельно жестко вписан в социальные реалии. Второй отличает высокая структурированность текста и слабость контекста. Пример: естественнонаучный дискурс. Третий тип не имеет унифицированных высоких языковых стандартов, но несет в себе отчетливый контекст. Например, художественный дискурс. Наконец, четвертый тип характеризуется слабостью текста и неопределенностью контекста. Пример: моральный дискурс.

Перефразируя М. Хайдеггера, можно сказать: «Язык – дом дискурса». Однако не стоит гипертрофировать роль языка как знаковой системы и впадать при анализе права в панлингвизм. Уже потому, что у каждого знака предполагается референт во внеязыковой реальности. Право есть один из ключевых способов, которым бытие социума самоорганизуется и самоопределяется посредством языка, но не язык определяет сущность права и тем более ту природную и социальную среду, в которой право формируется и функционирует. «Очевидно, что право – это один из способов существования языка, то есть правовой дискурс», – пишет А. В. Яркеев, считая данное утверждение «отправной методологической установкой». Такая установка весьма уязвима, хотя и уместна в формате постмодернистской мировоззренческой парадигмы, на наш взгляд, весьма узкой, рафинированной и оторванной от реалий современного социума. Категоричным видится также утверждение: «языковый поворот выступает условием сохранения человеческой жизни» [10, с. 14]. Правовая действительность – не только языковая конструкция (вспомним определение М. Фуко). Исследование способов рассуждений о праве не стоит подменять интерпретацией права как такового. Право – это осмысленная информация, репрезентируемая в тексте. Но языковые структуры не могут онтологически предшествовать правовому тексту. Право – объективно, ПД – интересубъективен. Они связаны, но не эквивалентны. Ошибочной видится редукция мира объективного знания (право – его часть) к миру ментальности и коммуникации. Что, разумеется, не нивелирует ценность последних, в том числе и в деле конструирования объективного знания. К. Поппер, критикуя «лингвистический поворот», отмечал, что анализ функций нашего языка очень важен, «но мнение, согласно которому все наши проблемы трактуются только как лингвистические голо-

воломки, ошибочно» [5, с. 35]. В чем, несомненно, прав А. В. Яркеев, так это в констатации того, что «фактическое существование общества предстает как основанное на праве» и в необходимости «возвращении мыслящей и говорящей субъективности в пространство правового дискурса» [10, с. 15, 20].

Н. Н. Костина определяет ПД как «текст права в динамике, в процессе толкования и разъяснения». Но дискурс, считает она, «не следует путать, ни с эмпирической речью, производимой субъектом, ни с текстом» [2, с. 69]. Действительно, не всякий монолог или диалог на правовые темы является ПД. Текст – исходная и конечная точки ПД, который есть процесс созидания правовых смыслов, построение из них рациональной системы.

Содержательной полнотой, хотя и некоторой громоздкостью, отличается функциональное определение Н. Г. Храмцовой: «Правовой дискурс – это деятельностный речезыковой процесс информационно-средового взаимодействия субъектов права в ситуации правовой коммуникации, направленный на формулирование правовых предписаний, их юридическое закрепление и воздействие, обеспечивающий регулирование и контроль общественных отношений, который предполагает фиксацию элементов мышления (суждений, понятий, терминов) в письменной (законов, судебных решений и т. п.) или устной форме, и зависит от уровня правовой культуры, юридического опыта и потребностей субъектов правового общения» [7, с. 23].

Право – один из механизмов социального регулирования. ПД – своего рода «конструкторское бюро», проектирующее этот механизм, конструирующее его модели-тексты и испытывающее на адекватность в различных контекстах. ПД – это не только продуцирование правовых текстов, но и их адаптация, проявление права в актах действия и коммуникации. Если дискурс – акт общения на правовые темы, то дискурсивность – качество права как универсалии культуры. Дискурсивность права «это качественное состояние коммуникативно построенного правового общения, определяемое устойчивостью и преемственностью основных свойств права и вытекающее из коммуникативной природы права и правового регулирования» [8, с. 61]. Отметим, что в содержании дискурсивности присутствуют социальные и лингвистические элементы, но доминируют гносеологические, ибо право – это массив специфических теоретических и прикладных знаний, результат рационального анализа социальной эмпирии.

С помощью категории «структура» фиксируется внутренне устройство объекта, совокупность связей между элементами, обеспечивающая его относительную устойчивость. Можно дать два определения понятия «структура». Одно относится к познаваемому содержанию, другое – характеризует форму. «Структура» – абстрактное понятие. Но с его помощью определяется форма объективности, содержание которой дает конкретная познавательная деятельность. У объекта не может быть одной, однозначно заданной структуры, ибо объекты – это комплексы, составные части которых определяются разными детерминантами и могут быть рассмотрены в разных контекстах. В зависимости от них, а также познавательных целей, объект можно структурировать в неэквивалентных программах. Ведут речь о структурах-системах, структурах-целостностях, структурах-значениях и т. д. Одни и те же элементы структуры можно именовать с помощью разных понятий, близких по содержанию.

Дискурс – это процесс, поэтому его элементы находятся в движении. Чтобы добиться стабильности нам надо мысленно «законсервировать» дискурс. Если мы рассматриваем дискурс как практику употребления языка, ПД будет включать следующие элементы: коммуникативная ситуация, функции правового текста-дискурса, содержание ПД. Коммуникативная ситуация предполагает наличие носителя инфор-

мации (в нашем случае профессионального правоведа), канала трансляции им знаний (оптического и акустического) и получателя. Функциональность предполагает четко сформулированные и взаимосвязанные цели и задачи ПД (теоретические и практические), а также результативность дискурса. Содержание ПД – это его тема, массив осмысленной информации в свете «внутренних» и «внешних» контекстов.

Интерпретируя дискурс в качестве многоуровневой структуры-целостности, получаем такие элементы как объект (правовая информация, тематическая квинтэссенция смыслов, имеющих опытную и рациональную природу), дееспособные субъекты (участники ПД в лице разработчиков-отправителей и получателей правовых смыслов), условия (пространственно-временные параметры ПД, контексты, техническое сопровождение актов коммуникации и пр.), цель, результат. Результата предстает в форме когерентного текста. Принятие (отвержение) социумом текста могут темпорально варьировать. Коммуникация между субъектами, а таковыми могут выступать физические, юридические лица и даже государство, неизбежно продуцируют правовые отношения.

Заключение. В онтологическом плане, дискурс представляет собой единство объективных условий бытия социума и ментального опыта включенности субъекта в мир. В гносеологическом плане – это интерсубъективный творческий акт, форма коммуникации, метод познания и экспертное заключение. ПД – дискурс с особой аргументацией. Его черты: конкретность, эвристическая проблематичность, систематичность, аксиологическая обусловленность, иерархичность, методологическая и терминологическая точность, относительная ситуативность. ПД – пространство формирования правовых смыслов (на ситуационном уровне – анализ некоторого правового содержания).

ПД – окно возможностей, он ориентирован на конструирование нормативных «лесов», создание устойчивого каркаса социальных связей и регулирование общественных отношений. Его участниками могут быть не только юристы. ПД текстуально устойчив в программе ключевых правовых смыслов (иначе не имело бы смысла международное право). Но релятивен и контекстуален в пространстве условий и целей. Он консервируется на уровне результата, однако для этого необходима социально-историческая апробация. Дискурс поглощает и трансформирует контексты. На этом этапе дискурс – часть тактики нормотворчества. Затем результаты дискурса, представленные в языковых формах, либо растворяется в новых дискурсах, либо «застывают», превращаясь в стабильный текст – закон. Это уже стратегия, программа стандартизации правовых знаний. Эталон предполагает следование ему, вплоть до санкций, накладываемых на нарушителя.

В плане типовой принадлежности, ПД – сложное явление. Его цели и контексты – разнообразны. Однозначно можно заявить, что ПД перформативный и гипотаксический. В формате глобального ПД (таковым является, например, дискурс вокруг проблем гражданского общества), рецептивный тип на первых этапах имеет преимущество над конструктивным, по причине значительной контекстуальной зависимости ПД. Однако «сильный» контекст совмещен с «сильным», хорошо структурированным текстом. ПД консервативен по своей природе. Его объект – устойчив во времени и пространстве, ибо фундамент ПД – набор некоторых конвенциональных нормативных «догм», связанных, прежде всего, с неотчуждаемыми фундаментальными правами человека. В этом он больше похож на объект богословского дискурса, чем, к примеру, политического или естественнонаучного.

Постструктуралистский подход не является релевантным в деле постижения и апробации ПД, а также имплементации его результатов в жизнь. Иррационализм и

методологический «либерализм» постмодернистской философии, чрезмерно озабоченной лингвистическими проблемами, также видится не уместным для анализа ПД. Несмотря на лингвистическую природу, ПД не сводим к языковым играм. Он требует простоты и ясности, волевых усилий и социальной ответственности участников правовой коммуникации. Их выводы должны быть рациональными и эмпирически подтверждаемыми.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Касавин И. Т. Дискурс / И. Т. Касавин // Социальная эпистемология / Под ред. И. Т. Касавина. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2010. – С. 77–93.
2. Костина Н. Н. Репрезентация понятия «права человека» в правовом дискурсе / Н. Н. Костина // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. – № 35 (326). Филология. Искусствоведение. – Вып. 85. – С. 69–73.
3. Невважай И. Д. Об автономии научного и богословского дискурсов / И. Д. Невважай // Эпистемология и философия науки. – 2017. – № 3. – С. 140–151.
4. Огурцов А. П. Философия науки: Двадцатый век: Концепции и проблемы. В 3 частях. Часть первая: Философия науки: исследовательские программы / А. П. Огурцов. – СПб: Издательский дом «Мир», 2011. – С. 491–495.
5. Поппер К. Р. Логика и рост научного знания / К. Р. Поппер; сост. и общ. ред. В. Н. Садовского. – М.: Прогресс, 1983. – 606 с.
6. Фуко М. Археология знания / М. Фуко; пер. с фр., общ. ред. Бр. Левченко. – К.: Ника-Центр, 1996. – 208 с.
7. Храмцова Н. Г. К вопросу об обосновании теории правового дискурса / Н. Г. Храмцова // Правовое государство: теория и практика. – 2014. – № 3 (37). – С. 21–24.
8. Храмцова Н. Г. Правовой дискурс и дискурсивность права / Н. Г. Храмцова // Российский юридический журнал. – 2009. – № 5. – С. 57–61.
9. Храмцова Н. Г. Правовой дискурс: проблемы формирования методологии в современной науке о праве и государстве / Н. Г. Храмцова // Общество: политика, экономика, право. – 2016. – № 5. – С. 133–136.
10. Яркеев А. В. Бытие социального в поле правовой дискурсивности / А. В. Яркеев // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. – 2016. – Т. 26, вып. 3. – С. 14–20.

Поступила в редакцию 20.08.2020 г.

LEGAL DISCOURSE: DEFINITION, TYPOLOGICAL IDENTIFICATION, STRUCTURE

I.I. Bartagarieva

Legal discourse is analyzed as an act of communication, a method of building legal meanings and a form of cognitive activity. It is concluded that understanding of intersubjective legal discourse exclusively as a way of language existence is irrelevant. This point is corroborated by the structure of the discourse. It includes autonomous non-linguistic elements without which the discursive practice is problematic. Essential attributes of legal discourse as well as its typological belonging are detected. It is emphasized that «strong» textuality of legal discourse is supplemented with important and unremovable contexts. Legal discourse aims at creation of an adequate normative matrix and a stable framework of social relationships.

Key words: discourse, legal discourse, discursiveness, text, context.

Бартагариева Ирина Ириковна

Старший преподаватель кафедры философии,
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
E-mail: irina-elf@bigmir. Net

Bartagariyeva Irina Irikovna

Senior Lecturer of the Chair of Philosophy,
SCE HPE “Donetsk National University”
E-mail: irina-elf@bigmir.net

УДК 172.15

ПОНЯТИЕ «ПАТРИОТИЗМ»: ГЕНЕЗИС И ПРОТИВОРЕЧИЯ

© 2020. *Р.А. Баталин*

ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»

В статье рассмотрен один из древнейших феноменов в истории человечества – «патриотизм», проанализированы особенности его эволюционирующей сущности, векторы становления и развития, а также причины девиаций и трансформации патриотизма в свою противоположность.

Ключевые слова: «патриотизм», «генезис», «девиации», «просвещенный патриотизм», «иммунитет нации».

Анализируя научную литературу, в которой раскрывается сущность феномена «патриотизм», сложно не согласиться с авторами, которые обращают внимание на его значимость в формировании и развитии Российского государства. В своей статье «Культура и общество» Г.П. Хорина, доктор философских наук, профессор Московского гуманитарного университета, пишет: «Российская история – это история постоянной борьбы за свое существование, сохранение самобытности, право действовать самостоятельно, реализацию своих ценностей начиная с Древней Руси и по сегодняшний день» [12]. В.А. Ливцов и А.С. Пожидаев в статье «Эволюция понятия «патриотизм»: через прошлое к будущему», выразили мысль что «история России – это история патриотизма» [4].

Говоря об актуальности патриотизма трудно переоценить его мобилизующую и консолидирующую функции, особенно в условиях современных глобальных вызовов растущих в геометрической прогрессии, порой выражающихся даже в неприкрытой агрессии. Но помимо функции внешней и внутренней безопасности, в нашей истории патриотизм нередко выступал и выступает как мощный развивающий фактор, определяющий роль и место государства в геополитике, а также в сознании соотечественников.

Эти обстоятельства не могут не подпитывать интерес к пониманию патриотизма в научной среде, где ему на сегодняшний день уделяется все больше внимания. И одним из первостепенных вопросов, касающихся данного феномена, является вопрос о генезисе патриотизма.

Поэтому цель данной работы мы видим в определении особенностей зарождения, становления и развития феномена «патриотизм» на разных исторических этапах. Ставим перед собой задачу: проанализировать существующие в интеллектуальных кругах подходы к пониманию генезиса патриотизма и его девиаций.

В большинстве источников, где затрагиваются вопросы становления и развития патриотизма, авторы сходятся во мнении об эволюционирующей сущности патриотизма. Среди них можно выделить И.В. Бочарникова – доктора политических наук, руководителя Научно-исследовательского центра проблем национальной безопасности, В.А. Ливцова – доктора исторических наук, профессор Среднерусского института управления, М.А. Мазур – кандидата педагогических наук, старшего специалиста межмуниципального отдела МВД России «Ханты-Мансийский». Но существует и иное мнение, так, например, Э.В. Рунг, доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Казанского федерального

университета, в своей статье «Понятие «патриотизм» и его древнегреческие коннотации», деликатно выразил настороженность относительно рассмотрения «патриотизма» как эволюционирующей сущности: «...однако если исходить из того, что патриотические чувства присущи человеку уже по его природе и только в определенной степени являются результатом общественного развития, то не следует говорить о какой-то особой эволюции патриотизма, а все же предположить, что с течением времени могло меняться осознание людьми отдельных сторон патриотизма» [9].

Мы разделяем утверждение Э. В. Рунга в последней части, что с течением времени могло меняться осознание людьми отдельных сторон патриотизма, но учитывая современные научные достижения в области исследований сознания человека, не видим повода для сомнений и в эволюционной сущности «патриотизма».

Следует отметить статью «Эволюционирует ли человеческое сознание?» И. П. Меркулова – доктора философских наук, заведующего сектором эволюционной эпистемологии Института философии РАН, в которой приводятся убедительные аргументы в пользу эволюционирующей сущности человеческого сознания: «...вплоть до второй половины XX в. никаких экспериментальных методов, позволявших исследовать сознание независимо от его непосредственного участия в работе других высших когнитивных способностей людей, не существовало. Только сравнительно недавно в результате соответствующих исследований молекулярных нейробиологов было экспериментально обнаружено, что обмен электрических сигналов, электрическая активность в мозге протекает не только на поверхности нейронов (синапсов), но и уходит в глубь нервных клеток. Эта активность включает молекулярные каскады передачи электрических сигналов от поверхности нейронов в цитоплазму и ядро, где локализованы хромосомы и гены». Автор утверждает что «появились довольно убедительные экспериментальные данные в пользу предположения, что гены определенного типа принимают непосредственное участие в управлении процессами переработки мозгом когнитивной информации, в выполнении мозгом когнитивных функций, в том числе в работе мышления, в механизмах обучения, запоминания и т.д.». И, наконец: «реагируя на давление окружающей среды по когнитивным функциям на протяжении жизни нескольких поколений, наш организм оказывается в состоянии "обновлять" набор структурных генов, которые принимают участие в формировании и развитии мозга, биологически закрепляя достижения когнитивной эволюции» [5].

Таким образом, если учесть что чувства являются одним из элементов сознания [2], а патриотизм – это, в первую очередь, чувство, то, следовательно, также как и сознание, эволюционирует.

Патриотизм считается одним из самых древних феноменов в истории человечества. Его «возраст» насчитывает многие тысячелетия и превышает оседло-земледельческие периоды человеческой жизни. В энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона первичный патриотизм определяется как патриотизм рода или племени, державшийся на кровнородственных связях, характеризующийся собирательной жизнью и кочевым бытом.

При переходе племен к оседлому земледельческому образу жизни патриотизм получает свое специфическое значение – становится любовью к родной земле [15].

А появление самого понятия «патриотизм», как правило, связывают с античным периодом, с Древней Грецией – Элладой. Термин *patria* («отечество») применялся к родному городу-государству (полису), под словом *patriota* понимался приверженец своего города-государства [4].

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и методики воспитательных систем Новосибирского государственного педагогического

университета М.В. Чельцов в своей статье «Генезис понятия "патриотизм" в социальной и педагогической сферах до конца XIX века» обращает внимание на то, что в промежутке с VIII по VI века до н.э. происходит изменение формы самовосприятия и сопричастности в греческих сообществах. «Кровнородственные связи постепенно вытесняются статусом гражданским. Индивид получает не только врожденные права и обязанности, но и обретенные в результате своего труда и положения в обществе. Человек становится членом полиса и в этом качестве стремится удовлетворять не только свои нужды, но и потребности всего общественного объединения» [14].

Автор отмечает, что в Античной Греции происходит формирование патриотизма как идеи регулирующей взаимоотношения между государством и гражданином. А к пониманию этой идеи, ближе всех приблизился древнегреческий философ Платон в своем труде «Государство», где он дает структурное и содержательное обоснование патриотизма, выраженного в идее «общего блага», которая становится для греков вершиной в иерархии ценностей и регулятором отношений на основе такой категории, как «справедливость». М.В. Чельцов замечает, что «сама система "полисного патриотизма" эллинистического мира довольно быстро могла сменяться патриотизмом национальным (который начинает зарождаться параллельно) в случае противостояния с общим для всех полисов внешним противником, например, персами» [14].

В период становления Римской империи, по мнению И.В. Бочарникова, у патриотизма начинается новый этап эволюции и его осмысления. «Наследие Древней Греции оказало мощное воздействие на развитие Рима, в том числе в плане утверждения основополагающих политико-правовых принципов. Это касается и патриотизма, который из идеи трансформируется в идеологическую основу существования и развития римской государственности, одновременно с этим полисный (местный) патриотизм становится имперским» [8]. Автор акцентирует внимание на том, что основу патриотизма в тот период определяло представление об особой богоизбранности римского народа и самой судьбой предназначенных ему победах, о Риме как высшей ценности, о долге гражданина служить ему всеми силами, не щадя сил и жизни.

Для эпохи феодализма, как считает Д.А. Карманова «характерно вмешательство в отношения личности и государства, личности и общества религиозной идеологии. Церковь брала на себя задачу придания религиозного значения земному Отечеству, "примирения" человека с государством как главным элементом, от отношения к которому зависит характер патриотических чувств. Однако следует учитывать, что помимо "града земного" есть и другое Отечество – "град божий", перед которым у человека есть свои обязательства (Августин Аврелий)» [3].

На протяжении всего Средневековья патриотизм как нравственно-этическая ценность, за исключением редких случаев, не поощрялся и не культивировался. Поэтому такие явления, как национально-освободительные войны, были достаточно редкими явлениями, их место занимали крестовые походы и религиозные войны [8].

Таким образом, период Средневековья характеризуется церковным засильем и национальным нигилизмом, патриотизм как приоритетная идея государственности утратил свое значение.

Важнейшей чертой мировоззрения эпохи Возрождения и Просвещения (Нового времени) был индивидуализм. Другой характерной чертой нового мировоззрения было пробуждение национального самосознания. У людей возникает чувство патриотизма, формируется понятие отечества.

И.В. Бочарников отмечает: «Для многих европейских государств открывается возможность возвращения к прошлому (дохристианскому) содержанию понятия

"патриотизм"... Особую роль в этом сыграл выдающийся мыслитель того периода Н. Макиавелли» [8].

Родина в представлении Макиавелли, по мнению автора, становится уже не только свободным городом-коммуной, своей свободой обязанный самому себе и управляемый всеми во всеобщих интересах, но крупным итальянским государством, которое служило бы оплотом против всякого иноземного вторжения, становится нацией.

Игорь Валентинович считает, что в этот период происходит формирование национального самосознания, во многих государствах актуализируется проблема воспитания высоконравственного человека-гражданина, которая прослеживается в трудах Я. Коменского, М. Монтень, Т. Мор. Основной целью воспитания становится формирование осознанной гражданской позиции, отражающейся в трудах Дж. Локка и французских философов Ж.-Ж. Руссо, Д. Дидро и К.А. Гельвеций.

Просветители стали трактовать отношения между человеком и государством как равноправные (концепция общественного договора, естественного равенства, критика деспотизма и т.д.).

В странах Западной Европы понятие «патриот» практически до конца XVIII – начала XIX веков употреблялось в отношении тех, кто заботился о благе Отечества и считал это важнейшей целью. Такой вариант словоупотребления стал наиболее распространенным. Акцентировалось, что патриот ставит долг перед отечеством выше долга верноподданного.

Просветительской идеологией постулировалось, безусловно, положительное отношение к слову «патриот». Это было определено аксиоматически признаваемой возможностью противопоставления интересов отечества интересам монарха, то есть властителя, не контролируемого обществом. Так же к понятию «патриот» добавляется идея верности идеалам Отечества или определенного политического процесса, происходящего в Отечестве, изменяющего его, по мнению большинства, в лучшую сторону (например, приверженность идеалам революции) [14].

В целом, начиная с рубежа XVIII–XIX столетий, патриотизм прочно входит в политико-правовой лексикон всех современных государств, являясь, вплоть до настоящего времени, мощным идеологическим стимулом мобилизации их граждан на защиту Отечества, в том числе вооруженную, от внешней агрессии и внутривнутриполитических потрясений [8].

В России, несмотря на то, что термин «патриотизм» появился значительно позже, чем в европейских странах, любовь к родным просторам и преданность своей Родине с самого начала стала главной чертой менталитета русского народа, духовной основой развития российской государственности.

Патриотизм берет свое начало в глубокой древности, в период распространения христианства на Руси и борьбы с иноземными захватчиками, когда формировались традиционные нравственные ценности народа. Русская патриотическая мысль начала актуализироваться в период становления централизованного государства, в то время, когда московские князья смогли продемонстрировать свой патриотизм, который проявился в политике собирания русских земель вокруг Москвы.

После падения Константинополя в 1453 году в русском религиозном сознании стала утверждаться мысль о том, что Господь избрал Москву единственным оплотом истинно христианского мира. В это время начала складываться идеологическая концепция «Москва – Третий Рим».

При Петре I патриотическое воспитание основывалось на глубоко национальной идее верности и преданности Отечеству. Служение Отечеству, усердие в

государственных делах объявлялись главной добродетелью и даже закреплялись в «табели о рангах», как обязательное условие получения наград, чинов, званий [4].

В XVIII веке в России стала формироваться не только система военно-патриотического воспитания, но и патриотическое просвещение. «Наставление пехотного полка полковнику» предписывало командирам работать над патриотическим воспитанием солдат, регулярно разъясняя и читая уставы, статьи, приказы, а также рассказы о славе и могуществе России.

Идеи патриотизма в России были значимы и для оппозиционных слоев и групп общества. Например, А. Н. Радищев в «беседе о том, что есть Сын Отечества» назвал патриотические качества русского народа: бескорыстное стремление служить делу процветания своей Родины, твердость и неутомимость в исполнении. Декабристы также считали защиту Отечества важной обязанностью каждого члена общества. В проекте Конституции А. Муравьева подчеркивалось, что «каждый россиянин обязан выполнять общественные обязанности – подчиняться законам и властям Отечества и становиться на защиту Родины, когда этого потребует закон». «Любовь к Отечеству есть источник всех государственных добродетелей и самая сильная опора для существования и процветания всех государств», – писал другой декабрист П. Пестель [4].

Революционные события, гражданская война, строительство нового социалистического общества, по мнению Г. П. Хориной, внесли свои коррективы в содержание патриотизма. Раскол в русской культуре, произошедший после революции, проявился и в различном понимании патриотизма и его реализации. Для большевиков главным было сохранить целостность России, ее государственность и суверенитет, опираясь на собственные силы. Для «Белого движения» – вернуть утраченное благополучие, заставить простолудинов занять свое место любой ценой, с помощью иностранных армий, даже пожертвовав рядом территорий [12].

В годы советской власти патриотические традиции получили дальнейшее развитие. Строительство новых городов, современных для того времени предприятий, таких как Магнитогорск, Днепрогэс, автозавод имени Лихачева и других, способствовало развитию трудового героизма, гордости за свою страну. Как известно, к середине 1930-х годов Советский Союз по объему ВВП занимал первое место в Европе и второе – после США.

Героизм был проявлен большинством советских людей в годы Великой Отечественной войны на полях сражений в рядах Советской Армии, в партизанских отрядах, в подпольных организациях в тылу врага и даже в концлагерях, где узники мученически умирали, но не становились предателями Родины. В нашей стране высочайший героизм и самоотверженность проявили люди разных национальностей. В годы Великой Отечественной войны более 11 тысяч советских воинов разных национальностей получили звание Героя Советского Союза. Подвиг А.М. Матросова повторили 329 героев. Эти данные свидетельствуют о том, что за годы советской власти, благодаря патриотическому воспитанию, сформировалось наднациональное сознание. Ни в истории России, ни в истории Запада ничего подобного не происходило. Русский дух, несмотря на жесточайший конфликт почти со всеми европейскими державами, оказался непобедим.

После Великой Отечественной войны патриотизм получил новый импульс, связанный с началом космической эры, со строительством БАМа, новых городов, промышленных предприятий, освоением целинных и залежных земель. До определенного времени Советский Союз динамично развивался во всех направлениях и

был второй, а по некоторым показателям и первой державой в мире. Но произошло снижение темпов роста, и началась стагнация. Старшее руководство страны уже не успевало реагировать на происходящие в мире процессы, особенно в области развития информационных технологий. В основном все развитие СССР было связано с военно-промышленным комплексом в ущерб социально-бытовой сфере.

Массовый героизм советских людей в годы Великой Отечественной войны оказал влияние на развитие патриотических чувств послевоенной молодежи. Она воспитывалась на подвигах героев «Молодой гвардии», Н. Гастелло, А. Матросова, З. Космодемьянской. Комсомол организовывал Вахты памяти, Всесоюзные выезды молодежи и школьников к местам боевой и трудовой славы, поисковые отряды, организовывал возведение памятников героям, вечера патриотической песни, встречи и чествования ветеранов боевых действий. Это были не разовые акции, а работала четкая система патриотического воспитания [12].

В целом патриотизм прочно интегрировался в социокультурное пространство России и занял особое место в ее развитии, но были в истории периоды, характеризующиеся также критикой, обеспокоенностью и опасением феномена «патриотизма».

С ростом революционных настроений в XIX веке понятие любви к родине стало подвергаться анализу и критике. Так, например, П.Я. Чаадаев формулирует идею: чтобы осознать и реализовать свою всемирно-историческую миссию, России «нужно, прежде всего, искренне приступить к осмотрению своего положения, и всякий благонамеренный россиянин должен в сем случае отбросить в сторону тот ложный патриотизм, который ищет прикрывать недостатки и выказывать одни блестящие стороны своего отечества... Какая честь и польза обольщать себя!» [13]. Ему принадлежат слова, о которых по сей день спорят исследователи: «Истина дороже Родины».

Л. Н. Толстой, несмотря на то, что в грандиозной эпопее «Война и мир» показал патриотический порыв русского народа, обусловивший победу России в Отечественной войне 1812 г., в ряде своих поздних работ, таких как «Христианство и патриотизм», «Патриотизм и правительство» на первый план выдвинул социальный критицизм. Толстой прямо утверждал, что «патриотизм – это пережиток варварских времен... До тех пор, пока мы будем восхвалять патриотизм, воспитывать его в молодых поколениях, у нас будут вооружения, губящие и физическую, и духовную жизнь народов, будут и войны» [10].

Такую позицию вышеупомянутых мыслителей в отношении патриотизма многие историки, как правило, объясняют западничеством отрицанием традиционного понимания любви к Родине, но, на наш взгляд, это является результатом ассоциации патриотизма с агрессивным национализмом, шовинизмом и девиациями патриотизма.

Так, например, П.Я. Чаадаев в «Апологии сумасшедшего» формулирует мысль: «Любовь к родине разделяет народы, питает национальную ненависть и подчас одевает землю в траур; любовь к истине распространяет свет знания, создает духовные наслаждения, приближает людей к Божеству». [13].

А в статье «Патриотизм и правительства» Л.Н. Толстой отмечает: «все мои доводы об отсталости, несвоевременности и вреде патриотизма встречались и встречаются до сих пор или молчанием, или умышленным непониманием, или ещё всегда одним и тем же странным возражением: говорится, что вреден только дурной патриотизм, джингоизм, шовинизм, но что настоящий, хороший патриотизм есть очень возвышенное нравственное чувство, осуждать которое не только неразумно, но преступно». И добавляет: «о том же, в чём состоит этот настоящий, хороший патриотизм, или вовсе не говорится, или вместо объяснения произносятся

напыщенные высокопарные фразы, или же подставляется под понятие патриотизма нечто, не имеющее ничего общего с тем патриотизмом, который мы все знаем и от которого все так жестоко страдаем». В статье выражается мысль что «патриотизм, как чувство, есть чувство дурное и вредное; как учение же – учение глупое, так как ясно, что если каждый народ и государство будут считать себя наилучшими из народов и государств, то все они будут находиться в грубом и вредном заблуждении» [11].

Льву Николаевичу, как писателю-гуманисту была близка идея космополитизма, поддерживаемая некоторыми его современниками. Он утверждал, что «патриотизм, как чувство любви к своему народу и как учение о доблести жертвы своим спокойствием, имуществом и даже жизнью для защиты слабых от избиения и насилия врагов, – был высшей идеей того времени, когда всякий народ считал возможным и справедливым, для своего блага и могущества, подвергать избиению и грабежу людей другого народа; но уже около 2000 лет тому назад высшими представителями мудрости человечества начала сознаваться высшая идея братства людей, и идея эта, всё более и более входя в сознание, получила в наше время самые разнообразные осуществления» [11].

Анализируя подходы двух упомянутых мыслителей, думается нам, что никто не даст на их вопросы и сомнения более исчерпывающий ответ, чем сама история. А из истории мы знаем, что да, высказанные опасения в XIX веке, действительно, сбылись в начале XX века. «Раскручиваемые» патриотические настроения, переросшие в национализм и шовинизм в конце XIX века, привели в XX веке к десяткам миллионов людских жертв в первой мировой войне, и стали катализатором революции и еще более кровопролитной – второй мировой войны. Но в тоже время без патриотизма, проявленного советскими защитниками и освободителями в Великой Отечественной войне наша Родина и мы как нация, свободный народ, вряд ли имели бы шансы на дальнейшее существование и развитие. В период снятия так называемого «железного занавеса» мы оказались свидетелями «космополитских настроений» наших высокопоставленных чиновников и правителей, а немного позже столкнулись и с национальным нигилизмом. Последствия нам хорошо известны и еще не забыты – Советский Союз прекратил свое существование. Некоторые постсоветские страны, можно уже констатировать, потеряли свою свободу и независимость, перешли под внешнее управление «заокеанских партнеров». Россия была поставлена под угрозу своего существования. И благодаря тому же патриотизму – любви к Родине новоизбранного главнокомандующего и граждан, которые остались верными своему Отечеству, удалось уберечь свою страну от развала и вывести ее на уровень держав, с чьими интересами сегодня приходится считаться.

Возможно об идее «мирового братства», о которой упоминал Лев Николаевич, и можно было бы говорить в случае полного осознания человечеством законов гармоничного бытия основанных на принципах гуманизма, но история и опыт подтверждает незыблемость закона диалектики «Единства и борьбы противоположностей». Там, где есть любовь, обязательно будет присутствовать, образно выражаясь, и «обратная сторона медали» – страх (прежде всего страх потери), а значит будут и сомнения, недоверие, противоречия и конфликты.

Зная об этом, говоря о патриотизме, нам, конечно же, следует помнить о возможных угрозах и безопасности своей Родины, но также не стоит забывать и о главном ключевом слове в определении самого понятия «патриотизм» – ЛЮБВИ, и сосредотачиваться именно на ней, на ее созидательной, а не разрушительной силе. Поэтому в последнее время все чаще не только в интеллектуальных кругах, но и на уровне руководства страны подчеркивается важность именно конструктивного,

осознанного патриотизма, а не казённого, слепого, квасного, затхлого патриотизма часто подверженного крайностям: шовинизму и национальному нигилизму.

Так, например 3 сентября 2012 года президент Российской Федерации В.В. Путин в Краснодарском президентском кадетском училище, подчеркнул: «Я всегда был против любой идеологической цензуры. Так называемый казенный патриотизм и "охранительство" не укрепляют иммунитет общества, а наоборот, разрушают его. Нам нужны живые формы воспитания патриотизма» [6]. А в интервью передаче «Москва. Кремль. Путин», 10 мая 2020 года акцентировал внимание на том, что: «Национальная идея России заключается в патриотизме, но он не должен быть квасным и затхлым, он должен быть посвящен развитию страны. Невозможно строить национальную идею только на попытках ухватиться за героическое прошлое. Успеха можно добиться, если при сохранении памяти о прошлом, продолжать смотреть в будущее» [7].

Таким образом, резюмируя вышеизложенное, можно с уверенностью констатировать, что патриотизм считается одним из самых древних феноменов в истории человечества, является эволюционирующей сущностью, отдельные стороны которого в разной мере осознавались на протяжении всего человеческого существования и продолжают осознаваться до сих пор.

В зарождении и становлении патриотизма отчетливо прослеживаются несколько векторов развития:

1. Патриотизм как чувство, как идея, как идеология;
2. Патриотизм на микроуровне (личности), на уровне кровнородственных связей, местный (полисный) патриотизм, государственный (имперский);
3. Патриотизм по объекту притязаний: народ, родина, отечество.

Прослеживается также трансформация патриотизма по национальному сознанию: национализм, интернационализм, шовинизм, космополитизм и национальный нигилизм.

И можно отметить, что чем дальше человечество в развитии патриотической идеи или идеологии отдалается от основ, первопричин патриотизма, забывает о патриотизме как чувстве, которое неразрывно связано с гуманизмом, и что народ является фундаментальной составляющей государства, тем ярче начинают наблюдаться девиации патриотизма и его трансформация в свою противоположность.

Так же можно отметить, что функции патриотизма не сводятся только лишь к защите и безопасности государства, но могут способствовать, и активно способствуют его развитию.

Патриотизм с уверенностью можно назвать иммунитетом нации, без которого, с одной стороны, невозможно представить существование любого государства, с другой стороны, нужно понимать, что как показывает опыт, чрезмерно сильный, неконтролируемый иммунитет иногда может быть агрессивным и по отношению к своему собственному организму. Поэтому актуальным и востребованным, на сегодняшний день, является именно конструктивный, осознанный, ответственный, одним словом – просвещенный патриотизм [1].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баталин Р.А. Образованный (просвещенный) патриот // Вестник науки и образования. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://scientificjournal.ru/a/117-ped/1044-prosveshchenny.html> (дата обращения: февраль 2019).
2. Вундт В. Психология сознания. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.psychologos.ru/articles/view/psihologiya-soznaniya> (дата обращения: 19.07.2020).

3. Карманова Д. А. Патриотизм как общественное отношение. Социально-философский анализ: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук, 2007. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/patriotizm-kak-obshchestvennoe-otnoshenie-sotsialno-filosofskii-analiz> (дата обращения: 19.07.2020).
4. Ливцов В., Пожидаев А. Эволюция понятия «патриотизм»: через прошлое к будущему // Свободная мысль. – 2016. №6. – С. 151-154
5. Меркулов И.П. «Эволюционирует ли человеческое сознание?» Философия науки. Вып. 12: Феномен сознания. – М.: ИФ РАН, 2006. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iphras.ru/page49303160.htm> (дата обращения: 19.07.2020).
6. Путин В.В. На встрече в Краснодарском президентском кадетском училище: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.donetsk.kp.ru/daily/25949.4/2891950/> (дата обращения: 19.07.2020).
7. Путин В.В. В интервью передаче «Москва. Кремль. Путин», 10 мая 2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://russian.rt.com/russia/article/745442-putin-patriotizm-nacionalnaya-ideya> (дата обращения: 19.07.2020).
8. «Патриотизм как фактор развития российской государственности» / Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Ассамблея народов России, Научно-исследовательский центр проблем национальной безопасности, Московский дом национальностей; [под общ. ред. И.В. Бочарникова]. – М.: Московский дом национальностей, 2015. – 368 с. – С. 28-42.
9. Рунг Э.В. Статья: «Понятие «патриотизм» и его древнегреческие коннотации» // Проблемы истории, филологии, культуры 2013. – №2 (40). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-patriotizm-i-ego-drevnegrecheskie-konnotatsii> (дата обращения: 19.07.2020).
10. Толстой Л.Н. «Христианство и патриотизм» // Полное собрание сочинений. Государственное издательство художественной литературы Москва – 1956. – Т. 39. – С. 27-80.
11. Толстой Л.Н. «Патриотизм и правительство» // Полное собрание сочинений: В 90 тт. Том 90. – С. 425-444.
12. Хорина Г. П. Патриотизм в русской культуре // Знание. Понимание. Умение. – 2018. – № 4. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/patriotizm-v-russkoy-kulture> (дата обращения: 19.07.2020).
13. Чаадаев П.Я. «Апология сумасшедшего» 2001, Библиотека "Вехи" [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vehi.net/chaadaev/apologiya.html> (дата обращения: 19.07.2020).
14. Чельцов М. В. «Генезис понятия «Патриотизм» в социальной и педагогической сферах до конца XIX века» // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Наука и социум». – 2017. – №1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/genezis-ponyatiya-patriotizm-v-sotsialnoy-i-pedagogicheskoy-sferah-do-kontsa-xix-veka> (дата обращения: 19.07.2020).
15. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. – Т. 45. – С. 36-38.

Поступила в редакцию 10.09.2020 г.

THE CONCEPT OF "PATRIOTISM": GENESIS AND CONTRADICTIONS

R.A. Batalin

The article examines one of the oldest phenomena in the history of mankind – "patriotism", analyzes the features of its evolving essence, formation and development, as well as the reasons for the deviations and transformation of patriotism into its opposite.

Key words: "patriotism", "genesis", "deviation", "enlightened patriotism", "immunity of the nation".

Баталин Руслан Александрович
аспирант кафедры философии и истории
ОО ВПО «Горловский институт
иностраных языков».
E-mail: rusbat79@yandex.ru

Batalin Ruslan Aleksandrovich
graduate student of the Department
of Philosophy and History,
EO HPE «Gorlovsky Institute of Foreign Languages»..
E-mail: rusbat79@yandex.ru

УДК 130.2: 477

МЕНТАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ВОСТОЧНОХРИСТИАНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

© 2020. *В.Н. Даренская*

ГОУ ВО ЛНР «Луганский национальный университет им. Т. Шевченко»

В статье рассмотрены ментальные основания культурной специфики восточно-христианской цивилизации на основе культурно-исторического метода. Цель статьи состоит в уточнении исторической модели, которая сформировала ментальные отличия западноевропейской и русской культур. Показано, что корни цивилизационного раздела Европы на Западную и Восточную во многом определяются тем особым способом, которым «варварские» этносы приобщались к христианской и античной традициям. Без преодоления деструктивной культурной «самоколонизации» самостоятельное развитие восточно-христианской цивилизации невозможно. Концептуальная новизна статьи состоит в формулировке принципа «культурной Родины», а также в уточнении исторического истока ментальных отличий.

Ключевые слова: ментальность, восточно-христианская цивилизация, традиция, самоколонизация, Родина, традиционализм.

Введение. Отличия восточно-христианской (в первую очередь, русской как ее наиболее характерного выразителя) цивилизации от западной давно стали предметом историософских исследований, начиная с наследия П.Я. Чаадаева, славянофилов, Н.Я. Данилевского и К.Н. Леонтьева. В наше время русская цивилизация является предметом многочисленных культурологических и историософских исследований. Однако при всем разнообразии концепций и подходов, которые созданы в последнее время, остается не вполне проясненной исходная модель культуротворчества восточнохристианской цивилизации, которая остается инвариантной, но может приобретать самые разнообразные внешние формы в разные исторические периоды. Кроме того, недостаточно внимания уделяется феномену культурной «самоколонизации», которая в Новое время стала характерной для этого цивилизационного пространства.

Целью данной статьи является анализ тех аспектов данной проблемы, которые ранее рассматривались недостаточно. Речь идет об исторических предпосылках – в первую очередь, модели восприятия культурного наследия, которая отличает восточно-христианскую цивилизацию. Актуальность анализа этих предпосылок определяется необходимостью формирования и защиты цивилизационного суверенитета России в современном мире как основы развития народа и государства в условиях глобальной конкуренции.

Основная часть. Расхождение цивилизационных моделей западно-христианской и восточно-христианской частей Европы было заложено уже в различии способов рецепции ими античной культурной традиции. Новые варварские этносы на западе Европы завоевывали территорию бывшей Римской Империи силой – и этот стереотип завоевательного отношения к культурной традиции затем закрепился в их типе культуры. На востоке Римская Империя продолжала существовать еще тысячу лет со столицей в Новом Риме – Константинополе, и славянские народы приобщались к ее культурной традиции не как завоеватели, а как ученики. Это ученический тип восприятия культурной традиции затем стал моделью их культуры и культурной ментальности. После исчезновения Империи и здесь (термин «Византия» введен в

оборот уже в Новое время и является искусственным) такое же ученическое отношение, ставшее стереотипом, было перенесено народами Восточной Европы теперь уже на их отношения с Западной Европой. Это и породило комплекс «самоколонизации». Уникальность же Московской Руси состояла в том, что в допетровскую эпоху культурные заимствования с Запада были чисто техническими (например, западными мастерами построен Московский Кремль и почти все храмы в нем), но не приводил к комплексу неполноценности. Это объяснялось мессианским сознанием людей Руси, которые осознавали себя носителями истинной веры, в отличие от «бусурманской» Европы, и ценили это превыше всего.

Историк древнерусской философии В.С. Горский сформулировал главное отличие восточно-христианского мироощущения, которое и определило пути нашей культуры, на примере различия архитектурных стилей следующим образом: «Если готические соборы, своими стрельчатыми башнями невероятно высоко вздымаясь, порывались проткнуть небо, словно желали достигнуть “горнего мира”, то православные церкви своей архитектурой, местом своего расположения не столько стремились подняться как можно выше, сколько подчеркивали бесконечность небесного свода над головой... Если западноевропейской культуре присуще ярко выраженное пространственное влечение к Абсолюту, “возвышение до...”, то древнерусская традиция основывалась на другом прочном мифологеме – “возвращения внутрь”, “восхождение в...”» [1, с. 11]. Позже это отличие в базовом мироощущении привело к развитию впоследствии различных типов цивилизации в западной Европе и в России, и многовековой конкуренции между ними.

В Западной Европе культурный стереотип активно-завоевательного отношения к миру привел к формированию антитрадиционалистических, инновационных тенденций развития на основе антропоцентризма и индивидуализма. Все три названные проявления этого стереотипа логически связаны между собой: инновационный тип культуротворчества смещает мировоззренческую доминанту на земную жизнь человека как самоценность (даже и при сохранении религиозности), то есть формирует антропоцентрический тип мировосприятия. Это, в свою очередь, вступая во взаимодействие с христианским пониманием человека как образа Божьего, который имеет абсолютную ценность (то есть не сводится лишь к части родового, или даже космического целого), приводит к индивидуализму как специфическому типу самоощущения. Последний сразу же вступает в конфликт со своими христианскими корнями и затем становится главной предпосылкой секуляризации. Впрочем, речь идет не о столько о ценности личности как духовного феномена («образа и подобия Божия», согласно библейскому Откровению), сколько о ценности земной индивидуальности каждого человека. Это отличие и является главным критерием, который отличает западноевропейскую цивилизацию от всех остальных, которые принято называть «традиционными» и в которых понятие личности иное, основанное на религиозном понимании человека. Как писал известный исследователь культуры эпохи Возрождения Л.М. Баткин, «на переломе к Новому времени... когда, собственно, впервые возникли “Запад” и “Восток” – до тех пор отдельность Я или оценивалась отрицательно, или, по крайней мере, Я никак не воспринималось само по себе, но лишь в контексте некой причастности. Альфой любого индивида и его омегой была социальная и метафизическая общность... Всемирно-историческая переориентация, которая может быть сопоставлена по значимости лишь с “осевым временем” возникновения древних цивилизаций, охватила Западную Европу XV–XVIII ст. и требовала всех творческих сил и метаморфоз Возрождения, Барокко, Просвещения» [2, с. 5, 11]. Впоследствии

такое секулярное понимание человека и личности стало распространяться в форме культурной колонизации и на восточную Европу, затем в Россию и по всему миру. Однако в исходной культурной модели восточно-христианской цивилизации, в том числе и в русской культуре, остается традиционное понимание личности как бессмертной души, а не как земной и смертной «индивидуальности». И даже в формах секулярной культуры – например, советской – оно тоже сохранялось, хотя и в превращенной форме принципов «коллективизма» и «гармонической личности», которые служили главным отличием от «западного человека».

В то же время Восточная Европа, особенно ее православный ареал, к которому принадлежала и Россия, оставалась в рамках традиционализма, который играл здесь роль мощного фактора исторического выживания в борьбе против внешних врагов – как с Востока, так и с европейского Запада. Последний обычно воспринимал Восточную, православную Европу исключительно как «варварскую», которую надо лишь подчинять и «цивилизовать». Лишь в эпоху Просвещения, как отмечают исследователи, появляются первые попытки более уважаемого и объективного восприятия Восточной Европы [3]. Примером последнего может служить известное высказывание И.Г. Гердера об Украине XVIII века, которую он видел собственными глазами, как о «будущей Элладе». Высокомерие западных европейцев, позволявшее им считать восточных европейцев «варварами», основывалась всего на «активно-завоевательном» отношении к окружающему миру и на том агрессивном-индивидуалистическом мироощущении и поведении, которые из него непосредственно вытекают. Однако у тех восточноевропейцев, которые подвергались принудительной вестернизации, формировался комплекс неполноценности и презрения к родной культурной среде – то деструктивное явление, которое является широко распространенным в наше время, и является мощным тормозом собственного оригинального культурного развития.

Однако это направление цивилизационных трансформаций, заданное доминантой индивидуализма, оказалось кризисным и глубоко противоречивым по своей сути. Как это ни парадоксально, но принцип индивидуализма, в конечном счете, обернулся дегуманизацией всех сфер жизни. Этот парадокс обусловлен той сущностной диалектикой развития культуры в Новое время, о которой писал Р. Гвардини: «Человек получает простор для движения, но становится бездомным... В эту эпоху человек не ходит больше под взглядом Бога... С неведомой силой просыпаются первобытные аффекты: страх, насилие, восстание против порядка» [4, с. 539; 547-548]. Особо деструктивные формы кризис европейского индивидуализма приобретает при его интервенции в традиционалистскую Восточную Европу, поскольку здесь отсутствуют «компенсаторные механизмы» культуры, которые успели сформироваться в Западной Европе, где новая цивилизация возникала постепенно, а не путем насильственного вторжения в традиционный уклад жизни. Поэтому, как это ни парадоксально, именно здесь индивидуалистическая парадигма гораздо большей степени, чем на Западе, оборачивается своими негативными последствиями – разрушением морали, семьи, религии, правосознания и культурной традиции как таковой. И поэтому же попытки простого подражания западным традициям и институтам также не срабатывают. Это означает, что восточноевропейская (в том числе, и российская) культурная парадигма должна исходить именно из этого реального деструктивного опыта и создавать способы его преодоления. В первую очередь, Россия и все православные страны, в ходе глобализации «вытолкнутые» в число стран «третьего мира», по объективным условиям самой жизни вынуждены

ориентироваться не на модель западного «потребительского общества», реализация которой за пределами стран так называемого «золотого миллиарда» является принципиально невозможной.

Однако невысокий уровень материального потребления с культурной точки зрения является не недостатком, а наоборот преимуществом, поскольку акцентирует духовно-ценностные измерения жизни, смещает центр интересов человека с гедонистических стремлений к на интерес к самовоспитанию и воспитанию детей, к межличностному общению и религиозной жизни. Это, безусловно, намного качественно более содержательный тип жизни, чем тот, который навязывает всем западное «потребительское общество». Понятно, что и в других странах определенная категория людей может достигать высокого уровня материального потребления и делать это основной целью своей жизни, но важно, чтобы этот «идеал» искусственно и утопично не навязывался всему обществу как якобы единственно возможный и достойный. А это, в свою очередь, означает преодоление монологизма вестернизации, воссоздание подлинной европейской культурной традиции, включающей в себя непрагматические смыслы и измерения жизни, обусловленные христианскими устоями этой традиции. Новейшим вариантом внутреннего диалогизма культурной общности является диалог современного индивидуализма и «потребительского общества» как его цивилизационной формы с христианской традицией как главный путь преодоления смыслового и культурного кризиса современной цивилизации. Поскольку России развитие «потребительского общества» является принципиально ограниченным, то именно она уже начала олицетворять цивилизационную альтернативу этим деструктивным тенденциям.

В этом контексте обнаруживает свою большую прогностическую ценность и эвристичность концепция В. Шубарта о приходе нового «иоанновского» типа человека, возникающего в русском культурном пространстве на смену западному «прометевскому» типу, уже более ста лет находящемуся в состоянии саморазрушения. Как пишет этот немецкий автор, «в России зарождается новый человеческий тип, который будет... новым человеком с восточной душой, но с такой, которая была пропущена через горнило западной культуры» [5, с. 304]. «Иоанновский» тип (названный В. Шубартом по ассоциации с апостолом Иоанном), не является просто «восточной» или же «русской» реакцией на вестернизацию, но становится законным наследником европейской культурной традиции после того, как она приходит к кризису в самой Европе. «Диагноз» этого кризиса удачно сформулирован Г. Померанцем: «Чем больше разрастается вещественная реальность... тем больше твердых и ясных инструкций и тем теснее для духа» [6, с. 153]. Поэтому, пишет этот автор, «в техногенной реальности нет места для Бога и для человека, созданного по Его образу и подобию» [6, с. 155]. Такова общая тенденция секулярной цивилизации как таковой, но принципиальная разница состоит в том, в каком культурном регионе мира это происходит. Если для Запада тенденция секуляризации необратима, поскольку является внутренним порождением его культуры, то в другие культуры процесс секуляризации, «обезбоживания» приходит извне, как чужеродный элемент. В результате этого представитель незападной культуры, в том числе и русской, всегда может четко отделить деструктивный процесс как «чужой» от традиции сохранения сакрального «ядра» культуры как своей и «родной». Поэтому в рамках такого разделения можно воспринимать технологический прогресс извне, но при этом сохранять смысловые основания собственной культуры. Именно такой путь является оптимальным, и в настоящее время в России он стихийно формируется как основная тенденция развития.

Параллельно с нею имеет место и чистая «самоколонизация» (вестернизация), а также сохранение элементов специфически советской культуры. Тем самым, в настоящее время в России конкурируют три культурные модели – радикальная вестернизация, традиционализм (с ориентацией на классику XIX века и Православие) и советская традиция, еще сохраняющая своих живых носителей. Последняя в свое время была синтезом вестернизации (секулярность и прогрессизм) и традиционализма (непрагматический стиль жизни и коллективизм). Естественный уход представителей советской модели сопровождается новым синтезом русской культурной традиции как ответа на вызовы западного Постмодерна как «пост-культуры».

К XX веку разрушение основ христианской цивилизации стало уже необратимым, и в ней стали господствовать антихристианские устремления. Как афористически выразился Ж. Эллюль в 1960-е, «Запада (L'Occident) больше не существует. Победила логика структур, игра механических сил, диктат систем» [7, р. 95]. В результате этого, как писал В. Краус, «разочарование и горькая неприязнь к истории, к прошлым иллюзиям и современной реальности, которые обещают не больше, чем на самом деле могут дать, становится причиной того нигилизма, который овладевает нас все больше. Нигилизм – это обратная сторона надежд на земной рай, и этой обратной стороны мы уже достигли. Стремление человека сравнивать себя с Богом разрушает в ней ощущение возможного» [8, с. 108]. Именно этот дух вседозволенности правит и в современной культуре, и в политике. Например, Г. Киссинджер однажды откровенно признался: «то, что обычно называют глобализацией, на самом деле просто другое название господствующей роли Соединенных Штатов» [Цит. по: 9, с. 80]. Тем самым, современная глобальная диктатура США является самым открытым выражением западного нигилизма, не признающего никаких иных субъектов истории, кроме самого себя.

В свою очередь, стратегия «самоколонизации», т.е. ориентации на Запад, делает культуру всех других стран вторичной и обреченной на зависимость. Деструктивный феномен культурной «самоколонизации» характерен не только для России, но является общемировым феноменом. Так, например, современный польский философ и поэт Стефан Крул афористически писал: «Cudze chwalimy. / Swego nie znamy. / Nie szanujemy. / Sami nie wiemy, / Co posiadamy. / Wszystko co obce, / To malujemy» («Чужое хвалим, своего не знаем, не уважаем; сами не знаем, что имеем, а всё чужое перенимаем (обезьянничаем)») [10, р. 359]. Феномен культурной «самоколонизации» возникает не только и даже не столько как «капитуляция» перед иностранным, но в первую очередь, как отказ от самостоятельного усилия культуротворчества. В качестве «противовеса» этой разрушительной установке сознания действует императив: диалог должен «рассматриваться не только как форма толерантности, но и как форма столкновения индивидуальностей, в которой и происходит реальная встреча двух культурных традиций, которые определяют пределы своей индивидуальности» [11, с. 185]. В противном случае создает своеобразный парадокс «нетерпимой гипертолерантности», при которой под предлогом необходимости «уважения к другим» подавляются всякие попытки отстаивать свою культурную самобытность. Тем самым, толерантность автоматически превращается в свою противоположность – в подавление всего того, что не является общим для всех. Такая «гипертолерантность» оказывается разрушительной вследствие важной закономерности, о которой писал академик В.С. Степин: «попытка отделить общее от особенного в культуре наталкивается на сопротивление, поскольку люди идентифицируют себя... именно в связи с особенностями, отличающими их от людей

другой культурной традиции» [12, с. 26]. Эта закономерность, сформулированная В.С. Степиным, обычно эмпирически очевидна как некая изначальная данность, которую невозможно просто отбросить призывом к диалогу культур. Люди и общности вступают в культурный диалог только тогда, когда испытывают в этом внутреннюю потребность, ощущая ограниченность своей родной локальной традиции. А в тех случаях, когда их принуждают к диалогу, в котором они не испытывают внутренней потребности, это дает как раз обратный эффект – приводит к конфликту культур. Тем самым, необходимо сохранять определенную степень замкнутости, герметичности «культурных миров» и традиций – они стремятся к диалогу, только ощущая себя защищенными от внешнего разрушения. Категория «локальный» прежде всего означает «экзистенциально-особый» феномен для каждого носителя культурной традиции. Так, например, любая мировая религия, будучи универсальной, вместе с тем всегда приобретает для определенного жизненного мира экзистенциальный смысл сохранения «своей родной веры», что часто порождает долговременные конфликты, в том числе и вооруженные. Для предотвращения таких конфликтов защита самобытности «культурных миров» должна стать частью глобальной политики.

Заключение. Эти определения чрезвычайно важны для понимания *специфической категории культурной Родины как воплощения культурных смыслов*. Действительно, защита Родины – в том числе, и культурной Родины как средоточия жизненных смыслов – это защита самого смысла жизни от его возможного уничтожения как того «жизненного мира», в котором этот смысл воплощен для человека. И для России такую смертельную опасность представляет бездумная вестернизация как «самоколонизация». Для эффективного противостояния этой опасности гибели родного «жизненного мира» нужно глубоко понимать его главные специфические особенности и его ценность, сформировавшуюся на протяжении тысячи лет борьбы с внешней агрессией и внутренними изменениями. В свою очередь, требует специальной теоретической разработки понятие «культурной Родины» как основы создания суверенного жизненного мира личности. «Культурная Родина» имеет характер «стереоскопии» – то есть способность воплощать и вмещать в себе универсалии общечеловеческой культуры в их конкретном национальном выражении и уникальной форме. В настоящее время Россия находится в уникальной ситуации: она может стать главным носителем классических традиций христианской культуры, которые целенаправленно разрушаются в условиях «постмодерна». Об этой будущей роли России в европейской культуре пророчествовал П.Я. Чаадаев – похоже, что его предвидение начинает сбываться в наше время.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горський В.С. Святі Київської Русі. – Киев: Абрис, 1994. – 173 с.
2. Баткин Л.М. Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности. – М.: Наука, 1989. – 236 с.
3. Wolff L. Inventing Eastern Europe. The Map of Civilization in the Mind of the Enlightenment. – Stanford Univ. Press. – Stanford, 1994. – 512 p.
4. Гвардини Р. Конец Нового времени // Культурология: Уч. пос. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. – С. 537-551.
5. Шубарт В. Европа и душа Востока. – М.: Русская идея, 2000. – 446 с.
6. Померанц Г. Диалог пророческих монологов // Дружба Народов. – 1997. – № 3. – С. 151-157.
7. Ellul J. Trahision de L'Occident. – P.: Plon, 1965. – 199 p.
8. Краус В. Нігілізм сьогодні, або Терплячість світової історії. – К.: Основи, 1994. – 122 с.
9. Макбрайд У. Глобализация и межкультурный диалог // Вопросы философии. – 2003. – № 1. – С. 79-88.
10. Król St. Slovo w obronie kultury słowiańskiej // ΣΟΦΙΑ. Журнал філософів слов'янських країн. – Rzeszów: Univ. Rzeszowski, 2006. – № 6. – S. 357-361.

11. Морозов С.Б. Диалогическое основание культуры // Рационализм и культура на пороге третьего тысячелетия: Материалы Третьего Российского философского конгресса. В 3 т. – Т. I. – Ростов-на-Дону: Изд. СКНЦ ВШ, 2002. – С. 184-185.
12. Стёпин В.С. Современные цивилизационные изменения и диалог культур // Наследие Л.Н. Гумилева и судьбы народов Евразии: история, современность, перспективы: Сб. ст. – СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2012. С. 13-27.

Поступила в редакцию 16.07.2020 г.

MENTAL FOUNDATIONS OF THE EASTERN CHRISTIAN CIVILIZATION

V. N. Darenskaya

The article considers the mental foundations of the cultural specificity of the Eastern Christian civilization based on the cultural and historical method. The purpose of the article is to clarify the historical model that formed the mental differences between Western European and Russian cultures. It is shown that the roots of the civilizational division of Europe into Western and Eastern ones are largely determined by the special way in which “barbarian” ethnic groups were attached to the Christian and ancient traditions. Without overcoming the destructive cultural “self-colonization”, the independent development of Eastern Christian civilization is impossible. The conceptual novelty of the article consists in the formulation of the principle of “cultural homeland”, as well as in clarifying the historical source of mental differences.

Key words: mentality, Eastern Christian civilization, tradition, self-colonization, homeland, traditionalism.

Даренская Вера Николаевна

Кандидат философских наук,
доцент кафедры философии и социологии
ГОУ ВО ЛНР «Луганский национальный
университет им. Т. Шевченко»
E-mail: darenskiy1972@rambler.ru

Darenskaya Vera Nikolaevna

Candidat of Philosophical Sciences,
Associate Professor of the Chair of Philosophy and
sociology,
SCE HE LPR “Lugansk National University named
after T. Shevchenko”
E-mail: darenskiy1972@rambler.ru

УДК 165.72

РАЗРУШЕНИЕ И СОЗИДАНИЕ В ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

© 2020. *Н.Н. Емельянова*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье анализируются феномены разрушения и созидания как интенций человеческой жизнедеятельности. Анализируются концепции мыслителей, сделавших данную проблему предметом философской рефлексии. С одной стороны, разрушение и созидание характеризуются как необходимые векторы природного и общественного развития. С другой стороны, нацеленность на разрушение рассматривается как опасная тенденция социального развития, которой необходимо противопоставить убедительно обоснованную энергию созидания.

Ключевые слова: разрушение, созидание, человек, жизнедеятельность, социум.

История человечества полна событиями, демонстрирующими как разрушительные, так и созидательные тенденции развития социума. Человеку как разумному существу свойственно стремление к непрерывному познанию и творчеству. То, что еще полвека назад представлялось игрой воображения, сегодня обретает контуры устойчивой реальности, которая не только свидетельствует о грандиозных возможностях человеческого разума, но и выявляет порожденные им глобальные противоречия. Осмысление разрушительных тенденций современности актуализируется в условиях нестабильного перmissive социума, утрачивающего традиционные ценностные ориентиры. Понятия, в которые массовое сознание привычно вкладывает позитивный смысл (демократия, справедливость и т. п.), получают новое истолкование. Так, идеологи современного нацизма, вслед за А. Пиночетом, искренне убеждены в том, что демократия несет в себе зерно собственного разрушения, и поэтому ее время от времени необходимо купать в крови. Со справедливостью, прежде всего, ассоциируется ее ретрибутивная (наказующая) функция, направленная против всех инакомыслящих и предусматривающая устранение самой возможности их волеизъявления. В этих условиях актуализируется проблема исследования разрушения и созидания как взаимосвязанных интенций жизнедеятельности человека. С одной стороны, их можно рассматривать как диалектические противоположности, постоянно меняющиеся местами и переходящие друг в друга. С другой стороны, возникает искушение истолкования данных феноменов как бинарных оппозиций, задающих определенные архетипические структуры.

Целью данной работы является выяснение сущности феноменов разрушения и созидания как интенций человеческой жизнедеятельности. Задачей статьи является анализ причин деструктивной деятельности человека и поиск возможностей поворота вектора социального развития от разрушения к созиданию.

Критическая функция философии выражает способность нашего интеллекта проникать вглубь явлений и обнаруживать сложные связи формального и содержательного, потенциального и актуального, догматического и творческого. Отвергая монологический тип постижения истины, философское мышление становится необходимым условием саморазвития системы духовных символов. В процессе постоянно меняющегося процесса мировосприятия сомнение предстает постоянной величиной, а прозрение – кратковременной. Поскольку есть только два варианта ориентации в действительности – либо принятие ее как позитивной пред-данности

человеку, либо придание ей негативного статуса, реальность требует от нас непрерывной интенции и рефлексии. Будучи формой мышления и потребностью экзистенции, рефлексия не поддается алгоритмизации и не содержит в себе законченной определенности. Она обуславливает специфическое проявление скептицизма как в деструктивном, так и в конструктивном мировосприятии.

Проблема разрушительной и созидательной интенций в человеческой деятельности издавна привлекала внимание как отечественных, так и зарубежных мыслителей. На деструктивное начало в человеке обращали внимание многие философы древности, стоявшие у истоков антропологии: софисты, Сократ, Платон, Аристотель, киники, скептики, стоики и т.д. Определить правильный путь жизни, построенный на гармоническом взаимодействии индивида с окружающей средой, стремились конфуцианцы, даосы, буддисты и другие восточные мыслители. В эпоху Средневековья к этой же проблеме обратились А. Августин, П. Абеляр, М. Экхарт; мыслители Возрождения и Нового времени сосредоточили основное внимание на творческих возможностях познающего человека. При этом в трудах Н. Макиавелли была осуществлена апология разрушительной функции государства в отношении завоеванных территорий. Философ обосновывал необходимость разрушения городов тем, что в них никогда не умирает память о былой свободе: «Ибо в действительности нет способа надежно овладеть городом иначе, как подвергнув его разрушению... Что ни делай, как ни старайся, но, если не разъединить и не рассеять жителей города, они никогда не забудут ни прежней свободы, ни прежних порядков и при первом удобном случае попытаются их возродить... Поэтому самое верное средство удержать их в своей власти – разрушить их или же в них поселиться» [1].

Сегодня можно с уверенностью констатировать, что политические заветы Н. Макиавелли были полностью реализованы его последователями в разных государствах, независимо от того, изучали они идеи флорентийского мыслителя или вовсе не знали его имени. Везде, где предпринимаются попытки воплотить в жизнь подобную идеологию, ее приверженцы отдают приоритет не созиданию, а разрушению: поселившись на захваченной территории, они уничтожают малейшие проявления свободолюбия, если те не вписываются в их усеченное миропонимание. Но завоеватели не учитывают того, что люди действительно, как пророчил Н. Макиавелли, «никогда не забудут ни прежней свободы, ни прежних порядков». Мятёжный дух можно на время подавить, но невозможно истребить полностью, поэтому борьба мировоззрений неизбежна. Очевидно, человек все-таки рожден не для разрушения, а для созидания; в противном случае человечество обречено на вымирание.

Разрушительная деятельность человека стала предметом философской рефлексии в XIX–XX вв. Восторжествовал нигилизм, основанный на отрицании традиционных ценностей (А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, М. Штирнер, далее – О. Шпенглер, М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр и др.). Так, у Ф. Ницше идея деструктивного разрушения связана с утратой героических жизненных смыслов, с вечным возвратом Ничто. «Продумаем эту мысль в самой страшной ее форме: жизнь, как она есть, без смысла, без цели, но возвращающаяся неизбежно, без заключительного «ничто»: «вечный возврат». Эта самая крайняя форма нигилизма: «ничто» («бессмысленное») – вечно!» [2, с. 62]. Констатируя вечность Ничто как тотальной обесмысленности бытия, Ф. Ницше тем самым ставит под вопрос конструктивность усилий элиты по одухотворению мира. Казалось бы, даже Сверхчеловек оказывается бессильным перед разрушительным круговоротом жизни, которая зло смеется над любым усовершенствованием. Однако воля человека, оказавшаяся перед лицом небытия, не желает оставаться в пустом пространстве. Принимая фатальный вызов этого неистре-

бимого в своей вечности клубка лжи и разрушения, Ф. Ницше ставит целью преобразование человеческого мышления (а, следовательно, и бытия) в ценностях: надо найти в себе самом силу, из которой можно черпать бесконечное утверждение того, что удалось преодолеть каждым мигом существования. Жизнь, угасающая с приходом Ничто, снова и снова возрождается, и вечное становление проектирует вечное созидание. По выражению В. Подороги, Ф. Ницше стремится «быть не «вещью», то есть чем-либо, что можно идентифицировать в пространстве, времени или языке, но чистым скольжением, которое привычно совершать пограничному существу» [3, с. 205].

Отметим, что понятие чистого скольжения удачно характеризует философскую позицию Ф. Ницше: жизнь, имманентно содержащая процессы разрушения и созидания, движется по границе Бытия и Ничто, постоянно нарушая эту границу и перемещая ее. В этом чистом скольжении зарождаются возможности, которые могут быть реализованы как посредством Бытия, так и посредством Ничто. Подобно бесконечно возрождающемуся Дионису, обновленный человек возрождается как символ вечного самопревосхождения.

В начале XX в. идеи немецкого философа были подхвачены представителями русского символизма, в частности – А. Белым, который усматривал в упадке культуры провал эпохи, завершающей свой позитивно-исторический цикл. Поэт считал, что следует создать новый мир творчества, которым необходимо раздавить творческие обломки, называемые бытием; задача ритма жизни, укрытого в творчестве, – оборвать небо и бросить его на землю в пропасть небытия [4, с. 170]. В наше время, именуемое эпохой постмодерна, наблюдается, с одной стороны, приверженность «ослабленному» мышлению, с другой стороны, – растущая тревога по поводу тотально-разрушительной практики человечества.

Показательно, что в свое время этой проблеме посвятили свои труды известные русские философы: Н. Федоров, В. Розанов, Н. Бердяев, С. Франк, С. Булгаков и др. Они связывали деструктивную деятельность человека с издержками цивилизации, которая из производящей превращается в эксплуатирующую, вследствие чего утрачивается связь с Богом и в людях ослабевает духовный стержень. Так, С. Франк воспринимал духовный кризис российского общества как один из поворотных пунктов пути, по которому идет все человечество. Однако в русской революции философ усматривал непонимание ценности культурного творчества и перевес разрушения над созиданием. Крушение в народном сознании веры в царя-батюшку способствовало крушению монархии, что, в свою очередь, привело к соблазну пожить самочинно. Потеряв цельность религиозной веры, русский народ был обречен отречься от религии, от начала собственности и труда. С. Франк считал, что «выражение этого отречения и универсального отрицания; все его положительное содержание и упование ограничивается русским «авось» – наивной верой, что «трудовой народ», все разрушив, как-нибудь все самочинно наладит и с помощью сильного кулака принудит всех соучаствовать в неведомой, новой гармонии на опустошенной земле» [5, с. 71]. И все же русский философ был уверен, что в России на смену бездумно-разрушительной энергии придет великая созидательная сила: «Эпоха, все творчество которой было основано на отрицании высших духовных сил, питающих человеческий дух, должна смениться эпохой, свободное творчество которой всецело укреплено укорененностью человеческого духа в высшем духовном начале» [5, с. 75].

Точно так же Н. Бердяев, отдававший преимущество ценностям персонализма, связывал бытийность мыслительной активности с болезненной самореализацией личности. Иерархическое противостояние единичного целому и личности – человечеству означало для философа не отрицание Абсолюта, а единение с ним на основе

свободы как важнейшего экзистенциала бытия. В этих условиях эсхатологичность обретала черты творческого вдохновения, а самосознание, соответствующее достоинству человека как свободе духа, должно было утверждать усиление человеческой активности [6, с. 356].

Совсем иначе смотрели на разрушение ценностей русские «отрицатели» XIX в. Так, для Д. Писарева протестующая энергия эмансипированной личности, руководствующейся принципом общественной пользы, означала разрушение той клетки, в которую система с колыбели помещает индивида. Надежды на освобождение человека русский революционер-демократ связывал с культом разума, поэтому и Р. Декарт был для него самым неутомимым разрушителем, который возвел отрицание старых идей в основной принцип. Являясь сторонником решительных действий, Д. Писарев выдвигал ультиматум лагеря «мыслящих реалистов» и призывал разбивать все, что можно разбить, ибо в обществе годится лишь то, что может выдержать удар: «... Во всяком случае, бей направо и налево, от этого вреда не будет и не может быть» [7, с. 6]. При этом определяющим для писателя был такой принцип жизнедеятельности, в котором эгоистические радости существования подчиняются своеобразному аскетическому идеалу, требующему служения общечеловеческим целям.

А. Камю, изучавший идеи Д. Писарева, обращал внимание на его слова о том, что самыми яркими фанатиками являются дети и юноши, и делал из этих слов логический вывод: «Россия была в ту пору молодой нацией, появившейся на свет немногим более века назад с помощью акушерских щипцов, которыми орудовал царь, в простоте душевной собственноручно рубивший головы бунтовщикам. Неудивительно, что немецкая идеология в России была доведена до таких крайностей самопожертвования и разрушения, на которые немецкие профессора были способны разве что мысленно» [8, с. 233]. С этим утверждением французского философа трудно не согласиться. Действительно, Д. Писарев и его единомышленники вышли далеко за пределы теоретических изысканий классической (как, впрочем, и неклассической) немецкой философии.

Представители неотрейдизма – А. Адлер, К. Юнг, Т. Райк и др. – предложили свою версию истолкования симптомов, приводящих к прогрессирующему саморазрушению субъекта, испытывающего чувство неполноценности. Не располагая властью подчинить себе реальность, человек провозглашает анафему миру как алиби для собственного бессилия. Недостижимость завышенных идеалов воспринимается им как доказательство невыносимости мира, а саморазрушение культивируется как последняя возможность триумфа. Неотрейдизм заостряет внимание на том, что человек своей агрессией провоцирует катастрофу, воспринимая ее как неотступную угрозу. Австрийский культуролог В. Краус комментирует подобную ситуацию следующим образом: «Там, где процесс общественной коммуникации ставит высокие этические требования к индивиду, где человек с детства окружен идеалами преуспевающей, весьма усложненной культуры, – там процветают разрушительные неврозы» [9, с. 71].

Заметим, что агрессивную нацеленность на разрушение не всегда можно свести к психиатрическим симптомам; здесь неотрейдизм явно локализует сложную социальную проблему. На это, в частности, обращает внимание Э. Фромм: «Самые прекрасные, как и самые уродливые, наклонности человека не вытекают из фиксированной, биологически обусловленной человеческой природы, а возникают в результате социального процесса формирования личности. Иными словами, общество осуществляет не только функцию подавления, хотя и эту тоже, но и функцию созидания личности» [10, с. 27].

Несомненно, сознание индивида изначально определяется его биологической природой; но сущность его всегда социальная, ибо стать человеком можно только в

обществе с присущими ему культурными нормами. И все же Э. Фромм, тяготеющий к неофрейдистским установкам, исследует взаимосвязь феномена разрушительности и садистско-мазохистских стремлений. Он полагает, что корни у них одни и те же – бессилие и изоляция индивида: «Я могу избавиться от чувства собственного бессилия по сравнению с окружающим миром, разрушая этот мир. Конечно, если мне удастся его устранить, то я окажусь совершенно одинок, но это будет блестящее одиночество; это такая изоляция, в которой мне не будут угрожать никакие внешние силы. Разрушить мир – это последняя, отчаянная попытка не дать этому миру разрушить меня» [10, с. 188]. Констатируя колоссальный уровень разрушительных тенденций в социуме, философ указывает на то, что эти тенденции постоянно рационализируются для маскировки разрушения и саморазрушения. По его мнению, уровень разрушительности в индивиде пропорционален той степени, до какой ограничена его экспансивность, то есть разрушительность – это результат непрожитой жизни: «Чем больше проявляется стремление к жизни, чем полнее жизнь реализуется, тем слабее разрушительные тенденции; чем больше стремление к жизни подавляется, тем сильнее тяга к разрушению» [10, с. 192].

Как видим, Э. Фромм, критикуя постулаты неофрейдизма, тем не менее, остается в философском пространстве психоанализа. Очевидно, его выводы справедливы по отношению к индивидам, нацеленным, согласно его теории, на устранение тех объектов, с которыми они себя сравнивают не в свою пользу. В этом случае, безусловно, ситуация вписывается в рамки социальной психологии. Однако эту теорию трудно применить к тому же Д. Писареву или Ф. Ницше, жизненная энергия которых отнюдь не характеризовалась той скованностью, которая, по Э. Фромму, препятствует развитию человека и проявлению всех его чувственных, эмоциональных и интеллектуальных возможностей. Стремление к разрушению у европейских и русских нигилистов диктовалось скорее переизбытком жизненной силы, требующей постоянного самопреодоления на пути к гордому и свободному человеку будущего. Иное дело, как эти идеи были реализованы на практике; к сожалению, в истории часто наблюдается несовпадение задуманного и осуществленного.

Известно, что в общественной жизни разрушение всегда ассоциируется с негативным, а созидание – с позитивным способом человеческой жизнедеятельности. Не случайно в словаре В. Даля синонимами слова «разрушать» являются такие понятия, как «ломать», «уничтожать», «разорять» и т.п., а понятие «созидать» (создавать) толкуется через синонимы «творить», «производить», «вызывать из небытия в бытие» [11, с. 44, 261]. И все же имеет смысл рассматривать разрушительные и созидательные тенденции развития социума как диалектические противоположности, постоянно меняющиеся местами и переходящие друг в друга. Если отвлечься от этической составляющей, то феномены разрушения и созидания сами по себе знаменуют необходимые векторы природного и общественного развития.

На этот момент обращает внимание современный исследователь Б. Кригер, интерпретирующий разрушение как средство созидания. Убедительным примером подобного разрушения он считает процесс познания, требующий «препарировать» изучаемый предмет для того, чтобы получить о нем новое знание. Автор справедливо отмечает, что идея разрушения и идея созидания по своей сути нейтральны: «Одна и та же логика разрушения-созидания руководит любыми процессами. Деловыми отношениями и образованием звезд, личными знакомствами и формированием земного рельефа» [12]. Можно повлиять на некоторые факторы развития, но бесполезно препятствовать самому направлению процесса. Поэтому автор рекомендует не мешать ходу событий, постараться увернуться от неприятных последствий или участвовать в

процессе через посредника: «Будьте вне процессов, на которые пытаетесь влиять. Внутри процесса вы уже ни на что повлиять не сможете...» [12]. При этом неясно, о каком посреднике идет речь, да и сама рекомендация находится «вне процессов», на которые мы можем влиять, звучит весьма сомнительно. Человеку с активной жизненной позицией, равнодушно к тому, какими ценностями живет общество, каких героев прославляет и какие принципы отстаивает, невозможно оставаться в стороне от процессов, разрушающих святыни нашего народа.

Понятно, что любой инновационный проект, в том числе – и метафизический, базируется на отрицании, целью которого, так или иначе, становится утверждение. Признанию любой новой значимой теории предшествует разрушение или существенная корректировка предшествующей. Следовательно, научное отрицание содержит в себе заряд имманентно-позитивной энергии. Однако, будучи уместной в сфере научного познания, эта установка не всегда срабатывает при оценке социальных явлений, где переплетается и конфликтует множество политических, аксиологических, нравственных и прочих субъективных установок.

Действительно, способность человека к разрушению особенно наглядно проявляется в политике. Успешная политическая деятельность предполагает умелое использование просчетов, допущенных оппонентами, и на этой основе – разрушение имиджа противной стороны. Однако тонкая грань, отделяющая допустимые методы борьбы от недопустимых, нередко стирается, результатом чего становятся не только опустошенные города, но и разрушенные жизни. Необходимость подобного разрушения убедительно обосновывается соответствующей идеологией и внедряется в общественную психологию. Об этом свидетельствуют многие исторические факты, в том числе – события, предшествующие Второй мировой войне (вспомним искренние слезы умиления на глазах немецких женщин, внимавших речам Гитлера), а также – события 2014 года, спровоцировавшие противостояние в Донбассе (факельные шествия в Киеве, трагедия в одесском Доме профсоюзов и т.п.). Разрушительная энергия, нуждающаяся в утолении кровью, порождает еще большее разрушение, ломающее сознание и искажающее представление о человеческих ценностях.

В свое время гениальный Леонардо да Винчи, размышляя об опустошительных войнах, предрек и уничтожение деревьев в лесах планеты, и ярость «дикарей», направленную на все живое вокруг и несущее ему разрушение и смерть: «Ни на земле, ни под землей, ни под водой не останется ничего нетронутого и неповрежденного. Ветер разнесет по всему миру лишнюю растительности землю и присыплет ею останки существ, наполнявших когда-то жизнью разные страны» [13]. Чтобы это пророчество не стало реальностью, надо трезво оценить ситуацию и понять, что мы находимся в пограничной ситуации, позитивный выход из которой возможен только при условии изменения нашего мироотношения. Если нам безразлично, в каком мире суждено жить будущим поколениям, надо нацеливать современную молодежь на позитивное творчество. Для этого нужно пребывать не вне, а внутри тех процессов, которые могут повернуть вектор социального развития от созидания к разрушению. Наша ментальность противится утверждению тех западных «ценностей», в которых захлебывается постсовременная демократия, разрушая традиционную семью, ущемляя устои христианства и т.п. Мы хорошо знаем, как быстро могут совершаться разрушительные процессы и с каким трудом они преодолеваются.

Таким образом, анализ разрушительных и созидательных тенденций в жизнедеятельности человека позволяет сделать вывод о том, что разрушение и созидание сами по себе предстают необходимыми векторами природного и общественного развития. Их диалектическое взаимодействие проявляется в разных сферах

общественного сознания. Как и положено диалектическим противоположностям, они постоянно меняются местами и переходят друг в друга. В то же время, сознательная нацеленность на разрушение является опаснейшим фактором социального бытия. Разрушительности как тенденции развития социума необходимо противопоставить четко выраженную и убедительно сформулированную энергию созидания.

Несомненно, актуальность исследования феноменов разрушения и созидания должна породить множество дальнейших изысканий, высвечивающих разные грани жизнедеятельности человека в современном социуме.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Н. Макиавелли. Государь [Электронный ресурс] / Никколо Макиавелли. – Режим доступа: <https://www.litres.ru/nikkolo-makiavelli/gosudar-9741802/chitat-onlayn> – назв. с экрана.
2. Ницше Ф. Воля к власти: Опыт переоценки всех ценностей // Ницше Ф. Избр. произв. в 3 т. – Т. 1. – М.: REEL-book, 1994. – 352 с.
3. Подорога В. А. На высоте Энгадина // Выражение и смысл. Ландшафтные миры философии: Серен Киркегор, Фридрих Ницше, Мартин Хайдеггер, Марсель Пруст, Франц Кафка. – М.: Ad Marginem. 1995. – С. 141-245.
4. Белый А. Символизм и философия культуры // Белый А. Символизм как миропонимание / Сост., вступ. ст. и прим. Л.А. Сугай. – М.: Республика, 1994. – С. 17-326.
5. Франк С. Л. Религиозно-исторический смысл русской революции // Начала. Религиозно-философский журнал. – 1991. – № 3. – Москва: МАИ, 1991. – С. 56-75.
6. Бердяев Н. А. О назначении человека / Н. А. Бердяев. – М.: Республика, 1993. – 383 с.
7. Писарев Д.И. Схоластика XIX века // «Русское слово». – 1861. – № 9. – Отд. II. Русская литература. – С. 1-34.
8. Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство: Пер. с фр. / А. Камю. – М.: Политиздат, 1990. – 415 с. – (Мыслители XX века).
9. Краус В. Нигилизм и идеалы: нигилизм сегодня, или Долготерпение истории / В. Краус. – М.: Радуга, 1994. – 253 с.
10. Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя / Эрих Фромм; пер. с англ. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2006. – 571, [5] с – (Phüosophy).
11. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. Собр. соч.: в 4 т. – Москва: Русский язык, 1981-1982. – Т. 4. Р – V. – 1982. – 683 с.
12. Кригер Б. Разрушение как средство созидания [Электронный ресурс] / Борис Кригер. – Режим доступа: <https://proza.ru/2004/12/16-151> – назв. с экрана.
13. Леонардо да Винчи. Война. Смерть. [Электронный ресурс] / Леонардо да Винчи. – Режим доступа: <https://etoton.com/author/leonardo-da-vinchi/3774-c.html> – назв. с экрана.

Поступила в редакцию 05.11.2020 г.

DESTRUCTION AND CREATION IN HUMAN VITAL ACTIVITY

N.N. Yemelyanova

In the article analyzes phenomena of destruction and creation as the intentions of human life. Analyses the concepts of thinkers who made this problem the subject of philosophical reflection. On the one hand, destruction and creation are characterized as necessary vectors of natural and social development. On the other hand, the focus on destruction is seen as a dangerous trend of social development, which must be opposed with a convincingly substantiated energy of creation.

Key words: destruction, creation. Human, life, activity, society.

Емельянова Наталья Николаевна
Доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры философии
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
E-mail: fianu48@mail.ru

Yemelyanova Natalia Nikolaevna
Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Professor of the Chair of Philosophy
SCE HPE “Donetsk National University”
E-mail: fianu48@mail.ru

УДК 14+1(091)

ПРИНЦИП ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ ДИФФЕРЕНЦИИ В ФИЛОСОФСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ ХАЙДЕГГЕРА И СОЛОВЬЕВА

© 2020. *Н.С. Ищенко*

*ГОУК ЛНР «Луганская государственная академия культуры и искусств имени
М. Матусовского»*

Статья посвящена сравнительному изучению онтологических идей Мартина Хайдеггера и Владимира Соловьева, которые старались преодолеть господствующую в их время философию позитивизма, поставив в центр своих философских учений принцип онтологической дифференции. Хайдеггер показывает, что бытие – это время, базовая характеристика субъекта сознания, присутствия в мире. Соловьев показывает, что бытие – это модус Сущего, каковым является только Бог. Таким образом, онтология Хайдеггера является философией бытийствующего субъекта, присутствия, человека в философско-антропологическом смысле. Онтология же Соловьева вырастает из Сущего (Бога). Имея общий полюс отталкивания, философы создают противоположные системы: в центре одной из них – человек, в центре другой – Бог. Так оба философа преодолели философию позитивизма, создав различные онтологические системы в немецком и русском культурном контексте.

Ключевые слова: Владимир Соловьев, Мартин Хайдеггер, Огюст Конт, позитивизм, бытие, сущее, онтологическая дифференция, онтология, присутствие, сознающий субъект, модусы Сущего, русская философия, немецкая философия

Возможность и целесообразность сравнительного изучения онтологических идей Мартина Хайдеггера и Владимира Соловьева обусловлена тем, что оба мыслителя занимают центральное место в философской традиции, соответственно, немецкой и русской. Хотя хронологически Соловьев оказывается предшественником Хайдеггера, однако их укорененность в различных культурных мирах приводит к тому, что Хайдеггер развивал свою философскую онтологию без учета воззрений Соловьева. Хайдеггер был всецело погружен в западную интеллектуальную традицию, последовательно отождествляя «философию» с «западной философией», Соловьев же пытался уйти от западной традиции, создав собственную оригинальную систему. Невозможно игнорировать тот факт, что при этом различие бытия и сущего, онтологическая дифференция, занимают центральное место в учении обоих философов. Вопрос о том, каким образом оба философа используют для создания своих различных систем одну и ту же категорию различения бытия и сущего, составляет предмет данного исследования.

В ходе исследования использовались герменевтическая методология, исторический и сравнительно-исторический методы, хронологический и проблемно-тематический способы анализа и изложения материала.

Проблема сущего и бытия укоренена в западноевропейской философской традиции, которую развивал Хайдеггер и которую пытался преодолеть Соловьев. Рассмотрим учение о бытии, сущем и их различии в философии Хайдеггера, а затем проанализируем специфику философии Соловьева, роль и место онтологической дифференции в его философской системе. После этого укажем те идеи, которые позволяют обоим философами использовать учение об онтологической дифференции в двух философских системах, не только отличающихся друг от друга, но и задуманных как оригинальные и несводимые к уже известным философским учениям.

Онтологическая дифференция представляет собой различие сущего и бытия. Сущее – это всё, что существует, это любая вещь, это первое, с чем сталкивается человек и философ. Отрицание или оспаривание сущего бессмысленно, именно сущее – это отправная точка всякого размышления и любой деятельности [4, с. 42–43]. Началом философии является выход за пределы простой констатации того, что сущее есть. Философия зарождается, когда возникает вопрос, что значит «есть», что такое бытие, каково оно [4, с. 44]. Попытки ответить на этот вопрос представляют собой историю проблемы онтологической дифференции.

Хотя фундаментальность принципа онтологической дифференции обоснована только Хайдеггером, нельзя сказать, что этот принцип не был известен до него. Различение бытия и сущего прослеживается во всей классической европейской философии и восходит к истокам учения о бытии в античности [2; 5].

Если в античности можно реконструировать только попытки описать проблемное поле онтологической дифференции, в средневековой схоластике она занимает более значительное место. Современный исследователь Д. Федчук так описывает результаты философской работы схоластиков в интересующей нас области: «Дунс, Суарес и другие крупные метафизики все-таки претендовали на возможность понятийного истолкования бытия как одного из конститутивных элементов актуально существующей вещи... Но этого сделать не удалось: любая попытка определить чтойность *esse* завершалась тем, что оно ускользало от понятийной фиксации. Значения термина «бытие» пытались выявить через обращения к смыслам сущего, и в первую очередь – сущности. Бытие есть модус последней, а вне сущего бытие есть ничто» [7, с. 85].

Результаты философской разработки проблемы можно сформулировать следующим образом: с помощью разума мы можем отличить сущность вещи от ее бытия, но найти в бытии что-то специфическое, чего нет в сущем, мы не в силах. Бытие понимается как модус сущности, то есть идеи. В схоластике также было предложено решение понимать бытие как причину существования вещей, но уточнить понятие бытия так и не удалось [7, с. 85]. Надо также добавить, что все эти рассуждения относятся к сущности и бытию вещей, которые зависимы и в том, и в другом от Бога. Сущность и Бытие Бога принципиально отличаются от сущности и бытия вещей тем, что Бог самодостаточен, не нуждается ни в чем для поддержания своего существования, и указанная терминология к Его Бытию неприменима.

К середине XIX века в Западной Европе сложилась философия позитивизма Огюста Конта, которая объединила логический и эмпирический методы в единый научный метод, и провозгласила, что всё возможное знание – это результаты, полученные эмпирически в различных специальных науках. Позитивизм не касается проблемы бытия и сущего, поскольку в целом отвергает метафизику, то есть философию, свободную от эмпирических результатов и методов. Тем не менее, анализ философии позитивизма позволяет заключить, что для современной Соловьеву и Хайдеггеру философии позитивизма единственно подлинно существующим являются сущие вещи, то есть бытие совпадает с сущим, но в противоположность Пармениду, который на этом основании отрицал реальность изменчивого мира, позитивисты отрицают реальность неизменного бытия. Таким образом, в философии позитивизма первичной категорией являются сущие вещи, а более общие философские категории отрицаются или допускаются как выводимые из бытия вещей. В философии позитивизма декларируется отсутствие онтологической дифференции.

Напротив, в философии Хайдеггера онтологическая дифференция становится фундаментальным понятием [3; 4, с. 41]. Так, в работе «Основные проблемы

феноменологии» Хайдеггер пишет: «Чтобы сделать темой нашего исследования нечто такое, как бытие, мы должны суметь недвусмысленно провести различие между бытием и сущим» [9, с. 20].

В философии Хайдеггера субъект сознания, присутствие, имеет сложную темпоральную структуру, темпоральность является базовой детерминантой экзистенции [7, с. 85]. На пути вовлечения темпоральности в философскую систему Хайдеггер и находит решение проблемы онтологической дифференции, различения бытия и сущего.

Выяснение природы, свойств и структуры этого различия составляет главную задачу философии Хайдеггера. Необходимость этой задачи философ обосновывает в ходе своей критики предшествующих философских систем, начиная с античности. Хайдеггер полагает, что изначально вопрос о бытии и сущем был поставлен неверно, что бытие нельзя понимать как причину сущего или общее свойство всего сущего [4, с. 45]. Взаимоотношение бытия и сущего, по мысли Хайдеггера, должно эксплицироваться в ходе исследования темпоральности.

Экспликация онтологической дифференции представляет собой главную задачу философии Хайдеггера, решение которой философ уточняет и дорабатывает в течение всей своей творческой деятельности. Ответ Хайдеггера на вопрос о том, что такое бытие, подробно изложен в его книге «Бытие и время» (1927). Ответ этот сводится к тому, что бытие, по крайней мере, бытие сознания в мире, есть время [8, с. 231–438]. Таким образом, онтическая истина сущего оказывается темпоральностью [1, S.142; 4, с. 51].

Рассмотрев принцип онтологической дифференции в философии Хайдеггера, обратимся к философии Владимира Соловьева, который задумывал проект оригинальной независимой философии, в основу которой было бы положено различие между бытием и сущим [5, с. 9].

Как показывает в своей диссертации В. Н. Миргородский, исследование проблемы различения бытия и сущего в учении Владимира Соловьева представляет собой историко-философский парадокс: несмотря на центральное место этой темы в философской творчестве Соловьева, предметом исследования она становится только в наши дни, с опозданием в сто лет. Эта тема или не замечается, или декларируется ее важность, но внимание ученых сосредотачивается на других категориях философии Соловьева, таких как София или всеединство [5, с. 4 – 8].

Итак, «различение сущего и бытия является фундаментальным метафизическим онтологическим различием, лежащим в основании философских построений Соловьева... это различие, введенное Соловьевым в его ранних работах, модифицируется, но в принципе сохраняется и в поздний период его философского творчества» [5, с. 9].

Рассмотрим, как Соловьев вводит различие бытия и сущего в своей ранней работе «Философские начала цельного знания».

Соловьев признает первичность сущего для мысли и деятельности, называя его эмпирическим образом бытия. Далее, анализируя западную рационалистическую философию, он показывает, что в современных ему философских учениях центральным является деятельность познающая, и всякая сущность рассматривается как познаваемая неким субъектом, и в конце концов общие понятия, которые формирует субъект, познавая сущее, и являются главным предметом философствования как логический образ бытия:

«Элемент эмпирический и чисто логический суть два возможные образы бытия, реального и идеального, третье абсолютное начало не определяется ни тем, ни другим образом бытия, следовательно, вообще не определяется как бытие, а как

положительное начало бытия, или сущее. Это различие сущего от бытия имеет важное, решающее значение не только для логики, но и для всего мирозерцания, и потому мы должны на нем остановиться» [6, с. 292].

Отметив решающее значение различения бытия и сущего для философии, Соловьев развивает следующую онтологическую систему: первично сущее, а бытие является свойством сущего. Сущее выступает как логический субъект философского высказывания, а бытие, соответственно, как предикат. Далее, философ указывает, что «все коренные заблуждения школьной философии сводятся к гипостазированию предикатов, причем одно из направлений той философии берет предикаты общие, отвлеченные, а другое – частные, эмпирические; и чтобы избежать этих заблуждений, нам должно прежде всего признать, что настоящий предмет философии есть сущее в его предикатах, а никак не эти предикаты сами по себе» [6, с. 294].

Итак, для Соловьева бытие – это предикат сущего. Развивая эту мысль, Соловьев остается в рамках западной, еще схоластической, философии. Соловьев выходит за эти рамки, когда начинает точнее определять суть и свойства этого предиката.

Для Соловьева «Сущее, сущность..., бытие... суть три первые логические категории, общие всему существующему» [6, с. 323]. В то же время эти три категории сводятся к двум, истинно фундаментальным, а именно: сущность представляет собой содержание сущего, а бытие является модусом существования сущего. Содержание сущего философ называет идеей, а бытие определяет как природу. Определяя сущее, Соловьев уходит от нормального для западной философии понимания сущего как совокупности всех предметов, данных в чувственных ощущениях. Подлинно сущее для Соловьева – это Бог, который ни в чем не нуждается для своего существования.

Бытие и сущее вещей «имеют между собою то общее по отношению к сущему или Богу, что оба они суть его другое, и если, как мы сейчас сказали, вообще все другое сущего называют бытием, тогда сущность является только видом бытия, и тогда мы будем иметь сначала простое противоположение двух категорий, сущего и бытия, и затем уже в бытии будем различать 1) его способ или модус (бытие подлежательное, природа) и 2) его содержание (бытие объективное, идея, сущность)» [6, с. 319 – 320].

Итак, подлинно сущее в философии Соловьева – это Бог. Противостоит Богу, или сущему, бытие как то, что нуждается в чем-то для своего существования. Бытие можно характеризовать по способу существования или по содержанию. Способ (модус) существования бытия – это природа, а содержание бытия – это идея.

Подводя итоги, можно сказать, что в философии Хайдеггера различие между бытием и сущим понимается как постоянно идущий процесс, лежащий в основе философствования. Отвергается понимание бытия как общего свойства всех сущих вещей, а также понимание бытия как причины всех вещей. Также Хайдеггер отказывается от позитивистского представления о том, что сущие вещи – первичная категория философии. Не нужно искать бытие как сущность сущего. Нужно искать истину бытия присутствия, и эта истина бытия есть время.

В философской системе Соловьева бытие – логический предикат, гипостазированная философская категория, которая появляется как ошибка западной философии. Предметом философии является не бытие и не его сущность, а Сущий (Бог) как субъект всех предикатов. Бытие выступает как модус существования сущего: во-первых, бытие подлежательное – природа, и во-вторых, бытие объективное – истина.

Хайдеггер понимает себя как критика и преобразователя всей западноевропейской философской традиции, отвергающего решение онтологических проблем, найденное еще Платоном. Хайдеггер вводит в свою философию понятие

времени как субъекта сознания, и на этом понятии строит свою фундаментальную онтологию. Эта онтология понимается Хайдеггером как альтернатива всей философской традиции Запада, в первую очередь в том виде, в каком она сложилась к концу XIX века, приведя к торжеству позитивизма. В позитивной философии первичной категорией выступают сущие вещи, эмпирически данные человеку, что приводит к редуцированному пониманию человека как производной от биологии и физиологии. Хайдеггер вводит в философию субъект сознания, делает его центральной категорией и выстраивает на этой основе фундаментальную онтологию.

В этот же культурно-исторический период торжества позитивизма Соловьев создает онтологическую систему, в которой центральной категорией является Сущий (Бог) как субъект всех предикатов. Бытие и сущее вещей предметного мира являются его иным, реализуясь как природа и идея. Такая онтология не нова в западноевропейской философии, и была реализована в эпоху схоластики, однако в западноевропейском контексте конца XIX – начала XX века эта философия уже не существовала.

Таким образом, оба философа, Мартин Хайдеггер и Владимир Соловьев, выступили с критикой позитивизма, в котором отрицается онтологическая дифференция. Оба философа делают онтологическую дифференцию, различие бытия и сущего, центральной категорией своей философской системы. Однако проблема онтологической дифференции решается каждым философом по-своему. Хайдеггер показывает, что бытие – это время, базовая характеристика субъекта сознания, присутствия в мире. Соловьев показывает, что бытие – это модус Сущего, каковым является только Бог. Таким образом, онтология Хайдеггера является философией бытийствующего субъекта, присутствия, человека в философско-антропологическом смысле. Онтология же Соловьева вырастает из Сущего (Бога). Имея общий полюс отталкивания, философы сознают противоположные системы: в центре одной из них – человек, в центре другой – Бог. Оба философа занимают важное место в немецкой и русской философии соответственно, каждый в своей традиции является философом по преимуществу. Это центральное положение в структуре соответствующей культуры обусловлено тем, что каждый из философов эксплицирует базовую интуицию своего культурного универсума. В философии Хайдеггера это самодостаточный индивид, который порождает и конституирует мироздание, а в философии Соловьева – Бог, который создает бытийные и идейные структуры мира. Так оба философа преодолели философию позитивизма, создав различные онтологические системы в немецком и русском культурном контексте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Heidegger, M. *Geschichte des Seins* (1938/1940). Gesamtausgabe. Bd. 69. Frankfurt am Main : Vittorio Klostermann, 1998.
2. Бирюков, Д. С. Об «онтологической дифференции» у Аристотеля в перспективе формирования философского языка патристики / Д. С. Бирюков // VERBUM. Вып. 8. *Medievalia: идеи и образы средневековой культуры*. – СПб., 2005. – С. 230–241.
3. Дёмин, И.В. Принцип «онтологической дифференции» в феноменологии М. Хайдеггера и в метафизике интегрального традиционализма Р. Генона / И. В. Дёмин // *Философская мысль*. – 2015. – № 7. – С. 1–19.
4. Дугин, А. Г. Мартин Хайдеггер. Последний Бог / А. Г. Дугин. – М.: Академический проект, 2014. – 846 с.
5. Миргородский, В. Н. Проблема сущего и бытия в философии Владимира Соловьева и в российском соловьевоведении : автореферат ... канд. филос. н. 09.00.03. – М., 2008. – 38 с.
6. Соловьев, Вл. С. Философские начала цельного знания / Вл. С. Соловьев. – М. : Академический Проект, 2011. – С. 199 – 376.

7. Федчук, Д. Схоластическое различие в сущем и онтологическая дифференция / Д. Федчук // Horizon. – № 2 (2). – 2013. – С. 75 – 85.
8. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер. Пер. с нем. В. В. Бибихина. – М. : Ad Marginem, 1997.
9. Хайдеггер, М. Основные проблемы феноменологии / М. Хайдеггер. – СПб., 2001. – 446 с.

Поступила в редакцию 26.09.2020 г

THE PRINCIPLE OF ONTOLOGICAL DIFFERENTIATION IN THE PHILOSOPHICAL CONCEPTS OF HEIDEGGER AND SOLOVIEV

N. S. Ishchenko

The article is devoted to a comparative study of the ontological ideas of Martin Heidegger and Vladimir Solovoyov, who tried to overcome the dominant philosophy of positivism in their time, placing the principle of ontological differentiation at the center of their philosophical teachings. Heidegger shows that being is time, the basic characteristic of the subject of consciousness, presence in the world. Soloviev shows that being is a mode of Being, which only God is. Thus, Heidegger's ontology is the philosophy of the being subject, presence, man in the philosophical and anthropological sense. Soloviev's ontology grows out of Being (God). Having a common pole of repulsion, philosophers are aware of opposing systems: in the center of one of them – man, in the center of the other – God. Thus, both philosophers overcame the philosophy of positivism, creating various ontological systems in the German and Russian cultural context.

Key words: Vladimir Soloviev, Martin Heidegger, Auguste Comte, positivism, being, being, ontological differentiation, ontology, presence, conscious subject, modes of Being, Russian philosophy, German philosophy

Ищенко Нина Сергеевна.

Кандидат философских наук,
доцент кафедры музыкального искусства эстрады,
ГОУК ЛНР «Луганская государственная
академия культуры и искусств имени
М. Матусовского».
E-mail: niofterna@gmail.com

Ishchenko Nina Sergeevna

Associate Professor of the Department of Musical Art
of Estrade,
PhD in Philosophy,
Lugansk State Academy of Culture and Arts named
after M. Matusovsky.
E-mail: niofterna@gmail.com

УДК 130.2

БИБЛИОТЕКИ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН ЛУГАНЩИНЫ (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XX ст.)

© 2020. *О.Г. Лукьянченко*

ГОУК ЛНР «Луганская государственная академия культуры и искусств имени М. Матусовского»

В статье предпринята попытка классификации направлений деятельности библиотек как отражении социокультурных процессов на Луганщине. Автор приходит к заключению: библиотеки представляют собой систему базовых культурно-образовательных, культурно-досуговых, идеологических, общественно-политических, информационно-образовательных платформ, определяющих содержание библиотечной деятельности, востребованной исторической эпохой на Луганщине в первой половине XX ст.

Ключевые слова: социокультурные процессы; культурно-образовательная и идеологическая платформа; культурно-досуговая и общественно-политическая платформа; информационно-образовательная платформа, формы библиотечной деятельности, культуuroобразующий фактор.

Феномен «советской культуры» в настоящее время всё больше привлекает внимание учёных, социологов, психологов, политиков – исследователей культурологии. «Уроки прошлого» остро востребованы сегодняшними вызовами человечеству, связанными с политическими и экономическими преобразованиями в мировом сообществе. В истории развития советской культуры задача формирования нового социально-антропологического типа человека как одна из первоочередных задач советской идеологии была поставлена перед социальными институтами Страны Советов, в том числе и перед библиотеками, которые на всех этапах строительства нового государства были наиболее доступными центрами общения, информации для всех слоёв населения.

История советского государства, советской культуры нашла отражение в истории библиотечного дела, которое не просто создавалось и развивалось вместе с новым обществом, но и активно воздействовало на формирование поколения строителей социализма – будущих строителей коммунизма. Это было сложное время, наполненное экономическими и социальными преобразованиями внутри страны, которая параллельно решению внутренних проблем ещё и завоёвывала своё место на политической карте мира. Поэтому 1920–1930-е годы стали решающими десятилетиями в истории становления государства нового типа. Значимость созданной в те времена библиотечной сети, ставшей основой разветвлённой библиотечной системы на долгие последующие годы, становится всё более очевидной в настоящее время и нуждается в более глубоком исследовании в контексте исторических преобразований. Изучением истории культуры Луганщины активно занимается профессорско-преподавательский состав ГОУК ЛНР «Луганская государственная академия культуры и искусств имени М. Матусовского», в рамках этой научной темы и предлагаемая статья.

Реконструкция библиотечной деятельности в первой половине XX ст., её преобразовательная роль в строительстве советской культуры в Луганском регионе является целью нашего сообщения.

Высокая степень безграмотности народных масс, с которой столкнулись большевики, вывела задачи по ликвидации безграмотности на первый план.

Библиотеки стали первыми советскими просветительскими центрами, повсеместно при них открывались ликбезы – пункты по ликвидации безграмотности как для городских жителей, так и для сельского населения. Но при этом крайне важно было параллельно решать и идеологические задачи по формированию нового социалистического мировоззрения – научить читать, чтобы в последующем руководить чтением, формировать это новое мировоззрение, положить начало развитию нового социокультурного пространства региона. Миссия библиотек как культуuroобразующего фактора региона стала остро востребованной советской властью.

С чего же начинать? Прежде всего, необходимо было создать материальную основу для библиотечной деятельности. Исследователь истории детских библиотек В. Зайцева подчёркивает, что эти вопросы рассматривались уже на II Всероссийском съезде внешкольного образования в мае 1919 года, в материалах которого было отмечено: «Мы должны взяться за простое, насущное дело мобилизации грамотных и борьбы с неграмотностью. Мы должны использовать те книги, которые у нас есть, и приняться за создание организованной сети библиотек, которые помогли бы народу использовать каждую имеющуюся у нас книжку, не создавать параллельных организаций, а создать единую планомерную организацию» [1, с. 64].

Библиотек было крайне недостаточно, поэтому начинается планомерное, важно подчеркнуть – именно планомерное – открытие библиотек, изб-читален, библиотечных уголков при клубах, библиотек-передвижек, при которых открываются ликбезы. В первом же десятилетии после Великой Октябрьской социалистической революции в Стране Советов отдельные библиотеки различных типов постепенно объединяются, создавая библиотечные системы регионов, а впоследствии и библиотечную сеть страны.

Свои особенности имел этот процесс и в Луганском крае. Продолжала действовать Луганская земская народная библиотека-читальня, но с 1919 года уже в новом статусе публичной Центральной Советской Библиотеки, которая впоследствии станет Центральной Окружной Библиотекой. До конца сентября 1922 года в г. Луганске и Луганском уезде насчитывалось уже 58 библиотек, из них 7 библиотек обслуживали жителей г. Луганска. Исследование источниковой базы по истории культуры края позволило выделить три этапа становления библиотечной сети Луганщины, которые отражали особенности исторической эпохи и влияли на процессы развития края.

На первом этапе (1917–1922/1923 годы) происходит зарождение новой библиотечной системы в условиях исторических реалий Октябрьской революции 1917 года, гражданской войны, образования на карте мира нового государства – Страны Советов. Эти исторические особенности предопределили направления и формы библиотечной работы, присущие библиотекам в этот период. Первое из них – обучение грамоте, второе – осуществление идеологических и культурно-просветительских мероприятий. Библиотеки первого десятилетия советской власти представляли собой культурно-образовательную и идеологическую платформы нового социалистического общества, они постоянно находились в поле зрения большевиков.

Так, в циркуляре ЦК РКП (б) «Об усилении партийного влияния на работу библиотек (1923 г.)» отмечается необходимость создания постоянных библиотечных комиссий, в которые должны входить представители местного самоуправления, превращения этих комиссий в живую систему партийно-просветительных учреждений, направлять на работу в них партийных работников, лекторов для проведения докладов, организации кружков, бесед, экскурсий и т.п. [5, с. 91].

Какие же формы работы были наиболее распространены в библиотеках этого периода? Так как абсолютное большинство посетителей библиотек было безграмотным, то, естественно, наибольшей популярностью пользовались так

называемые «громкие читки» (*громкие чтения* – моя редакция) литературных художественных произведений. Библиотекари осуществляли подбор литературы, и прежде всего это были произведения русской классики. Использование высоконравственного потенциала классической литературы было первым шагом приобщения огромной массы населения к мировой культуре, методом воспитания нравственности, чувства коллективного мировосприятия.

Следующим шагом было изучение плакатов, лозунгов, выпущенных к революционным событиям, и далее более сложная работа – работа по рекомендательным спискам книг для чтения или спискам с кратким обзором содержания произведений.

В конце 1920-х годов (на втором этапе становления библиотечного дела) приобщение к миру культурных ценностей средствами библиотечной деятельности приобрело широкий размах: в избах-читальнях, в приклубных библиотеках, в кружках-ликбезах библиотек промышленных предприятий не просто обучали грамоте взрослых и детей, а и всячески поощряли стремление к культурному развитию.

Например, на Луганском паровозостроительном заводе им. Октябрьской революции в 1924 году партийная и профсоюзная организации ставят задачу ликвидации неграмотности среди рабочих завода к 10-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. В научно-технической библиотеке П. Седашов организует бригады ликвидации неграмотности среди рабочих завода. Следующий шаг – обучение грамоте жен рабочих и их детей. Таким образом, для обучения в школе ликбеза уже в 1925 году было создано четыре группы – 2 группы неграмотных, 1 группа малограмотных, 1 группа остромалограмотных рабочих. Опыт работы перенимался библиотеками других промышленных предприятий. Наиболее успешных выпускников поощряли. Так, выпускникам школы малограмотных рудника имени тов. Володарского выдавали личные библиотечки, например, 19-ти выпускникам 11 июля 1925 года выданы библиотечки, состоящие из таких книг: В. В. Буш «У станка»; А. Н. Панов «Мироведение»; А. М. Никульский «Биология»; И. Сталин «Об итогах XIII съезда РКП(б)»; Дикштейн «Кто чем живет»; Эм. Ярославский «Мысли Ленина о религии»; А. Соленик «Советское строительство»; Н. В. Крыленко «СССР и национальный вопрос»; Г. Зиновьев «Первые пятилетки Коминтерна»; Л. М. Коганович «Как построена РКП(б)»; Г. Зиновьев «История Российской Коммунистической партии» [4, с. 126].

Содержательный состав этих библиотечек подтверждает – это продолжение целенаправленной деятельности по идеологическому воспитанию читателей.

Понимая ситуацию, которая сложилась из-за большого количества безграмотного населения, в Луганской окружной библиотеке скомплектовали специальный книжный фонд для малограмотных читателей. Это было значительным шагом в просвещении горожан, в привлечении к культуре чтения даже неграмотных или малограмотных луганчан. Часто применяли так называемый метод «сближения с библиотекой», для чего организовывали экскурсии в библиотеку, беседы в читальном зале на разнообразные темы. Очень популярным был метод «продвижения книг в массы», когда библиотекари занимались книгоношеской работой, обслуживали различные кампании (политические праздники, перевыборы советов, празднование красных дат календаря и др.). С каждым годом окружная библиотека занимала всё более значительное место в культурной жизни города и края.

Следующим направлением работы библиотек было проведение политпросвет-работы. При читальнях Центральной Окружной Библиотеки, Центрального Рабочего Клуба, Объединения промышленников работают справочные отделы, предоставляющие справки политического, библиотечного, общеобразовательного характера.

Наиболее использованными формами политпросветработы, проводимой, например, библиотеками города Луганска, были выставки, плакаты, рекомендательные списки, диаграммы к следующим датам: Ленский расстрел, защита Красного Луганска, День рождения Ленина, День рождения Карла Маркса, 1-е мая, День кооперации. Для более слаженной и целенаправленной работы Луганское городское библиотечное объединение организует специальные курсы для библиотечных работников, на которых работают методические секции по направлениям: «Работа с газетой», «Пути изучения читательских интересов», «Составление рекомендательных списков». Каждой секцией руководил работник библиотечного актива.

Отличительной особенностью работы библиотек по формированию культурного уровня населения на всех этапах развития библиотечного дела, и особенно в первое послереволюционное десятилетие, было проведение многоцелевых мероприятий, в ходе которых библиотеки решали комплекс просветительских задач. Это подтверждает и циркуляр, зарегистрированный при Исполкоме Луганского Совета Рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов от 27 декабря 1922 года за № 13480 со следующими рекомендациями: «Календарный новый год, который приближается, должен быть использован в среде широких крестьянских масс как для подведения итогов года, так и в смысле выявления ближайших задач наступающего года. Политпросветучреждениям необходимо принять участие в кампании в этот день, которая должна пройти исключительно в массовых формах. Клубам и сельбудам в эти дни необходимо организовать доклады, постановки, агитсуды и др. Все библиотеки и читальни должны организовать выставку книг 22 года, вывесить рекомендательные списки по кампании из наиболее заметных областей знаний и проводить собеседования, анкеты читателей о книге 22 года и желательные в 23 году». Циркуляр послан Донецким губернским отделом народного образования, Губернским политико-просветительным отделом 20 декабря 1922 года за № 1398, подписанный помощником зав. ГУБОНО по политпросвету и секретарём [6, с.155].

Таким образом, все усилия в деятельности библиотек этих периодов можно подвести под общий знаменатель – «сближение масс с библиотекой» в борьбе с безграмотностью и формированием нового социалистического мировоззрения. При этом необходимо отметить, что на первом, указанном выше этапе становления библиотечного дела, библиотеки были и инициаторами, и исполнителями задач по формированию читательской культуры. Со временем, по мере приобщения широких масс к духовным достижениям, простые читатели из рабочей среды, из крестьянства становятся активными «культурмейцами», принимают активное участие в культурно-досуговой деятельности библиотек, особенной популярностью пользовались «суды» с неграмотностью, театрализованные представления, концерты художественной самодеятельности.

На следующем этапе, в 1930-е годы, библиотечные заведения окончательно формируются в общую государственную библиотечную сеть Луганщины. Отчёты библиотек, социологические исследования, проводимые библиотеками, позволяют сделать выводы о целесообразности проводимой ранее работы и её высокой результативности. Значительно возросла читательская культура посетителей луганских библиотек, анализ источников позволил определить, какая литература пользовалась наибольшим спросом луганчан в конце 1920 – нач. 1930-ых годов. Так, за 1929 год Центральная Окружная Библиотека выдала 69 552 книги, средняя выдача в день составила 300 книг. По востребованности на первом месте была российская беллетристика (38 %), на втором месте – украинская беллетристика (26 %), на третьем месте – научная литература (24 %), далее идет детская литература (12 %). [6, с. 160]. К

этому времени по мере приобщения населения к миру просвещения и знаний возрастает интерес к мировой литературной классике, исследования показали огромный спрос читателей на произведения Николая Гончарова, Николая Гоголя, Ивана Тургенева, Фёдора Достоевского, Льва Толстого, Антона Чехова, Льюиса Синклера, Джеймса Оливера Кервуда, Джека Лондона, Эмиля Золя, Виктора Гюго, Бернгарда Келлермана, читаются и произведения украинских писателей – Остапа Вишни, Владимира Винниченко, Михаила Коцюбинского, Тараса Шевченко, Марко Вовчок, Леси Украинки [4, с. 104].

1929 год стал знаменательным событием культурного развития региона на третьем этапе становления библиотечной сети не только города Луганска, но и всей Луганщины: в этом году был объявлен «библиотечный поход» как новая широкомасштабная форма социокультурной и идеологической деятельности библиотек всех типов и рангов. Особая актуальность этого проекта заключалась в активизации библиотечной работы с детьми и юношеством. В Окрполитпросвете был создан штаб по библиотечному походу, библиотечные советы, в которые вошли читатели-школьники разных возрастов. Библиотечный поход рассматривали как новую форму работы, предназначенную превратить школьную библиотеку в культурно-идеологическую ячейку, которая будет продвигать книгу не только в школу и пионерскую организацию, но и охватит своим влиянием родителей и пришкольную общественность. Библиотечный поход был спланирован как ответ местных органов политического просвещения на постановление НКО РСФСР от 1 августа 1929 года, где определены перспективные направления развития библиотечной сети, в частности, по линии становления библиотек для детей. В одной из публикаций в журнале «Советская школа» за 1930 год обозначены главные задачи этого проекта:

- привлечение внимания общественности, родителей к улучшению работы школьной библиотеки;
- предоставление массового характера школьной библиотечной работе;
- согласование работы школьной библиотеки с политическими задачами текущего момента выполнения пятилетки.

Эти задачи диктовали следующие формы работы: внедрение идеи непрерывной недели, развитие книгоношества, организация подписки на книги, газеты, журналы, популяризация детской литературы через библиотеки, выставки; организация бригад школьников для переплетения книг, для работы с маленькими читателями, составление рекомендательных списков для чтения, для поддержки санитарно-гигиенических условий библиотеки, выпуски плакатов к различным революционным событиям, рекомендательные списки книг для чтения или списки с кратким обзором содержания произведений. Школу и школьную библиотеку рассматривали как ведущих участников-созидателей нового времени, активных культурмейцев, способных наравне со взрослыми строить новое государство.

Традиционная форма библиотечной работы – громкие чтения – стали действенным методом воспитания нравственности, чувства коллективизма. Они создавали атмосферу коллективного сопереживания, коллективного мировосприятия, вырабатывая новый тип социальных отношений в детских коллективах [2, с. 81–83; 6, с. 161–166].

Стремительные темпы экономического, социального развития государства обуславливали и развитие культурной сферы, в которой работали библиотеки. Поскольку библиотеки являлись социальными институтами общества, их функционал постоянно трансформировался в зависимости от потребностей времени. К 1936 году и

на многие последующие десятилетия библиотеки постепенно перестраивались от ведущей культурно-образовательной и идеологической деятельности к общественно-политической и культурно-досуговой, трансформируясь в мощную общественно-политическую платформу.

1930–1940-е годы – годы активного сотрудничества библиотек края с донбасскими писателями. Становление новой пролетарской культуры на Луганщине связано со стремительным развитием пролетарской литературы, одним из центров которой стала массовая литературная организация «Союз пролетарских писателей Донбасса «Забой» (далее – «Забой»), созданная в конце 1924 года на классово-партийных позициях. В культурной жизни Луганщины «Забой» сыграл огромную роль: он был настоящей школой для начинающих пролетарских писателей, многие из которых стали впоследствии профессиональными мастерами слова (Г. Баглюк, П. Беспощадный, Ф. Вольный, П. Гайворонский, Б. Горбатов, Н. Упеник, Ю. Жуков, И. Приблудный, Ю. Черкасский, Г. Шишов и другие) [4, с. 198–201].

Библиотеки, понимая значение регионального литературного творчества в воспитании духовности читателей, активно вовлекают молодых писателей в культурно-просветительскую работу, организуют литературные встречи, вечера поэзии, политические дискуссии. В газетах округа открывались литературные странички, «Забой» имел свою – пятую – страничку в «Луганской правде». Так, в газете от 12 июня 1930 года, на пятой странице были напечатаны произведения В. Безродного («Гуртове»), Ю. Черкасского («Строится дом»), Г. Шишова («Письмо»). 1 апреля 1930 года – отрывок из повести Г. Шишова «Старая шахта», очерк В. Безродного «Катастрофа», стихи Ю. Черкасского, П. Анненкова [3, с. 5].

Этот «живой» материал активно использовался библиотеками, стихи, рассказы и повести, написанные современниками читателей библиотек, с особым интересом воспринимались и обсуждались слушателями. Писатели-«забойцы» остро чувствовали своё время, им были близки и понятны стремления человека-труженика, строителя новой социалистической действительности. Библиотеки формировали у читателей чувство сопричастности к достижениям литературных героев, уважение и гордость за свою малую родину – свой донбасский край.

В годы Великой Отечественной войны и последующие десятилетия в «военной биографии» библиотек появились новые «фронтовые» страницы, библиотеки были и на переднем крае, и в глубоком тылу надёжной опорой для народа, носителями высоких морально-нравственных ценностей советского государства. Годы упорной работы библиотек по формированию советской культуры доказали значительность достижений этих социальных институтов в проявлении массового героизма советских людей. Этот период был освещён нами ранее [7, с. 83–92].

К середине XX в. библиотеки постепенно трансформируются, появляются предпосылки к формированию их как информационно-досуговых платформ культурной сферы, что и нашло своё продолжение в дальнейшем.

Итак, цели, направления и формы социокультурной деятельности луганских библиотек обуславливались исторической востребованностью общества, что выражалась в целенаправленной библиотечной практике:

– ликвидировать безграмотность в регионе, при этом ведущая роль в борьбе с безграмотностью, с тёмным укладом сельской жизни реализовалась в активной деятельности библиотек;

– руководить чтением, способствовать формированию новой социалистической культуры, духовности, привлекая читателей к различным формам работы;

– формировать мировоззрение луганчан в совместной активной деятельности, когда читатели – сознательные участники и соиздатели социокультурных процессов на Луганщине.

Таким образом, можно констатировать: история культуры Луганщины богата историческими событиями, в ее архиве – имена замечательных людей края, которые олицетворяют феномен «донбасский характер». Луганские библиотеки – это особая часть нашей культуры, история их развития и деятельности неразрывно связана с утверждением социалистической идеологии, формированием в сознании масс идеалов советской культуры. Библиотеки стали значимой частью механизма культурного развития региона, средством передачи и пропаганды населению идей новой пролетарской культуры, выступили мощной культурно-образовательной и идеологической платформой, внесли огромный вклад в реализацию ведущих задач различных исторических периодов становления культуры и образования не только Луганщины, но и всего советского Донбасса. Их деятельность рассматриваем как культуuroобразующий фактор региона, способствующий утверждению духовных ценностей общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Библиотека – наш спільний дім : з історії держаних бібліотек для дітей Луганської області / Луганська обласна бібліотека для дітей; уклад. В. І. Зайцева. – Луганськ, 2010. – 116 с.
2. К. К. Школа и ЮП в библиотечном походе / К.К. // Рад. шк.. – 1930. — № 1. – С. 81–83.
3. Литературная страница «Забой» // Луганская правда. – 1930. – №75. – С. 5.
4. Лукьянченко Ольга. Библиотечное дело Луганщины в 20-30-ых годах XX столетия: монография / О. Лукьянченко. – LAP LAMBERT Academic Publishing, 2015. – 276 с.
5. Материалы к истории библиотечного дела в СССР (1917-1959 гг.) : учеб. пособ. для студ. библиотечных институтов / Л. А. Соловьев, М. Л. Хейфец. – Ленинград, 1960. – 236 с.
6. Очерки истории культуры Луганщины. Т. II : кол. моногр. / М. С. Абанина, М. С. Асташова; под общ. ред. В. Л. Филиппова. – Луганск : ФЛП Михненко О. В., 2017. – 204 с.
7. Очерки истории культуры Луганщины. Т. III-IV : кол. моногр. / Н. П. Гончарук, Ю. Г. Дышлова; под общ. ред. В. Л. Филиппова. Луганск : Изд-во ГОУК ЛНР «ЛГАКИ имени М. Матусовского», 2019. – 320 с.

Поступила в редакцию 20.05.2020 г

LIBRARIES AS A SOCIO-CULTURAL PHENOMENON OF LUGANSK REGION (THE FIRST HALF OF THE XX CENTURY)

O. G. Lukyanchenko

The article attempts to classify the activities of libraries as a reflection of socio-cultural processes in the Lugansk region. The author comes to the conclusion that libraries are a system of basic cultural and educational, leisure, ideological, socio-political, and informational platforms that determine the content of library activities, that were demanded by historical era in the Lugansk region in the first half of the twentieth century.

Key words: socio-cultural processes; cultural and educational and ideological platform; cultural and leisure and socio-political platform; informational and educational platform, forms of library activity, culture-forming factor.

Лукьянченко Ольга Григорьевна

Кандидат педагогических наук, доцент,
Заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин
ГОУК ЛНР «Луганская государственная академия культуры и искусств имени М. Матусовского».
E-mail: lgaki_lukyanchenkoog@mail.ru

Lukyanchenko Olga Grigoryevna

Candidate of pedagogical Sciences, Docent,
Head of the Department of social and humanitarian disciplines,
Lugansk state Academy of culture and arts named after M. Matusovsky.
E-mail: lgaki_lukyanchenkoog@mail.ru

УДК 18.159.95

ЭКСПЛИКАЦИЯ ЭМПАТИЧЕСКОЙ ФЕНОМЕНОЛОГИИ ТВОРЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ КОМПОЗИТОРА

© 2020. *О.М. Мазаненко*

*ГОУК ЛНР «Луганская государственная академия культуры и искусств имени
М. Матусовского»*

Для понимания жизни-функционирования сознания композитора автор статьи предлагает оригинальный метод эмпатической феноменологии. Как результат – феномен творческого сознания получил вид кристаллической структурной константы, которая, вместе с тем, остается подвижной благодаря тому, что исследователь «оживляет» проекции, возвращаясь к многочисленным субъективным переживаниям композиторов.

Данный метод не раскрывает творческое сознание как нечто совершенно абсолютное, но является важным дополнением и подкреплением аналитическим и объяснительным эстетико-философским подходам.

Ключевые слова: творческое сознание, эмпатическая феноменология, опыт, переживания.

Интеграция междисциплинарного осмысления различных аспектов музыки аккумулируется в контексте специальной науки – философии музыки, задачу которой в общем виде можно определить как нахождение необходимого уровня абстракции, обеспечивающего целостную интерпретацию генезисных и бытийных структур качественно особого – музыкального – способа освоения мира.

При всей «распахнутости музыки» в процессы становящегося бытийного потока, она возникает и существует благодаря функционированию человеческой активности, преобразовательно-формирующей способности, царству субъективности, неразрывно связанного с культурно-историческим контекстом. Задачей данной работы является описание и понимание уникальных творческих переживаний композитора. Для исследования обозначенного феномена обратимся к методу эмпатической феноменологии. Данный метод не раскрывает творческое сознание как нечто совершенно абсолютное, но является важным дополнением и подкреплением аналитическим и объяснительным эстетико-философским подходам. Эмпатия позволяет феноменологу погрузиться в мир опыта творческой личности и получить тот тип знания, который, по мнению М. Хайдеггера «не является познанием в смысле простого зрителя» [10, с. 412]. Это особое внимание и созерцание, которое позволяет вчувствоваться в то, что пережито сознанием автора.

Композитор постигает движение мира по законам тех пространственно-временных представлений, которые сложились в общественном сознании и которые даны ему как единственные. Его творческое сознание конституирует звуковые отношения, данные в численной выраженности времени. Звук и время содержат бесконечные возможности эволюций и трансформаций, и только творческое сознание композитора определяет инвариант некой неисчерпаемости. Это предел творческой свободы, в котором музыкальное сознание приступает к работе в мире принадлежащего себе времени.

Интенциональную активность творческого сознания композитора можно представить как временное развёртывание звуковых отношений, что означает перевод универсальных сущностей бытия в их уникально-персонифицированные переживания, совершающиеся в границах музыкального сознания и по законам музыкально-

возможного. Сознание композитора в творчестве занято обнаружением глубинного миропорядка, внося при этом в поиск одухотворённо-человеческое начало.

Творческое сознание композитора разворачивает звуковые отношения, при этом посредством временной организации стремится объединить их в звуковые общности. Так творческое сознание вносит в звуко-временную природу музыки свойства конструктивности и антиэнтропийности, когда организация звуковых интонаций во времени определяет саму возможность существования музыкальной ткани.

Можно сказать, что автор, живя в мире, по-особому мыслит мир. Но что значит «по-особому»? Прежде всего, это то, что «единицей» творческого сознания как эстетического феномена является не мысль, а некий образный комплекс переживаний, который вспыхивает спонтанно, и предстает в свернутом виде. Суть переживаний сознания творца – вымысел, метаморфоза, превращение осознания мира в художественно-эстетических координатах. Эти переживания сокровенны, содержат все возможности пред-выраженности. И здесь мы вторим М.К. Мамардашвили, который задавался вопросом: где пребывают идеи до их запечатления в творчестве? Этот вопрос для человечества остается самым загадочным. Мы также не находим оснований для ответа на него, лишь включая момент появления идеи, замысла как важнейшую детерминанту жизни-функционирования творческого сознания. И не более того.

Затем творческому сознанию композитора предстоит найти пути его выражения, воплощения в эстетический предмет, а значит нужно пройти путь отделения сокровенного, его перевода вовне, понизить градус интимности и усилить в творческом акте нейтральность переживаний [9, с. 34]. То есть, путь творческого сознания можно обозначить как движение от интенций сокровенных чувственных эмоциональных переживаний к волевым и рассудочно-рациональным интенциям. Однако отметим, что расценивать этот путь прямолинейно не стоит, принимать во внимание его можно только как условную общую тенденцию.

И здесь мы подошли к главному вопросу: в каких пределах конструктивная активность творческого музыкального сознания имеет возможность себя реализовать? Или другими словами, на каких структурных уровнях осуществляет творческое сознание свою ноэмо-ноэтическую активность. Рассуждая далее от общего к частному наметим для удобства анализа уровни активности творческого сознания композитора: глубинный (досознательный) – эмоциональный – рациональный – формальный.

Глубинный уровень такой сложной «вертикальной» структуры творческого сознания коренится в архетипической досознательной чувственности, в которой аккумулирована дорефлективная преембула духовного освоения мира, в том числе и через музыкальную арт-практику. Архетипическая чувственность есть хаотическое и неформальное пространство первичных спонтанных взаимодействий сознания с миром. Её «молекулой» является праисторическая эмоция, которой лишь в процессе эволюции проходит огранку культурой и как отмечает Л.С. Выготский, делается «умной». Это: эмоция-боль, эмоция-крик, эмоция-радость, которая выводится творческим сознанием на следующие уровни его жизни-функционирования.

Эмоциональный уровень представляет собой умные, рефлекслируемые эмоции, которые интонируются в музыке. Именно эмоция становится звучащим символом. А раз творческое сознание стремится выразить информацию и эмоции через интонирование, то понять музыку автора возможно только через механизм эмпатии, схватывающий эмоцию в символической интонации.

Можно сказать, что первично-чувственные реакции и подсознательно-ассоциативные переживания чувственно-эмоциональной составляющей творческого

сознания проводятся им через жернова осознанно-рефлектирующих состояний. При этом иррациональная эмоциональность так и остается на всем пути кодовым паролем музыкального образа, смысла, формы. А потому над рациональными структурами все же превалируют чувственно-эмоциональные структуры творческого сознания.

Рациональный уровень активности творческого сознания отвечает за обобщенность, избирательность закономерно-типического, значимого, адекватного художественному волеизъявлению. Однако вся жизненность музыкального образа заключается в свойственной ему подвижности чувственных реакций.

Рациональное выступает как оформление и упорядочение творческого сознания, реагирующее на эмоцию, тщательно выверяющее эстетическую эмоцию на соответствие темпо-ритмическому, звуко-высотному и другим средствам музыкальной выразительности.

Рациональность творческого музыкального сознания имеет принципиально иную специфику, не связанную с понятийностью, словом [7, с. 231]. Рациональность измеряется временем, числом, логосом. То есть не конкретными, а абстрактными категориями. Кроме того, рациональная аналитика творческого сознания отбирает и кристаллизирует эмоции с учетом условий контекста реальности культуры. Это необходимо для обеспечения некоей универсальности, необходимой для понимания музыкального произведения интерпретаторами и слушателями. Рациональным структурам сознания композитора предстоит композиционно-технологически оформить эмоцию в мелодической, ладо-гармонической, метро-ритмической, темброво-акустической звучности. Такое перечисление мы предприняли не случайно. Оно представляет широчайший спектр ноэтических актов и указывает насколько кропотливой является работа рационального с эмоциональным материалом, который в таком ракурсе приобретает статус ценности.

Структуры творческого сознания композитора, которые надстраиваются над музыкальными эмоциями, впечатлениями и переживаниями, снимая в себе их свойства и свойства самих воспринимаемых звучаний, и является реализацией здесь-бытия музыки.

Здесь предпримем небольшое отклонение от характеристики уровней ноэтической активности творческого сознания композитора [5, с. 202]. Во-первых, важным моментом является то, что оно не разрывает отношений и с референцией телесности, а конкретнее с психофизиологией субъекта творчества, в первую очередь, ритмо-двигательными реакциями, процессами дыхания. Здесь может возникнуть впечатление, что творческое сознание мы помещаем в главенствующую позицию над творческим Я. Однако это не так. Такое описание мы используем только лишь в контексте данной аналитики. Творческое сознание может «обживать» какой-то определенный интервал. Оно может примеряться к темпу-ритму, находя именно те, которые обеспечивают резонанс внутреннего и внешнего временного потока [11]. Оно ставит вопросы в диссонансах и ищет их разрешения, замирает в тишине, ожидая после паузы появления того, что обрушится прозрением, открытием, экзистенцией.

Музыкальное творчество вступает в резонанс не только с телом, но и выражает модель мироотношения. Такая модель стремится к оформленности и предельной выраженности и становясь осмысленной эстетической концепцией, ядром которой становится музыкальный образ, конституирование которого опирается на рациональный и эмоциональный уровни жизни-функционирования творческого сознания.

С точки зрения феноменологии, музыкальный образ есть целостная времяобразовательная процедура, обусловленная изменением звуко-интонационных

событий. Музыкальный образ переживается и проживается как актуальное настоящее. Конструирование образа сопряжено с напряженным диалогом творческого сознания с движущейся музыкальной событийностью. Парадокс конституирования музыкального образа происходит здесь и сейчас, при этом оно никогда не завершено, как и само порождающее его сознание [4, с. 98].

Таким образом, телесность и музыкально-эстетический образ являются своеобразными союзничающими посредниками между эмоциональным и рациональным уровнями активности творческого сознания. В связи с последним тезисом, творчество приобретает вид объединяющего начала природы материальной и идеальной.

Итак, вернемся к линии рассуждений об уровнях нозмо-ноэтической активности творческого сознания композитора. К ранее описанным (архетипическому, эмоциональному, рациональному) добавим еще один и назовем его внешним формальным уровнем. Он организует и оформляет образ в музыкальную форму и лежит на поверхности эмпатико-феноменологического рассмотрения. Это уровень принятия свершившегося акта творчества, жизнь с произведением, интенция «принимаю». Он обязательно связан с жесткой знаковой фиксацией авторского замысла – собственно нотный текст.

В музыкальной форме творческое сознание оформляет сконцентрированный, сгущенный, предельный смысл. Интенция смысла есть раскачанное до предела, но удерживаемое в равновесии творческим сознанием сильнейшее экзистенциальное переживание актуализованного, “сплошного” бытия, не знающего пустот и нейтральности. А потому нотный текст мы склонны рассматривать не как знаковую фиксацию содержания музыкального произведения, а как инструмент передачи некоего сообщения, посылка, смысловой и образной интенции.

Таким образом, выделив уровни активности творческого сознания композитора, мы совершили редукцию, выйдя на его первооснову, подчеркивающую онтологические корни музыки.

Однако представлять себе эти уровни как поступательно-прогрессивное развертывание творческого процесса было бы глубокой иллюзией. Все уровни взаимопроникающи, непрерывны и голограммны. И еще одно важное заключение дает предпринятая нами условная схематизация творческого сознания композитора в музыкальной арт-практике. Она очень хорошо показывает то, как творческое сознание организует разнонаправленность времени. Рациональные структуры в большей мере проявляют себя во внешне направленной временной стреле (к завершению формы, к согласованности с внешним контекстом). При этом помним, материалом работы рационального все же выступает чувственно-эмоциональная сфера субъекта творчества. Она же, сфера эмоций и чувств определяет внутринаправленную стрелу времени к архетипическим истокам бытия и к более раннему собственному онтогенетическому опыту. Причем такая разнонаправленность вовсе не создает внутренний конфликт, а скорее приводит к уравновешенности через большой горизонтный охват внешнего и внутреннего мира. Более того, такая трактовка организации времени в музыке отражает представления Э. Гуссерля о трансцендентных и имманентных интенциональных актах сознания.

Можно предположить, что эмоционально-чувственная сфера творческого сознания композитора в каждом произведении проходит все структурные уровни нозмо-ноэтической активности – от дорефлективного через осмысление к знаку, затем к образу-символу, смыслу и форме. Однако это уже другая ветвь размышления, к которой автор планирует вернуться в последующих научных разработках.

Сделаем промежуточный вывод. Предпринятая эмпатико-феноменологическая экспликация позволяет увидеть, что из смутной среды субъективных музыкальных

представлений на начальном этапе музыкального творчества сознание композитора редуцируя и беря в скобки весь свой эмпирический опыт, выделяет музыкальный эйдос. Он переживается как строгий, объективный конструкт, истина. Эйдос помещен в царство «холодного» рассудка, а потому творческое сознание «согревая» его своим Духом, встраивает его в переживания теплые – чувственно-эмоциональные, соотнося с субъективной интенциональностью. Только таким путем музыкальный эйдос может переживаться как интимный, сокровенный [3, с. 57]. Таким образом, мы всячески подчеркиваем духовную составляющую творческого сознания, пытаюсь развеять иллюзию механичности и шаблонности, которая возникает всякий раз в связи со схематичной представленностью того или иного феномена. Снять эффект алгоритма поможет обращение к экзистенциальному уровню творческого сознания.

Функционирование музыкального творческого сознания на всех описанных уровнях как целостного действенного потока в каждом конкретном опыте никто другой совершить и повторить не может [2, с. 250]. Это музыкальное событие пережито и понято только мной, а потому оно есть факт моей личной жизни, что делает его замечательным и уникальным. Это и есть экзистенциальные переживания в музыкальном творчестве. По-сути, композитор понял и пережил нарастающее движение Бытия, соучастником которого он стал. То есть экзистенция творца как осознания мира есть переживание своего соучастия в Бытии. После такого заключения снимается вопрос о разъяснительной компенсации в исследовательской позиции. На первый план выступает проблема, обозначенная как ключевая в методологии эмпатической феноменологии: не рациональное объяснение переживаний автора, а понимание жизни-функционирования его творческого сознания через описание и вчувствование.

Трансформируя полученное умозаключение в стиле хайдеггеровской риторики, музыкальное творчество можно представить не столько обителью Духа, сколько Домом для души, которые есть тем понимаемым и принимаемым «бытием-в-мире», где творец встречает сам себя. И только композитор в этом Доме знает какие «предметы» должны быть нем и в каком порядке они будут расположены там, чтобы Дом не был брошенным и одиноким, вне контекста бытия, культуры, социума. Сознание, разворачивая свои потенции, развиваясь и совершенствуясь в творчестве, рано или поздно приводит автора к тому, что принято обозначать индивидуальным стилем творчества, в котором видна «рука мастера», уникальность, узнаваемость. Это то, что В. Воррингер и Э. Панофски трактуют как “художественное чувство мира”.

Индивидуальный стиль это квинтэссенция персонифицированного, воплощённого и обозначенное состояние культуры, сконструированная творческим сознанием. Схожую мысль находим у В.К. Суханцевой, которая определяет индивидуальный стиль творчества как переживание мира, его субъективно-внутреннее состояние, как выраженность себя-в-мире, воплощённое в координатах культурно-исторической нормы. То есть, индивидуальный стиль вмещает в себя внешний и внутренний планы измерения [1, с. 203]. Отметим еще один вывод В.К. Суханцевой, который мы расцениваем как архиважный для данного исследования: внутренняя сфера стиля заведомо превышает внешнюю, воплощённую и выраженную, поскольку интенции пред-выраженности, интуиции до-конструктивности не сводимы к культурно-исторической норме. Мы с этим абсолютно согласны, если бы было иначе, то мир не узнал бы универсальный творческий стиль И.С. Баха, в котором были синтезированы и удержаны новая аффективность мирозерцания и традиция античного космоса. Не смог бы появиться творческий стиль В.А. Моцарта, который

являет собой поистине культурный универсум с акцентом на картезианско-классической парадигме. В культурном наследии не появился бы и творческий стиль Р. Вагнера как квинтэссенция романтической эстетики. Не было бы места и додекафонной системе, воплотившейся в творческом стиле Шенберга, и вобравшей в себя переживания событий предвоенного кризиса и возрастающие экспрессионистские тенденции. Можно продолжить ряд примеров эволюционным стилем И.Ф. Стравинского, в котором, яростно ниспровергая ряд эстетических канонов, композитор предлагает некую эстетику “наоборот”. Выбрав серийность как собственную меру музыкально-возможного, он демонстрирует небывалую свободу в выборе средств музыкальной выразительности. Вспомним творческий стиль А.Н. Скрябина – космологичный и принципиально атемпоральный [8, с. 32]. На этом прервем доказательный ряд, хотя примеров тому, что индивидуальная составляющая творческого сознания (творческий стиль) хотя и ориентирован на исторически-культурные нормы и этикет выражения, он более богат и глубинен, а потому способен бунтовать против шаблонов, сбрасывать и превышать алгоритмы, вытеснять и предлагать замещение устоявшегося.

Таким образом, индивидуальный стиль творчества есть показатель зрелости творческого сознания композитора, заключающий в себе экзистенциальную позицию автора. Оно не утрачивает напряженности, экзальтации и экспрессивности, однако разумно подчиняет их на вершинных стадиях созидания спокойному и сосредоточенному проистеканию.

На наш взгляд, справедливо утверждение о том, что опыт переживаний творческим сознанием выкристаллизовывается в творческий стиль, в котором отражены три плана: 1) экзистенциальный (как переживания своего участия в Бытии), 2) субъективно-психологический (как акт утверждения своего Я), 3) объективно-деятельностный (как явление себя через акт творчества).

Вывод. Выбранная нами методология есть обращение к человеческой науке, внимательному и восприимчивому отношению к самому опыту – к феномену. Цель эмпатической феноменологии состоит в том, чтобы создать оживляющее, вызывающее воспоминания описание человеческих действий, поведения, намерений и опыта, пережитых в процессе творческой деятельности. Используя риторику Мерло-Понти, это своего рода раскрытие чего-то, что было там все время, но явно не присутствовало в сознании.

Эмпатическая феноменология позволила описать уровни жизни-функционирования творческого сознания композитора, создать оживляющее, вызывающее воспоминания описание человеческих действий, поведения, намерений и опыта, пережитых в процессе творческой деятельности. Используя риторику Мерло-Понти, это своего рода раскрытие чего-то, что было там все время, но явно не присутствовало в сознании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арановский, М.Г. Музыкальный текст: структура и свойства / М.Г. Арановский. – М.: Музыка, 1998. – 336 с.
2. Асафьев, Б. Музыкальная форма как процесс: в 2-х кн. / Б. Асафьев. – Кн. II. «Интонация». – Л.: Музыка, 1971. – 378 с.
3. Выготский, Л. С. Психология искусства. / Л.С. Выготский. – М.: Педагогика, 1987. – 345 с.
4. Герасимова, И.А. Музыкальное понимание // Эволюция, культура, познание / И.А. Герасимова. – М.: Альтекс, 1996. – 167 с.
5. Капичина, Е.А. Философия музыки: от языка к восприятию / Е.А. Капичина. – Луганск: Изд-во ГОУ ЛНР им. Матусовского, 2017 – 360 с.

6. Лосев, А.Ф. Музыка как предмет логики / А.Ф. Лосев // Форма. Стиль. Выражение. – М.: Мысль, 1995. – С. 405-602.
7. Мамардашвили, М.К. Символ и сознание / М.К. Мамардашвили, А.М. Пятигорский. – М.: Школа "Языки русской культуры, 1997. – 224 с.
8. Суханцева, В.К. Музыка как мир человека / В.К. Суханцева. – К: Факт, 2000. – 176 с.
9. Хайдеггер, М. Исток художественного творения / М. Хайдеггер; пер, с нем. // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. Трактаты, статьи, эссе / Сост., общ. ред. Г. К. Косикова. М.: Академический проект, 1987. – 312 с.
10. Шапинская Е. Философия музыки в новом ключе: музыка как проблемное поле человеческого бытия / Е. Шапинская – М.: Согласие, 2017 – 522 с.
11. Willis P. From «the things themselves» to a «feeling of understanding»: Finding different voices in phenomenological research // Indo-Pacific Journal of Phenomenology. 2004. Vol. 4. Edition. – Режим доступа: <http://www.ipjp.org/august2004/willis4e1.pdf>.)

Поступила в редакцию 10.08.2020 г.

EXPLICATION OF THE EMPATHIC PHENOMENOLOGY OF THE COMPOSER'S CREATIVE CONSCIOUSNESS

О.М. Mazanenko

To understand the life-functioning of the composer's consciousness, the author offers an original method of empathic phenomenology. As a result, the phenomenon of creative consciousness has received the form of a crystal structural constant, which, at the same time, remains mobile due to the fact that the researcher "revives" the projections, returning to the numerous subjective experiences of composers.

This method does not reveal the creative consciousness as something absolutely absolute, but it is an important complement and support to analytical and explanatory aesthetic and philosophical approaches.

Key words: creative consciousness, empathic phenomenology, experience, experiences.

Мазаненко Оксана Михайловна

Кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры рекламы и PR-технологий
ГОУК «Луганская государственная академия
культуры и искусств им. М. Матусовского»
E-mail: oksanamazanenko@gmail.com

Mazanenko Oksana Mikhailovna

Candidate of Psychological Sciences, Associate
Professor of the Department of Advertising and PR-
Technologies, Lugansk State Academy of Culture and
Arts. named after M. Matusovsky.
E-mail: oksanamazanenko@gmail.com

УДК 1(097).474

КОНЦЕПЦИЯ ГОСУДАРСТВА И ЦЕРКВИ В ТВОРЧЕСТВЕ СЕРГЕЯ НИКОЛАЕВИЧА БУЛГАКОВА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

© 2020. А.А. Миргородский

ГОО ВПО «Донецкая академия внутренних дел МВД ДНР»

В статье ставится проблема гармоничного взаимодействия государства и церкви в творчестве известного русского мыслителя Сергея Булгакова. Для С.Н. Булгакова история человечества – процесс постепенного возвращения человечества к Богу, а цель развития – Богочеловечество. В данной системе государство – временное явление, которое сложилось исторически и должно следовать по пути развития христианской церкви.

Ключевые слова: государство, право, София, творчество, церковь.

Актуальность и анализ последних публикаций по проблеме взаимодействия государства и церкви, а также задачи исследования состоят в том, чтобы проанализировать данную тему в контексте основных концептов русской религиозной философии в России, о практической значимости которых свидетельствует острота интеллектуальных дискуссий. Цель статьи – показать, как проявилась религиозно-философская позиция С.Н. Булгакова по данному вопросу.

Взгляды мыслителей Серебряного века на природу и назначение категории государства и права тесно связано с толкованием в рамках этой традиции содержания таких понятий как «София», «Богочеловечество», «всеединство», «духовная телесность» и т.д., которые играют особенную роль в культуре «русского религиозно-философского ренессанса».

В.С. Соловьев стал основоположником оригинальной школы русской религиозной философии, которая включает в себя целую плеяду философов, наделенных разносторонними талантами и обладающих широкой эрудицией. Среди его преемников были также философы-богословы – В.В. Зеньковский, Н.С. Арсеньев, П.И. Новгородцев, Е.В. Спекторский, П.Б. Струве, В.Ф. Эрн. Стиль органического сочетания философской проблематики и литературной публицистики был с самого начала задан в 1906 году созданием Московского религиозно-философского общества имени Владимира Соловьева. В 1907 году было создано Петербургское религиозно-философское общество. В тот период традиционные темы философской и религиозной мысли получали свое развитие в новых литературных формах. Эпоха Серебряного века была богата опытами выражения метафизических идей в художественном творчестве. Такими образцами литературной метафизики является творчество Д.С. Мережковского, В.В. Розанова, Вяч.И. Иванова и других. Основной трибуной философов становится участие в литературно-философских журналах («Логос», «Новые идеи в философии», изд-во «Путь») и сборниках («Проблемы идеализма»). Сборник «Вехи» (1909) имеет ярко выраженный мировоззренческий характер. Авторы – М.О. Гершензон, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, А.С. Изгоев, Б.А. Кистяковский, П.Б. Струве, С.Л. Франк – хотели повлиять на настроение интеллигенции, предложить ей новые идеалы. Основной критике подвергалась традиция радикализма. При этом переход к религиозно-философским воззрениям произошел у Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, С.Л. Франка значительно позже, уже в эмиграции.

В философии Серебряного века применяется новый подход к основным вопросам культуры и жизни на основе православия. Основной задачей русской философии Серебряного века становится построение православно-христианского мировоззрения, раскрывающее содержание главных догматов христианства и их жизненную действенность (Н.О. Лосский). То есть, речь шла о построении действенного и целостного мировоззрения, в котором все его планы – религиозный, культурный, философский, социально-политический, экономический – взаимодополнялись.

В ответ на средневековое понимание русская философия Серебряного века предлагает панэнтеистическую систему взаимодействия мира и Абсолюта. Т.е. в конце концов, среди людей, в их делах и мыслях нужно искать божественного откровения как путь нарастающего блаженства, радости, счастья. Важным для понимания становится категория любви. Любовь есть глубинная связь человеческого сердца с Богом. Соответственно любовь – это не моральное предписание, закон, а это попытка помочь человеческой душе открыться, расшириться, внутренне расцвести, просветлеть. С.Л. Франк, подводя итоги в своей статье «Религия любви», отмечает, что человек попадает на ложные пути в своем стремлении установить царство любви через закон, порядок, ведь законом достигается лишь справедливость, а не любовь, любовь – выражение и действие Бога в человеческой душе, но человеческая душа несовершенна и вплоть до чаемого преображения и просветления мирового бытия любовь обречена бороться со злом. С.Н. Булгаков в своём творчестве прошел три этапа: 1) философско-марксистский; 2) философско-идеалистический; 3) богословский. Привлекает исследователя оригинальность и адогматизм философского стиля мышления С.Н. Булгакова. С.Н. Булгаков как православный мыслитель умело сочетает философский и богословский методы, которыми он нестандартно решает сложные богословские и метафизические проблемы. При этом в сфере теологии наличествует синтез апофатического и катафатического богословия. Эти два подхода, на наш взгляд, синтезируются и взаимодополняются.

Как отмечают исследователи творчества С.Н. Булгакова [1, 5], в произведениях философа звучит основной соловьёвский мотив оправдания мира и материи («религиозный материализм»). Для С.Н. Булгакова подлинная религия основывается на вольном нисхождении Божества в мир, приближении к человеку, на откровении, она является делом благодати, сверхприродного действия Божества в человеке [3, с. 151]. То есть в основе религии лежит пережитая в личном опыте встреча с «премирным» Божеством, в чем и заключается единственный источник ее автономии. Эта мысль выражена С.Н. Булгаковым с огромной силой в молитве, в описании религиозно-мистического переживания, начинающейся словами: «Ты всегда меня видишь» [3, с. 46].

Позднее в книге «Лестница Иаковля» (1929) мыслитель прекрасно выразил религиозный опыт, в котором нам открывается близость ангела-хранителя, живого спутника в любви: «Когда стихает шум жизни и умолкают нестройные её голоса, когда душа омывается тишиною и исполняется молчанием, когда обнажается детская её стихия и отнимаются давящие её покровы, когда освобождается душа от плена этого мира и остается наедине с Богом, <...> тогда чувствует она над собой склонившееся с невыразимой любовью существо, такое близкое, такое родное, такое нежное, такое тихое, такое любящее, такое верное... <...> Она чувствует тогда своё не-одиночество, и вся устремляется навстречу к неведомому и близкому другу. Ибо узнает душа того Друга, о котором всю жизнь грезилась и томилась, ища обрести в друге своё другое «я» [6, с. 373-374].

Таким образом, для С.Н. Булгакова нельзя познать Бога как личность без реальной встречи с Ним и Его откровения о Себе. Христианством «утверждается на высшей и предельной ступени та основная антиномия, которая лежит в основе религиозного самосознания: неразрывное двуединство трансцендентного и имманентного» [3, с. 339]. Отсюда начинается возможность определений Бога как трансцендентно-имманентного. В первом случае Бог как абсолютное совершенно свободен от мира, во втором – он неизбежно с ним связан. В развитии этой концепции С.Н. Булгаков, как и В.С. Соловьев, исходит из того утверждения, что абсолютное должно быть всеединством. «Нет и не может быть ничего, лежащего вне Бога и своим бытием его ограничивающего» [3, с. 148]. С.Н. Булгаков пытается разрешить космологическую антиномию между двумя крайностями – пантеистическим монизмом и манихейским дуализмом [3, с. 194]. Мыслитель также отвергает концепцию деизма – отделение Творца от творения. «Творение есть эманация плюс новое творческое «да будет!» [3, с. 178]. Тварное бытие, будучи сотворенным из чистого небытия, наделено потенциями, преобразующими его в нечто, в софийное творческое начало, из укона в меон [3, с. 234-242]. Мир одушевлен повсюду и является иерархией идейных существ или качественностей, которые отразились в ангелологии. В язычестве (Греция, Восток) также были предчувствия о «святой плоти» и откровении божественного Духа (Изида и Озирис) [3, с. 330]. Божественный Дух – это триединая личность и одна природа, которая означает божественную жизнь, т. е. положительное качественное всеединство, которое являясь Бог в своем самооткровении, что в Священном писании называется Мудростью Божией – Софией.

По мнению философа, в софиологии, в софийном миропонимании содержится будущее государства. Софиология позволяет увидеть за внешним несовершенством мира его красоту и божественный смысл. Космический процесс происходит через «эрос земли» к «небу». Эта цель достигается под руководством Софии как мировой души, которая занимает место между Богом и миром, сама же не являясь ни тем, ни другим. София действует как объединяющая (интегрирующая) сила, она сближается с сущностью Триединого Бога (усией), но не является его четвертой ипостасью. София является образом Божиим, божественной идеей всех идей, осуществленной как красота. Отношение Бога к божественной Софии есть любовь, она есть предмет любви Божией [2]. София во взаимной любви приемлет и самоотверженной божественной любовью зачинает в себе все. София есть Вечная Женственность, Любовь Любви: «Как приемлющая свою сущность от Отца, она есть создание и дочь Божия; как познающая Божественный Логос и Им познаваемая, она есть Невеста Сына <...> и вместе с этим <...> она же есть идеальная душа творения – красота» [5, с. 184-185]. «И все это вместе: Дочь и Невеста, Жена и Матерь, триединство Блага, Истины, Красоты, Св. Троица в мире, есть божественная София» [3, с. 213-214].

По мнению С.Н. Булгакова, цель развития государства достигается под руководством Софии как мировой души, которая занимает место между Богом и миром, сама же не являясь ни тем, ни другим. София действует как объединяющая (интегрирующая) сила, она сближается с сущностью Триединого Бога (усией), но не является его четвертой ипостасью. София является образом Божиим, божественной идеей всех идей, осуществленной как красота. Отношение Бога к божественной Софии есть любовь, она есть предмет любви Божией. Божественная София есть небесный первообраз (прототип) тварного человечества. Н.О. Лосский считает, что С.Н. Булгаков в своем учении о божественной Софии утверждает онтологическое тождество между Богом и миром. Но С.Н. Булгаков также вводит понятие сотворенной Софии, которая близка по

содержанию Софии божественной, олицетворяясь в человеческой личности. Итак, наличествует одна сверхвременная божественная София, а другая – София тварная, осуществляющаяся во времени. Отсюда понятны и наиболее яркие христологические парадоксы. Например, Христос спит в лодке и одновременно поддерживает Вселенную своим словом. По мнению С.Н. Булгакова, утверждение, что Бог сотворил мир из ничто, опровергает концепцию о всяком небожественном начале в творении, то есть Бог сотворил мир посредством Себя, из своей природы. Позитивное содержание мира тождественно божественному содержанию. И именно положительное содержание является основой и нормой каждого творения, которое всегда софийно. Бог управляет последующим развитием мира силой жизни и развития, которая есть сила Святого Духа в природе, природная милость жизни и творения, неотделимая от естественного мира.

В качестве метафизической основы развития государства С.Н. Булгаков рассматривает брак Агнца – Логоса (Христа) и Софии. Весь мир есть космическое тело Софии и Христа. Единство человечества восстанавливается новым Адамом – Христом (Логосом), который есть вечный небесный Человек, Сын Бога и Сын Человека. Человечество есть единый Адам Кадмон, возрожденный во Христе.

Иисус Христос есть всеорганизм, который объемлет в себе все в положительном всеединстве. Он сам присутствует в алчущих, в жаждущих, во всем страждущем человечестве. Мыслитель пытается дать теологическое изложение философского смысла Халкидонского догмата, согласно которому Иисус Христос есть совершенный Бог и совершенный человек [5, с. 550]. В лице Христа осуществлено неразрывное единение божественной и человеческой натур без смешения или чередования, объединено земное и небесное естества. Христос есть вторая ипостась Святой Троицы, которая посредством кенозиса прокладывает мост через пропасть, разделяющую божественный и сотворенный мир.

Это изначальное Богочеловечество делает возможным обожествление жизни, совмещение двух начал в человеке – свободное торжество божественного начала в свободном человеческом творчестве. Цель самоотрицания (кенозиса) Логоса – не просто искупление человечества от греха (сотериологический акт), а любовный жертвенный акт, в котором Творец человеческого бытия сам отвечает за последствия своего акта творения [5, с. 517]. Это есть возрождение и обожествление человека. Правда, это не попытка заменить Божество человеком и возвеличить этого человека как человекобога, которая может легко привести к превращению его в человекозверя [4]. С.Н. Булгаков следует святоотеческому учению о «теосисе» (обожении) плоти. Мир и человек обожаются по силе благодати, изливающейся в мировое лоно. Человек может быть Богом по благодати (по известному определению отцов Церкви). Итак, в жизни мира человеку отводится центральное место, потому что он сотворен в образе Божиим (луч собственной славы Бога). Человек – это личность, ипостась, однако его природа не может быть выражена никаким определением, потому что он носитель аспекта «несотворимости» духа [3, с. 277]: «И создал Господь Бог человека из праха земного и вдунул в лице его дыхание жизни; и стал человек душою живою» (Бытие 2:7). Бог дал жизнь сиянию своей славы и олицетворил его. Этот вечный акт Он завершает совместно с самой личностью. [3, с. 257]. Таким образом, человек – сотворенное и вместе с тем несотворенное существо. «Человек есть одновременно абсолютное в относительном и относительное в абсолютном» [3, с. 278]. В человеке как микрокосме можно найти все элементы мира. Вопреки дарвинизму, человек не произошел от низших видов, но сам имеет их в себе, человек в себе содержит всю программу творения, несет в себе отпечаток всей эволюции.

Основным понятием христианской метафизики является понятие воплощения. Своим переходом из вечности во временной процесс Бог объединяет себя с миром не только внешне, как Творец и Провидение, но и внутренне. Таким образом, воплощение является также внутренней основой творения, его конечной причиной [3, с. 196]. Красота есть откровение Третьей Ипостаси, Духа Святого. Все наши чувства имеют свою способность ощущать красоту: зрение, слух, обоняние, вкус, осязание. Жизнь в красоте у С.Н. Булгакова создается и достигается посредством искусства жизни, которое идеально соединяет искусство и хозяйство. Искусство жизни – это сочетание теургии и софиургии, т. е. совместное усилие Бога, нисходящего в мир, и человека, восходящего к Богу.

Философ также признает государственный и экономический прогресс необходимым условием духовного развития, но предостерегает от склонности заменять прогресс общечеловеческий и общекультурный одним лишь прогрессом экономическим. Воплощение – ключ к разрешению проблемы культа иконы. Все твари, а особенно человек, сотворены после образа Бога и являются по положительным свойствам живой иконой Божества. Следовательно, Христос в своей плоти принял свой собственный образ небесного Адама, свою икону [5, с. 157]. Здесь в учении С.Н. Булгакова проявляется конкретный идеализм. Ни материя, ни тело как носители чувственности не являются злом. Это же в полной мере относится и к первоначально сотворенному миру, который находится просто в состоянии детской незавершенности.

Перед миром стоит задача – актуализировать свой софийный характер. Уклонением от этого пути является зло – результат своеволия или заблуждения. Для такого бытия смерть является блаженством, а не величайшим бедствием. Потому что есть только актуальное понятие – вечность. Вечность как качественное, а не количественное понятие, выше грехов мира, не имеющих бытийной основы. Целостное отношение Бога к миру есть выражение его любви. Каждое творение является актом божественной жертвенной любви. Любовь и справедливость Творца безграничны и абсолютны. Христос принял на себя человеческие грехи в силу своей любви, не нарушая свободы человека. Милость – это дар и дается свободно, а не вынужденно. Она не обращает человека в объект творения, а убеждает, смягчает, возрождает, ведет к личному спасению. Этот путь может быть сложным, прерывистым и противоречивым. Рассматривая свое прошлое синтетически, человек начинает понимать смысл жизни, в процессе вечности времени преодолевает всякое зло в себе и заслуживает Царства Божьего. Таким образом, по мнению С.Н. Булгакова, вечного ада нет, ведь даже нехристиане получают свет Христа. Человек проходит через очистительный огонь («Апокалипсис Иоанна»). Вечный ад говорит о неудаче сотворения мира и невозможности теодицеи. Недолгий и ограниченный грех не наказывается вечными мучениями, которые в теологии есть «исправительным кодексом». «Тот факт, что мы сотворены всеведущим Богом, является онтологическим доказательством будущего спасения» [5, с. 95].

С.Н. Булгаков говорит, в том числе и в контексте дальнейшего развития государства, что окончательным результатом присутствия Христа в мире должна быть полная победа добра посредством «софийного детерминизма». На наш взгляд, В.Н. Лосский неправомерно видит в этом поглощение и упразднение свободы личности. Полное осуществление этой софийной природы в мире приведет, вопреки всем препятствиям, к Небесному Царствию, и в полноте времени «Бог будет всем во всем» (1Кор. 15:28). Таким образом, в конце концов божественная любовь побеждает грех и смерть, которых Бог не творил. С.Н. Булгаков видит исторический прогресс в реализации задачи религиозного долженствования, богочеловеческом процессе

преображения и воссоединения мира с Богом. Все это коренится в сознательной и действенной религиозной вере как особенности русского духа. «Цель истории ведет за историю, к «жизни будущего века», а цель мира ведет за мир, к «новой земле и новому небу»» [3, с. 410]. По мнению С.Н. Булгакова, конец истории – начало воскрешения человека и всей твари во Христе. Таким образом, свободу от соблазна и страдания человек может найти только в героизме крестного подвига смиренной любви, в общении со Всевышним, который есть Любовь [5, с. 329].

Философ пишет, что своим наличием заповедь любви уже свидетельствует, что природный человек, хотя и падший, способен к любви к Богу и ближнему, а, следовательно, от него требуются соответствующие усилия для ее исполнения, именно труд и подвиг любви. Присутствие этого постулата в природном человеке образует естественный базис для принятия благодатного дара любви, который дается не механическим актом некоего насилия над природным человеком, но с энергетическим соединением усилия человека навстречу дару Духа Святого. Действие Святого Духа выражается в возгорении благодатной любви, которое все возводит к высшей конкретности многообразия в многоединстве, цельности во множественности. С.Н. Булгаков считает, что всякая любовь содержит в себе жертвенный элемент самоотрицания, однако высшим аспектом любви является радость, блаженство, торжество. Они по-разному раскрываются. Например, в любви агапической осуществляется самовыражение: человек умирает в своем эгоизме, чтобы жить целым (государством, Церковью). Однако духовной любовью не исчерпываются все возможности любви, которая, соответственно составу человека, является духовно-телесным взаимодействием.

С.Н. Булгаков вместе с этим подчеркивает, что развитие государства, преобразование мира по образу Святой Троицы наличествует в недрах Церкви под живительным действием непрерывно струящейся в ней благодати таинств, в атмосфере молитвенного воодушевления [7]. Дар любви достигается «путем совершенным», «деланием заповедей» и подается в ответ на искание его. С.Н. Булгаков видит идеальную Церковь творящей, растущей и развивающейся. Церковь призвана как хранить священное предание, так и творить в процессе совершенствования подлинную христианскую культуру, охватывающую все аспекты жизни. Таким образом, в двойственном характере любви церковной, как любви агапической или эротической, проявляется антиномическая двойственность жизненного пути, как аскезы и творчества, покаянного смирения и творческого вдохновения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алонцева Д.В. Государственно-правовые взгляды С.Н. Булгакова : монография / Д.В. Алонцева. – Москва: Проспект, 2019. – 144 с.
2. Булгаков С.Н. Православие. Очерки учения православной церкви / С.Н. Булгаков. – М.: Терра, 1991. – 415 с.
3. Булгаков С.Н. Свет невечерний: созерцания и умозрения / С.Н. Булгаков. – М.: Сергиев Посад, 1917. – 425 с.
4. Булгаков С.Н. Человекобог и человекозверь (По поводу посмертных произведений Л.Н. Толстого «Дьявол» и «О. Сергей»). Комментарии И.Б. Роднянской // Лики культуры: Альманах. Том первый / С.Н. Булгаков. – М.: Юрист, 1995. – 527 с.
5. Зандер Л.А. Бог и мир: мирозерцание отца Сергия Булгакова. В 2 т. / Л.А. Зандер. – Париж: Умса-press, 1948. – 863 с.
6. Лосский Н.О. Бог и мировое зло / Н.О. Лосский. – М.: Республика, 1994. – 432 с.
7. Шестаков В.П. Эрос и культура : Философия любви и европейское искусство / В.П. Шестаков. – М.: Республика, 1999. – 464 с.

Поступила в редакцию 21.09.2020 г.

**THE CONCEPT OF THE STATE AND THE CHURCH IN THE WORKS OF SERGEI BULGAKOV:
PROBLEM STATEMENT**

A.A. Mirgorodskiy

The article raises the problem of harmonious interaction between the state and the Church in the work of the famous Russian thinker Sergei Bulgakov. For S.N. Bulgakov, the history of mankind is a process of gradual return of mankind to God, and the goal of development is God-manhood. In this system, the state is a temporary phenomenon that has developed historically and should follow the path of development of the Christian Church.

Key words: state, law, Sofia, creativity, church.

Миргородский Андрей Александрович

Кандидат философских наук,
доцент кафедры социально-философских
и психолого-педагогических дисциплин
ГОО ВПО «Донецкая академия внутренних дел
МВД ДНР».
E-mail: Mirgorodskiy87@mail.ru

Mirgorodskiy Andrei Aleksandrovich

Candidate of philosophical Sciences,
Associate Professor of social-philosophical
and psychological-pedagogical disciplines,
The Donetsk Academy of internal Affairs
E-mail: Mirgorodskiy87@mail.ru

УДК 001(165.9)

КАРТИНА МИРА: МИРОВОЗЗРЕНИЕ, ЯЗЫКОВАЯ ИГРА, МИФОЛОГИЯ

© 2020. С.Ю. Пчелкина

ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет»

В статье рассматривается смысловая взаимосвязь понятия картины мира с понятиями мировоззрения, языковой игры и мифологии. На основе анализа учения Л. Витгенштейна о картине мира обозначена отличительная черта картины мира как мировоззрения. Картина мира есть мировоззрение, образованное на основе языковой игры. Определение картины мира как продукта «языковой игры» указывает на парадоксальную связь научного познания и мифологического мышления.

Ключевые слова: Л. Витгенштейн, картина мира, мировоззрение, язык, миф, культура.

Говоря о картине мира, в первую очередь вспоминают, конечно, картину мира, которую рисует наука. Однако есть повод задаться вопросом: действительно ли наука рисует какую-либо картину мира вообще? Никто не сомневается в том, что какая-то картина мира есть у физика или другого ученого, как, впрочем, и у всякого разумного человека. Но если наука начнет создавать картину мира, то чем она в этом случае будет отличаться от мировоззрения в целом, и, в частности, от мифологии как его отдельного типа? Л. Витгенштейн задал такое направление в осмыслении данного вопроса, которое подводит под весьма парадоксальные выводы, содержащиеся в исследованиях философов XX века.

В нашем исследовании мы задались целью обозначить эту смысловую парадоксальность взаимосвязей категорий картины мира, мировоззрения, языковой игры и мифологии.

Автором понятия «картина мира» является австрийский философ Людвиг Витгенштейн, который ввел его в работе «О достоверности»: «...я обрел свою картину мира не путем подтверждений ее правильности, и придерживаясь этой картины я тоже не потому, что убедился в ее корректности. Вовсе нет: это унаследованный опыт, отталкиваясь от которого я различаю истинное и ложное» [3, с. 335]. Если обратиться к современным словарным определениям картины мира, в которых смысл понятия «картины мира» обрел более или менее чеканную формулировку, то зафиксируем следующее обстоятельство. Зачастую в дефинициях используются такие формулировки, как – «целостная», «исторический», «формируется в обществе», «мировоззренческая установка», «способ восприятия мира», «унаследованный опыт», «различение истинного и ложного». Приведем два примера:

1. «Картина мира – целостный образ мира, имеющий исторически обусловленный характер; формируется в обществе в рамках исходных мировоззренческих установок. Являясь необходимым моментом жизнедеятельности индивида, картина мира обуславливает специфический способ восприятия мира» [7, с. 183-184].

2. «Картина мира – это более или менее целостная, ценностно-значимая совокупность обобщенных представлений об окружающей действительности» [6, с. 6].

Можно ли смоделировать некий образец для понимания смысла данного понятия? На наш взгляд, у картины мира как понятия есть определенные дефинитивные проблемы. Дело в том, что под подобные определения подпадает множество понятий, и самое первое из них – «мировоззрение». Мировоззрение – это

форма целостного восприятия и понимания мира со всеми остальными чертами, отмеченными, выделенными нами из определения «картины мира». Но появление любого понятия, которое вошло в широкое употребление, всегда неслучайно и всегда что-то значит. Можно сказать, что мировоззрение обозначает нечто одно, а картина мира – нечто другое? Мы затрудняемся дать строгий ответ на данный вопрос, и предлагаем видеть в мировоззрении целостное восприятие мира, сформированное как чувствами, так и мышлением.

Если понятие картины мира относится к понятию мировоззрения, значит, данному понятию приписывается то же самое значение. Картина мира, так же как и мировоззрение, обозначает способность человека к формированию единства и целостности мира. В этом и состоит предназначение картины мира как формы мировоззрения. Но как у мировоззрения у картины мира должна быть своя смысловая позиция, которую, на наш взгляд, убедительно выразил польский логик и философ XX века Казимир Айдукевич в работе «Картина мира и понятийный аппарат»: «Между пониманием познания у Канта и нашим существует еще одно существенное различие, которое мы здесь обозначим только в образной форме. У Канта в состав картины мира, которая рисуется в нашем познании, входят данные впечатлений, сформированные чистыми формами воображения и категориями. Данные впечатления создают, так сказать, краски, которыми рисуется картина мира по шаблонам воображения и категорий. Картина мира, которая, по нашему мнению, является продуктом познавательной деятельности, не является цветной картиной, если красками считать данные впечатлений. В ту картину мира, которую мы имеем в виду, складываются только значения выражений, а те не охватывают вообще данных впечатлений. Эта картина конструируется только из абстрактных элементов. Роль данных впечатлений заключается только в том, что они после уже совершенного выбора понятийного аппарата определяют, какие из элементов, содержащихся в этом аппарате, должны войти в картину мира» [1].

Л. Витгенштейн указывает на ряд интересных обстоятельств, когда в работе «О достоверности» пытается анализировать картину мира. Главная, с нашей точки зрения, мысль, которую мы извлекли из данного текста, состоит примерно в следующем: картина мира – это «субъективная достоверность», образованная суждениями о том, что человек знает. Здесь внимание надо обратить на слова «суждения» и «знает». Что стоит за ними? Витгенштейн пишет: «Не хочу ли я тем самым сказать, что уверенность заложена в сущности данной языковой игры?» Ответ дается всем содержанием его работы, который состоит в идее, что картина мира образуется на основе принятой в обществе системы суждений как об отдельных элементах мира (почему горит электрическая лампочка), так и об его устройстве в целом (что такое электромагнитное поле Земли). Эта система суждений воспринимается человеком как «знания», т.е. как то, чему можно доверять и на что можно полностью полагаться. При этом, как тонко подмечает Витгенштейн, «...если я говорю кому-то: «Я знаю, что это – дерево, то понимать меня надо так: «Это – дерево; ты можешь абсолютно на это положиться; здесь нет никакого сомнения» [3, с. 374]. Можно сказать: ну конечно, ведь это в любой момент можно проверить опытом, ведь знание – это то, что проверяется опытом. Посмотрим, как на это отвечает Витгенштейн: «Ну а учит ли опыт тому, что люди при таких-то обстоятельствах знают то-то? Опыт, разумеется, показывает, что обычно человек через несколько дней ориентируется в доме, где живет. Или даже опыт учит нас тому, что суждению человека, который прошел такое-то обучение, следует доверять» [3, с. 374]. Но, заметим уже от себя, когда мы говорим, что опыт показывает,

говорим ли мы о своем опыте, который, кстати, должен устанавливаться каждый раз, когда мы собираемся нечто утверждать? Так из чего мы исходим, когда говорим или думаем, что «знаем»?

Открытием Витгенштейна, которое произвело переворот в философии, и в особенности в философии науки, состоит в том, что наше знание есть не опытное знание, т.е. знание, полученное не на своем чувственном опыте, наши знания – это принятые суждения о чем-либо, то, что Витгенштейн определяет в качестве «языковой игры». «Языковая игра» – еще одно понятие, которым австрийский философ обогатил философский словарь вместе с понятием «картины мира». Наше знание, которое, мы уверены, которое называется «научным, т.е. доказанным опытным путем», является знанием, полученным из опыта языка. Ведь мы же не ставили опыты и даже не присутствовали, когда эти опыты проводил кто-то другой. Так откуда мы нечто знаем? Мы это знаем из языка, из имеющейся в обществе системы суждений. Опыт, безусловно, когда-то и кем-то проводился, но процедура опыта всегда сопровождается обобщением, которое осуществляется на понятийном, т.е. словесном, языковом уровне. «Человек, – пишет Витгенштейн, – часто бывает околдован словом. Например, словом «знать»: «Если ты знаешь, – пишет Витгенштейн, – что вот это рука, то это потянет за собой и все прочее» [3, с. 321].

Если собрать вместе замечания о картине мира из книги Л. Витгенштейна «О достоверности», то их можно представить в виде нескольких тезисов, посредством которых можно выразить механизм складывания картины мира в сознании человека. Итак, согласно Л. Витгенштейну, картина мира это:

1. Картина мира – это утверждение о действительности с высокой степенью уверенности в том, что действительность такова, как я о ней утверждаю.
2. Это уверенность в действительности основывается на таком отношении личности к действительности, которая выражается в формулировке: «Я знаю».
3. Утверждение: «Я знаю» тождественно тому, что «Я вижу», т.е. чувственно данному.
4. Ориентация на чувственное становится правилом отношения к действительности, само правило при этом само по себе не осознается.
5. Правило быть уверенным в действительности, основываясь на формуле: «Я знаю», усваивается не путем подтверждения ее правильности – это унаследованный опыт, который осваивается практически сам собой через усвоение языка.

Картина мира – это рациональная или образно-рациональная реконструкция, а вернее – конструкция мира, которая к реальному миру имеет очень опосредованное отношение. Можно сказать определенно, что картина мира отражает не мир, как он есть на самом деле, а схему человеческого познания мира. Об этом можно судить на основе тех черт картины мира, по наличию которых можно говорить о том, является ли то или иное мировоззрение картиной мира или не является.

Специфические признаки картины мира

1. Целостность: картина мира есть система, совокупность основополагающих признаков природного существования.
2. Схематическая (геометрическая) образность: картина мира складывается на стыке рационально-абстрактного мышления и воображения.
3. Историчность: картина мира меняется в зависимости от новых познавательных открытий в отношении основных условий человеческого существования.
4. Социальность: картина мира есть продукт не одного человека, а сообщества, состоящего как из ученых, так и из просвещенных людей, сознательно стремящихся к познанию мира.

5. Осмысленность: картина мира есть общее представление об устройстве мира, которое формируется через выделение главного из всей совокупности познавательных данных.

6. Этичность: картина мира дает целевую установку на взаимодействие человека с окружающим миром в соответствии с его основными законами, под которыми понимаются законы познания.

7. Реалистичность: картина мира нацеливает на опытное познание мира, т.е. на такое познание, которое можно подтвердить зримыми способами.

8. Дискурсивность: картина мира складывается на понятийной основе и существует в форме языковых высказываний, суждений.

9. Идеальность: картина мира есть объект, который воспринимается только мыслящим существом, владеющим определенным понятийным аппаратом и способным с его помощью создавать в своем мышлении схематические представления о мире.

Немецкий философ XX века Мартин Хайдеггер в работе «Время картины мира» представил интересное объяснение происхождения научной картины мира. Согласно высказанным в этой работе мыслям появление картины мира в сознании европейского человека стало возможным только тогда, когда человек стал смотреть на мир как на собрание предметов, вещей, смотря на которые человек, как художник, формирует некое единство, ну скажем, по принципу композиции. Вот как сам Хайдеггер об этом пишет: «При слове «картина» мы думаем, прежде всего, об изображении чего-то. Картина мира, однако, говорит о большем. Мы подразумеваем тут сам мир, его сущее в целом, как оно является определяющим и обязывающим для нас... “Мы составили себе картину чего-то” значит не только, что сущее у нас вообще как-то представлено, а еще и то, что оно предстало нам во всем, что ему присуще и его составляет как система. В этом «составить картину» звучит компетентность, оснащенность, целенаправленность. Где мир становится картиной, там к сущему в целом приступают как к тому, на что человек нацелен и что он, поэтому хочет соответственно преподнести себе, иметь перед собой и тем самым в решительном смысле представить перед собой» [8, с. 49].

Научная картина мира, сам факт ее появления, обусловлена исторически. Научная картина мира – это определенный тип мировоззрения, который сложился по причине духовного движения европейского человека от христианского религиозного мироощущения, которое было проникнуто незримым, но реальным присутствием Бога, к мироощущению. И, в конечном итоге, приведшем к сложению такого типа мировоззрения, которое будет называться «научной картиной мира».

Немецкий философ и богослов XX века Романо Гвардини в книге «Конец Нового времени» показывает парадокс, на котором основывается мировоззрение Нового времени: «Новое время стремится вытащить человека из центра бытия. Для этой эпохи человек не ходит больше под взором Бога, со всех сторон обнимающего мир; человек теперь автономен, волен делать, что хочет, и идти, куда вздумается, – но и венцом творения он уже больше не является, став лишь одной из частей мироздания. Новое время, с одной стороны, возвышает человека – за счет Бога, против Бога; с другой стороны, с геростратовской радостью, оно делает человека частью природы, не отличающейся в принципе от животного и растения. Обе стороны взаимосвязаны и неотделимы от общего изменения картины мира» [5, с. 262]. Таким образом, научная картина мира основывается на двойном понимании мира и человека. Мир понимается только лишь как природа, в которой соединены функции творения и творца, вещи и закона вещей. (С логической точки зрения это невозможно.) Человек понимается

одновременно и как объект, и как субъект, так что, с одной стороны, он видит себя с вещной стороны – как природное творение, а с другой – выделяет себя из природного мира тогда, когда познает его законы.

Л. Витгенштейн в книге «Культура и ценность» пишет: «Человек – и, возможно, народы – должен пробудиться для удивления. Наука же – это средство, чтобы вновь усыпить его» [4, с. 417]. Какое противоречие науки выражено в этих двух цитатах одного и того же философа, взятые из одной и той же работы? На наш взгляд, противоречие заключается в самом человеке, который породил науку, исходя из стремления к познанию, и как только наука стала приносить свои ощутимые плоды, она вдруг стала основой новой мифологии. Другими словами, современная философская критика науки связана с тем, что в науке наряду с действительно объективными знаниями о реальности окружающего мира содержатся мифы. «Мифы подпитывают религию, психологию, искусство, здравый смысл. Вероятно, не исчерпан еще и их гносеологический потенциал, который особенно проявляется в периоды смены научных картин мира и парадигм научного мышления, рождения новых научных идей и невероятных гипотез» [8, с. 194]. В ряду этих мыслей обращает свое внимание книга *David K. Naugle. Worldview: The History of a Concept*, вышедшая в 2002 г., в которой современный теолог Дэвид Наугл анализирует понятие *Worldview* (которое в английском языке означает одновременно и «мировоззрение» и «картину мира»), соотнося его и с христианским вероучением, и с сциентизмом [9].

Таким образом, картина мира – это целостное понимание мира, основанное на определенной схеме познания, которая, в свою очередь, конституируется языком. В отличие от «просто мировоззрения» картина мира составляется субъектом, который посредством языка рационально-осмысленно определяет ее. Но в дальнейшем картина мира подлечит процессам мифологизации и догматизации, превращаясь в «объект веры». Мифологический аспект, имплицитно присутствующий в картине мира, смягчает противопоставление научного познания до- и вненаучным формам человеческого познания – в этом видится эпистемологическое значение установленной связи картины мира с мифологией на основе учения Л. Витгенштейна о «языковой игре».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айдукевич К. Картина мира и понятийный аппарат // Философии науки. Вып. 2: Гносеологические и методологические проблемы. – М.: ИФ РАН, 1996. – С. 231–253.
2. Аتمانских Е.А., Рыбченко Т.В. Наука и мифология // Инновации в современной науке. Материалы XII Международного весеннего симпозиума: Сборник научных трудов. Центр научной мысли. – М.: Перо, 2016. – С. 191–194.
3. Витгенштейн Л. О достоверности / Л. Витгенштейн // Философские работы. Часть 1. / Пер. с нем. Козловой М. С., Асевой Ю. А. – М.: Гнозис, 1992. – С. 321–406.
4. Витгенштейн Л. Культура и ценность / Л. Витгенштейн // Философские работы. – Ч. 1. – С. 407–492.
5. Гвардини Р. Конец Нового времени // Феномен человека: Антология / Перевод с нем. Т.Ю. Бородай – М.: Высшая школа, 1993. – С. 240–296.
6. Каменев С. В. Европейская наука: от расцвета – к новому рождению: Пособие для учителей и учащихся старших классов. – Владивосток: Изд-во ППИПКРО, 2005. – 128 с.
7. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. – 6-е изд. перераб. и доп. – М.: Политиздат, 1991. – 560 с.
8. Хайдеггер М. Время картины мира // Хайдеггер М. Время и бытие / Пер. с нем. В. В. Бибихина. – М.: Республика, 1993. – С. 41–62.
9. David K. Naugle. *Worldview: The History of a Concept* – William B. Eerdmans Publishing Company Grand Rapids, Michigan / Cambridge, U.K., 2002. – xxii + 384 p.

Поступила в редакцию 10.09.2020 г

PICTURE OF THE WORLD: WORLDVIEW, LANGUAGE GAME, MYTHOLOGY

S. Yu. Pchelkina

The article discusses the semantic relationship of the concept of a picture of the world with the concepts of worldview, language game and mythology. L. Wittgenstein, introducing this concept into the philosophical vocabulary, created a kind of alternative to the concept of worldview. The concept of worldview focuses on the integrity of the presentation. The concept of a picture of the world in a certain sense is identical to a worldview. But there are certain semantic differences associated with the fact that the picture of the world is a product of a “language game”. At the present stage, there have been tendencies to consider the concept of a picture of the world in the context of the concept of mythology.

Key words: L. Wittgenstein, picture of the world, worldview, language, myth, culture.

Пчелкина Светлана Юрьевна

Кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии и религиоведения
ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный
университет».
E-mail: greet.svet@mail.ru

Pchelkina Svetlana Yurievna

Candidate of Philosophy, Associate Professor
Associate Professor of the Department of Philosophy
and Religious Studies,
Far Eastern Federal University
E-mail: greet.svet@mail.ru

УДК 130.2+101.1

К ВОПРОСУ О СЕМАНТИКЕ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ПОНЯТИЯ «МОДЕРНИЗМ»: ОПЫТ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ЭКСПЛИКАЦИИ НА ОСНОВЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОДХОДА

© 2020. *И.Г. Сухина*

ГО ВПО «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского»

Статья посвящена философскому концептуализированному анализу и экспликации сложной многозначной семантики культурологического понятия «модернизм» на основе исторического подхода к рассмотрению становления и основных этапов развертывания культуры инновационного типа. Показано, что инициированный инновационной культурой процесс модернизации оказал решающее влияние на изменение культурно-исторического развития человечества и сформировал современный цивилизационный миропорядок. Также показано, что современная глобализация производна от модернизации, имеет в ней реальное культурно-цивилизационное основание. Исходя из этого семантика понятия «модернизм» раскрывается с позиции модернизации и ее исторических цивилизационных порождений в виде индустриального общества и индустриальной культуры. Предполагается закономерность этимологического родства понятий «модерн», «модернизм», «модернизация».

Ключевые слова: культура, инновационная культура, исторический, креативный, модернизм, модернизация, цивилизация, новация, глобализация.

Лежащая в основе цивилизационной современности, инициировавшая модернизацию креативистская культура инновационного типа являет собой очевидно актуальную предметную сферу культурфилософского знания, с понятийно-категориальной его оснащённостью. И здесь на переднем плане – культурологическое понятие «модернизм», обладающее выраженной концептуальной семантикой, философская экспликация которой выступает *целью* данной статьи.

К культурфилософской/культурологической теме модернизма, в силу ее актуальности обращались многие современные философы и культурологи. Среди российских исследователей, концептуально – в культурфилософском плане разрабатывавших эту тему, следует отметить М. Кагана и И. Докучаева. Среди зарубежных исследователей в данном исследовательском контексте следует отметить немецкого философа Ю. Хабермаса. Эта тема, особенно с учетом глобального влияния культурогенных интенций инновационной культуры, требует своих дальнейших исследований и разработок, неизбежно предполагающих философскую экспликацию культурологического концепта «модернизм». *«Модернизм впервые в истории сделал новизну самоцелью и призвал оценивать ее по мере оригинальности, невиданности создаваемого, независимо ни от чего другого»* (Моисей Каган [6, с. 227]).

С переходом, начиная с эпохи Возрождения и в эпоху Нового времени в Европе культурно-исторического процесса от традиционной – к инновационной культуре, в его русле развертывается процесс модернизации (фр. *moderne* – современный) культуры и общества, социокультурной жизни в целом, который привел к становлению современной цивилизационной реальности в виде развитого индустриального общества и массовой культуры.

В своих основополагающих признаках культура инновационного типа сложилась как новоевропейская («фаустовская», по О.Шпенглеру) культура XVII–XIX вв., и в

полной мере проявила свой креативный демиургический потенциал в западной культуре и цивилизации Новейшего времени – эпохи НТР и глобализации культурогенного влияния, выявила безграничность преобразующих, модернизационных возможностей культурной инноватики.

Инновационная (лат. *inovatio* – нововведение) культура и стадия культурно-исторического процесса, охватывающая, как вторая – следующая за традиционной его фаза, согласно типологии российского философа М.Кагана [7, с. 357-401], европейскую (западную) культуру эпохи Возрождения, Нового и Новейшего времени в ее влиянии на развитие мировой культуры и современную культурную ситуацию. Каган номинирует инновационную культуру креативной [7, с. 357], отмечая, что во главу угла она поставила созидание вещей [7, с. 365], т.е. предметную деятельность.

Среди креативных культурно-исторических типов российский философ И.Докучаев выделил культуру эпохи Возрождения, Классицизма, Барокко, Просвещения, Романтизма, Позитивизма, Модернизма, Постмодернизма [3, с. 453-586]. М.Каган указал на то, что XVII в. начал историю креативной культуры (инновационного типа) и основные этапы ее последующей истории, определяющие ее развитие, приходятся на XVIII–XX вв.; среди таковых он выделил Просвещение, Романтизм, Позитивизм, Модернизм и Постмодернизм как загадочное и неопределенное движение [7, с. 362-363]. Эти этапы представляются именно как типы культуры, а не только искусства.

Саму креативную культуру инновационного типа можно определить как «...культуру деятельности, мотивируемой новаторскими ценностными установками, и связанной с использующим необходимые знания, умения и опыт целенаправленным, комплексным внедрением, освоением и эффективным функциональным использованием культурных инноваций в различных областях культурогенной деятельности как ее ведущего фактора» [10, с. 302]. Ее сущность, раскрывающаяся в культурно-историческом процессе – это «...культурогенная экспансия как устремленное в перспективу будущего, высоко-динамичное инновационное развитие, ... отличающееся безграничной... преобразовательной активностью человека» [10, с. 302].

Культурную новацию (лат. *novatio* – изменение, обновление) можно определить как создание новых артефактов, как конструктивное изменение или качественно новое дополнение к ним, воплощающееся в самой деятельности или в ее конечных продуктах, то есть артефактах, их свойствах. Под культурной инноватикой следует понимать новации, порождаемые, прежде всего, внутренними причинами социокультурного саморазвития сообществ и инициативным творчеством отдельных авторов [11, с. 267].

Значение креативной/инновационной культуры в выработке нового – креативного типа культурного сознания, и новый – инновационный тип культуротворчества, с соответствующими этому культурными кодами, инспирирующими инновационное мышление и мироотношение, свободу персонифицированного самовыражения, и т.п., интерференция которых привела к формированию нового типа культурогенной субъектности. Именно такая субъектность инициировала модернизацию, изменившую мир и приведшую к современной цивилизации и (цивилизационному) миропорядку.

Революционная модернизация культуры и общества, связанная с технико-технологическим прогрессом на научной основе, стала адекватным и закономерным интегральным выражением интенций (европейской/западной) культуры инновационного типа, ее креативного духа инноваторства. «Главным внешним отличием инновационного типа, отмечает российский философ Л. Баева, становится

невиданная ранее быстрая динамика развития, сопряженная с духом инноваторства, творчества и созидания» [1, с. 120].

Модернизацию можно представить как культурно-исторический процесс перехода от традиционной к инновационной культуре и связанный с ним процесс перехода от традиционного к современному обществу, а также весь комплекс способствующих этому культурных инноваций, особенно – научно-технического плана, как креативного механизма модернизации.

Принимая во внимание влияние культурной инноватики на систему общественного производства, особенно – в материально-технологическом ее аспекте, как важнейшего социокультурного сегмента праксеологической сублимации креативного потенциала новаций научно-технического плана, процесс модернизации хронологически можно представить так [10, с. 320]:

- первый этап модернизации – с 60-х гг. XVIII века – XIX век – первая половина XX века механизация производственных процессов/производства, индустриализация, становление и утверждение индустриального общества;

- второй этап модернизации – автоматизация производственных процессов и формирование в 50–60-х гг. XX века развитого индустриального общества;

- третий этап модернизации – информатизация производства и управления, и становление в 70–80-х гг. XX века постиндустриального общества «высоких технологий» с тенденцией его трансформации в информационное общество.

Развертывание процесса модернизации привело к тому, что в ареале западной инновационной культуры/цивилизации произошел переход к новому типу социокультурной реальности – развитому индустриальному и постиндустриальному обществу, как аналогов современного общества (англ. *modern society*); наиболее распространенным и показательным аналогом социокультурного модерна является (развитое) индустриальное общество.

Если скорректировать понимание модернизации как макропроцесса перехода от традиционного к индустриальному (модерному) обществу на основе культурной инноватики, то, учитывая, что его становление в ведущих странах Европы и в США произошло во второй половине XIX в., а формирование его развитой формы – в первой половине XX в., а также, что во второй половине XIX в. сформировалась культура индустриального типа, следует отметить, что ее ярким и показательным отражением явилось такое идейно-художественное движение, которое получило номинацию модернизм, и в своих идейно-мировоззренческих контурах стало репрезентативным для западной (инновационной) культуры и цивилизации первой половины XX в.

В качестве масштабного идейно-художественного движения модернизм возник на рубеже XIX–XX вв. в ряде европейских стран (Франции, Бельгии, Германии, Италии и др.), и позднее распространился в США, Японии и др. странах, – даже на территории Северной Африки. Географический диапазон распространения был обозначен тем, что он презентировал модернизацию и отразил воззрения людей, связывавших с ней свои социальные интересы.

Модернизм радикально противопоставил себя традиционализму как новое искусство современности и эстетическая программа с ним связанная. Его условными хронологическими рамками можно считать период с 1907 г. (возникновение кубизма) – по 60-е гг. XX века (начало постмодернизма).

Модернизм ярко проявился, прежде всего, в живописи, архитектуре и декоративно-прикладном искусстве. Несмотря на эклектичность, он обладает рядом типичных признаков: 1) подчеркнуто инновационным характером (отличается активным поиском

и апробацией новых изобразительных приемов, поэтому его понимают как авангард, т.е. весь комплекс авангардных явлений в культуре первой половины XX века); 2) отказом от следования реализму натуры в искусстве; 3) игнорированием грани между объективной и виртуальной реальностью; 4) программным призывом к утверждению нового – культурно-инновационного качества сознания именно как адекватного современности миропонимания и мироотношения [9, с. 366-367].

Среди основных мировоззренчески – и стилистически – выраженных, влиятельных (авангардистских) художественных течений модернизма можно выделить следующие показательные здесь примеры [2, с. 24-84]:

- кубизм (фр. cube – куб) – течение, характерными особенностями которого стали: конструирование объемной формы на плоскости, использование простых и четких геометрических форм – куба, конуса, цилиндра;

- фовизм (фр. fauve – дикий) – течение, которому присущи: направленность на эмоциональность в художественном изображении мира, подчеркнутая стихийность ритма, крайняя интенсивность цвета, упрощенность форм;

- футуризм (лат. futurum – будущее) – течение, выражающее стремление к художественному воспроизведению динамизма современного мира;

- экспрессионизм (лат. expressio – выражение) – течение, провозгласившее единственной реальностью внутренний ментальный мир человеческой субъективности, а его выражение – главной целью искусства;

- абстракционизм (лат. abstractio – отстраненность) – течение, в котором изображение предметов заменяется свободной игрой цветов, линий и форм;

- супрематизм (лат. supremus – высший) – течение, стремившееся выразить высшее, «чистое», независимое от материи бытие, оперируя чистым цветом и плоскостными геометрическими формами;

- дадаизм (фр. dada – детский лепет) – эпатажное течение, которое окарικатурирует мир, игнорирует традиции и использует принцип случайной организации композиций произведений, с привлечением бытовых предметов;

- сюрреализм (фр. surrealisme – сверхреализм) – течение, связанное с изображением «свободных ассоциаций» человеческого воображения;

- поп-арт (англ. popular art – популярное искусство) – течение, элиминирующее границу между искусством и реальностью; искусством в поп-арте может стать все: от фотографий до консервных банок и т.п.

Модернистские течения, в русле которых были открыты и освоены многие новые художественные средства: коллаж, ассоциативный монтаж, «поток сознания» и др., отобразили специфику инновационного поиска и умонастроений, связанных с процессом модернизации культуры и общества. Культурная инноватика обрела в них свое символическое выражение.

В эстетическом и художественно-творческом плане модернизм указывает на относительность всех форм в искусстве, на то, что отказ от традиционных форм может быть продуктивным, и постоянно создаваемые и модифицируемые новые формы более адекватно воплощают креативный дух инноваторства. Для него свойственно экспериментальное формотворчество, противопоставленное фиксированным, гармонически выверенным, глубоко эстетизированным формам классического искусства. «Исходным и определяющим для понимания Модернизма, как отмечал М.Каган, является зафиксированное в самом его названии утверждение новизны главной целью творчества и, соответственно, главным критерием ценности его плодов. Ничего подобного история мировой культуры еще не знала...» [6, с. 226-227].

В мировоззренческом плане модернизм (модернистская картина мира) выражает идеи изменчивости, текучести, «пластичности» действительности, ее податливости на преобразующие воздействия культурной инноватики.

Вместе с тем модернизм – это отнюдь не только совокупность определенных художественных течений и эстетических представлений. Это – целый культурный комплекс, соответствующий этапу исторической зрелости инновационной культуры и модернизации, воплощающий ее достижения. Доминантой этого комплекса, его базисом явилась индустриальная культура. Понятие модернизм (лат. *modernus* – современный), как отмечал М.Каган, обозначает тип культуры, а не одного искусства [7, с. 371]. Это понятие, по его словам, обозначает стремление быть «новым», «современным», что стало главным творческим импульсом этого исторического типа культуры, стимулируемым потребностями доминирующих в ней науки и техники, в которых новизна обладает абсолютной ценностью, обеспечивая прогресс познания и технологического совершенствования производства [7, с. 371]. Понятие «модернизм» обладает сложной, многозначной семантикой (греч. *semantikos* – обозначающий), если понимать под этим отношение логически адекватных структур языка к обозначаемой ими предметной сфере и выражаемому содержанию, и в данном случае эта семантика концептуальна.

Индустриальная культура второй половины XIX – первой половины XX вв. явила пример сформировавшейся и исторически зрелой инновационной культуры, базирующейся на индустриальных технологиях, ориентированной на системное внедрение в социокультурную практику инноваций (прежде всего – научно-технических), способствующих изменениям и достижению потребного социального эффекта (прежде всего – экономического роста и материального благосостояния). Для этой культуры, как ни для никакой другой до этого в истории, оказалась присуща демиургическая установка на радикальное инновационное преобразование общества и природной среды.

Культура индустриального типа – культура новой, инновационно-активной социальной субъектности. Она, согласно утверждению российского культуролога А. Флиера, «... по существу является культурой всех городских производителей (от банкиров до учителей), потомков первых ремесленников древнего мира» [11, с. 176]. Подготовленная Ренессансом и Реформацией Новая эпоха – эпоха Нового времени в Европе, и особенно – Просвещение, согласно словам Флиера, «...породила тип высоко автономной личности – свободного производителя, конкурентоспособного индивида, открыто продающего свой труд и талант на рынке с едиными для всех правилами. В этом основной принцип культуры индустриального типа» [11, с. 176].

В Европе эпохи Нового времени в процессе и результате модернизации была создана индустриальная система, которая распространилась по всему цивилизованному миру, и изменила мир самым радикальным образом.

Историческим продуктом культуры индустриального типа явилась современная массовая культура – «...культура типизированных стандартов массового производства и потребления, унифицированных культурных благ, рассчитанных на «усредненный» слой общества и предполагающих... консьюмеристские ценности и мироотношение» [10, с. 341]. Термин «массовая культура» означает, прежде всего, особенности массового производства и тиражирования культурных форм и образцов в модернизированном обществе, поэтому его синонимами являются: «индустрия культуры» или «культуриндустрия», «коммерческая культура», и попросту – «масскульт».

Культура индустриального типа как соответствующая эпохе модерна, и выступающая определенной вехой процесса модернизации, историческая модификация инновационной культуры, ее модальность, прочно утвердилась в западном социокультурном мире, и вместе с тем обнаружила тенденцию к распространению в мировом масштабе. Являясь историческим этапом, фазой развития новоевропейской инновационной культуры, она ознаменовала становление индустриального общества и мировой системы индустриального капитализма; если в терминах миросистемного подхода И. Валлерстайна – окончательное становление современной (капиталистической) мир-системы.

В ходе развертывания модернизации капитализм вышел за пределы Европы, что было началом глобального распространения достижений и тенденций новоевропейской культуры. В социально-экономическом плане «складывание мировой системы капиталистического хозяйства, мирового рынка охватило оба полушария, стало всеохватывающим и более однородным. Шел процесс превращения истории во всемирную историю, формирования мировой культуры как целого, как единства многообразия – национальных культур, художественных школ и т.д. В этот процесс постепенно включаются и традиционные общества, придавая особый колорит проблеме диалога культур» [5, с. 372-373]. Бывшая британская колония – США показали всему миру возможности и перспективы ускоренных темпов социально-экономического развития ранее зависимых народов, ставших, минуя феодализм, на путь индустриального капитализма, путь модернизации.

Переход к всемирной истории в ходе инициированного Европой Нового времени процесса модернизации общества и культуры на научно-технической, социально-экономической и либерально-демократической основах привел к вовлечению обществ и культур во всемирный цивилизационный процесс, контуры которого отчетливо проявились в XIX веке, в связи со становлением нового – индустриального общества и культуры индустриального типа.

Уже в первой половине XIX века на основании достижений научной революции и научно-технического прогресса обозначился социально-экономический прогресс модернизирующегося европейского общества, что привело к возникновению (промышленный переворот, первоначально в Англии – с 60-х гг. XVIII в.) феномена индустриализма. Сформировавшееся примерно в середине XIX века индустриальное общество (классический пример – Англия) характеризовалось: 1) сменой мануфактуры фабрикой; 2) механизацией производства и переходом от ручного труда – к машинному; 3) развитием промышленности; 4) началом развития тяжелого машиностроения; 5) урбанизацией; 6) становлением новых – «инновационных» социальных классов – буржуазии (предпринимателей) и рабочих (наемных рабочих); 7) эксплуатацией природных ресурсов [12, с. 461-478, 570-578].

С интенсификацией НТП, ростом его системного социального влияния и модернизационных достижений, со второй половины XIX в. инновационное развитие утвердилось как магистральный вектор цивилизационного развития.

Размыкающее локализацию социокультурного пространства вовлечение обществ и культур в инспирируемую модернизацией единую магистраль всемирного цивилизационного процесса стало залогом их современного развития. Это произвело кардинальную трансформацию культурно-цивилизационного процесса развития человечества в направлении перехода к интегрированному единству коммуникативных связей и взаимодействий, к поступательности развития в русле цивилизационной мир-системы. Примерно в конце XIX – начале XX вв. произошло становление нового,

воплощающего собой логику удостоверяемого модернизацией инновационного развития миропорядка, где на смену локальности, дискретности, замкнутости пришли взаимозависимость, целостность, континуальность, интегральность. В общем, произошло формирование цивилизационной современности с переходом процесса модернизации в глобальную стадию, в стадию глобализации.

Глобализация (англ. *globalization*, от *global* – всемирный, глобальный) производна от модернизации, имеет реальное свое основание в научно-техническом прогрессе и социально-экономическом развитии на этой инновационной детерминации. Российский философ В. Степин отмечает, что «современная глобализация выросла из процессов модернизации... Они были связаны с заимствованием западных технологий традиционалистскими обществами. Вместе с технологиями заимствовались породившие их пласты западной культуры...» [8, с. 8-9]. При этом «в процессах модернизации, которые осуществлялись в индустриальную эпоху, культура техногенных обществ позиционировала себя в соответствии с идеалом прогресса как символ более высокой ступени развития по сравнению с традиционными культурами» [8, с. 9]. Стратегический вектор глобализации, ее содержание – это цивилизационная миро-целостность, которая преодолевает все границы становится необратимой, всепроникающей, системной. Российский экономист и социолог В. Иноземцев отмечает, что «термин глобализация используется для обозначения нарастающей взаимозависимости мира...» [4, с. 32],

Глобализация явилась показателем исторической зрелости модернизации, ее социального и преобразующего влияния в мировом масштабе, креативной мощи. Современная глобализация ознаменовала, с 60-х гг. XX века, переход от соответствующего эпохе модернизма индустриального порядка – к новому «постиндустриальному» (Д. Белл) или «сверхиндустриальному» (Э. Тоффлер) цивилизационному порядку, переход к новой – высокотехнологичной эпохе.

Этот исторический транзит к новому цивилизационному порядку нашел выражение в формировании культуры постиндустриального типа в развитых странах мира. Среди важнейших – атрибутивных ее характеристик А.Флиер отмечает «...переход на более совершенные (компьютерные) системы получения и обработки информации (...и принятия управленческих решений), а также на автоматизированные системы производства... Основой социальной организации стала либеральная демократия...» [11, с. 176].

В этом историческом транзите к постиндустриальному обществу и культуре модернизация обретает новое свое качество, раскрывает новые свои потенциалы и возможности. Инновационная культура утверждается как определяющий логику глобального цивилизационного развития тип культуры.

Модернизм являет собой такой этап выпестовавшей модернизацию инновационной культуры (в чем наиболее значительное ее социальное достижение), который удостоверяет ее, сопровождающуюся развертыванием революционных миропреобразующих свершений, историческую зрелость. В хронологическом плане этот этап или фаза, в общем, охватывает период со второй половины XIX века, – и до 60-х гг. XX века, т.е. примерно столетие.

Модернизм в своей рафинированной формации воплотился в культуре индустриального типа – инновационно-креативном ядре цивилизационного развития выше обозначенного периода. Его можно квалифицировать культурой индустриального типа с такой эгалитарной социокультурной ее пролонгацией как современная массовая культура, которая во многом презентует облик модернизации. И если искусство

модерна с эстетической его составляющей стало выражением внутренних, креативных, новаторских культурогенных инициатив модернизма, то массовая культура явилась внешним выражением его типизированных, стандартизированных форм.

Сформировавшись как многомерный культурно-цивилизационный комплекс, модернизм удостоверяет собой исторический этап развития инновационной культуры в модальности модернизации в ее научно-технической зрелости и выходе на глобальный уровень со становлением нового, исторически беспрецедентного, цивилизационного миропорядка.

Тем самым модернизм – отнюдь не только комплекс авангардистских художественных течений, противопоставивших себя традиционным канонам. В общем концептуальном плане это понятие означает: 1) исторический тип инновационной культуры (примерно, с 60-х гг. XIX в. – до 60-х гг. XX в.); 2) культурно-цивилизационный комплекс, системообразующее начало которого – культура индустриального типа; 3) инновационный культурный проект, выразивший и интегрировавший потенции модернизации в ее: а) культурогенной оформленности; б) исторической зрелости и раскрытии беспрецедентных миропреобразующих возможностей; в) полномасштабном транслокальном развертывании и переходе на глобальный уровень развития, миропреобразующего влияния, инициирования глобального миропорядка.

Именно в таких культурологических значениях и следует, прежде всего, понимать такое семантически емкое концептуальное понятие (концепт), как «модернизм». Его аутентичное использование предполагает инновационное мышление, корреспондентное логике модернизации, ее субъектности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баева Л.В. Ценности изменяющегося мира: экзистенциальная аксиология истории: Монография / Л.В. Баева. – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2004. – 277 с.
2. Берестовская Д.С. История художественной культуры Западной Европы и США XX века / Д.С. Берестовская. – Симферополь: ИТ «Ариал», 2011. – 224 с.
3. Докучаев И.И. Ценность и экзистенция. Основоположения исторической аксиологии культуры / И.И. Докучаев. – СПб.: Наука, 2009. – 595 с.
4. Иноземцев В.Л. Современная глобализация и ее восприятие в мире / В.Л. Иноземцев // Век глобализации. – 2008. – № 1. – С. 31-44.
5. История мировой культуры (мировых цивилизаций). Учебное пособие / Под ред. д. филос. н., проф. Г.В. Драча. – Ростов-н/Д: Феникс, 2007. – 533 с.
6. Каган М.С. Введение в историю мировой культуры. Книга вторая / М.С. Каган. – Санкт-Петербург: ООО «Издательство Петрополис», 2003. – 320 с.
7. Каган М.С. Философия культуры / М.С. Каган. – СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1996. – 416 с.
8. Степин В.С. Глобализация и диалог культур: проблема ценностей / В.С. Степин // Век глобализации. – 2011. – № 2. – С. 8-17.
9. Сухина И.Г. Аксиология культуры: философско-антропологические основания: монография / И.Г. Сухина. – Донецк: Донбасс, 2011. – 560 с.
10. Сухина И.Г. Ценности и человеческое бытие в хронотопе культуры: монография / И.Г. Сухина. – Донецк: ГО ВПО ДонНУЭТ, 2016. – 444 с.
11. Флиер А.Я. Культурология для культурологов: Учебное пособие для магистрантов и аспирантов, докторантов и соискателей, а также преподавателей культурологии / А.Я. Флиер. – М.: Академический Проект, 2000. – 496 с.
12. Western Civilization: Ideas, Politics & Society / M. Perry, M. Chase, J.R. Jacob, et al. – Third Edition. – Boston etc.: Mifflin, 1989. – 862, [23] p.

Поступила в редакцию 20.06.2020 г.

ON SEMANTICS OF THE CULTURAL CONCEPT OF MODERNISM: EXPERIENCE OF
CONCEPTUAL EXPOSURE BASED ON A HISTORICAL APPROACH

I. G. Suhina

The article is devoted to philosophical conceptualized analysis and exposure of complex multi-meaningful semantics of cultural concept «modernism» on the basis of historical approach to consideration of formation and main stages of development of culture of innovative type. It has been shown that the process of modernization initiated by innovative culture has had a decisive impact on the change in the cultural and historical development of mankind and has formed a modern civilizational world order. It is also shown that modern globalization is derived from modernization and has a real cultural and civilizational basis in it. On this basis, the semantics of the concept of modernism are revealed from the position of modernization and its historical civilizational origins in the form of industrial society and industrial culture. The regularity of etymological relationship of the concepts «modernist style», «modernism», «modernization» is supposed.

Key words: culture, innovative culture, historical, creative, modernism, modernization, civilization, innovation, globalization.

Сухина Игорь Григорьевич

кандидат философских наук, доцент, профессор
кафедры философии
ГОВПО «Донецкий национальный университет
экономики и торговли имени
Михаила Туган-Барановского», г. Донецк
E-mail: suhina_igor@mail.ru

Suhina Igor Grigoryevich

candidate of philosophical sciences, the associate
professor, professor of department of philosophy,
State organization of higher education «Donetsk
National University of Economics and Trade named
after Mikhail Tugan-Baranovsky», Donetsk
E-mail: suhina_igor@mail.ru

ПЕДАГОГИКА

УДК 37.017.92

ИСКУССТВО И ЛЮБОВЬ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ДУХОВНЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ И ИНТЕРЕСОВ

© 2020. *В.С. Гончарова*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье рассмотрено влияние искусства и чувства влюбленности на формирование духовных потребностей и интересов. На основе наблюдений за самовыражением студентов и анализа полученных результатов сформулированы три уровня культуры чувств. Обосновано, что искусство является духовно-практическим способом освоения действительности, включающим отражение многообразия взаимоотношений человека с миром.

Ключевые слова: духовные потребности и интересы, искусство, музыка, культура чувств.

Введение. Перед педагогами нашего времени стоит актуальная и очень сложная задача по реставрации чувств на фоне гипертрофии интеллекта. Решение этой задачи возможно благодаря разработке и внедрению социальных педагогических технологий, направленных одновременно на повышение профессиональной подготовки будущих специалистов и обогащению их духовного мира путем развития способности любить (в самом широком смысле этого слова).

Основным элементом духовной жизни общества выступает духовная культура, которая вобрала в себя всю совокупность созданных человечеством духовных ценностей (философию, науку, нравственность, искусство и т.д.). В духовной культуре раскрывается внутренняя сущность человека, его мысли, чувства, идеалы, стремления. Гуманистический смысл и предназначение духовной культуры состоят в совершенствовании мира и человеческой личности, формировании ее творческих сил и самосознания, потребностей и ценностных ориентиров. Эту проблему стремятся решать на теоретическом и практическом уровнях современные философы, педагоги, психологи и праведы, которые обеспокоены состоянием общественного морально-правового сознания. Поэтому разработка педагогической науки технологий на основе интеграции искусств и общественно-гуманитарных наук отвечает потребностям времени. Ее применение в учебно-воспитательном процессе учебных заведений высшего профессионального образования будет способствовать не только гуманизации образовательного процесса, но и влиять на воспитание сугубо профессиональных качеств.

Психологические и педагогические исследования ученых XX и начала XXI веков (Б. Ананьев, П. Блонский, Л. Выготский, Д. Дьюи, М. Аргайл, Е. Айсне, П. Иогансен, Г. Бересон, В. Сухомлинский, Д. Кабалевский, Б. Юсов, Т. Сухова, А. Ковалев, И. Зязюн, А. Мороз, А. Падалка, В. Синёв, Г. Шевченко, С. Жуков и др.) демонстрируют преимущество таких подходов к развитию духовности личности, когда создаются все условия для обогащения эмоционально-чувственной сферы личности, по Г. Берссону даже всех чувственных оттенков, вариантов эмоционального состояния, «чувство нежности, влюбленности, ненависти, ужаса – всех чувств, что мы можем чувствовать как живые существа». Это особенно важно потому, что современному

обществу не хватает гуманизма, который основывается на способностях человека чувствовать и любить.

Однако в системе музыкального педагогического образования эта проблема не получила должного теоретического осмысления и методического решения, что и явилось *целью* написания данной статьи.

Каждый, кто любит, силой своего чувства вершит великий труд, он становится художником и сам наполняет свою жизнь разными смыслами. «Коренной смысл любви состоит в признании за другим существом безусловного значения», отмечает В. Соловьев [5, с. 60]. В поисках духовного начала во всем, на что распространяется его любовь, человек будет наделять даже неодушевленные вещи собственными значениями и смыслами. Именно поэтому так необходимо обучать молодых людей, особенно студентов, наполнению духовным содержанием собственной жизни, чтобы чувство любви выступало как основа всех взаимоотношений с окружающим миром. Это одна из главных задач преподавателя, особенно дисциплин гуманитарного профиля.

По мнению Ю. Давыдова только тот, кто открыт другому человеку, кто не мыслит себя без других и таким образом воспринимает свое бытие не как личную собственность, а как нечто дарованное всему человечеству вместе, «действительно любит других – в истинно нравственном смысле» [2, с. 59].

Эта идея должна быть положена в основу отношений между преподавателями и студентами, чтобы молодежь училась пониманию социального значения чувства любви и воспринимала его как универсальный закон урегулирования взаимоотношений.

Изложение основного материала статьи. Деятели разных эпох подчеркивают необходимость развития у человека еще с детства способности любить, ибо человек не рождается с этой способностью, любви он учится в семье, учебном заведении – в обществе, это общественное чувство. Нельзя потом получить от человека того, что ему не дали, как и не стоит ожидать, что процесс гуманизации и гуманитаризации образования пройдет успешно, если преподаватели разных дисциплин не будут наряду со знаниями демонстрировать чувство любви к своим воспитанникам, к предмету и профессии, которой обучают в учреждениях высшего образования будущих специалистов.

Молодые учителя, врачи, инженеры, преподаватели музыкальных дисциплин и другие специалисты должны вынести это великое чувство из стен своей альма-матер, как культурное достояние всей человеческой цивилизации, потому что «в кризисном социуме, где экономическое и социально-политическое бытие, переполненное сложностями, противоречиями и нестабильностью, именно культура является средством выживания человека... Только в культуре, и религиозной, и светской, есть вера, надежда, мудрость терпения и выживания, любовь и взаимоподдержка людей в тяжелые времена испытаний» [6, с. 64].

Развитие у подрастающего поколения культуры чувств, всей их совокупности (эстетических, художественных, нравственных, интеллектуальных, религиозных, даже таких довольно специфических, как политических и правовых) – важная задача современной педагогики. Среди перечисленных групп чувств важнейшим и интегрирующим, пронизывающим все виды человеческой деятельности является чувство любви.

Согласно закону витальности жизни – живое возникает только из живого, так и любовь порождает любовь, другого пути сделать мир человеческим – нет. К этому выводу рано или поздно приходят все, кто занимается обучением и воспитанием в учебных заведениях. Кроме того, проблема обогащения духовности человека в процессе развития культуры чувств, не является новой, более того, она почти

постоянно находится в центре внимания педагогов и является общей для многих стран мира. А для ее решения в практике воспитания чаще всего используются средства искусства. «Возрождение человеческого в человеке, «обновление чувств» становится общей проблемой. Почему в истории человеческой культуры ее решения часто связывают с возможностями искусства? Наверное, потому, что искусство, благодаря целостному, всестороннему, эмоционально-глубокому воздействию на человека, действительно в состоянии сформировать истинно человеческое отношение к миру» [1, с. 14].

Подготовка чувств к эстетическому переживанию (развитие сенсорных, визуальных, слуховых способностей), без сомнения, является прочным фундаментом дальнейшего очеловечивания эмоционально-чувственной сферы, восхождением в процессе социализации и овладения культурой на таком уровне духовности, когда человек способен осознавать себя частью человеческого рода.

По логике суждений Аристотеля, Ф. Аквинского, и А. Лосева прекрасное по своей природе соотносится с познанием, принося нам радость одним своим видом; отсюда следует, что среди чувств особое отношение к красоте имеют те, в которых больше проявляются познавательные способности. К таким относят зрение и слух, которые должны служить разуму. Исключительность зрения, далее, в том, что оно, воспринимая красоту, приводит к пробуждению любви к ней как в материальном, так и в интеллектуальном смысле. «Телесное видение есть началом чувственной любви, и подобным же образом созерцание духовной красоты выступает началом духовной любви» [4, с. 152].

Размышления и высказывания выдающихся философов направляют нас к наивысшей задаче педагогической школы – обучению любви. Студентов необходимо учить видеть красоту, чувствовать прекрасное в человеке, окружающем мире, в искусстве, а на этой основе развивать у них чувство любви как творческой силы для любой сферы, так как само ее существование возможно благодаря напряжению всех усилий личности – умственных, эмоциональных, волевых.

Тема любви самая главная в искусстве, как народном, так и профессиональном. С давних времен у разных народов существовали легенды, мифы, сказки, в которых чувство любви у человека зарождалось благодаря красоте природы, человека, вещей, созданных в результате его творчества. Это древнегреческие легенды о Пигмалионе и Галатее, Орфее и Евридике, сказка про Василису Прекрасную, легенда о Лейле и Меджнуне и много других. Любовь этих героев зарождается сначала от чувства удивления, восхищения красотой. Потом, когда они лучше узнают предмет своей влюбленности, то видят в нем доброту, бескорыстие, нежность, и на почве этого уже возникает чувство глубокого уважения; если все эти чувства продолжают оставаться в душе человека, то он испытывает чувство удовольствия, привязанности, которые способствуют осознанию любви. Подобный путь возникновения чувства любви можно проследить не только по мифам, сказкам, легендам разных народов. Его, прежде всего, отражает высокое искусство «...любовь всегда была и есть главной темой искусства. И это вполне понятно. Здесь сходятся все нити человеческой жизни, все эмоции. Через любовь человек соприкасается с будущей вечностью, с расой, к которой она принадлежит, со всем прошлым человечества и всей его грядущей судьбой», – писал П. Успенский в своем труде «Искусство и любовь» [5, с. 221].

С педагогической точки зрения важно уделить больше внимания тому, чтобы все аспекты чувства любви находили свое отражение в размышлениях педагогов, которые стремились воспитывать это чувство у молодежи. Любовь заставляет человека испытывать целый спектр самых разнообразных чувств и прикладывать духовные, творческие усилия, чтобы зажечь своими чувствами предмет своей любви. Всемирная

история свидетельствует о том, что некоторые люди вообще неспособны любить, даже себя, а если они получают власть, то это становится трагедией для государств и народов. Вот почему мы убеждены, что высшая школа обязана воспитывать любовь и беспокоиться о духовном мире будущих специалистов. Недаром такие выдающиеся личности, как Г. Сковорода, Н. Ковалинский, В. Соловьев, П. Флоренский, В. Сухомлинский в разные времена пришли к общему мнению, что главное в воспитании – активное начало – знать, делать, любить (чувствовать). Деятели современной педагогической науки также «утверждают идеалы человека-творца, способного совершенствовать себя и мир: «Гуманное общество это общество, в котором человек является высшей ценностью. Именно поэтому результаты творческой деятельности всегда будут социально значимыми: касается ли это объективно нового результата или изменений в творческом развитии человека. Недаром в гуманистической психологии творчество расценивают как необходимую для жизни человека форму его существования, залог эмоционального здоровья» [3, с. 31].

Развитие культуры чувств и способности любить способствует предотвращению негативных эмоционально-чувственных проявлений личности, но не менее важную роль в этом играет развитие у нее волевой и мыслительной сферы. Чувство любви у человека существует как бы на двух уровнях – интеллектуальном и эмоциональном.

На интеллектуальном уровне любовь воспринимается как красота, добро, творчество, жизнь, самовыражение, вдохновение, самоотверженность и прочее. На эмоциональном уровне – это сопереживание, милосердие, человеколюбие. Таким образом, можно сделать вывод, что вопрос о соотношении ума и сердца не имеет глубоких противоречий. Все зависит от того, на какой объект действительности направлено чувство любви. Так и процесс обучения обязательно сопровождается эмоциональным воздействием, порождает положительные или негативные чувства, или убивает их все, как это описывает Ч. Диккенс в «Холодном доме», где дети кажутся учителю пустыми кувшинами, которые нужно наполнить отфильтрованным от эмоций знанием. То есть, даже тогда, когда мы ставим перед собой задачу сформировать у студентов те или иные чувства, они все равно возникают под воздействием личности преподавателя, его внешности, поведения и профессионализма, или наоборот, его отсутствия.

Поэтому, планируя исследовательскую работу на кафедре музыкального педагогического образования Донецкого национального университета по художественно-эстетическому воспитанию будущих учителей музыки, мы начали ее с развития культуры чувств у студентов, используя возможности эмоционального воздействия искусства на человека. Основным критерием развитой культуры чувств, как уже неоднократно подчеркивалось, выступает способность любить, о которой еще в начале нашего века писал Э. Фромм: «С нашей рыночной ориентацией мы думаем, что нас не любят, потому что мы недостаточно «привлекательны», причем под привлекательностью мы понимаем все что угодно – от внешнего вида, платья, ума и денег до положения в обществе и престижа. Люди не понимают, что реальная проблема заключается в том, что любовь весьма непростое дело, и что вас любят, только если вы сами любите; именно ваша способность любить и вызывает любовь в другом человеке. Самой тяжелой является неподдельная способность любить» [7, с. 199].

Все то, о чем было сказано выше, позволило нам сформулировать определение культуры чувств в отношении студентов – это способность человека осознавать свое эмоциональное состояние, свои чувства, сравнивать их с чувствами других людей, соотносить свое эмоциональное состояние с образами природы, проявлять эмоции и чувства адекватно ситуации и контролировать их. Указанные способности, необходимы

каждому человеку, особенно будущим учителям музыки. Поэтому изучение дисциплин общественно-гуманитарного цикла в ходе формирующего эксперимента осуществлялось путем интеграции их с разными видами искусства.

Процесс общения с любыми произведениями искусства может быть представлен в виде коммуникативно-пространственной модели: окружающий мир – реципиент – произведение искусства – соавторство – окружающий мир. Как следствие у реципиента (зрителя, слушателя, читателя) должно возникать особое приподнятое эмоциональное состояние, которое имеет название «катарсис». Наиболее плодотворным для формирования духовных потребностей и интересов это состояние становится благодаря взаимодействию разных чувств, прежде всего эстетических и художественных.

Для осуществления целенаправленного влияния на развитие культуры чувств у студентов в учебно-воспитательном процессе была разработана специальная педагогическая технология, создана оригинальная модель интегрированного занятия. Его построение предполагает такие этапы: *во-первых*, определить содержательную доминанту в зависимости от идеи занятия. *Во-вторых*, выделить круг тем из разных общественно-гуманитарных наук, изучение которых требует использования подобных понятий и категорий, на которых решаются общие проблемы. *В-третьих*, представить, что за эмоции и чувства могут возникать в процессе рассмотрения учебного материала, какой может быть эмоциональная доминанта. Если мы постоянно подчеркивали особую роль чувства любви, то именно оно и должно быть доминантой, потому что положительно-ценностное отношение к любым проблемам учебных курсов невозможно без опоры на все оттенки этого чувства. Вокруг него группируются другие эмоции и чувства, что должны усиливать впечатление студентов, способствовать ценностному и личностному заинтересованному усвоению дисциплин. *В-четвертых*, виды и произведения искусства не должны быть ни фоном, ни иллюстрацией, их содержание может дополнять, обогащать эмоциональный настрой (музыка, живопись, танец) и раскрывать дополнительные грани важнейших понятий и категорий (художественная литература, живопись, театр). Для решения этой задачи необходимо найти свои доминанты и в произведениях искусства, которые будут зависеть от художественных изобразительно-выразительных средств (цвета палитры, художественная лексика, музыкальный лад и т. п.).

На завершающем этапе интегрированного занятия студенты представляют свои творческие работы, которые играют роль своеобразной рефлексии – это рисунки, художественные панно, музыкальные произведения даже пантомимы, с помощью которых студенты раскрывают свое эмоционально-чувственное состояние, возникающее как отклик на содержание и настроение занятия. Наблюдение за самовыражением студентов, а также анализ полученного эмпирического материала позволили нам сформулировать три уровня культуры чувств в отношении студентов, начиная с самого высокого.

Первый уровень характеризуется способностью мгновенно и точно понять настроение других людей, окружающей природы, произведений искусства, и сопереживать им; выражать собственные эмоции и оттенки чувств во всей полноте, избегая чрезмерной экзальтации; давать подробную словесную характеристику своим чувствам.

Второй уровень характеризуется способностью осознавать свои чувства и выражать их адекватно ситуации, способностью группировать чувства на позитивные и негативные, выстраивать синонимические ряды названий чувств в соответствии с эмоциями, а также откликаться на красоту окружающей природы и мира в целом.

Третий уровень характеризуется неспособностью осознавать свои чувства и давать им номинальную характеристику, группировать названия чувств с оттенками, оценивать жизненные ситуации и эмоционально правильно на них реагировать.

Выводы. Духовная ограниченность современного человека во многом определяется утратой им не только религиозного чувства, но и чувства красоты, восхищения, ощущения нравственных устоев (совестливость, доброта, любовь, чувство жалости и т.д.). Сложность и глубина проблемы формирования духовных потребностей и интересов состоит не только в том, что сегодня мир находится в духовной растерянности, усиливающейся безнравственностью многих людей. Но еще большая сложность – в отсутствии ее новой теоретической разработки.

Воспитание всесторонней, гармонически развитой личности связано с расширением ее реальных возможностей для применения в различных сферах деятельности личностных творческих сил и способностей. В решении этой задачи важнейшая роль принадлежит искусству, которое формирует личность, духовный мир человека. Нравственное воспитание, морально-этическая принадлежность теснейшим образом связаны с эстетическим воспитанием (через искусство, посредством эстетического – к эстетическому). Без этого невозможно развитие духовной культуры, формирование духовности, духовных потребностей и интересов («красота спасет мир», «истина просветлит умы человеческие», «добро сделает людей лучше, чище», а «любовь все это объединит»). Без сомнения, задачи стоят не простые, но реально выполнимые.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Власова Т.И. Педагогика духовности: науч. изд. Кн. 1. Духовно ориентированное воспитание школьников и студентов. – М.: Изд-во АПКППРО, 2009. – 280 с.
2. Давыдов Ю.Н. Этика любви и метафизика своеволия: Проблемы нравственной философии / Ю.Н. Давыдов. – М.: Молодая гвардия, 1982. – 287 с.
3. Здравомыслов А. Г. Потребности. Интересы. Ценности / А. Г. Здравомыслов. – М.: Политиздат, 1986. – 221 с.
4. Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения / А.Ф. Лосев. – М.: Искусство, 1998. – 448 с.
5. Русский эрос, или философия любви в России / Сост. В.П. Шестаков. – М.: Прогресс, 1991. – 448 с.
6. Соловцова И.А. Духовное воспитание в православной и светской педагогике: методология, теория, технологии: монография. – Волгоград: Перемена, 2006. – 248 с.
7. Сумерки богов: [Сборник : Переводы] / Ф. Ницше, З. Фрейд, Э. Фромм и др.; [Сост., общ. ред. и предисл. А. А. Яковлева]. – М.: Политиздат, 1990. – 396 с.

Поступила в редакцию 26.10.2020 г.

ART AND LOVE IN THE CONTEXT OF FORMATION OF MENTAL NEEDS AND INTERESTS

V. S. Goncharova

The article analyzes the influence of art and feelings of love on the formation of students' mental needs and interests. Based on observations of students' self-expression and analysis of the results obtained, three levels of feelings culture are formulated. It is proved that art is a mental and practical way of mastering reality, including the reflection of the diversity of human relations with the world.

Key words: mental needs and interests, art, music, culture of feelings.

Гончарова Виктория Сергеевна

Кандидат искусствоведения, доцент кафедры
музыкального педагогического образования
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
E-mail: druzja_akademii@mail.ru

Goncharova Victoria Sergeevna

Candidate of Art, Associate Professor of the
Musical Pedagogical Education Department
SEI HPE "Donetsk National University"
E-mail: druzja_akademii@mail.ru

УДК 37.036

ОБОСНОВАНИЕ ДЕФИНИЦИИ «ЭСТЕТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ СИСТЕМЫ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ ОРИЕНТИРОВ ЦИФРОВОГО ПОКОЛЕНИЯ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ МАТЕМАТИКИ»

© 2020. *А.И. Дзундза, В.А. Цапов*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Статья посвящена изучению проблемы формирования эстетического компонента как важнейшей составляющей мировоззрения представителей цифрового поколения. Исследуются различные подходы к определению понятий эстетического воспитания, эстетической культуры. В результате детального анализа научных подходов и концепций авторы предлагают своё определение эстетического компонента системы мировоззренческих ориентиров цифрового поколения будущих учителей математики.

Ключевые слова: эстетическое воспитание, цифровое поколение, мировоззренческие ориентиры, будущий учитель математики.

Введение. С уровнем эстетического развития личности и общества, со способностью человека откликаться на красоту и творить по законам красоты ученые связывают прогресс человечества во всех сферах жизнедеятельности. Различные аспекты эстетического воспитания рассматривались ещё в Античности (Аристотель, Пифагор, Платон, Сократ), в средние века (Сенека, Марк Аврелий, Фома Аквинский), в эпоху Возрождения (Леонардо да Винчи, Данте, Л. Валла, М. Монтень). В дальнейшем эта проблема получила развитие в трудах Ж.-Ж. Руссо, Ф. Вольтера, И.-Г. Гердера, в которых закладываются основы учения о телесно-духовной целостности человека в мире природы. В немецкой классической философии большое внимание уделялось обоснованию категориального аппарата и методологических основ эстетики (И. Кант, И. Фихте, Ф. Шеллинг, Л. Фейербах, Г. Гегель).

В отечественной науке проблема эстетического воспитания личности разрабатывалась в работах русских религиозных философов конца XIX – начала XX вв. (В.С. Соловьёв, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, Н.О. Лосский, К.Н. Леонтьев, П.А. Флоренский и др.). Вопросы формирования эстетических ценностей рассматривались в фундаментальных трудах философов XX века (С.Ф. Анисимов, Р.Г. Апресян, В.С. Библер, О.Г. Дробницкий, А.Г. Здравомыслов, М.С. Каган, В.А. Лекторский, В.П. Тугаринов, Н.З. Чавчавадзе и др.). Во второй половине XX века социально-исторические реалии во многом изменили оценку духовных, эстетических, этических и социальных ценностных аспектов в жизни общества. Педагогами, социологами, философами глубоко проанализированы культурологический и социологический подходы к исследованию основ эстетического воспитания. Но, на наш взгляд, остается не разработанным вопрос мировоззренческой сущности эстетического воспитания.

В государственном образовательном стандарте высшего профессионального образования Донецкой Народной Республики по направлению подготовки 44.03.05 «Педагогическое образование», выпускник бакалавриата должен быть готов к формированию потребностей детей и взрослых в культурно-просветительской деятельности; организации культурного пространства; разработке и реализации культурно-просветительских программ для различных социальных групп. Он должен обладать способностью использовать основы социогуманитарных знаний для формирования научного мировоззрения.

Поэтому достаточно актуальной является проблема выделения эстетического компонента в системе мировоззренческих ориентиров современной молодежи, представителей которой в научно-педагогической литературе принято называть «цифровым поколением» [4].

Важной особенностью цифрового поколения ученые называют размытость системы мировоззренческих ориентиров, эстетическую и эмоциональную неразвитость, поскольку формат электронной коммуникации предполагает преимущественно поверхностное восприятие сетевых шаблонов, достаточно ограниченную систему программируемых навыков, которые ограничивают возможности полноценного восприятия общечеловеческих культурных ценностей, в том числе и эстетических [24]. Общеизвестно, что в последнее время молодежь утрачивает интерес к полноформатному чтению художественной литературы (ограничиваясь анонсами и краткими пересказами), не посещает выставок произведений искусства (популярными становятся он-лайн экскурсии) и пр. Воспрепятствовать нравственному невежеству и примитивизму цифрового поколения, распространению прагматического подхода к жизненному проектированию, по нашему мнению, может формирование эстетического компонента как важнейшего элемента системы мировоззренческих ориентиров.

Основная часть. Безусловно, эстетические ориентиры студенческой молодежи, имея свою специфику, являются отражением эстетической культуры общества. В современном обществе происходят сложные процессы создания новых принципов социального устройства, структур и ценностей, которые объективно приводят к все большему взаимопроникновению материального и духовного, к значительным изменениям в нравственной сфере личности. В успешном преодолении негативных последствий этих процессов все большее значение приобретают и проблемы актуализации эстетического компонента в системе мировоззренческих ориентиров современных студентов. В связи с этим, большинство ученых, исследующих личностную сферу студенчества, подчеркивают необходимость особого внимания к проблеме формирования различных граней эстетической культуры будущих специалистов, опоры на общечеловеческие, гуманистические начала.

Сегодня, когда эстетические ценности предыдущих поколений пришли в противоречие с изменениями общественной реальности, студенчество выступает не только как представитель определенной социальной группы, но и как представитель всего цифрового поколения. Поэтому эстетический компонент системы мировоззренческих ориентиров будущих специалистов в значительной степени является отражением гуманистических стремлений молодежи, выражает новые потребности современной эпохи, а его культуuroобразующая роль важна для общества.

Значение эстетического развития будущего специалиста, особенно это касается будущего учителя, возрастает в переходные эпохи, требующие от всех членов общества повышенной творческой активности, напряжения духовных сил. Именно такой период переживает наша республика. Запас прочности при осуществлении реформ не в последнюю очередь определяется эстетическим потенциалом педагогического сообщества. Именно данное обстоятельство усиливает актуальность проблемы формирования эстетического компонента системы мировоззренческих ориентиров будущего учителя математики, создания для этого благоприятных условий. Заметим, что математическое обучение является мощным средством формирования различных граней эстетической культуры личности. Эстетический потенциал математики реализуется через восприятие будущими учителями красоты логических рассуждений, развитие их эстетического вкуса средствами образного мышления, формирование

творческих способностей и познавательного интереса, развитие положительного отношения к учебному предмету. В процессе математического обучения рождается специфическое эстетическое качество – восприятие красоты математики.

Эстетические чувства пробуждают нравственные и интеллектуальные стремления в человеке. Известно, например, какую роль играет эстетическая мотивация в творческой деятельности выдающихся представителей самых разных профессий – ученых, инженеров, конструкторов и др. А. Эйнштейн, в частности, признавался, что эстетическое начало в его научном творчестве имело ничуть не меньшую значимость, чем логическое. Совершенно оправданным в этой связи выглядит утверждение, что открытие теории относительности явилось результатом работы не только интеллекта ученого, но и его эстетических чувств.

Важно оказывать эффективное противодействие обозначившейся тенденции вытеснения эстетической среды на второй план [23]. Это чревато культурным оскудением жизни общества. Можно утверждать, что без существенного задействования эстетического фактора в общественных преобразованиях, их социальная, человеческая эффективность будет ничтожно мала.

Эстетический компонент системы мировоззренческих ориентиров личности в значительной степени проявляется в сфере быта, общественно-политической, досуговой и других формах жизнедеятельности. Он выступает существенным моментом общественной и индивидуальной жизни людей. Его внутренним механизмом является функционирование эстетического сознания личности, направленность которого выражается в системе эстетических отношений к разнообразным объектам среды через механизм восприятия, переживания, оценки, вкуса, идеала, взгляда, суждения. С уровнем развития эстетического компонента системы мировоззренческих ориентиров личности, безусловно, связаны возможности адекватной ориентации в системе эстетических ценностей, соответствующей мотивации эстетической позиции, зависящей в свою очередь от таких характеристик, как развитость образного мышления, сформированность навыков анализа эстетических явлений в их структурной целостности, в единстве внешних и внутренних параметров. Мера выражения этих навыков, способностей и потребностей в деятельности и поведении личности характеризует уровень ее эстетического развития [6].

Для того чтобы обосновать сущностные характеристики эстетического компонента системы мировоззренческих ориентиров цифрового поколения остановимся кратко на дефинициях даваемых исследователями феномену эстетической культуры. Понятие «эстетическая культура», введенное в 20-м веке известным немецким учёным Э. Мейманом, подробно анализируется в современной научной литературе, особенно в последнее десятилетие активно разрабатываются проблемы культуры вообще и эстетической культуры в частности. В широком смысле эстетическая культура является специализированной частью культуры, характеризующей состояние общества с точки зрения его способности обеспечивать развитие искусства и эстетических отношений [12].

Эстетическая культура является элементом духовной культуры человека, от которой во многом зависит его интеллектуальное и творческое развитие. По мнению Л.А. Деминой, В.И. Пржиленского, подчеркивающих определенные свойства данного понятия, эстетическая культура может быть истолкована как способность человека эстетически оценивать окружающий мир в соответствии со своими субъективными понятиями красоты и прекрасного, умение прочувствовать свою связанность с окружающим миром и людьми [3]. Г.С. Лабковская добавляет к этим свойствам эстети-

ческой культуры личности совокупность ее «способностей чувствовать, переживать и преобразовывать природу, общественную жизнь и самого человека по законам красоты...» [15, с. 18]. Н.И. Киященко высказывает аналогичную точку зрения, что эстетическая культура личности не только воплощает и закрепляет положительное отношение человека к миру, но и позволяет изменять, совершенствовать мир и человеческие отношения, действуя в соответствии с эстетическими представлениями [9].

Определяя эстетическую культуру как комплекс эстетических ценностей и способности осваивать и преобразовывать природу и общественную жизнь «по законам красоты» Н.И. Киященко считает, что эстетическая культура общества – это «совокупность всех эстетических (природных и созданных творческим трудом человека) ценностей, которые участвуют во взаимодействии общества с миром, в стремлении общества к совершенствованию, полному расцвету всей системы общественных отношений. И на основе эстетических отношений складывается неотделимая от предшествующего опыта эстетическая реальность, которая объективизируется в культуре в наиболее ярких её проявлениях» [10, с. 38].

В свою очередь, ряд исследователей, детализируя данные факторы, под эстетической культурой понимают: совокупность феноменов, институтов, практик, поведения, мироощущения, так или иначе связанных с актуализацией, реализацией, фиксацией эстетического опыта; способность и умение прочувствовать свою связанность с миром, содержательно пережить и человечески ценностно выразить полноту и многообразие этих отношений (В.И. Самохвалова) [19]; специализированную часть культуры общества, характеризующая состояние общества с точки зрения его способности обеспечивать развитие искусства и эстетических отношений (А.А. Беляев) [22]; определенный уровень развития вкуса, сочетающего в себе диапазон чувств, объем знаний и осмысленных или стихийных действий по удовлетворению своего интереса, своей потребности. Базовыми ориентирами являются красота и безобразие, величие и низменность, драматизм и трагизм, изящество и элегантность (С.М. Вишнякова) [1].

Традиционной и довольно распространенной является интерпретация эстетической культуры личности как единства двух составляющих: эстетического сознания, состоящего из ряда элементов, и эстетической деятельности (М.С. Каган, А.В. Пирадов, Г.А. Петрова др.) [7, 8, 17, 18].

В свою очередь, исследователи Н.Б. Крылова, Л.П. Печко трактуют эстетическую культуру личности как единство эстетических знаний, убеждений, чувств, навыков и норм деятельности и поведения. Своеобразный качественно-количественный сплав этих составляющих в духовной структуре личности выражает меру освоения ею эстетической культуры общества, одновременно определяя также и меру возможной творческой самоотдачи [14].

По мнению А.И. Комаровой, подчеркивающей важность связи поколений, «в эстетическую культуру общества входят эстетические явления и объекты, всё многообразие эстетических ценностей, эстетические знания об их природе и функционировании; эстетическое сознание людей, их эстетическая деятельность и отношения, эстетически направленное поведение и взаимоотношения людей на основе эстетических ценностей; эстетическое воспитание как специальный канал передачи подрастающему поколению эстетико-культурных основ, способов эстетического освоения действительности, путей формирования эстетического сознания и навыков эстетической деятельности» [11].

А.М. Новиков считает, что эстетическая культура служит показателем уровня эстетического развития и воспитания личности. По его мнению человек по своей

сущности призван творить красоту и реализовать себя через эстетическую культуру. Поэтому под эстетической культурой личности следует понимать определенный уровень потенциала, насыщенности и целенаправленности эмоционально-чувственным переживанием и духовным наслаждением, радостью человека от всех видов его жизнедеятельности. Культура человека может выражаться в слове или жесте, в математической формуле или в историческом трактате. [16, с. 312].

М.С. Каган подчеркивает неразрывную связь эстетической культуры личности и общества. При этом эстетическая культура личности равнозначна по составу эстетической культуре общества, так как представляет собой своеобразное зеркало «эстетического богатства того или иного общества» [7, с. 14]. Раскрывая это понятие, автор отмечает, что «эстетическая культура – не автономный раздел культуры, но её общий потенциал, её внешняя и внутренняя формы». Эстетическая культура, по мнению учёного, «охватывает способы организации и выражения нравственной, религиозной, политической культуры, культуры быта, общения, речи, и, подобно культуре в целом, она разномасштабна: она предстаёт перед нами и как эстетическая культура общества, и как эстетическая культура каждой его части, класса и профессиональной группы, возрастной, образовательной, и проявляется как эстетическая культура личности» [8]. Отметим, что М.С. Каган полагает, что «эстетическая культура является одним из параметров технико-технологической стороны культуры» [7].

По мнению П.И. Гаврилюка эстетическая культура является «структурно-функциональным компонентом культуры, ... представляет собой единство природного и социального. Однако это единство достигается и определяется только в истории культуры в результате активного предметно-деятельного отношения к миру» [2].

А.А. Радугин считает, что эстетическая культура является важнейшей составляющей духовного облика личности. От ее наличия и степени развития в человеке зависит его интеллигентность, творческая направленность устремлений и деятельности, особая одухотворенность отношений к миру и другим людям. Без развитой способности к эстетическому чувствованию, переживанию человечество не смогло бы реализовать себя в столь разносторонне богатом и прекрасном мире «второй природы», то есть культуры [23, с. 97]. Однако их формирование является результатом целенаправленного воздействия, т.е. эстетического воспитания.

А.А. Радугин подчеркивает, что эстетической культуре присущи следующие функции: а) информационно-познавательная, реализуемая в знаниях личности; б) ценностно-ориентированная, реализуемая в убеждениях, в направленности эстетических оценок, взглядов и вкусов; в) деятельно-волевая, реализуемая в эстетических способностях, определяющих социально-творческую направленность эстетической культуры; г) коммуникативно-регулятивная, проявляющаяся в эмоциональной и нормативной саморегуляции поведения и деятельности личности [23, с. 226].

С современных позиций представляет интерес дефиниция данная Г.Ф. Сунягиным. Он определяет эстетическую культуру как «систему средств и продуктов, с помощью которых человек осваивает мир» [21, с. 5].

Коллективом авторов под руководством В.А. Сластенина формирование эстетической культуры рассматривается в качестве цели эстетического воспитания и части процесса формирования базовой культуры школьника [20].

На данный момент ученые насчитывают пять пар эстетических категорий:

- прекрасное – безобразное.
- возвышенное – низменное.

• трагическое – комическое (юмор, ирония, сатира). Ослабленной формой трагического может считаться драматическое [13].

• поэтическое – прозаическое.

• глубокое – поверхностное (Т. А. Есина, Е.К. Сытина) [5].

Как свидетельствует проведенный нами анализ научной литературы, авторы нередко подменяют понятие «эстетическое» термином «художественное», что значительно сужает концептуальные и содержательные характеристики процесса формирования эстетического компонента системы мировоззренческих ориентиров личности.

Систематизируем обзор дефиниций, приведенный нами выше в виде следующей таблицы 1.

Таблица 1

Обзор дефиниций эстетической культуры

Автор, источник	Определение, сущность понятия, свойства	Комментарии
Демина Л.А., Пржиленский В.И. [3]	Эстетическая культура – способность человека эстетически оценивать окружающий мир в соответствии со своими субъективными понятиями красоты и прекрасного, умение прочувствовать свою связанность с окружающим миром и людьми	Эстетическая культура определяется как эстетическое сознание. В основу определения положен принцип наличия у личности определенных свойств и качеств, обеспечивающих возможность оценивать красоту окружающего мира
Лабковская С.Г. [15]	Эстетическая культура личности – совокупность её способностей чувствовать, переживать и преобразовывать природу, общественную жизнь и самого человека по законам красоты	Эстетическая культура личности интерпретируется как интегральная характеристика, объединяющая как эстетическое сознание, так и эстетическую деятельность человека
Киященко Н.И. [9]	Эстетическая культура личности не только воплощает и закрепляет положительное отношение человека к миру, но и позволяет изменять, совершенствовать мир и человеческие отношения, действуя в соответствии с эстетическими представлениями.	
Киященко Н.И., Лейзеров Н.Л. [10]	Эстетическая культура – совокупность всех материальных и духовных ценностей, созданных человечеством в соответствии с эстетическими представлениями своего времени и продолжающих служить ему в другие времена, вся сфера материализации способностей человека осваивать и преобразовывать природу и общественную жизнь по законам красоты	В основе определения лежат, с одной стороны материальные и духовные ценности, с другой стороны способность человека преобразовывать природу и общественную жизнь
Новиков А.М. [16]	Эстетическая культура служит показателем уровня эстетического развития и воспитания личности. По своей сущности человек призван творить красоту и реализовать себя через эстетическую культуру. Под эстетической культурой личности следует понимать определенный уровень потенциала, насыщенности и целенаправленности эмоционально-чувственным переживанием и духовным наслаждением, радостью человека от всех видов его жизнедеятельности	Эстетическая культура – показатель уровня эстетического развития, возможность творить красоту и наслаждаться этим. В качестве приоритетной характеристики указывается способность к эмоционально-чувственным переживаниям, духовным наслаждениям, испытывать радость от жизни
Каган М.С. [7]	Эстетическая культура личности равнозначна по составу эстетической культуре общества, так как представляет собой своеобразное зеркало эстетического богатства того или иного общества	Эстетическая культура личности понимается как отражение эстетической культуры общества

Продолжение таблицы 1

Радугин А.А. [23]	Эстетическая культура – важнейшая составляющая духовного облика личности. От ее наличия и степени развития в человеке зависит его интеллигентность, творческая направленность устремлений и деятельности, особая одухотворенность отношений к миру и другим людям. Без развитой способности к эстетическому чувствованию, переживанию человечество вряд ли смогло реализовать себя в столь разносторонне богатом и прекрасном мире «второй природы», то есть культуры	Данное определение рассматривает эстетическую культуру как совокупность характеристик духовного облика личности: интеллигентность, творческая деятельность, одухотворенность, возможность культурной реализации индивида
Каган М.С. [7]	Эстетическая культура является одним из параметров технико-технологической стороны культуры	Автором акцентируется внимание на материальной стороне мира, в том числе и эстетической культуры, как его составной части
Гаврилюк П.И. [2]	Эстетическое есть структурно-функциональный компонент культуры, представляет собой единство природного и социального. Однако это единство достигается и определяется только в истории культуры в результате активного предметно-деятельного отношения к миру	Эстетическая культура определяется как структурно-функциональный компонент культуры, единство материального и духовного. По мнению автора единство достигается в результате активной деятельности человека
Радугин А.А. [23]	Эстетической культуре присущи следующие функции: а) информационно-познавательная, реализуемая в знаниях личности; б) ценностно-ориентированная, реализуемая в убеждениях, в направленности эстетических оценок, взглядов и вкусов; в) деятельно-волевая, реализуемая в эстетических способностях, определяющих социально-творческую направленность эстетической культуры; г) коммуникативно-регулятивная, проявляющаяся в эмоциональной и нормативной саморегуляции поведения и деятельности личности.	Автор определяет понятие эстетической культуры посредством выполняемых им функций: а) информационно-познавательной; б) ценностно-ориентированной; в) деятельно-волевой; г) коммуникативно-регулятивной. Это подчеркивает взаимосвязь и взаимозависимость компонентов системы мировоззренческих ориентиров (интеллектуальный, нравственный, волевой, коммуникативный)
Каган М.С., Петрова Г.А., Пирадов А.В., [7, 8, 17, 18]	Эстетическая культура личности как единство двух составляющих: эстетического сознания, состоящего из ряда элементов, и эстетической деятельности	Авторы определяют эстетическую культуру как единство эстетического сознания и эстетической деятельности
Крылова Н.Б., Печко Л.П. [14]	Эстетическая культура личности означает единство эстетических знаний, убеждений, чувств, навыков и норм деятельности и поведения. Своеобразный качественно-количественный сплав этих составляющих в духовной структуре личности выражает меру освоения ею эстетической культуры общества, одновременно определяя также и меру возможной творческой самоотдачи	
Сунягин Г.Ф. [21]	Эстетическая культура – систему средств и продуктов, с помощью которых человек эстетически осваивает мир	По мнению автора, эстетическая культура это инструмент для эстетического освоения мира человеком. Определение дается с тех же позиций, что и у Кагана М.С.

Продолжение таблицы 1

Сластенин В.А. [20]	Формирование эстетической культуры рассматривается в качестве и части процесса формирования базовой культуры школьника	Определение базируется на формулировке цели эстетического воспитания – формирование эстетической культуры, как части общей культуры школьника
Есина Т. А., Сытина И.К. [5]	Выделяют пять пар эстетических категорий <ul style="list-style-type: none"> • прекрасное – безобразное. • возвышенное – низменное. • трагическое – комическое (юмор, ирония, сатира). Ослабленной формой трагического может считаться драматическое [13]. <ul style="list-style-type: none"> • поэтическое – прозаическое. • глубокое – поверхностное. 	В основе определения лежат пять пар эстетических категорий

Заключение. Итак, согласно современным представлениям учёных, эстетическая культура – неотъемлемая часть культуры в целом. Это не только совокупность усвоенных ценностей как результатов предшествующей созидательной деятельности, но и сам процесс созидания, усвоения и потребления, распространения эстетических ценностей.

Необходимость формирования разных граней нравственной сферы личности будущих специалистов подчеркивается и в государственных образовательных стандартах высшего профессионального образования ДНР. Так, при реализации основных профессиональных образовательных программ высшего образования по направлению подготовки 44.03.05 «Педагогическое образование» особое внимание уделяется формированию у будущего учителя способности решать задачи воспитания и духовно-нравственного развития, обучающихся в учебной и внеучебной деятельности, что нашло отражение в перечне профессиональных (ПК) и профессиональных прикладных (ППК) компетенций.

Анализ научно-педагогической литературы и нормативных источников позволили нам дать следующее определение. Под эстетическим компонентом системы мировоззренческих ориентиров цифрового поколения будущих учителей математики будем понимать важную составляющую профессионально-педагогического мировоззрения включающую в себя следующие грани:

а) эстетическое сознание учителя – эстетические чувства, эстетический вкус и идеалы, выраженные средствами образного мышления и логической культуры, абстрактности, дедуктивности и структурности как источников эстетического наслаждения в процессе изучения математики, интерпретация и восприятие красоты в общности математических структур;

б) эстетическая деятельность учителя – деятельность, направленная на трансляцию или создание эстетических ценностей, с помощью математического аппарата, являющегося необходимым инструментом познания законов гармонии объективного мира, организацию профессионального взаимодействия в соответствии с эстетикой математического содержания (алгебраических и числовых выражений; формул; законов; теорем; методов и др.), эстетикой математического рассуждения (обоснования выводов, доказательства теоремы, решения задачи, построения геометрических фигур и др.), эстетикой математического познания;

в) эстетическое саморазвитие и самореализацию в профессиональной деятельности.

Важным условием сформированности эстетического компонента системы мировоззренческих ориентиров цифрового поколения будущих учителей математики является наличие комплекса эстетических знаний, умений и навыков, определяющих способность личности к принятию инноваций, нестандартному созидательному мышлению, генерированию оригинальных идей, с целью актуализации творчества, гармонии и образности в будущей профессиональной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вишнякова С.М. Профессиональное образование. Словарь. Ключевые понятия, термины, актуальная лексика / С.М. Вишнякова. – М.: НМЦ СПО, 1999. – 538 с.
2. Гаврилюк П.И. Эстетическая культура и социальный прогресс. (Проблема эстетического как феномена культуры) / П.И. Гаврилюк. – Киев: Наукова думка, 1978. – 244 с.
3. Демина Л.А. Логика, методология, аргументация в научном исследовании. Учебник для аспирантов. / Л.А. Демина, В.И. Пржиленский. – М.: Проспект, 2017. – 334 с.
4. Дзундза А.И. Потенциал математического образования в формировании личности представителей «цифрового поколения» / А.И. Дзундза, В.А. Цапов // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины: научный и производственно-практический журнал. – 2014. – № 2 (83). – С.57-63.
5. Есина Т.А. Эстетика. / Т.А. Есина, И.К. Сытина – Тула: Изд. ТГПУ, 2005 – 118 с.
6. Задирако П.С. Философско-эстетические факторы, влияющие на формирование творческой личности / П.С. Задирако // Проблемы теории и истории архитектуры Украины. – 2008. – Вып. 8. – С. 38-46.
7. Каган М.С. Эстетическая культура советского человека / М.С. Каган. – Л.: Изд. Ленинградского ун-та, 1976. – 168 с.
8. Каган М.С. Эстетика как философская наука / М.С. Каган. – СПб.: ТООТК Петрополис, 1997. – 544 с.
9. Киященко Н.И. Эстетика – философская наука / Н.И. Киященко. – М.: «Вильямс», 2005. – 592 с.
10. Киященко Н.И. Теория отражения и проблемы эстетики / Н.И. Киященко, Н.Л. Лейзеров. – М.: Искусство, 1983. – 224 с.
11. Комарова А.И. Эстетическая культура личности / А.И. Комарова. – Киев: Вища школа, 1988. – 151 с.
12. Кравченко О.А. Формирование эстетической культуры будущего учителя иностранного языка: Дис. канд. пед. наук / О.А. Кравченко. – Ульяновск, 2002. – 210 с.
13. Краткий словарь по эстетике: Кн. для учителя / Под ред. М.Ф. Овсянникова. – М.: Просвещение, 1983. – 223 с.
14. Крылова Н.Б. Формирование эстетической культуры личности: школа, трудовой коллектив, вуз / Н.Б. Крылова, Л.П. Печко. – М.: Знание, 1986. – 64 с.
15. Лабковская Г.С. Эстетическая культура и эстетическое воспитание / Г.С. Лабковская. – М.: Просвещение, 1983. – 304 с.
16. Новиков А.М. Методология образования. Издание второе / А.М. Новиков. – М.: «Эгвес», 2006. – 488 с.
17. Петрова Г.А. Вопросы эстетической подготовки будущего учителя / Г.А. Петрова. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 1976. – 200 с.
18. Пирадов А.В. Эстетическая культура личности / А.В. Пирадов. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1979. – 176 с.
19. Самохвалова В.И. Эстетические этюды / В.И. Самохвалова. – М.: ИИнтелЛ, 2013. – 552 с.
20. Слостенин В.А. Педагогика. Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / В.А. Слостенин, И.Ф. Исаев, Е.Н. Шиянов; Под ред. В.А. Слостенина. – М.: Издательский центр "Академия", 2013. – 576 с.
21. Сунягин Г.Ф. Кризисы и катастрофы в развитии цивилизаций / Г.Ф. Сунягин // Социальный кризис и социальная катастрофа / Сборник материалов конференции. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. – С.75-78.
22. Эстетика: Словарь / под общей редакцией А.А. Беляева и др. – М.: Политиздат, 1989. – 447 с.
23. Эстетика: Учебное пособие для вузов / под ред. А.А. Радугина. – М.: Центр, 2000. – 240 с.
24. Palfrey, John. Born Digital. Understanding the first generation of digital natives. / Palfrey John, Gasser Urs.: N.Y., Basic Books. – 2008. – 288 p.

Поступила в редакцию 11.09.2020 г.

SUBSTANTIATION OF THE DEFINITION "THE AESTHETIC COMPONENT OF THE SYSTEM OF WORLDVIEW GUIDELINES FOR THE DIGITAL GENERATION OF FUTURE MATHEMATICS TEACHERS"

A.I. Dzundza, V.A. Tsapov

The article is devoted to the study of the problem of aesthetic education as the most important component of the worldview of representatives of the digital generation. Various approaches to the definition of the concept of aesthetic upbringing of a personality are investigated. As a result of a detailed analysis, the authors propose their own definition of the aesthetic component of the system of worldview guidelines for the digital generation of future mathematics teachers.

Key words: aesthetic education, digital generation, worldview guidelines.

Дзундза Алла Ивановна

Доктор педагогических наук, профессор,
профессор кафедры теории вероятностей
и математической статистики
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
E-mail: alladzundza@mail.ru

Dzundza Alla Ivanovna

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Professor of the Department of Probability Theory
and Mathematical Statistics,
Donetsk National University
E-mail: alladzundza@mail.ru

Цапов Вадим Александрович

Кандидат физико-математических наук, доцент,
доцент кафедры высшей математики
и методики преподавания математики
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
E-mail: tsapva@mail.ru

Tsapov Vadim Aleksandrovich

Candidate of Physics and Mathematics Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Higher
Mathematics and Methods of Teaching Mathematics,
Donetsk National University
E-mail: tsapva@mail.ru

УДК 378

РОЛЬ И МЕСТО ПРИРОДООХРАННЫХ ЗНАНИЙ В СИСТЕМЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ ШКОЛЬНИКОВ

© 2020. А.Ю. Ефимова

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье рассмотрены роль и место природоохранных знаний в системе географической подготовки школьников. Описаны принципы образования, способствующие развитию природоохранных знаний у учащихся. Предложены варианты «экологизации» отдельных тем учебных программ в школьном курсе географии в 6–8 классах.

Ключевые слова: природоохранные знания, географическое образование, экология, охрана природы.

Разработка содержания и методики формирования природоохранных знаний в школьных курсах географии происходит на основе ряда дидактических принципов, каждый из которых отражает определенную сторону организации учебно-воспитательного процесса.

Принцип научности и фундаментальности обеспечивает познавательное отношение к окружающей среде, рассмотрение научных концепций и теорий в области охраны природы. В частности, И. Кныш в своем исследовании призывает к фундаментализации экологического образования и пересмотра на этой основе учебных программ. Исследователь утверждает, что образование включает в себя усвоения фундаментальных экологических знаний, а также способов теоретической и практической деятельности. Для этого необходимо менять логику учебных программ. Однако нет необходимости увеличивать объем знаний, необходимый для усвоения, поскольку это приводит к перегрузкам, необходимо концептуальное изложение учебного материала [6]. Поскольку в современной экологии очень много законов, принципов и правил, среди которых трудно выделить главные, в основу фундаментализации энвайронментального образования можно внедрить сокращенный и упрощенный вариант законов экологии, точнее энвайронментологии, которые в виде четырех афоризмов сформулировал в 1974 г. известный американский эколог Барри Коммонер:

1) все связано со всем – это утверждение обращает внимание на общую связь вещей и явлений в природе;

2) все должно куда-то деваться – это неформальная перефразировка фундаментального физического закона сохранения материи;

3) природа знает лучше – этим положением утверждается, что любое значительное антропогенное изменение в природной системе может стать губительной для нее;

4) ничто не дается даром – все, что было изъято из глобальной экосистемы человеческим трудом, должно быть возвращено [7, с. 78-79].

В свое время Б. Коммонер выразил пессимистическую мысль: «Если мы хотим выжить, мы должны понять причину катастрофы... Наши атаки на экосистему такие мощные, такие многочисленные, взаимосвязаны, что хотя опасность, которую они несут, разумеется, очень трудно определить, как она была создана. Каким оружием?»

Чьими руками?» [7, с. 6]. В связи с этим, безусловно, актуальным является акцентирование внимания при формировании природоохранных знаний на установление причинно-следственных связей.

Согласно исследованиям ряда психологов (Л. Выготский, С. Рубинштейн, В. Давыдов, Д. Эльконин и др.), сознание растущей личности развивается в направлении все большего охвата знаний, их интеграции и. Теоретическое мышление формирует понятия, содержанием которых выступает как связь общего и единичного, целого и отдельного. Средством установления связей между различными явлениями мира могут служить фундаментальные закономерности, выраженные в основных мировоззренческих идеях школьного курса географии, определяющихся в принципах обучения предмету.

В основу отбора содержания и разработки методики формирования природоохранных знаний в школьных курсах географии должны быть положены ведущие дидактические принципы: принцип научности и фундаментальности, взаимосвязи глобального, национального и краеведческого раскрытия природоохранных проблем, индивидуализации учебно-воспитательного процесса, межпредметности природоохранных знаний, непрерывности энвайронментального образования, аксиологический, гуманистический и деятельностный принципы. Дадим их характеристику.

Аксиологический и гуманистический принципы формируют духовность и эстетическое отношение к окружающей среде, благодаря которым охрана природы имеет первостепенное значение в системе ценностей, и способствуют развитию личной ответственности за состояние окружающей среды на местном региональном, национальном и глобальном уровнях. Аксиологизация знаний является предпосылкой формирования особого, сакрального отношения к природе как высшей ценности. Она заключается в сочетании рационализма естественнонаучного мышления и иррационализма гуманитарного мышления, в предупреждении развития одностороннего материалистического миропонимания.

Например, А. Крамаренко, анализируя наследие теолого-философской школы, отмечает, что уважительное отношение наших предков к богатствам природы базировались на достаточно устойчивых языческих представлениях, которые впоследствии трансформировались под влиянием христианской религии в единую философско-культурологическую парадигму бытия [9, с. 8-9].

Деятельностный принцип формирует познавательные и практические природоохранные умения, развивает критическое мышление и природоохранную инициативу учащихся. В Концепции экологического образования в РФ [8] отмечается, что знания, как составляющая экологического образования, включают познавательные и деятельностные компоненты обучения, поэтому важно предусмотреть и разработать содержание знаний, направленных на изменение своего образа жизни относительно окружающей среды, формирование готовности к активной сознательной деятельности по гармонизации отношений в системе «Человек – общество – природа». Деятельностный принцип реализуется в компетентно ориентированном подходе к отбору содержания и методов формирования природоохранных знаний учащихся, ведь любая деятельность (в т.ч. природоохранная) основывается на знаниях.

Краеведческий принцип способствует формированию эколого-краеведческих знаний. Краеведческий материал в методике обучения географии рассматривается как лучше наглядности при изучении многих тем [2]. Краеведческий подход в обучении географии активизирует познавательную деятельность учащихся, привлекает их к

участию в природных и общественных преобразованиях, дает возможность почувствовать себя действующими лицами, а не пассивными наблюдателями, и пробуждает ответственность за свое будущее и будущее родного края. Уместно отметить принцип взаимосвязи глобального, национального и краеведческого уровней раскрытия природоохранных проблем в учебно-воспитательном процессе [3]. В перспективах устойчивости, которые расширяют принципы устойчивого развития, заложенные в Повестке дня XXI века ООН, указано, что местные вопросы должны рассматриваться в глобальном контексте, и следует понимать, что способ решения местных проблем может иметь глобальные последствия [12]. Да есть сочетание уровней раскрытия природоохранных проблем является практической реализацией известного экологического императива Римского клуба «Мыслить – глобально, действовать – локально» [15].

Благодаря реализации *принципа индивидуализации* учебно-воспитательного процесса формируется личностное экологическое (энвайронментальное) мировоззрение по защите и охране окружающей среды. Этому способствует использование индивидуальных форм организации учебно-воспитательного процесса, создание индивидуальной образовательной среды с использованием информационно-коммуникативных технологий в традиционном, самостоятельном и интерактивном режимах.

Другим, довольно значимым является *принцип межпредметности природоохранных знаний*. В Концепции экологического образования РФ указано, что базовыми составляющими экологических знаний должны быть знания о: системе «Человек – общество – биосфера – космос»; основные виды антропогенного воздействия на компоненты окружающей среды и их негативные последствия; основные глобальные, государственные и региональные экологические проблемы и пути их решения; экономические, законодательные и нормативно-правовые принципы рационального природопользования; основы государственной и региональной экологической политики и т.д. [8]. Анализ содержания этих базовых компонентов показывает, что они представлены в учебных программах других (кроме географии) школьных предметов и могут быть сформированы при изучении биологии, обществознания, химии, физики, литературы, основ безопасности жизнедеятельности, то есть предметов различных образовательных областей. Следовательно, возникает потребность в определении места и функциональной роли географии в системе энвайронментального образования, выделении и широком использовании межпредметных связей, обобщении межпредметных подходов и терминологии при формировании природоохранных знаний учащихся. Например, знания по биологии помогают ученикам понять влияние загрязнений на живые организмы, по физике – закономерности динамических процессов переноса загрязнений, по химии – химические методы очистки сточных вод, а по географии – определить последствия воздействия загрязнения на все компоненты природного комплекса и спрогнозировать возможные способы их предупреждения и предотвращения.

Принцип непрерывности энвайронментального образования заключается в сочетании классной и внеклассной учебно-познавательной деятельности учащихся, направленной на получение природоохранных знаний. Мы согласны с мнением В. Червонецкого, что главная функция внеклассной деятельности по охране окружающей природной среды заключается в том, чтобы повысить эффективность экологической подготовки школьников, обеспечить возможность закрепить полученные на уроках знания, умения и навыки природоохранного характера, способствовать

совершенствованию нравственного опыта в реальных условиях социально природного окружения [16]. Подход к экологическому образованию как к непрерывного процесса усвоения систематизированных знаний об окружающей среде, умений и навыков природоохранной деятельности, формирование общей экологической культуры необходим на всех уровнях образования [4].

В соответствии с Законом ДНР «Об образовании» [5], содержание и объем школьных курсов географии, как и других предметов, регламентируется Государственным образовательным стандартом основного общего образования [1]. Нами было выделено природоохранную проблематику, которая заложена в географической компоненте образования «Естествознание» в основной школе (табл. 1).

Таблица 1

Тематическая структура географической компоненты природоохранных знаний обучающихся в основной школе (согласно Примерной основной образовательной программы основного общего образования) [13]

Тематический блок природоохранных знаний	Природоохранные вопросы
1. Взаимодействие природы и общества	Степень воздействия человека на природу на разных материках. Необходимость международного сотрудничества в использовании природы и ее охраны. Развитие природоохранной деятельности на современном этапе (Международный союз охраны природы, Международная Гидрографическая Организация, ЮНЕСКО и др.)
2. Растительный и животный мир Донецкого края, России	Охрана растительного и животного мира. Определение видов особо охраняемых природных территорий Донецкого края, России и их особенностей.

На следующем этапе исследования анализировались отображения природоохранных вопросов в содержании школьного курса географии в соответствии с учебными программами и с переходом на российские образовательные стандарты ФГОС+++. Возможности школьной физической географии в формировании природоохранных знаний школьников более раннего этапа (с 80-х годов XX века) раскрыты в исследованиях А. Волковой, Т. Кучер, И. Матрусова, Л. Панчешниковой и других ученых. В общем виде прошлые программы предусматривали формирование таких содержательных компонентов природоохранных знаний:

- значение и ценность различных видов природных богатств (ресурсов) в жизни человека, необходимость их охраны и рационального природопользования;
- конкретизация географических знаний о взаимосвязи компонентов природы для целей рационального использования, охраны и улучшения окружающей среды;
- знакомство с правовыми основами бережного отношения к природе (Конституция, Законы об охране природы);
- воздействие человека на различные объекты природы и природный комплекс в целом, меры борьбы с вредными воздействиями.

Сравнительный анализ современных программ показал, что к традиционному кругу природоохранных вопросов, изучение которых и ранее предполагалось в школьных курсах географии, добавились:

- охрана уникальных форм рельефа и недр Земли (6 кл.);

- охрана вод Мирового океана (6 кл.);
- объекты, занесенные в Список природного наследия ЮНЕСКО (7 кл.);
- международные организации по охране природы (7 кл.);
- мониторинг окружающей среды (8 кл.);
- природопользования в условиях устойчивого развития (8 кл.).

В 6-м классе изъято: практическую работу на местности, в которой начиналось знакомство учеников с физической географией; последний раздел курса «Природа и население своей местности», в котором ранее изучались использования, изменение и охрана природы своей местности.

В действующем варианте программы эколого-краеведческие знания уступили изучению изменений человечеством природных комплексов Земли и природных компонентов в масштабах географической оболочки, а исследования изменений природы своей местности под влиянием деятельности человека переносится в 8 класс, которым завершается изучение физической географии. На наш взгляд, это противоречит дидактическим принципам «от знакомого к общему», «от близкого к далекому», поэтому для преодоления указанного недостатка учителю нужно организовывать учебно-познавательную деятельность учащихся так, чтобы рассматривать природоохранные вопросы на всех пространственных уровнях – от локального к глобальному согласно очерченного выше принципа взаимосвязи глобального, национального и краеведческого раскрытия природоохранных проблем.

Экологические проблемы проявляются на разных уровнях (глобальном, региональном, локальном (местном)), поэтому программный материал по географии обязательно дополняется местным экологическим материалом о состоянии окружающей среды родного края. Это способствует активизации межпредметных исследований по экологическому краеведению, в котором выделяют следующие четыре составляющие: природоохранная история родного края; природные ресурсы (атмосферы, литосферы, гидросферы, растительного и животного мира) природно-заповедные территории края; экотуризм, экология и здравоохранение, экологическое законодательство, экологическое образование и воспитание [14]. Соответственно, в экологическом краеведении выделяют следующие направления исследования: *экологический, ресурсный, заповедный, эколого-социальный*. Отсюда следует важность охвата всех направлений и пространственных уровней экологических проблем, ведь без осознания личной ответственности за состояние окружающей среды (при условии доминирования в обучении глобального уровня), экологические знания могут дать обратный эффект – природоохранные лозунги становятся для учащихся абстрактными понятиями, скорее парализуют их активность, чем стимулируют к природоохранной деятельности. Как цитирует из Концепции географического образования (1989) В. Макасовский «Зачем сохранять свою реку, если гидросфера деградирует в глобальном масштабе?» [10, с. 335]. Поэтому вполне оправданным является включение в учебную программу курса географии 6 класса практических работ и исследований, которые опираются на использование краеведческого материала. Локальный (местный) уровень прослеживается также в государственных для определения уровня общеобразовательной подготовки учащихся. Например, при изучении в 6 классе темы «Атмосфера» обучающийся «оценивает: последствия воздействия хозяйственной деятельности человека на атмосферу и климат Земли» (это глобальный уровень проблемы загрязнения атмосферы) и одновременно проводит исследования «Анализ состояния воздуха в своем населенном пункте с использованием различных источников информации и собственных наблюдений», то есть определяет локальный уровень

проявления проблемы. Однако во время изменения программы в 2015 году краеведческие исследования были удалены. На наш взгляд, это упущения: сочетание пространственных уровней должно проследиваться в каждом разделе программы и каждой теме в соответствии с приведенным выше дидактического принципа взаимосвязи глобального, национального и краеведческого раскрытия природоохранных проблем в учебно-воспитательном процессе.

В 7-м классе заменено «экологические проблемы материков» на «смену природы материка человеком», «воздействие человека на биосферу» на «влияние хозяйственной деятельности человека на почвенный покров, растительность и животном мире», усилено внимание к охране вод Мирового океана, свидетельствует о энвайронментальном понимании составителями программы экологического образования, а также изъято «проблемы озонового слоя» при изучении Антарктиды».

В 8 классе изъято изучение природоохранного законодательства, хотя большинство природоохранных вопросов его прямо или косвенно затрагивают (например, определение категорий природно-заповедного фонда ДНР и России). Позитивным явлением является включение в программу в последнем разделе, которым фактически завершается физико-географическое образование обучающихся основной школы, вопрос о природопользовании в условиях устойчивого развития. Однако эти идеи можно и нужно внедрять значительно раньше, при изучении каждой из тем физической географии, начиная с 6 класса.

Сравнив содержание природоохранных вопросов географической компоненты Примерной основной образовательной программы основного общего образования, констатируем, что выделены тематические блоки и природоохранные вопросы достаточно полно представлены в каждом из курсов физической географии 6-8 классов, однако в программах отсутствует освещение «Правил поведения в окружающей естественной среде». Мы предлагаем их совместить с принципами Концепции устойчивого развития человечества и сформулировать так: «Правила постоянного (устойчивого) поведения в окружающей среде », с последующим их включением в содержание учебных программ, учебников, учебно-методических пособий и рекомендаций. С этой целью целесообразной является разработка информационных плакатов, творческих проектов и задач на тему «Я защитник окружающей среды».

Географической спецификой природоохранных знаний является их пространственная организация и локализация, поэтому считаем нужным к содержанию знаний включить географическую номенклатуру природоохранной тематики.

Например, названия природоохранных территорий и объектов, занесенных в Список природного наследия ЮНЕСКО, мест экологических катастроф.

Критериями отбора природоохранных фактов являются: научность и достоверность, актуальность и новизна. Поскольку, например, статистическая информация относительно объемов загрязнений, уменьшения площади лесов, количества исчезнувших видов быстро устаревают, однако необходимой основой для формирования теоретических знаний, то одним из критериев их отбора выступает целесообразность и необходимость для формирования понятий и причинно следственных связей.

Содержание школьной географии охватывает весь диапазон аспектов взаимодействия общества и природы, поскольку это единственный предмет, в котором представлены знания обо всех компонентах географической оболочки (окружающая среда), все виды окружающей среды: природного, антропогенного, социального.

Одним из путей экологизации школьного курса географии является его насыщения природоохранными понятиями, которые, отражая основные черты

объективно существующих процессов и явлений, представляют собой основу энвайронментальных знаний.

Усвоения понятий (терминов), формирование способности правильно их употреблять составляют значительную часть процесса обучения географии. Понятийная модель любой учебной дисциплины функционально полно описывает ее содержание. Природоохранные понятия в школьном курсе географии имеют межпредметный характер и обеспечивают ее связь с биологией, обществознанием и экологией. При этом их развитие и корректное определение позволяют избегать недоразумений и несуразностей, дают адекватно понимать различные проблемы взаимодействия общества и природы.

Объем природоохранных понятий определяется действующей программой по географии. Ведущим среди них является «охрана природы». В охране природы, как системе природоохранных мероприятий, выделяют два направления: 1) охрана природы путем изъятия определенных территорий (акваторий) из хозяйственного использования или ограничения на них хозяйственной деятельности; 2) охрана природы в процессе использования природных ресурсов – рациональное природопользование, что отражено на рис. 1.

Рис. 1. Модель понятия «охрана природы» в школьном курсе географии

В курсах физической географии преобладает формирование знаний о первом (запрещающее или консервативное) направлении охраны природы – обучающиеся учатся различать основные типы природоохранных территорий в мире, РФ и ДНР, знакомятся с деятельностью международных организаций по охране природы; вводятся понятия «Красная книга», «Красная книга ДНР», «Зеленая книга».

При изучении экономической и социальной географии внимание акцентируется на последствиях для отдельных природных компонентов различных типов природопользования и экологических проблемах, возникающих при нерациональном использовании природных ресурсов в различных отраслях хозяйства. Например, проблема засоления почв при неправильном орошении в сельском хозяйстве, кислотные осадки в следствии развития теплоэнергетики, загрязнение Мирового океана при перевозке нефти танкерного флота и тому подобное. Поэтому в смысле курсов по экономической и социальной географии доминирует второе направление охраны природы – рациональное природопользование и целью учителя является формирование

знаний о мерах о наиболее экономном использовании природных ресурсов, их воспроизводстве и сохранении достижения постоянная (устойчивой) модели социально-экономического развития общества.

Мы осуществили тематическую типизацию природоохранных вопросов, целесообразно изучать в процессе обучения физической географии, в соответствии со структурой и последовательности усвоения курсов и тем и выяснили, что фактором, который влияет на процесс формирования природоохранных знаний обучающихся в 6 классе, логика изучения географической оболочки как объекта географической науки. Сначала рассматриваются отдельные природные компоненты, которые затем обобщаются через выявление взаимосвязей между ними в понятии природного комплекса (ландшафта). Тем самым закрепляется географическое понимание природы как природного комплекса и утверждается идея системности в ее охране, поскольку невозможно охранять отдельно взятый ее компонент, разрушая при этом остальные, с которыми он тесно связан.

Идея компромисса во взаимодействии человека и природы, которая проявляется в охране путем соблюдения контролируемых изменений в ней, которая нашла свое отражение в Концепции устойчивого развития человечества, раскрывается в завершающей теме «Влияние человека на природные комплексы «Природопользования». Также такой подход охватывает все структурные компоненты понятия «охрана природы» – охрана как защита и как рациональное природопользование.

Несколько отличается последовательность формирования природоохранных знаний в курсе географии 7 класса, где не предусмотрено покомпонентное рассмотрение природоохранных вопросов, однако повышено внимание к воздействию хозяйственной деятельности человека на природные комплексы в целом по каждому из материков и океанов, а страноведческий материал позволяет приводить примеры рационального и нерационального природопользования в разрезе отдельных стран и регионов мира и реализации Концепции устойчивого развития. При этом акцент смещен на экологические и заповедные направления охраны природы: изменение природы материка человеком, экологические проблемы материка, природоохранные территории и объекты, занесенные в Список природного наследия ЮНЕСКО. В курсе физической географии Родного края (ДНР) и России появляются единичные природоохранные понятия, например, Красная книга, природно-заповедном фонде, радиационное загрязнение, экологические проблемы.

Таким образом, анализ действующих учебных программ на предмет представления в них природоохранных знаний позволяет нам утверждать, что основанием для их структурирования есть направления охраны природы, которые традиционно выделяются в энвайронментальном (экологическом) образовании: экологический, ресурсный, заповедный, экономический и социально-политический. В частности, во всех курсах физической географии доминирует экологическое направление охраны природы, который дополняется ресурсным – в «Общей географии» (6 кл.), заповедным – в «Географии материков и океанов» (7 кл.), а в курсе «География Родного края и география России: природа, население, хозяйство» (8-й класс) происходит углубление природоохранных знаний по всем указанным направлениям на национальном уровне. Экономическое и социально-политическое направления охраны природы в указанных курсах не представлены, в то время, когда в условиях рыночной экономики, соблюдения принципа «экологическое – экономически» является одним из ведущих во внедрении природоохранных мероприятий, а большинство геоэкологических проблем получили государственный масштаб и их решение невозможно без международного сотрудничества на политическом уровне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный образовательный стандарт основного общего образования ДНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://drive.google.com/file/d/1TB9ixjm7WaclUdlqG2wR1_7HNMqC8-Kei/view. – Дата обращения: 15.01.2019.
2. Ефимова А.Ю. Краеведческий принцип в преподавании географии / А.Ю. Ефимова, А.М. Зайцева, Е.Г. Кошелева // Теоретические и прикладные проблемы географической науки: демографический, социальный, правовой, экономический и экологический аспекты: материалы международной научно-практической конференции : в 2 т. / отв. ред. д.г.н. Н.В. Яковенко. – Воронеж, 2019. – Т. 2. – С. 293-299.
3. Ефимова А.Ю. Основные методы и приемы внедрения краеведческого принципа в подготовке будущих учителей географии / А.Ю. Ефимова // Донецкие чтения 2019: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы IV Международной научной конференции (Донецк, 31 октября 2019 г.). – Том 6: Педагогические науки. Часть 1 / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2019. – С. 90-93
4. Ефимова А.Ю. Содержание и структура экологической культуры будущих учителей географии / А.Ю. Ефимова // Перспективные этапы развития научных исследований: теория и практика: сборник материалов II Международной научно-практической конференции (29 марта 2019 г.). – Том II – Кемерово: ЗапСибНЦ, 2019 – С. 106-110
5. Законом ДНР «Об образовании» [Электронный ресурс] – Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики – Режим доступа: <https://dnrsvet.su/zakon-dnr-ob-obrazovanii/>. – Дата обращения: 30.11.2020.
6. Кныш И. В. Экологическое образование и экологическое воспитание, как предпосылка формирования ноосферного мышления / В. И. Кныш // Вестник Института развития ребенка. – Вып. 13. Серия: Философия, педагогика, психология: Сб. науч. трудов. – Киев: Изд. Национального педагогического университета им. М. П. Драгоманова, 2011 – С. 18 - 24.
7. Коммонер Б. Замыкающийся круг. Природа. Человек. Технология. / Барри Коммонер. – Ленинград : Гидрометеиздат, 1974. – 280 с.
8. Концепция экологического образования в РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.geogr.vsu.ru/Novosti/2017/1.pdf>. – Дата обращения: 12.11.2020.
9. Крамаренко А. М. Теоретические основы формирования экологических ценностей будущих учителей начальной школы / А. М. Крамаренко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sworld.com.ua/simpoz2/25.pdf>. – Дата обращения: 29.09.2020.
10. Максаковский В. П. Географическая культура : учеб. пособие [для студентов вузов] / Владимир Павлович Максаковский. – М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1998. – 416 с.
11. Носкова О. Л., Розенберг Г. С. Экологическое краеведение как составляющая экологического образования // Известия Самарского научного центра РАН. – 2010. – № 1-9. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekologicheskoe-kraevedenie-kak-sostavlyayuschaya-ekologicheskogo-obrazovaniya>. – Дата обращения: 16.11.2020.
12. Повестка дня XXI век ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agenda21.shtml. – Дата обращения: 15.12.2020.
13. Примерная основная образовательная программа основного общего образования ДНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mondnr.ru/dokumenty/primernye-programmy-obshchego-obrazovaniya/send/9-programmy/4215-primernaya-osnovnaya-obrazovatel'naya-programma-osnovnogo-obshchego-obrazovaniya>. – Дата обращения: 16.11.2020.
14. Примерная основная образовательная программа по учебному предмету «География. 6-9 кл.» / сост. В.Е.Панкина, О.Н. Харченкова, Н.В. Гавенко и др. – 3-е изд. перераб., дополн. – ГОУ ДПО «ДонРИДПО». – Донецк: Истоки, 2019. – 69 с.
15. Риский клуб. Энциклопедия Крукосвет [Электронный ресурс] – Универсальная научно-популярная энциклопедия. Режим доступа: https://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/sociologiya/-RIMSKI_KLUB.html. – Дата обращения: 15.08.2020.
16. Червонецкий В. В. Индивидуальные формы работы по экологическому образованию учащихся в внеклассное время в школах стран Евроатлантического региона [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vuzlib.com.ua/articles/book/9268-Individualni_formi_roboti_z/1.html. – Дата обращения: 30.10.2020.

Поступила в редакцию 17.11.2020 г.

THE ROLE AND PLACE OF ENVIRONMENTAL KNOWLEDGE IN THE SYSTEM OF
GEOGRAPHICAL TRAINING OF PUPILS

A.Yu. Efimova

The article examines the role and place of environmental knowledge in the system of geographical training of schoolchildren. The principles of education that contribute to the development of environmental knowledge among students are described. Variants of "greening" certain topics of curricula in the school geography course in grades 6-8 are proposed.

Key words: environmental knowledge, geographical education, ecology, nature protection.

Ефимова Анна Юрьевна

Старший преподаватель ГОУ ВПО «Донецкий
национальный университет», г. Донецк.
E-mail: a.efimova@donnu.ru.

Efimova Anna Yurievna

Senior Lecturer, SEI HPE "Donetsk National
University", Donetsk.
E-mail: a.efimova@donnu.ru.

УДК 378:37.02

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ПРОГНОСТИЧЕСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ У БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

© 2020. Ю.А. Исаева

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье представлен анализ понятия «педагогические условия». Уточнен перечень педагогических условий формирования профессиональных прогностических компетенций у будущих педагогов дошкольного образования. Сделан вывод о том, что психолого-педагогические и организационно-методические группы педагогических условий способствуют формированию профессиональных прогностических компетенций у будущих педагогов дошкольного образования в процессе обучения и отражают совокупность взаимосвязанных и взаимообусловленных возможностей образовательной и материально-пространственной сред, направленных на преобразование конкретных характеристик личности.

Ключевые слова: педагогические условия, прогностические компетенции, подготовка педагогов дошкольного образования.

Введение. Наряду с традиционными характеристиками личностных и личностно-профессиональных качеств современного педагога, в последнее время все большую популярность приобретают мобильность, готовность и способность к нестандартным действиям, самостоятельность, ответственность и умение рационально планировать свою профессиональную деятельность. Всё отмеченное выше определяет актуальность формирования прогностических компетенций у студентов-бакалавров педагогического направления. Сформированные в процессе обучения в педагогическом вузе прогностические компетенции позволят выпускнику быть конкурентоспособным в постоянно меняющихся условиях жизнедеятельности.

В рамках нашего исследования мы полагаем, что процесс формирования прогностических компетенций является составной частью общей профессионально-педагогической подготовки. Данные компетенции способствуют эффективной реализации профессиональной деятельности педагога, особенно при решении организационно-педагогических задач. Будущий педагог, в частности дошкольного образования, имеющий сформированные прогностические компетенции, будет способен к эффективному выполнению следующих задач:

1) прогнозированию педагогического процесса (образовательных, развивающих и воспитательных возможностей нового материала, затруднений детей в обучении и других видах деятельности, результатов применения конкретных методов, приемов и средств обучения и воспитания);

2) развитию личности ребенка (ее качеств, чувств и поведения, возможных отклонений в развитии, затруднений в установлении взаимоотношений со сверстниками);

3) прогнозированию развития детского коллектива (динамика трансформаций его структуры, развитие системы взаимоотношений, изменение положения отдельных детей в ней) и др.

В процессе формирования профессиональных прогностических компетенций у студентов педагогических вузов важным является создание определенных

педагогических условий. Таким образом, **цель статьи** – рассмотрение и выделение педагогических условий формирования указанных выше компетенций у будущих педагогов дошкольного образования.

Основная часть. Анализ научной психолого-педагогической литературы позволяет утверждать, что на современном этапе можно встретить различные интерпретации понятия «педагогические условия», следовательно, единого подхода к определению этого термина нет, а сам он изменялся и развивался с течением времени.

Понятие «условие», с точки зрения этимологии, С.И. Ожеговым рассматривается или как обстоятельство, от которого что-либо зависит, или как обстановка, в которой что-либо осуществляется (в том числе и формирование компетенций) [1].

Как философская категория данный термин выражает взаимоотношения предмета и окружающих его явлений, без которых он существовать не может. Сам предмет выступает как нечто обусловленное, а условия – «как относительно внешнее ему многообразие объективного мира» [2]. В отличие от причины, условие составляет ту среду, обстановку, в которой то или иное явление (процесс) возникает, существует и развивается. Причём влияние условий на явления и процессы является обоюдным [3].

В то же время В.И. Андреев само понятие «педагогические условия» трактует как результат целенаправленного отбора, конструирования и применения элементов содержания, методов (приемов), а также организационных форм обучения для достижения дидактических целей [4]. Напротив, Е.В. Яковлев под педагогическими условиями понимает совокупность мер педагогического процесса, направленных на повышение его эффективности [5, с. 158].

В своём исследовании Е.А. Ганин указывает на то, что под педагогическими условиями необходимо понимать «совокупность взаимосвязанных условий, необходимых для создания целенаправленного воспитательно-образовательного процесса с использованием современных информационных технологий, обеспечивающих формирование личности с заданными качествами». Кроме того, он отмечает, что в образовательной практике создание условий связано с двумя аспектами: психологическим и педагогическим [6].

В теории и практике педагогики авторы выделяют различные типы педагогических условий, например:

- психолого-педагогические (А.В. Лысенко, А.О. Малыгина),
- организационно-педагогические (С.Н. Павлов, А.В. Сверчков),
- дидактические (М.В. Рутковская и др.)

По мнению Е.Е. Овакимян, эффективность условий зависит от таких факторов, как социальный заказ общества профессиональному образованию, тенденции изменения содержания профессионального образования в высшей школе, специфика компетентности будущих специалистов [7].

Проведя анализ многочисленных исследований, отметим следующие характерные признаки педагогических условий:

- 1) их можно рассматривать как совокупность возможностей материально-пространственной и образовательной сред, способствующих повышению эффективности целостного педагогического процесса;
- 2) они направлены на развитие личности субъектов педагогической системы, что обеспечивает успешное решение задач педагогического процесса;
- 3) основной функцией является организация такого педагогического взаимодействия, которое обеспечивает преобразование конкретных характеристик развития, воспитания и обучения личности, то есть воздействует на личностный аспект.

Максимально подходящей для нашего исследования считаем следующую дефиницию «педагогических условий»: это категория, которую можно представить как комплекс взаимосвязанных и взаимообусловленных мероприятий педагогического процесса успешного формирования той или иной компетенции.

Из всей совокупности педагогических условий, основываясь на принципе системности, нами были выделены две группы условий: психолого-педагогические (ориентированные на мотивационный и рефлексивный компоненты), организационно-методические (включающие формы, методы и информационную среду). Остановимся более подробно на каждой из них.

Психолого-педагогические условия, по нашему мнению, включают в себя:

- ✓ гуманистическую позицию педагога. Исходя из нее, он (педагог) не строит будущее в отрыве от настоящего, то есть его педагогический проект – это реальная деятельность, реальные отношения к себе и другим. При этом гуманистическая позиция в образовании понимается так, что педагог не работает в отдельности ни для одной из категорий (дети, родители, общество, государство). Он видит себя «в каждой этой отдельности». Основными характеристиками такой позиции выступают свобода, добровольность, уважение, содействие, принятие, сотрудничество, поддержка. То есть реализуются личностно-ориентированный и индивидуально-дифференцированный подходы к обучению [8].
- ✓ демократический стиль общения со студентами основывается на известной классификации К. Левина и учитывает в общении самостоятельность, инициативность, активность других, доверяет им. Он позволяет наладить контакт с преобладающими положительными оценками познавательной деятельности, при этом организуя «обратную связь», и дает понимание ценности сотрудничества в совместной деятельности и воплощает аксиологический подход к обучению.
- ✓ актуализация мотивов деятельности будущих педагогов с учетом профессионально-ценностных ориентаций. Для начала следует определить, что мы понимаем под профессионально-ценностными ориентациями будущего педагога. Это элемент внутренней структуры личности, который выражает ее субъективное отношение к общественно значимым ценностям труда и определенным компонентам будущей профессиональной деятельности. Они должны выступать в качестве регуляторов потребностей, интересов, идеалов и в дальнейшем актуализироваться в качестве мотивов профессиональной деятельности. Таким образом, учет названных ориентаций и степень их актуализации напрямую влияют на процесс формирования профессиональных компетенций и реализуют аксиологические основания образовательной деятельности.
- ✓ создание зоны «Ближайшего развития» строится на теории Л.С. Выготского, который определял ее как расхождение между уровнем актуального развития (определяется степенью трудности задач, решаемых самостоятельно) и уровнем потенциального развития (которого можно достигнуть, решая задачи под руководством и в сотрудничестве). То есть содействие постоянному профессиональному росту на основе уже сформированных компетенций осуществляет развивающий подход к обучению.
- ✓ развитие антиципации (относительно профессиональной деятельности). Первоначально определим дефиницию понятия «антиципация». В нашем исследовании понимаем ее как способность человека представить себе возможный результат действия до его осуществления (по В. Вундту). Хотя как феномен опережающее отражение и относится к будущему, он все равно обязательно

опирается на прожитый опыт, который сохраняется в памяти индивида. Согласно В.В. Фадееву, в деятельности антиципация захватывает такие аспекты развития ситуаций, как вероятные варианты, преобразование условий, вероятные варианты постройки исполнительных деяний, вариации оценки вероятных исходов, варианты корректировки модели обстоятельств и программы исполнительных деяний [9]. Следовательно, необходимо развивать такую способность, как бы «накапливая прожитый опыт» относительно профессиональной деятельности, реализуя акмеологический подход.

Организационно-методическая группа педагогических условий представлена такими условиями:

- ✓ поэтапность, характеризует такое построение процесса обучения, которое базируется на теории поэтапного формирования умственных действий (П.Я. Гальперин), согласно которой процесс усвоения информации должен включать пять этапов, что использует положительные стороны как пассивных, так и активных форм учебной деятельности.
- ✓ прееquentialность в расположении учебного материала и в выборе способов деятельности по овладению этим содержанием осуществляется с учетом двух факторов: содержания и логики педагогики как науки и закономерностей процесса усвоения знаний. Она также должна отражать и межпредметные связи. Последовательное осуществление прееquentialности придаёт обучению перспективный характер и реализует системный подход.
- ✓ непрерывность, которая выражает достижение целостности образовательного процесса, интегративности всех этапов и ступеней. Иными словами, будущий педагог, получая знания, умения и навыки определенного уровня и характера, может параллельно или при необходимости дополнять, расширять их другими способами, в том числе и самообразованием.
- ✓ проблемный характер, то есть обеспечение проблемности на основе решения задач, содержащих противоречие. При этом учебная деятельность уподобляется научному поиску и отражается в таких понятиях: проблема, проблемная ситуация, гипотеза, средства решения, эксперимент, результаты поиска. А это в свою очередь развивает мыслительные способности студентов, интерес к учению, творческие силы и осуществляет активно-деятельностный подход.
- ✓ информационная среда включает в себя комплекс информационных образовательных ресурсов, которые представлены цифровыми образовательными ресурсами, совокупностью технологических средств информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) в том числе: компьютеры, иное оборудование, коммуникационные каналы, систему современных педагогических технологий, обеспечивающих обучение в современной информационно-образовательной среде. Современные программные средства, способы работы с информацией предоставляют новые возможности для решения педагогических задач: учебный материал одновременно становится и рабочим. Кроме того, в настоящее время, как утверждают исследователи, целесообразно заниматься разработкой информационных ресурсов на междисциплинарной основе, что поможет установлению межпредметных связей и систематизации получаемой информации.
- ✓ внедрение технологий, связанных с активизацией деятельности будущих педагогов, связано с таким качеством деятельности, которое характеризуется высоким уровнем мотивации, осознанной потребностью в усвоении знаний и умений, результативностью и соответствием социальным нормам. Отдельно отметим, что

имеем в виду игровое обучение, коммуникативные технологии, создание ситуаций выбора и авторские системы обучения.

- ✓ актуализация индивидуальных способностей может рассматриваться как механизм личностного самоосуществления и саморазвития, заключающийся в стремлении сохранять и интенсифицировать себя в позитивном, конструктивном и творческом направлении. Реализуется через творческую атмосферу образовательного процесса.

Заключение. В заключение хотелось бы акцентировать внимание на положениях, важных для понимания словосочетания «педагогические условия» и максимально полного его определения:

- они являются одним из основных компонентов педагогической системы и выступают как составной элемент целостного педагогического процесса;
- должны отражать всю совокупность возможностей образовательной среды, в том числе и при профессиональном обучении;
- немыслимы сегодня без активного использования информационных технологий;
- в их структуре присутствуют как внутренние компоненты, которые обеспечивают воздействие на личностную сферу субъектов образовательного процесса, так и внешние, призванные содействовать формированию процессуальной составляющей всей педагогической системы.
- для них характерно изменение и развитие с течением времени.

Таким образом, можно сделать вывод, что выделенные нами группы педагогических условий – психолого-педагогических и организационно-методических – будут способствовать формированию профессиональных прогностических компетенций у будущих педагогов дошкольного образования в процессе обучения и отражают совокупность взаимосвязанных и взаимообусловленных возможностей образовательной и материально-пространственной сред, направленных на преобразование конкретных характеристик личности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под общ. ред. Л.И. Скворцова. – 24-е изд., испр. – М.: Оникс, Мир и Образование, 2007. – 1200 с.
2. Борытко Н.М. В пространстве воспитательной деятельности: Монография / Науч. ред. Н.К. Сергеев. – Волгоград: Перемена, 2001. – 181 с.
3. Философский энциклопедический словарь / Ред.-сост. Е.Ф. Губский, Г.В. Коралева, В.А. Лутченко. – М.: ИНФРА-М, 2003. – 576 с.
4. Андреев В.И. Педагогика: учебный курс для творческого саморазвития./ В.И. Андреев. – Казань: Центр инновационных технологий, 2000. – С.124.
5. Яковлев Е.В. Педагогическое исследование: содержание и представление результатов./ Е.В. Яковлев – Челябинск: Изд-во РБИУ, 2010. – 316с.
6. Ганин Е.А. Педагогические условия использования современных информационных и коммуникационных технологий для самообразования будущих учителей // ИТО/ Е.А. Ганин. – 2003. Режим доступа: URL: <http://www.ito.su/2003/VII/VII-0-1673.html>. (дата обращения: 15.09.2018).
7. Овакимян Е.Е. Педагогические условия развития экономической компетентности студентов вузов/ Е.Е. Овакимян // Вестник Челябинского государственного педагогического университета – 2009. – №11 – С. 92-104.
8. Учитель и ученик: возможность диалога и понимания. – Том 2. / Под общ. ред. Л.И. Семиной. – М.: Изд-во «Бонфи», 2002. – 408 с.
9. Фадеев В.В. Возрастные особенности формирования прогноза в процессе регуляции деятельности / В.В. Фадеев: автореф. дис. ... канд. психол. наук. – М., 1982. – 32 с.
10. Матюшкова Т. М. Профессионально-ценностные ориентации как условие профессиональной самореализации будущих учителей музыки/ Т.М. Матюшкова // Молодой ученый. – 2016. – № 2. – С. 815-817. – Режим доступа: URL: <https://moluch.ru/archive/106/25407/> (дата обращения: 13.09.2019).

11. Исаева Ю.А. Педагогические условия формирования компетенций в процессе профессионального образования / Ю.А. Исаева // Донецкие чтения 2018: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы III Международной научной конференции (Донецк, 25 октября 2018 г.). – Том 6: Педагогические науки / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2018. – С. 87-89.

Поступила в редакцию 23.05.2020 г.

**PEDAGOGICAL CONDITIONS FOR FORMING PROFESSIONAL PROGNOSTIC COMPETENCIES
IN FUTURE PRESCHOOL TEACHERS**

Y.A. Isayeva

The article presents the analysis of the concept «pedagogical conditions». The list of pedagogical conditions in formation of professional prognostic competences of would be teachers of preschool education is specified. It has been concluded that the psychological-pedagogical and organizational-methodological groups of pedagogical conditions contribute to the formation of professional prognostic competencies in future preschool teachers in the learning process and reflect a set of interrelated and interdependent possibilities of the educational and material-spatial environments aimed at transforming specific personality characteristics.

Key words: pedagogical conditions, prognostic competencies, training of teachers of preschool education

Исаева Юлия Александровна

старший преподаватель

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

E-mail: yulyashka09@rambler.ru

Isayeva Yuliya Alexandrovna

Senior Lecturer,

Donetsk National University.

E-mail: yulyashka09@rambler.ru

УДК 37.032

ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТИРОВ ШКОЛЬНИКОВ В ОЛИМПИАДНОМ ДВИЖЕНИИ

© 2020. Т.Л. Козлова¹, Д.А. Чернышев²

¹ГБНОУ «Республиканский лицей-интернат «Эрудит» – центр для одаренных детей»

²ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье описан процесс формирования ценностных ориентиров школьников в олимпиадном движении. Сформулированы цели и задачи, определены методы, формы и средства, используемые педагогами для эффективного формирования ценностных ориентиров школьников в олимпиадном движении.

Ключевые слова: современное образование, олимпиадное движение, ценностные ориентиры школьников.

Современное общество по праву называют информационным, подразумевая под этим массовый доступ к информации, глобальную коммуникацию, роль, которую играют средства массовой информации в социуме. Интенсивное развитие глобализационных процессов и стремительный информационный поток приводят к изменению ценностных ориентиров современного человека, что особенно явно проявляется на молодёжи. Актуализация мотива быстрого достижения материального благополучия при угнетении процессуально-содержательной мотивации, мотива долга и ответственности перед обществом, отсутствие понимания жизненных перспектив, как краткосрочных, так и долгосрочных, неумение выстраивать профессиональную и личностную траекторию приводят к нарастанию негативных тенденций в обществе.

Результаты исследований, проведенных Л.А. Дубровиной [1] и Н.А. Буравлевой [2] показывают, что ценностные ориентации современной молодежи направлены на достижения и личный успех при снижении значимости стремления к благополучию других людей и общества, что свидетельствует о сдвиге приоритетов в пользу собственного благополучия и индивидуализма против социального интереса и коллективизма. В то же время в ряде исследований отмечается, что подростковый и юношеский возраст благоприятен для формирования ценностных ориентаций на фоне усиления стремления к самопознанию своей личности, к оценке ее возможностей и способностей, выбору своего пути в жизни [1, с. 3]. Формирование ценностных установок школьников в период поиска ими познавательных и профессиональных ориентиров представляет собой актуальную проблему современного образования.

Соглашаясь с Г.М. Андреевой [4], мы определяем ценностные ориентиры как единство мотивационных и когнитивных образований, ориентирующих поведение человека на определенные цели, детерминирующих когнитивную деятельность и выступающих для личности критериями оценки действительности. Ценностные ориентиры являются категориями, при помощи которых личность обозначает те или иные явления мира, они являются основанием для осмысления и оценки объектов и явлений, для познания и конструирования целостного образа мира.

Требования общества к формированию ценностных ориентиров школьников значительно возросли, они основаны на необходимости гармонизации общественных явлений и приоритете личностного самоопределения и саморазвития в русле развития

коллективного самосознания. Для формирования ценностных ориентиров личности важен период среднего и старшего школьного возраста, когда жизненное и профессиональное самоопределение становится необходимостью, реализуемой в ходе целенаправленного воздействия педагогов [5]. Объединяющей идеей в современном образовании должна стать интеллектуально-творческая и духовно-нравственная созидательная деятельность как высшая ценность [6], гуманизация, культуросообразность и природосообразность обучения [7].

К основным образовательным ценностно-смысловым ориентирам современное образование относит [7]:

1) гражданскую идентичность личности, принятие и уважение ценностей семьи, коллектива, и общества;

2) коммуникативные умения и навыки;

3) самопроектирование, самообразование и самовоспитание личности;

4) самостоятельность, инициатива и ответственность;

5) этические чувства как регуляторы морального поведения личности.

Формирование ценностных ориентиров школьников в современном образовании является предметом исследований педагогов, психологов, социологов, управленцев. Проблема поиска форм, методов и средств формирования ценностных ориентиров школьников в образовательных системах исследовалась в работах Е.И. Артамоновой, И.В. Бабуровой, Л.В. Байбородовой, М.Р. Битяновой, И.Ф. Исаева, В.В. Краевского, Б.Т. Лихачева, В.А. Слостенина, Е.Ф. Яценко и др.

Одним из действенных инструментов формирования ценностных ориентиров современных школьников является олимпиадное движение, обладающее мощным развивающим и социализирующим потенциалом. В настоящее время во всемирном образовательном пространстве олимпиадное движение является значимым социально-педагогическим явлением, объединяющем сотни тысяч школьников, педагогов, ученых, методистов, психологов и родителей, целью которого является интенсивная творческая образовательная деятельность всех участников олимпиадного образовательного процесса на основе интеграции образовательной, управляемой самообразовательной и соревновательной деятельности, направленная на развитие участников олимпиадного движения. Этой цели подчинены соответствующие задачи:

– развитие личности обучающихся с приоритетной направленностью на управляемую самообразовательную деятельность, интеллектуальную активность и лидерские качества в интеллектуальных соревнованиях;

– повышение профессиональной компетентности педагогических, научно-педагогических и научных работников, методистов, психологов и других участников олимпиадного движения;

– совершенствование образовательных систем за счет разработки и внедрения новых образовательных методик и технологий, способствующих расширению и углублению предметных областей, осваиваемых участниками олимпиадного процесса [8].

Мы согласны с А.И. Поповым [9], обосновывающим необходимость массового привлечения обучающихся в олимпиадное движение возможностью предоставления каждому способа определения диапазона собственных интеллектуальных и творческих возможностей и позитивного примера для формирования духовно-нравственных ценностей. Принцип массовости в олимпиадном движении реализуется без противопоставления принципу избранности и интеллектуальной одаренности как факторам успешности участия в олимпиадах: привлечение широких масс обучающихся

к олимпиадной образовательной деятельности в олимпиадной образовательной среде позволяет им достичь значительного образовательного результата как в предметной, так в метапредметной областях, сформировать интерес к учебному предмету, науке, будущей профессиональной деятельности, развить личностные качества.

Системная подготовка школьников к предметным олимпиадам осуществляется путем:

а) создания олимпиадной образовательной среды через взаимодействие формального и неформального образования на основе свободы выбора, ситуации успеха, организацию связи с внешним социумом;

б) формирования олимпиадных групп, в которых реализуется субъект-субъектное взаимодействие учителя и школьников при проектировании и реализации индивидуальных образовательных маршрутов школьников;

в) организации олимпиадного образовательного процесса, состоящего из инвариантной (форма организации занятий) и вариативной (теоретический образовательный материал, олимпиадные задачи) частей;

г) использования технологии подготовки обучающихся к химическим олимпиадам как инструмента реализации процесса педагогического сопровождения [9–11].

Предметноориентированная интеллектуальная соревновательная деятельность, к которой относится олимпиадное движение, предполагает не механическое усвоение знаний и их использование в момент участия в олимпиаде, а приобретение знаний с их личностным смысловым освоением и последующим переходом в интегральные характеристики личности. Приобретенные знания, сформированные умения и навыки со временем переходят в обобщенные смысловые единицы, определяющие мировосприятие личности, ее ценностные ориентации, понимание мира вокруг себя и себя в мире, формируя такие личностные характеристики, как культура суждений, убеждений, эмоций, поведения.

В олимпиадном образовательном процессе школьников можно выделить три тесно связанных между собой группы задач, которые предполагают формирование и совершенствование у молодежи определенной системы:

а) знаний (образовательные задачи);

б) мотивации, интересов, потребностей, ценностных ориентаций, установок и т.д. (воспитательные и развивающие задачи);

в) соревновательных умений и навыков (соревновательные задачи).

На наш взгляд, одним из действенных средств формирования ценностных ориентиров школьников в олимпиадном движении является приобщение школьников к философии, идеалам и ценностям олимпиадного движения, сформулированным авторами на основании собственного педагогического опыта. Олимпиадное движение, по нашему мнению, является философским течением, базирующемся на интеллектуально-соревновательных и общечеловеческих идеалах и ценностях.

Олимпиадное движение обладает интегрирующей силой, позволяющей обогатить процесс образования философией научного подхода, углубленного развития интеллектуальной сферы молодого человека в соединении с идеями гуманизма, нравственности, культуры, что дает возможность олимпиадному движению состояться не только как социально-педагогическому, но и как социально-культурному явлению и создать серьезное основание для формирования олимпиадной культуры. Основа олимпиадного движения – осознание обучающимися целей своего развития и развитие их способностей самостоятельно проектировать индивидуальную образовательную траекторию при помощи квалифицированных педагогов.

Сущностные признаки олимпиадного движения – это идеи, принципы, цели и задачи, выраженные в программах, функциях, системе управления и организационной структуре международного олимпиадного движения и составляющие содержание и методологическую основу движения. К числу главных идей и идеалов олимпиадного движения могут быть отнесены следующие:

1) олимпиадное движение является средством объединения талантливых и целеустремленных школьников мира, которые, будучи представителями своих стран, спланиваются идеями предметноориентированного или межпредметного интеллектуального развития, взаимодействия и взаимопонимания;

2) обеспечение через систему подготовки к предметным олимпиадам и участия в олимпиадном движении доминанты дружбы и сотрудничества молодежи всех стран и континентов во имя развития науки и человечества;

3) разностороннее гармоничное развитие личности средствами интеллектуальных соревнований.

Все эти идеи заложены в разработанной нами хартии олимпиадного движения – авторской концепции ценностных ориентиров олимпиадного движения школьников.

Хартия олимпиадного движения

1) Олимпиадное движение – философия жизни, объединяющая в сбалансированное целое интеллект и волю, радость познания и стремление к победе.

2) Олимпиадное движение – социально-педагогическая концепция, включающая в себя комплекс различных образовательных, развивающих и соревновательных идей, научного мировоззрения и гуманистических идеалов, касающихся взаимодействия, взаимоотношения людей различных рас, национальности, вероисповедания, международного взаимодействия и взаимопонимания и т.п.

3) Интеллектуальное развитие путем освоения основ наук и познания окружающего мира – одно из прав человека. Каждый должен иметь возможность развивать интеллект, логическое и творческое мышление, сравнивая себя в честном соревновании с другими, не подвергаясь дискриминации, в духе олимпиадного движения, подразумевающего приобщение к научному познанию, взаимопониманию, солидарности и честным интеллектуальным соревнованиям.

4) Олимпиада – интеллектуальный праздник, где главными элементами являются радость познания, честность, открытость, сотрудничество и понимание. Она помогает усилить дружеские отношения среди молодых людей из разных стран, поощряет международное взаимодействие.

5) В олимпиаде побеждает сильнейший – тот, кто больше знает, умеет и правильно и быстро мыслит, творчески подходит к поставленной проблеме.

6) В олимпиаде есть победители, но нет побежденных, каждый участник олимпиады – образец стремления к развитию и воли к победе.

7) Олимпиадное движение функционирует в образовательном пространстве, олимпиадные организации внутри олимпиадного движения должны иметь права и обязанности, что включает в себя независимое создание олимпиадных правил и контроль над ними, определение структуры и руководство своими организациями, ответственность за обеспечение применения принципов добросовестного управления.

8) Осуществление прав и свобод, предусматриваемых настоящей Олимпиадной хартией, должно быть обеспечено в отсутствие какой-либо формы дискриминации – расового, языкового, религиозного, политического характера, по признаку цвета кожи, пола, сексуальной ориентации, наличия иного мнения, национального или социального происхождения, обладания собственностью, рождения или иного статуса.

9) Принадлежность к олимпиадному движению требует соблюдения положений Олимпиадной хартии и признания Международными олимпиадными комитетами.

Предлагаемые нами методы формирования ценностных ориентиров школьников в олимпиадном движении заключаются в следующем:

– создание у школьников особого настроения на восприятие, эмоциональное переживание, ценностное погружение в олимпиадный образовательный материал, интеллектуальную соревновательность, достижения и проблемы современной науки;

– формулирование духовно-нравственной идеи изучаемого образовательного материала, осознание изучаемого в контексте цивилизационных ценностей;

– акцентирование ценностной составляющей осваиваемого олимпиадного материала и интеллектуальной соревновательной деятельности в системе жизненных и профессиональных перспектив школьников;

– создание у школьников положительного отношения к достижениям сверстников в олимпиадном движении, проецирование их достижений на научную деятельность, определение собственных личностных и соревновательных перспектив в интеллектуальной соревновательной деятельности;

– организация неформального общения школьников и педагогов с передачей жизненных и образовательных ценностей от старшего поколения младшему;

– формирование ценностного отношения школьников к процессам самопроектирования, самообразования и саморазвития;

– обучение школьников ориентированию в виртуальном информационном поле, правилам эффективного самостоятельного поиска и отбора образовательного и справочного материала.

Эффективное формирование ценностных ориентиров школьников в олимпиадном движении возможно при создании соответствующих организационных и психолого-педагогических условий:

– диагностика и анализ характера отношений школьников к основным базовым человеческим ценностям, коррекция отклонений от типичных тенденций;

– системная олимпиадная деятельность: реализация олимпиадного образовательного процесса в олимпиадном образовательном пространстве с внедрением в сознание школьников позитивных установок на целеполагание и достижение образовательных и соревновательных результатов;

– предоставление школьникам объективной информации о последствиях негативных отношений к базовым ценностям;

– организация тренинговых занятий в процессе педагогического сопровождения школьников олимпиадным движением.

Процесс формирования ценностных ориентиров строится так, чтобы для школьников он выступал как удовлетворение их личностных потребностей и интересов, как процесс самореализации. Выделяют две компоненты освоения школьниками ценностей олимпиадного движения [12; 13]:

– *содержательная компонента* включает в себя освоение школьниками знаний об олимпиадных ценностях, развитие лидерских и соревновательных способностей с приоритетом соблюдения этических правил и норм, осознание необходимости интегрирования олимпиадных и личностных ценностей с общечеловеческими ценностями, формирование готовности поступать в соответствии с имеющимися знаниями;

– *процессуальная компонента* включает в себя этапы освоения школьниками олимпиадных ценностей: от познания смыслового содержания олимпиадного движения до реализации.

Технологический аспект формирования ценностных ориентиров школьников в олимпиадном движении заключается в реализации трех последовательных этапов:

Первый этап: эмоционально-регулятивный (создание комфортной атмосферы в коллективе школьников, готовящихся к олимпиаде, осознание важности и необходимости сотрудничества со сверстниками при погружении в предметноориентированную образовательную среду, повышение самооценки);

Второй этап: мотивационный (активизация процесса самопознания, саморазвития, самовоспитания, формирование мотивации самовоспитания и саморазвития);

Третий этап: ценностно-ориентационный (развитие ценностного отношения к познавательной и интеллектуальной соревновательной деятельности, формирование коммуникативных навыков, побуждение к интеллектуальному совершенствованию в образовательной и соревновательной деятельности).

Рассматривая процесс формирования ценностных ориентиров школьников в олимпиадном движении как результат последовательного целенаправленного внешнего воздействия, поддержанного личностью изнутри, мы можем сделать вывод, что ценностные ориентиры школьников в олимпиадном движении представляют собой продолжительный путь осмысления, сознательного выбора и усилия. Педагогическая задача в процессе формирования ценностных ориентиров школьников в олимпиадном движении заключается организации системной олимпиадной деятельности и ценностной ориентации школьников в олимпиадной образовательной среде.

Ценностные ориентиры школьников, формируемые в олимпиадном движении, должны быть приоритетно ориентированы на развитие личности человека, что порождает взгляд на олимпиадный образовательный процесс как на создание условий для саморазвития личности школьников, образование при этом не перестает выступать транслятором знаний и умений, но происходит смещение акцентов. Задачи учителя состоят в том, чтобы цели и ценностные ориентиры, прививаемые школьникам на начальных этапах погружения в олимпиадную образовательную среду, сохранялись, воспроизводились и усложнялись не только на последующих стадиях олимпиадного образовательного процесса, но и в течение всей жизни, закрепляя мотивацию на самообразование, саморазвитие и конструктивную результативную деятельность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дубровина Л. А. Ценностные ориентации подростков и старшеклассников / Л. А. Дубровина, Е. В. Кошутина, А. С. Константинова // Обучение и воспитание: методики и практика. – 2013. – № 10. – С. 19-22.
2. Буравлева Н. А. Ценностные ориентации студентов / Н. А. Буравлева // Вестник ТГПУ. – 2011. – № 6. – С. 124-129.
3. Слободчиков В. И. Основы психологической антропологии. Психология развития человека: Развитие субъективной реальности в онтогенезе / В. И. Слободчиков. – М.: Школьная пресса, 2000. – 416 с.
4. Андреева Г. М. Социальная психология / Г. М. Андреева. – М.: Аспект Пресс, 2009. – 363 с.
5. Слижевская А. Н. Поддержка ценностных ориентаций старшеклассников / А. Н. Слижевская, Д. Н. Шмидт // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2013. – №1 (11). – С. 140-146.
6. Тараносова Г. Н. Ценностные ориентиры современного образования в реалиях нового времени / Г. Н. Тараносова, Е. А. Решетникова // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. – 2015. – №2-1. – С. 211-215.
7. Шамшин Л. Б. Ценностно-смысловые ориентиры современного образования в культурологическом контексте / Л. Б. Шамшин // Человеческий капитал. – 2020. – № 1. – С. 64-71.
8. Козлова Т. Л. Структура и принципы организации олимпиадного движения / Т. Л. Козлова, Д. А. Чернышев // Вестник Донецкого национального университета. Серия Б. Гуманитарные науки. – 2018. – № 2. – С. 116-124.

9. Попов А.И. Методологические основы и практические аспекты организации олимпиадного движения по учебным дисциплинам в вузе : монография / А.И. Попов, Н.П. Пучков. – Тамбов : Изд-во ГОУ ВПО ТГТУ, 2010. – 212 с.
10. Тюльков, И.А. Система подготовки к олимпиадам по химии / И.А. Тюльков, О.В. Архангельская, М.В. Павлова. – М.: Педагогический университет «Первое сентября», 2009. Лекции 1-4. – 72 с.; Лекции 5-8. – 96 с.
11. Козлова Т. Л. Технология подготовки учащихся общеобразовательных учебных заведений к олимпиадам по химии / Т.Л. Козлова // Инновационные процессы в химическом образовании в контексте современной образовательной политики: материалы V Всерос. науч-практ. конф., 10-13 октября 2017 г. / под ред. проф. Г.В. Лисичкина. – Челябинск: Изд-во Южно-Урал. гос. гуман.-пед. ун-та, 2017. – С. 92-96.
12. Левина А. А. Семья в системе ценностей современной молодежи: социологический аспект / А. А. Левина // Современные научные исследования и инновации. – 2013. – № 10. – С. 132-136.
13. Битянова М. Р. Педагогические технологии развития ценностных ориентаций школьников как важный компонент их личностного потенциала / М. Р. Битянова, Т. Л. Порошинская; Департамент образования г. Москвы, Московский центр качества образования. – М.: Московский центр качества образования, 2010. – 141 с.

Поступила в редакцию 03.08.2020 г.

SCHOOLCHILDREN'S VALUE GUIDELINES FORMATION IN THE OLYMPIAD MOVEMENT

T.L. Kozlova, D.A. Chernyshev

The article describes the process of forming the schoolchildren's value guidelines in the Olympiad movement. The goals and objectives are formulated, the methods, forms and means used by teachers to form effectively the schoolchildren's value guidelines in the Olympiad movement are determined.

Key words: modern education, Olympiad movement, value guidelines of schoolchildren.

Козлова Татьяна Леонидовна.

Заместитель директора по научно-методической работе ГБНОУ «Республиканский лицей-интернат «Эрудит» – центр для одаренных детей», г. Донецк.
E-mail: tlk68@mail.ru.

Kozlova Tatyana Leonidovna.

Deputy Director for Scientific and Methodological Work,
SBNEI "The republican boarding school "Erudite" – gifted children centre", Donetsk.
E-mail: tlk68@mail.ru.

Чернышев Дмитрий Алексеевич.

Доктор педагогических наук, профессор,
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
г. Донецк.
E-mail: chernishevdmity@gmail.com.

Chernyshev Dmitry Alekseevich.

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Professor of the Pedagogy department,
SEI HPE "Donetsk National University", Donetsk.
E-mail: chernishevdmity@gmail.com.

УДК 811.111:37.018.4-025.32-029:9(4+100)(048.83)

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ НЕПРЕРЫВНОГО ОБУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ В ЕВРОПЕ И МИРЕ: НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

© 2020. *Г.В. Мерхелевич*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Учебно-методический комплекс иностранных языков «АРПИ»

Статья посвящена научно-историческому обзору становления и распространения непрерывного обучения английскому языку в странах Европы и за ее пределами в период с XIV века по настоящее время. В статье также рассмотрены особенности обучения английскому языку как родному и как иностранному на различных исторических этапах, методические подходы к организации процесса обучения языку. Рассмотрена целесообразность перехода к обучению иностранному языку на монологвистической основе в сравнении с двуязычной и на обучение языку как инструменту обмена информацией в сравнении с традиционным изучением языка как учебной дисциплины.

Ключевые слова: диалог, образование, язык, обучение, одноязычный подход, говорение, чтение, понимание, навыки.

Одной из актуальных проблем современной педагогики является эффективное обучение специалистов различных профилей иностранному языку с целью создания условий для полноценной профессиональной интеграции в международном масштабе.

Потребность в скорейшем решении данной проблемы подтверждается активизацией внешнеэкономических и культурных связей Донецкой Народной Республики с зарубежными странами, и необходимостью иноязычной подготовки отечественных специалистов.

Очевидной в существующих условиях является недостаточная методологическая разработанность существующих методов иноязычной подготовки отечественных специалистов различной профессиональной ориентации.

Основопологающие методологические подходы к иноязычной подготовке неанглоязычного социума в процессе непрерывного обучения предполагают широкое использование международного опыта, приобретенного в данной образовательной области.

Исходя из национального масштаба педагогической проблемы, целесообразным представляется проведение многоэтапного историко-научного обзора предпосылок для формирования методологии непрерывного обучения иностранному языку как самостоятельного педагогического направления.

Знакомство с научной зарубежной литературой позволило выделить ряд ученых, ведущих исследования в области данной проблематики: Б. Кумаравадивелу [8] и Н. Прабху (*Индия*) [12], У. Макей [11], В. Риверс [14], А. Фрайес и С. Фрайес [5], Р. Ладло [9, 10], Л. Блумфилд [2], Н. Брукс [3], Ч. Хокетт (*США*) [6], Э. Энтони [1], У. Рутерфорд [15], Р.Эллис [4], П. Скехан (*Великобритания*) [16].

Анализ трудов ученых и исторические документы позволяет выделить следующие этапы в международной практике развития непрерывного обучения английскому языку.

I этап (XIV в). Становление английского языка в Англии как нового и единственного средства обмена информацией на национальном уровне.

В конце средневекового периода в Англии сложилась обстановка, связанная с ослаблением роли французского языка в жизни общества в силу его постепенного замещения языком английским. Такое медленное, но неотвратимое изменение языковой среды в Англии привело к превращению страны из билингвального феодального общества в государство, формируемое на монолингвистической основе.

Одним из признаков растущей роли английского языка в Англии стал факт перехода школ страны на преподавание на английском языке латыни, что повлекло за собой сокращение школьниками затрат времени на изучение грамматики латинского языка. На этом этапе развития общества французский язык становился *иностраным*, а английский приобретал статус *родного*.

К концу XIV века наблюдалось усиление этой тенденции благодаря культурному вкладу Дж. Чосера (*Geoffrey Chaucer*), великого английского поэта и писателя времен средневековья, который стал олицетворением наблюдающегося в тот период самоутверждения английского языка в жизни нации.

II этап (XV в). Обретение английским языком статуса государственного языка Англии.

К концу XV века на английском языке был изложен даже текст основного закона государства, хотя внутреннее делопроизводство в стране по-прежнему осуществлялось на местном наречии (диалекте). К началу эпохи Тюдоров (1485–1603) английский язык приобрел в Англии официальный статус государственного языка.

При этом школьная программа неизменно включала латынь, которая в то время была единственным языком со сформулированными правилами грамматики. В этот период началась подготовка справочников по грамматике и для французского языка, в чем английский язык продолжал серьезно отставать вплоть до начала XVI века.

В конце XV века в Англии начали появляться написанные на французском языке учебники английского языка, предназначенные для тех, для кого родным языком был французский, и учебников французского языка для тех англичан, кто стремился овладеть французским, которые были написаны на английском языке.

III этап (XVI в). Формирование предпосылок для обретения английским языком статуса языка международного общения.

В XVI веке преподаванием английского языка в Англии занималась многочисленная группа учителей-иммигрантов из числа беженцев, среди которых выделялись Жак Белло (*Jacques Bellot*), Клаудиус Холибэнд (*Claudius Holyband*) и Джон Флорио (*John Florio*). Главная отличительная особенность учителей-иммигрантов заключалась в том, что они применяли *двуязычную* методику, используемую в разработанных и изданных ранее учебниках.

IV этап (XVII–XVIII вв). Распространение английского языка на территорию неанглоязычных стран Европы и России.

XVIII век охарактеризовался определенным снижением интенсивности и масштабов обучения английскому языку в Британии в сравнении с предшествующим XVII веком. При этом в других странах Европы сохранялся большой интерес к овладению этим языком и наблюдался постепенное расширение области его преподавания до территорий ряда ближайших стран: Франции, Нидерландов, Дании и Германии. Вслед за этими территориями английский язык пришел в страны «внешнего кольца», расположенные в Средиземноморье и в Балтии, к которым в конце XVIII века присоединилась и Россия.

Обучение английскому языку за пределами Британии получило бурное развитие в Нидерландах, которое, продолжаясь на протяжении всего XVII века, олицетворяло собой упрочение отношений между этой страной и Англией.

На этом этапе развития мирового сообщества только Франция выделялась тем, что обучение английскому языку в ней началось еще до 1600 года.

Конец XVII века ознаменовался бурным развитием процесса обучения английскому языку в Германии, сопровождающимся ростом интереса к овладению английским языком, который к этому времени начал все в большей степени завоевывать учебное пространство в системе школьного образования благодаря уважению местного населения к трудам Шекспира и других мастеров английской драматургии.

В 1678 году так называемое «внутреннее кольцо», состоящее из соседствующих с Англией европейских стран, в которых изучался английский язык, замкнула собой Дания. При этом первым участником «внешнего кольца» приверженцев английского языка явилась Италия, за которой последовали Португалия и Испания, первый учебник английского на территории которой вышел в 1784 году в Мадриде.

Английский язык в России как ключ к выходу в Европу.

Основным иностранным языком в России оставался французский, который для русской элиты постепенно приобретал и впоследствии надолго сохранил статус второго языка общения, способствуя приумножению и без того многочисленных рядов местных франкофилов. При этом, по заявлению Генри Свита (*Henry Sweet*) [19], русские того времени обладали способностью так же «легко осваивать иностранные языки», как в наши дни это свойственно скандинавам и голландцам.

При этом, по утверждению Генри Свита (*Henry Sweet*) [17], «русским приходилось становиться хорошими лингвистами поневоле, поскольку, с одной стороны, их якобы недостаточно развитое общество нуждалось в перенимании и внедрении в жизнь достижений более «зрелой» цивилизации стран Западной Европы, а с другой – по причине недостаточной степени владения их родным языком иностранцами и вызванной этим его недоступности как средства общения, что создавало для них дополнительное препятствие» [7].

V этап (XIX в). Формирование методологии обучения языку взрослых.

В XIX веке определились три взаимосвязанных, но противоречивых направления в развитии методики обучения языку. В 1800 году преподавание иностранного языка велось в считанных школах в качестве дополнительного курса по отношению к обязательным языкам. Однако уже в 1900 году в большинстве средних школ велось преподавание одного-двух наиболее распространенных европейских языков.

VI этап (XIX в). Английский язык – средство международных коммуникаций.

Язык как средство коммуникации сам по себе отличается исключительной восприимчивостью к любым изменениям, связанным с характером, формой и другими особенностями общения между людьми. В особенности, это относится к изменениям в области перемещения информации, грузов, услуг и людей с одного места на другое, чем обуславливается необходимость в личном общении на больших расстояниях.

VII этап (XIX в). Предпосылки для проведения реформы в системе обучения английскому языку в Англии.

Интерес, проявляемый в XIX веке к повышению эффективности процесса обучения иностранному языку, непрерывно наращивался в связи с тем, что в этот период наблюдался устойчивый рост практической потребности в овладении английским языком со стороны тех, для кого он не был родным, что происходило на фоне очевидной неспособности существующей государственной системы образования

к решению этой задачи. Сложившаяся в этот период обстановка в стране явилась предпосылкой для проведения реформы в системе образования Англии.

Так, например, методы преподавания, предложенные французскими специалистами *J. Jacotot*, *T. Prendergast* [13] и *F. Gouin*, были настолько подробно сформулированы и тщательно структурированы, что не получили поддержки у остальных преподавателей.

VIII этап (XIX в). Формирование психологического и практического компонентов процесса обучения языку как инструменту обмена информацией.

В начале XIX века свое предложение выдвинул Клод Марсел (1793–1876). Суть предложения заключалась в том, обучать иностранному языку нужно, начиная с *чтения*, с чем не были согласны лингвисты-фонетики и сторонники *разговорной* основы процесса обучения иностранному языку, как это предполагала проводимая реформа системы образования, а также – сторонников естественного метода обучения. Предлагаемый методический подход был основан на различии между понятиями «восприятие информации» (*impression*) и «передача информации в устной форме» (*expression*). При этом первое понятие имеет *психологическую*, а второе – *практическую* основу, совокупность которых отражает двухсторонний характер роли языка как системы и речи как средства *обмена* информацией, обуславливая структуру учебного процесса и последовательность его этапов.

IX этап (конец XIX в). Реформа в системе образования – средство повышения эффективности процесса обучения иностранному языку.

В конце XIX века в Англии была проведена реформа системы образования, призванная сыграть роль беспрецедентного организационного мероприятия по повышению эффективности процесса обучения иностранному языку. При этом 20-летний период реформы продемонстрировал не только объединение ведущих лингвистов-фонетиков вокруг общей образовательной цели, но и позволил им привлечь в свои ряды новых сторонников, в том числе и из числа своих коллег.

Принципы ассоциативной психологии при обучении языку.

В XIX веке возникла *ассоциативная* психология как одна из концепций теоретической психологии, которая широко использовалась в этот период.

Ассоциативную психологию впервые применил в своих работах Генри Свит (*Henry Sweet*), Следование принципам *ассоциативной психологии* означало, что основная задача обучающегося заключалась в том, чтобы сформировать и сохранять адекватную *ассоциацию* между лингвистическими элементами и реальной жизнью.

При этом *беглость устной речи* предполагала необходимость использования в процессе устного общения тщательно устойчивых выражений и понятных по смыслу высказываний, которые были ранее усвоены на *ассоциативной* основе путем их многократного применения на практике, избегая при этом ошибочного восприятия смыслового содержания воспринимаемой информации посредством ее мысленного перевода на родной язык.

Отказ от грамматико-переводного метода. Поиск новых методов и приемов обучения.

В конце XIX века в системе обучения иностранному языку в Англии сложилась обстановка, при которой грамматико-переводный метод обучения – после его длительного доминирования в системе обучения английскому как иностранному – начал в результате проводимой реформы вытесняться более практичным педагогическим подходом.

Основные принципы реформы и новые подходы.

Краеугольным камнем проводимой *реформы* было принятие ученым Германом Клингхардтом (*Hermann Klinghardt*) решения о применении новых подходов с использованием научной работы Генри Свита (*Henry Sweet*) *Elementar buch des nesprochenen Endische* (1885). Эксперимент начался весной 1887 года и продолжался до марта 1888 года. Весь объем работы был разделен на 2 семестра. При этом возраст всех учеников был 14 лет, и никто из них не владел английским, а предыдущие три года они занимались французским языком. Герман Клингхардт (*Hermann Klinghardt*) начал процесс обучения с ознакомления обучающихся с основными правилами произношения, который занял 2,5 недели и включал приемы *прослушивания* и *устного общения*, в процессе применения которых он знакомил учащихся с основными принципами орфографии.

Совершенствование процесса обучения языку с помощью естественного метода.

В последнее время особенно большой интерес в разных странах мира вызвали методы обучения *разговорному* иностранному языку. На самом деле эти методы были предметом повышенного внимания и профессионального беспокойства педагогов еще с давних пор, и последнее упоминание об их применении относится к концу XIX века в США, когда практика их применения была возобновлена усилиями носителями языка, иммигрировавшими в эту страну. Педагогические подходы, составившие основу этой методики, ныне известны как *Natural Methods*, *Conversation Method*, *Direct Method*, *Communication Approach* и др.

X этап (XX в). Обучение английскому языку – самостоятельная специальность и отдельный вид образовательной деятельности.

В первой половине XX столетия обучение английскому языку *начало осуществляться на профессиональном уровне* и приобрело форму самостоятельной специальности. *Со временем*, появился также целый ряд и других новых специальностей, в *особенности*, в области обучения английскому языку тех, для кого он не является родным.

Необходимость возникновения такой (отдельной) специальности на уровне обучения иностранному языку была обусловлена результатом проведения двух реформ в системе образования, проведенных в течение XIX века, один из которых выражался в возникновении нового педагогического подхода, возникшего в ответ на потребности общества и в связи с этим имеющего прикладной характер, а второй – в монолингвистическом подходе к обучению иностранному языку посредством применения так называемого «прямого» метода (*the Direct Method*).

Обучение английскому языку на территории неанглоязычных стран.

Начиная с 1960 года, в Великобритании наблюдается бурный рост объема образовательной деятельности по обучению английскому языку на территории неанглоязычных стран, следствием которого явилось проявление явных *признаков системности и эффективности* в британской методологии обучения английскому языку иностранцев.

Для организации процесса обучения иностранному языку следует применять *монолингвистический* подход, не предполагающий использование родного языка.

Выводы и рекомендации. Анализ результатов проведенного обзора позволил сформулировать следующие **выводы**:

1. Становление английского языка в истории развития мировой цивилизации и достижение современного уровня овладения им в международном масштабе происходило на основе *обучения* языку как *инструменту*, предназначенному для

обмена информацией, в отличие от *изучения* языка в качестве учебной дисциплины, как это до сих пор принято в отечественной практике.

2. В качестве предпосылки, обусловившей необходимость овладения языком на территории неанглоязычных стран и обретения английским языком статуса международного, явилась практическая потребность Англии, а затем и социума других стран в повышении уровня своего развития путем формирования и неуклонного расширения международных внешнеэкономических связей.
3. Опыт начального этапа развития английского языка в Англии подтверждает:
 - основополагающую роль навыка *устного* общения, который формируется не на основе собственно *языка* как комплексной знаковой системы, а с помощью *речи* как акта коммуникационной активности, который не предполагает использования правил грамматики, а строится на накоплении необходимого запаса оборотов речи на основе их *механического* запоминания в ассоциации с сопровождаемыми действиями, событиями и явлениями;
 - целесообразность организации учебного процесса на *монолингвистической* основе, то есть без применения перевода на родной язык;
 - неспособность системы образования к обучению английскому языку как инструменту обмена информацией ввиду методической неподготовленности к решению данной задачи.
4. Целесообразность формирования в Англии школы обучения английскому языку, существующую автономно от национальной системы среднего и высшего образования и предполагающую применение универсального методического подхода, который основан на полноценном восприятии смыслового содержания иноязычной информации на монолингвистической основе, то есть без применения родного языка.

В связи с вышеизложенным **рекомендуется** проведение дальнейшего научного исследования следующих проблем:

- изменения задачи, стоящей перед государственной системой образования, с *изучения* иностранного языка как учебной дисциплины на обучение овладению языком как инструментом обмена информацией;
- перехода на организацию процесса обучения на монолингвистической основе, то есть без применения родного языка;
- организации переподготовки преподавателей иностранного языка с целью приобретения ими опыта применения преподаваемого языка в своей повседневной жизни как инструмента полноценной интеграции с иноязычной средой, что позволит им соответствовать требованиям, обуславливающим возможность успешного выполнения вышеперечисленных рекомендаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Anthony, E.M. Approach, method, technique. // English Language Teaching. – 1963. – No 17. – P. 63–67.
2. Bloomfield, L. Outline Guide for the Practical Study of Foreign Languages / L. Bloomfield. – Baltimore: Linguistic Society of America, 1942. – 16 p.
3. Brooks, N.. Language and language learning: Theory and practice (2nd ed.). New York: Harcourt, Brace & World, 1964/1960. – 263 p.
4. Ellis, R. Learning a second language through interaction. – Philadelphia: Benjamins, 1999. – 255 p.
5. Fries, C.C., & Fries, A.C. Foundations of English teaching. – Tokyo : Kenkyusha, 1961. – 383 p.
6. Hockett, C.F. A course in modern linguistics. – New York: Macmillan, 1959. – 621 p.
7. Howatt, A.P.R. A History of English Language Teaching. Great Clarendon Street. – Oxford OX2 6DP: Oxford University Press, 1984. – 413 p.

8. Kumaravadivelu, B. Understanding Language Teaching: From Method to Postmethod. / B. Kumaravadivelu. – New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, Publishers, 2006. – 280 p.
9. Lado, R. Linguistics across cultures: Applied linguistics for language teachers. – Ann Arbor : University of Michigan Press, 1957. – 141 p.
10. Lado, R. Language teaching: A scientific approach. – New York : McGraw-Hill, 1964. – 239 p.
11. Mackey, W. F. Language teaching analysis. – Bloomington : Indiana University Press, 1965. – 554 p.
12. Prabhu, N.S. Second language pedagogy. – Oxford: Oxford University Press, 1987. – 11 p.
13. Prendergast, T. The Mastery of Languages, or, the Art of Speaking Foreign Tongues Idiomatically. London: R. Bentley. (Mastery Series for French, 1868; German, 1868; Spanish, 1869; Hebrew, 1871; and Latin, 1872.)
14. Rivers, W. M. The psychologist and the foreign language teacher. – Illinois: University of Chicago Press, 1964. – 212 p.
15. Rutherford, W. E. Second language grammar: Learning and teaching. – London : Longman, 1987. – 192 p.
16. Skehan, P. A cognitive approach to language learning. – Oxford : Oxford University Press, 2008. – 324 p.
17. Sweet, H. 1877. Handbook of Phonetics. Oxford. Clarendon Press.

Поступила в редакцию 23.06.2020 г.

A HISTORICAL INSIGHT ABOUT DEVELOPMENT OF ENGLISH LANGUAGE TEACHING/LEARNING IN EUROPE AND ROUND THE WORLD

G.V. Merkhelevich

This paper deals with a historical insight about the spread of the English language within Europe and round the world in the wake of trade, empire-building, migration, and settlement that has ensured the teaching of the language an important role in the educational history of virtually every country on earth. The European focus of the paper is only a small part of history of the subject. The paper places considerable emphasis on the relationship between the teaching of English to native and non-native audiences, the need to develop linguistic descriptions which reflect the generally agreed norms of the standard language. Also, the paper is concerned with review and analysis of international language teaching/learning methods belonging to and used at different times of English language teaching history period. Discussed are the monolingual, situational dialogue -based approach, along with educational system's being unable to teach English as a means of the information-exchange use to meet current demands of the community.

Key words: dialogue, education, language, learning, monolingual approach, speaking, reading, understanding, skills.

Мерхелевич Геннадий Викторович

кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и практики перевода ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», генеральный директор Учебно-методического комплекса иностранных языков «АРПИ»
E-mail: info@arpi.com.ua

Merkhelevich Gennadii Victorovich

candidate of pedagogical sciences, Associate Professor, Translation Theory & Practice Department, The Donetsk national University
General Manager, The ARPI ESL and Translation Agency
E-mail: info@arpi.com.ua

УДК 373.21

ФОРМИРОВАНИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ У ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА В ПРОЦЕССЕ ЗНАКОМСТВА С АБСОЛЮТНЫМИ ЦЕННОСТЯМИ

© 2020. *М.В. Савченко*

ГОУ ДПО «Донецкий республиканский институт дополнительного педагогического образования»

Статья посвящена вопросу формирования мировоззрения у детей дошкольного возраста. На основе проведенного теоретико-методологического анализа отмечается недостаточная степень исследованности проблемы ознакомления детей с абсолютными ценностями. Автор приводит свой вариант схемы по изучению приоритетных ценностей славянских народов, доступных пониманию детей дошкольного возраста, описывает методы работы, которые позволят педагогу успешно работать по данной схеме.

Ключевые слова: целостная картина мира, мировоззрение, ценности, личностные качества, дети дошкольного возраста.

Введение. Неотъемлемой частью целостной картины мира каждого человека является его мировоззрение, что регулирует его поведение, подсказывает способ взаимодействия с окружающим миром, помогает выстроить взаимосвязи в пространстве и времени. Чем шире и глубже мировоззрение, тем точнее картина мира, соответственно, успешнее программа жизнедеятельности и адаптации к миру самой личности (Д.Ф. Валеев).

В понимании феномена «мировоззрение» среди исследователей нет единства. Его раскрывают как: характеристику поведения человека в целом, культурное отношение ребенка к внешнему миру (Л.С. Выготский); систему взглядов человека на природу, общество, труд, познание (Л.И. Божович); систему взглядов на явления природы и общественной жизни, на свое место в мире, на отношение к действительности, которая включает философские, научные, политические, правовые, нравственные, эстетические идеалы и убеждения людей (Н.В. Черепкова); взгляд на мир в целом, систему представлений об общих принципах и основах бытия, жизненную философию человека, сумму и итог всех знаний (М.С. Раитина); поиск и выбор человеком духовной точки обзора доступного и видимого ему мира (А.В. Попов).

Таким образом, мировоззрение можно характеризовать как понимание человеком мира, а именно, событий, в нём происходящих, и своего места в нём. Мировоззрение включает принципы, взгляды, идеалы, ценностные ориентации человека. От него зависит успешность приспособления человека к миру, его поведение, образ жизни, который он выбирает, уверенность в правильности своих поступков. Содержание мировоззрения конкретного человека во многом зависит от эпохи и социума, в котором он живёт.

Значительное влияние на развитие мировоззрения каждого отдельного индивида оказывает содержание процессов воспитания и обучения, на которое ориентируются его родители, значимые для него взрослые, педагоги и учителя. В связи с этим, проблема формирования мировоззрения у подрастающего поколения является одним из актуальных направлений современной педагогики, в том числе, дошкольной педагогики.

Так, в Государственном образовательном стандарте дошкольного образования ДНР среди ключевых принципов современного дошкольного образования выделяется формирование у детей целостной, реалистичной картины мира, основ научного мировоззрения, приоритет социально-нравственного развития [1].

Анализ последних исследований и публикаций в данном направлении свидетельствует об актуальности поиска оптимальных форм, методов и принципов формирования целостной картины мира, в частности, формирования мировоззрения у детей дошкольного возраста. Так, авторы С.Б. Ашурова, Н.Х. Орипова, отмечают, что личность со здоровым мировоззрением может противостоять любым негативным для общества идеям и воззрениям. По их мнению, осознание мира и бытия ребенком отражается в его сознании, на его основе производится анализ и синтез воспринимаемой информации, дается их определение, оценивается их значимость. Это, в свою очередь, помогает дошкольнику высказываться на своем языке по поводу значимых для него событий и явлений, рассказывать о своих переживаниях, мечтах, своем представлении о чем-либо [2].

Авторы Б.А. Артеменко, И.В. Колосова, Н.Е. Пермякова отмечают у современных детей снижение интереса к природе и утрату экологически целесообразных способов взаимодействия с ней вследствие процессов урбанизации. Решение данной проблемы они видят в формировании естественнонаучной картины мира как базового условия познавательного развития детей дошкольного возраста. Исследовательницы раскрывают научную картину мира как систему общих научных представлений о мире, построенных на основе соответствующих знаний и идей [3].

Изучая опыт работы западноевропейских стран в плане формирования этнокультурных представлений в картине мира дошкольника, исследовательница Н.В. Ломоносова подчеркивает, что современному ребенку информационного поколения необходимы знания, умения и оценочные суждения о мире, правилах и нормах поведения людей разных этнокультур, что будет способствовать их мирному сосуществованию и обретению опыта ценностных ориентаций. Автор указывает на необходимость при формировании картины мира детей дошкольного возраста, с одной стороны, знакомства с разными культурами с целью их интеграции, прогресса человечества, с другой стороны, включения регионального аспекта этнокультурного воспитания и образования как средоточия духовно-нравственного потенциала национальных традиций. Н.В. Ломоносова подчеркивает важность построения процесса воспитания детей с опорой на общечеловеческие универсальные ценности (семья, родина, природа, человек) [4].

Исследовательница С.М. Максимова, изучая особенности целостной картины мира у детей старшего дошкольного возраста, выделила основные психолого-педагогические условия ее формирования. Среди них: обеспечение аксиологической основы образовательно-воспитательного процесса; учет экологической составляющей; внедрение художественно-эстетического компонента. По мнению автора, обеспечение аксиологической основы образовательно-воспитательного процесса заключается в том, что невозможно обеспечить целостность формирования картины мира у детей, если содержание образования не строится на универсальных общечеловеческих ценностях. В связи с этим, она также подчеркивает необходимость ориентации образования на здоровье сохранение детей, индивидуальный подход к каждому, обеспечение условий для познания, понимания, принятия и реализации каждым ребенком тех или иных ценностей [5].

Анализ нормативных документов и публикаций в области дошкольного воспитания и образования указывает на достаточную степень изученности проблемы

формирования целостной картины мира у детей дошкольного возраста. Вместе с тем, следует отметить, что больше внимания уделяется отбору содержания (знания о мире, доступные детям дошкольного возраста) и поиску актуальных форм, методов работы по его реализации (практические навыки, ориентация на нормы и правила жизни в природном, социальном мире). Вопросам формирования мировоззрения у детей дошкольного возраста, определения круга доступных им норм и ценностей как центрального ядра мировоззрения значительного внимания не уделялось. Это обусловило наш научный поиск.

Цель статьи – определить доступные восприятию детей дошкольного возраста и значимые для их воспитания ценности и ценностные качества личности с целью формирования основ мировоззрения.

Основная часть. Нормы и ценности являются основой мировоззрения человека. По мере их усвоения и принятия, начиная с этапа дошкольного детства, они выстраиваются в определенную иерархию. Структура мировоззрения каждого индивидуальна и зависит от массы факторов (возраст, пол, особенности восприятия и мышления, условия и содержание воспитания, приоритетные ценности семьи, близких и друзей, религиозной общины, нации, коллег по профессии и т.п.). При этом следует отметить, что усвоение каждой отдельной ценности или моральной нормы происходит в процессе ее сопоставления с иной, противоположной ей. Так, стремление к добру воспитывается на ситуациях, в которых понятен негативный результат злого умысла, стремление к истине возникает в противовес лжи и обману, стремление к прекрасному невозможно без сравнения с безобразным.

Исследователь М.А. Плюсина отмечает, что важными для усвоения ребёнком являются ценности: общечеловеческие (жизнь человека, здоровье, сострадание, честь и достоинство, трудолюбие), семейные (родители, дом), национальные (Родина, родной язык, культура, святыни), вечные (добро, истина, красота, любовь, благо). Автор подчеркивает, чем многообразнее и значимее усваиваемые детьми этические ценности, чем быстрее они становятся их внутренними идеалами и убеждениями, тем прогрессивнее и этичнее ориентация ребенка, тем адекватнее его действия, активнее участие в культурной жизни общества [6].

Продолжая мысль автора, следует подчеркнуть, что процесс воспитания подрастающего поколения не должен быть нацелен на усвоение узкого ряда ценностей, свойственных лишь их семье, религиозной общине или нации. Этот процесс требует многообразия и масштабности. С одной стороны, в последнее время мы наблюдаем процесс глобализации человечества, связанный со свободой передвижения человека из одной страны в другую, от одной культуры – к иной. Это требует не только изучения других языков и культурных традиций, но и формирования уважительного отношения к ценностям других народов, их принятия в определённом смысле. С другой стороны, изучение культурного многообразия других народов в некоторых случаях приводит к снижению у подрастающего поколения интереса к традициям и ценностям собственного народа. Это, в свою очередь, приводит к утрате корней, потере связей со своим родом, землёй, что проявляется в нестабильности психики и бесконечном поиске себя как части этого мира. Соответственно, требует особого внимания изучение национальных ценностей своего народа через ознакомление детей с народным фольклором, традициями, праздниками, историческими традициями.

Несмотря на различные подходы к классификации ценностей, их основой остаются выработанные в ходе исторического развития социума «абсолютные» ценности. Они универсальны и свойственны всему человечеству, среди них: истина,

добро, красота, свобода, справедливость и т. д. Их понимание в разные исторические эпохи несколько отличалось, однако они выступали всегда как приоритетные, поскольку характеризовали стремление каждого человека к свободе и независимости, принятию его обществом, построению отношений с окружающими на принципах гуманизма и равенства.

Данные ценности выступают характеристикой всех сфер человека: свобода характеризует волевую сферу, истина – познавательную сферу, добро – моральную, а любовь – эмоциональную. В соответствии с ними можно классифицировать значимые для воспитания у детей дошкольного возраста ценности.

Анализ приоритетных ценностей славянских народов позволяет выделить такие важные и доступные пониманию ребёнка-дошкольника ценности и ценностные качества личности (см. рис. 1):

- *волевая сфера*, которая строится на принципах свободы, рождает такие важные для русского человека качества как храбрость, мужество, решительность, достоинство, самостоятельность, оптимизм и др.;

- *познавательная сфера*, в основе которой лежит стремление к поиску истины, содержит в себе такие качества как честность, справедливость, совестливость, находчивость и др.;

- *моральная сфера*, в основу которой заложено добро, нацелена на развитие таких качеств как доброта, отзывчивость, приветливость и др.;

- *эмоциональная сфера*, нацеленная на проявление любви как основы, проявляется в таких качествах как миролюбие, патриотизм (любовь к Родине), дружелюбие, трудолюбие и др.

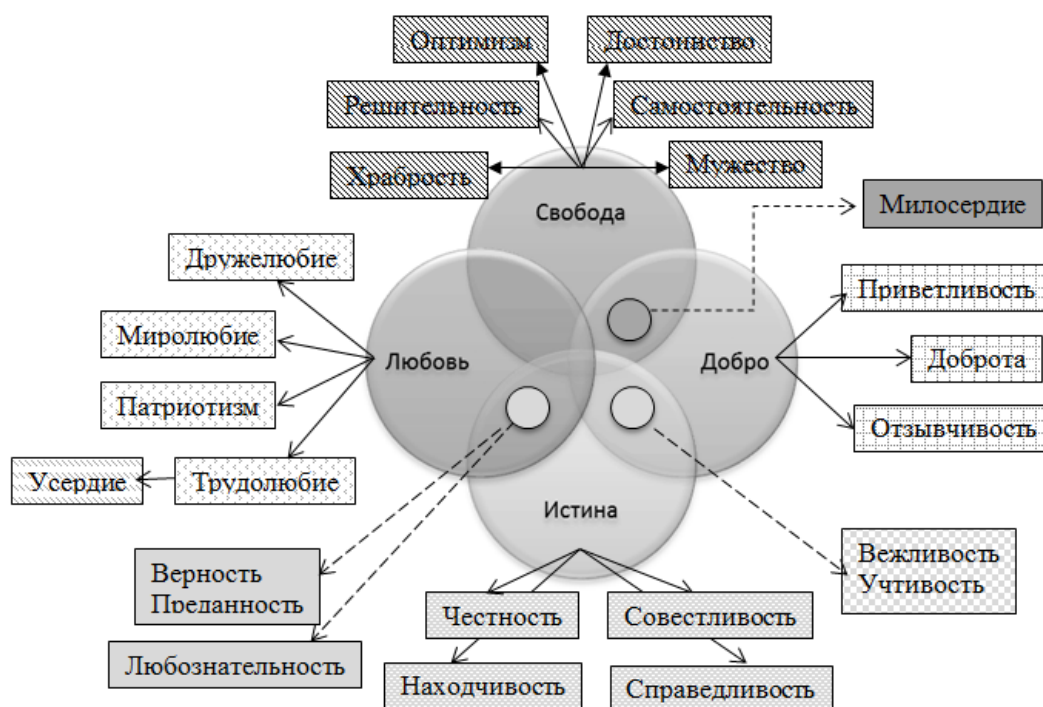

Рис. 1. Ценности и ценностные качества, доступные пониманию детей дошкольного возраста

Отдельные ценности рождаются от сочетания некоторых общечеловеческих ценностей. Так, сочетание Свободы и Добра воспитывают милосердие как принятие другого, независимо от его особенностей, принадлежности, убеждений. Проявление

Истины и Добра рождают такие ценности как вежливость и учтивость. Сочетание Любви и Истины рождают верность или преданность, а также любознательность. Перечисленные ценности могут стать основой для появления других ценностей. Так, трудолюбие воспитывает усердие.

Данная схема не претендует на завершенность и может дополняться. Её главное предназначение – увидеть многообразие ценностей и личностных качеств, важных для формирования мировоззрения на этапе дошкольного детства, а также систематизировать образовательно-воспитательную работу в дошкольной организации в этом направлении. Среди методов, позволяющих реализовать данную задачу, на первый план выходят: чтение художественной литературы, беседы, просмотры мультипликационных фильмов или театрализованных постановок, участие в народных праздниках и обрядах.

Художественное слово, используемое в работе с детьми, предполагает как чтение рассказов и стихов современных авторов, так и фольклорных произведений народного творчества. Ведь именно в сказках, пословицах, поговорках, загадках, потешках, пестушках, колыбельных и других обрядовых песнях отображаются особенности конкретного этноса (его язык, народные традиции и верования), к которому относится ребенок. Это, в свою очередь, оказывает влияние на формирование его идентичности и самосознания как представителя определенной нации, народа.

Фольклор является одним из средств передачи народной мудрости, знаний об обществе и особенностях отношений в нем, о взаимодействии человека и природного мира, которые были получены предыдущими поколениями. В нем заложены ожидания, мечты, мысли народа, а также размышления о важных для человека как представителя конкретного народа ценностях и качествах. В большинстве фольклорных произведений, доступных детям дошкольного возраста, прославляются важные для народа личностные качества и героизируются люди, которые данными качествами обладают. Указанные в схеме ценности и личностные качества на примере конкретных поступков героев и в понятных детям ситуациях широко представлены в русских народных сказках.

Формированию мировоззрения способствует также участие детей в народных праздниках и обрядах. В них находят своё отражение такие особенности как вхождение человека в мир, постижение смыслов бытия, стремление к гармонии и духовному идеалу. Чаще всего в дошкольных организациях детей знакомят с такими праздниками как Покров, Рождество, Святки, Масленица, Троица, Яблочный спас. Участие в них не только помогает детям познать традиции своего народа, их историю и значение, посредством праздников они усваивают нравственные правила и ценности, которыми должен руководствоваться в своей жизни каждый человек.

На формирование мировоззрения дошкольников значительное влияние оказывают мультипликационные фильмы. Благодаря им, ребенок узнает о способах взаимодействия с окружающим миром, получает первичные представления о добре и зле. Важную роль играет отбор мультфильмов для просмотра детьми. На сегодняшний день в свободном доступе предлагаются тысячи мультипликационных фильмов, но лишь некоторые из них, по мнению психологов, рекомендуются детям. Поэтому педагогу перед выбором мультфильма для просмотра следует обращать внимание на: сюжет, образы героев, их поступки и поведение. К сожалению, образы множества героев современных популярных мультипликационных фильмов отличаются сексизмом, агрессивным поведением, подменой гендерных ролей и т.п. А сюжеты способствуют развитию у детей потребительства, непослушания, агрессии.

Добавим, что внимательного отбора мультфильмов недостаточно, задачей педагога является обсуждение и разъяснение увиденного на экране. Следует относиться к просмотру мультфильмов с детьми как к обучению: обсуждать ситуацию, учить сравнивать поступки героев, обговаривать их поведение, отмечать положительные и негативные поступки, учить делать выводы и строить умозаключения на основе увиденного.

К перечисленным формам и методам следует добавить игровые методы, направленные на словесное обсуждение мировоззренческих понятий. Например, игра «Ассоциации» нацелена на выявление знаний детей о содержании понятий, умения давать им определение. Это даёт возможность для более глубокого и тонкого понимания сущности выбранного феномена. Педагог называет слово (например, любовь) и просит охарактеризовать его, ответив на вопросы «Какая она?» (например, светлая, нежная, волшебная, жертвенная и т.п.), «Что делает?» (любовь заботится, приносит счастье, делает счастливым и т.п.). Затем предлагает каждому ребенку назвать одно слово, связанное с заданным (например, любовь связана с мамой, с друзьями, с родным домом). Такое обсуждение помогает дать определение любому понятию.

Заключение. Таким образом, формирование основ мировоззрения у детей дошкольного возраста в условиях дошкольных образовательных организаций предполагает проведение комплексной и систематизированной работы по их ознакомлению с абсолютными ценностями и ценностными качествами личности. Среди приоритетных методов работы в данном направлении выделяются: чтение художественной литературы, просмотры мультипликационных фильмов или театрализованных постановок, беседы по их содержанию, участие в народных обрядах и праздниках, игровые методы.

Предлагаемая статья не исчерпывает всех аспектов становления целостной картины мира у детей дошкольного возраста. Перспективу дальнейшего исследования видим в изучении структуры феномена «языковая картина мира детей дошкольного возраста».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный образовательный стандарт дошкольного образования (приказ Министерства образования и науки ДНР № 287 от 04.04.2018). [Электронный ресурс] – <https://pravobraz.ru/federalnyj-gosudarstvennyj-obrazovatelnyj-standart-doshkolnogo-obrazovaniya>.
2. Орипова Н.Х. Аспекты формирования мировоззрения детей дошкольного возраста / Н.Х. Орипова, С.Б. Ашурова // Бюллетень науки и практики. – 2018. – Т.4. – №2. – С. 409-413.
3. Артеменко Б.А. Формирование естественнонаучной картины мира как базовое условие познавательного развития детей дошкольного возраста / Б.А. Артеменко, И.В. Колосова, Н.Е. Пермякова // Вестник Майкопского государственного технологического университета. – 2019. – Вып. 3 (42). – С. 61-73.
4. Ломоносова Н.В. Анализ зарубежного опыта формирования этнокультурных представлений в картине мира ребенка-дошкольника / Н.В. Ломоносова // Балтийский гуманитарный журнал. Педагогические науки. Т. 7. – 2018. – № 2 (23). – С. 285-288.
5. Максимова С.М. Психолого-педагогические условия формирования целостной картины мира у детей старшего дошкольного возраста / С.М. Максимова // Дискуссия. Педагогические науки. – 2016. – № 7 (70) август. – С. 118-123.
6. Плюснина М.А. К проблеме этического мировоззрения младших школьников / М.А. Плюснина // Проблемы и перспективы развития образования в России. – 2010. – №2. [Электронный ресурс]. – <http://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-eticheskogo-mirovozzreniya-mladshih-shkolnikov> (Дата последнего обращения – 20.05.2020 г.).

Поступила в редакцию 22.02.2020 г.

FORMATION OF THE WORLDVIEW OF PRESCHOOL-AGE CHILDREN IN THE PROCESS OF ACQUAINTANCE WITH NONE-NEGOTIABLE ABSOLUTES

M.V. Savchenko

The article is devoted to the formation of worldview in preschool-age children. On the ground on the theoretical and methodological analysis, there is a lack of research on the problem of children's familiarization with none-negotiable absolutes. The author gives his own version of the scheme for studying the priority values of the Slavic peoples that are accessible to preschool-age children, describes the methods of work that will allow the teacher to work successfully according to this scheme.

Key words: a complete picture of the world, worldview, personal qualities, preschool-age children.

Савченко Марина Васильевна

Кандидат педагогических наук.

ГОУ ДПО «Донецкий республиканский институт дополнительного педагогического образования».

E-mail: tutor.savchenko.mv@gmail.com.

Marina Vasylivna Savchenko

Candidate of Pedagogical Sciences,

SEI PPE “Donetsk Republican Institute of Extended pedagogical education”

E-mail: tutor.savchenko.mv@gmail.com.

УДК 378

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ПОДХОДА К ФОРМИРОВАНИЮ КУЛЬТУРЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИМПРОВИЗАЦИИ ПЕДАГОГА ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

© 2020. *Н.А. Суркова*

ГОУ ДПО «Донецкий республиканский институт дополнительного педагогического образования»

В статье рассмотрены общие и отличительные особенности трактовки понятия «импровизация» в профессиональной деятельности специалистов различных профилей. С учётом требований системы внешкольного образования к её работникам обоснована актуальность применения междисциплинарного подхода к формированию у них культуры профессиональной импровизации. Такой подход позволяет рассматривать её как одну из основных «мягких» компетенций педагога дополнительного образования.

Ключевые слова: профессиональная импровизация, педагог дополнительного образования, междисциплинарный подход, «мягкие» компетенции, последиplomное образование.

Одним из методологических оснований современного образования, в том числе профессионального, последиplomного, является междисциплинарная интеграция [1]. Развитие научного знания, расширение сфер практической деятельности неизбежно приводит к появлению новых научных дисциплин. Общее образование, отличаясь большей консервативностью, мало отражает этот процесс. В то же время динамизм, свойственный системе внешкольного образования, определяет расширение спектра его направлений. А значит, возрастает роль т. н. «мягких» компетенций. Педагогу дополнительного образования необходимо решать сложные задачи, обладать критическим мышлением, креативностью, навыками координации и взаимодействия, принятия решений, проявлять эмоциональный интеллект, когнитивную гибкость [2; 3]. Данные качества особенно ценны, когда проявляются без предварительной подготовки, т. е. в процессе профессиональной импровизации.

При всём многообразии исследований по проблеме импровизации в целом [3] и в профессиональной деятельности специалистов разных профилей (хореографов [4; 5], вокалистов [6], музыкантов [7], актёров [8; 9], работников телевидения и кино [10], переводчиков [11], психологов [12], правоохранителей [13], учителей [14]), только отдельные авторы обращаются к данному аспекту деятельности педагогов дополнительного образования (О. А. Стаина, О. И. Беспалов, Т. А. Дмитриева). Однако подобные работы направлены преимущественно на изучение педагогических условий развития импровизационных умений у учащихся, и в них должное внимание формированию культуры импровизации у работников системы дополнительного образования детей не уделяется.

Указанное противоречие определяет цель нашей статьи – обосновать необходимость междисциплинарного подхода к формированию культуры профессиональной импровизации педагога дополнительного образования. Обозначенная цель достигается решением следующих задач:

– проанализировать сложившиеся в различных отраслях научного знания подходы к пониманию профессиональной импровизации;

– определить место профессиональной импровизации среди «мягких» компетенций специалистов разных сфер деятельности;

– выявить условия формирования культуры профессиональной импровизации педагога дополнительного образования в сопоставлении с методологией непедagogического профессионального, последиplomного образования.

Для реализации указанных целей и задач мы избрали методы аналогии (со сферами научного знания, отражёнными в направлениях дополнительного образования детей) и индукции, которые позволят составить представление об изучаемом явлении и выдвинуть рабочую гипотезу дальнейшего исследования в данной сфере.

Являясь неотъемлемой составляющей творческого процесса, импровизация преимущественно рассматривается в трудах по искусствоведческой проблематике [15]. Поэтому, приступая к обзору исследований данного феномена, обратимся, прежде всего, к работам по проблемам импровизации в области искусств.

Большинство авторов отмечают, что при кажущейся свободе импровизация требует от исполнителя формальной и выразительной чёткости: например, в подготовке хореографов [4, с. 149] и раторов [16, с. 54]. На наш взгляд, общие черты хореографической, риторической и педагогической импровизации – необходимость осознанного отношения к совершаемым действиям, применения мнемонических техник при их освоении, расстановки приоритетов и акцентов в ситуации множественного выбора, а также организационные факторы успешного обучения импровизации. Педагог должен проявить гибкость и мобильность, планируя импровизацию: из предусмотренных вариантов выбрать тот, который в данный конкретный момент является наиболее целесообразным и практически удобным.

Для понимания сущности профессиональной импровизации важно изучить её типологию. Так, если рассматривать виды танцевальной импровизации по классификации С. А. Альгина [5, с. 174] применительно к педагогике, то наиболее востребованной в образовательной практике окажется репрезентативная импровизация. В музыке В. Е. Новиков подобную импровизацию определяет как частичную, эпизодическую [7, с. 36]. Многоуровневое планирование деятельности – обязательное требование, выдвигаемое к педагогу, но в то же время реализация плана занятия напрямую зависит от сиюминутного состояния субъектов образовательного процесса и выстраивается вокруг точки контакта между педагогом и учащимися в рамках индивидуального или группового обучения в данный конкретный момент. При этом Ю. А. Васильев, рассматривая процесс освоения импровизационной техники в театральной сфере [9], отмечает: овладение ею плодотворнее в диалоге, чем в группе. Он приходит к выводу: в процессе творческих занятий нужно акцентировать на том, что их участники не должны подстраиваться друг под друга, идти по намеченным схемам и относиться друг к другу как к партнёрам. Последнее положение отличает театральную импровизацию от педагогической, которую можно охарактеризовать как контактную, ориентированную на общность участников, а не на их различия. Однако в то же время Ю. А. Васильев указывает на актуальный и для актёра, и для педагога-импровизатора путь к успеху – «познание другого, разгадка его сегодняшнего, его реального, не привычного и не вымышленного, не штампованного и не предсказуемого» [9, с. 97]. Данный тезис значим и для актёров, и для сторонников, например, гуманной педагогики.

Проведём ещё одну параллель между музыкальной и педагогической импровизацией: как в музыке импровизационный процесс служит накоплению опыта компоновки музыкального материала [7, с. 39], так и в педагогической практике он помогает педагогу сформировать свой багаж «мягких компетенций». Например, при подготовке к соревновательным мероприятиям педагогу-импровизатору с собственным

созидательным опытом легче помочь ребёнку подготовить самобытную творческую работу, полагаясь на свою профессиональную интуицию, опыт, художественный вкус.

Следующая импровизационная сфера – вокальное искусство. О. Н. Жадан разграничивает бессознательную импровизацию и импровизацию как методическое средство. Положение о творческом инсайде вокалиста как результате напряжённого труда [6, с. 84], безусловно, применимо и к педагогической деятельности. Так, в системе дополнительного образования детей на этапе целеполагания при разработке программы объединения и планировании конкретного занятия необходимо выстраивать иерархию обучающих, развивающих, воспитательных и творческих задач, решение которых упорядочит спонтанные действия педагогов и обучающихся (методическая импровизация).

Второй значимый аспект, объединяющий вокальную и педагогическую импровизацию – эмоциональный подъём при её осуществлении [6, с. 84–85]. Импровизационные умения в этих сферах напрямую зависят от уровня эмоционального интеллекта её субъектов. Успешность деятельности определяется пониманием себя и других, умением контролировать своё эмоционально-творческое настроение во время общения с аудиторией, гибкостью реагирования на неожиданные ситуации, т. е. уровнем развития мажорных навыков импровизаторов. В этой связи В. П. Пальчиков говорит о «соавторстве» зрителя в процессе импровизации актёра, режиссёра, художника-постановщика, оператора [10, с. 167]. По аналогии в образовательном процессе соавтором педагога-импровизатора является учащийся.

И наконец, третьей общей чертой вокальной и педагогической импровизации является нацеленность не на результат, а на процесс, содействующий развитию способностей и формированию креативных качеств личности – самовыражению в творческой деятельности [6, с. 85].

С этой точки зрения стоит сопоставить особенности импровизации в педагогике и в литературном творчестве. Опираясь на работу И. А. Тютюевой [17], мы пришли к выводу, что импровизация в деятельности педагога дополнительного образования, подобно литературной, многофункциональна. Она способствует налаживанию взаимоотношений между педагогом и учащимися (социализация), развивает творческий потенциал личности наставника и детей (развитие креативности), сглаживает конфликты и противоречия (имеет терапевтический эффект) и отражает личностные особенности участников образовательного процесса, традиции объединения, его атрибутику (культурно-этическая функция).

Рассматривая импровизационную культуру педагогов, нужно обратиться к её риторическому аспекту: лингвокоммуникативные умения и навыки не менее важны для педагога, чем компетенции в сфере образовательной программы. Е. Ю. Тучкова предлагает систему упражнений, направленных на развитие немедленных навыков речевой импровизации через ролевые игры и использование готовых текстов [16, с. 55]. Данная методика может быть использована и в последипломном образовании педагогов дополнительного образования. Индукторами в процессе обучения могут выступать литературные произведения, художественные фильмы, произведения изобразительного искусства и фотоискусства на педагогическую тематику, видеозаписи мастер-классов, занятий, воспитательных мероприятий, аудиозаписи диалогов между педагогами и обучающимися и т. д. В терминологии О. Бен-Хорина (O. Ben-Horin) мы предполагаем возможность репетиции педагогической импровизации [14, с. 6] через знакомство с фабулой таких произведений, а затем спонтанное решение поставленных в них проблем в парах или мини-группах. Метод деловых игр в обучении будущих переводчиков

искусству импровизации предлагает и С. А. Быкова [11, с. 45]. Он может оказаться эффективным и в практике профессионального образования педагогов. Имитация реальных ситуаций, действительно, не побуждает, а вынуждает обучаемого искать педагогически правильный выход из них, кроме того, по мнению О. Ю. Захаровой, создаёт условия для снятия личностных и психологических барьеров, комплексов, расширяет поведенческий репертуар [12, с. 166].

Данный подход противоречит мнению Ю. А. Шаранова, который считает, что импровизационные умения формируются только в процессе решения нестандартных профессиональных и жизненных задач, в условиях неопределённости и невозможности избежать необходимости принятия решения и нести ответственность за его реализацию [13, с. 213]. Применяя этот подход к последипломному образованию педагогов дополнительного образования, целесообразно формировать импровизационную культуру в рамках их стажировки.

Значимость сравнительного анализа процессов импровизации правоохранителей и педагогов определяется тем, что сегодня в функциональные обязанности последних входит не только обучение и воспитание, но и медиация. При этом решение конфликтов между участниками учебно-воспитательного процесса требует всех видов импровизации, актуальных для правоохранителей: импровизации мышления, сенсорики, физических контактов и образов [13, с. 208].

Таким образом, представленный обзор теоретических исследований по проблеме профессиональной импровизации подтверждает необходимость использования междисциплинарного подхода к формированию её культуры у педагогов дополнительного образования. Абстрагирование позволило выделить в структуре понятия профессиональной импровизации такие составляющие: творческую, личностную, публичную и педагогическую, присущие т. н. «мягким компетенциям». Для большинства сфер деятельности актуальны две-три из них: для психологов и правоохранителей – личностная и публичная, для работников СМИ и деятелей искусств – творческая, личностная и публичная, для учителей – педагогическая, личностная и публичная. Отличительной особенностью профессиональной импровизации педагогов дополнительного образования является её творческая составляющая. В связи с этим перспективой наших исследований является дальнейшее изучение структурных и функциональных особенностей профессиональной импровизации работников внешкольного образования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шестакова Л. А. Теоретические основания междисциплинарной интеграции в образовательном процессе [Электронный ресурс] / Л. А. Шестакова // Образовательные ресурсы и технологии. – 2013. – № 1 (2). – С. 47–52. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdistsiplinarnaya-integratsiya-kak-metodologicheskaya-osnova-sovremennogo-obrazovatelno-go-protssessa/viewer> (дата обращения: 10.01.2020).
2. Ивонина А. И. Современные направления теоретических и методических разработок в области управления: роль soft-skills и hard skills в профессиональном и карьерном развитии сотрудников [Электронный ресурс] / А. И. Ивонина // Интернет-журнал Науковедение. – 2017. – Т. 9, № 1 (38). – С. 1–18. – URL : <https://naukovedenie.ru/PDF/90EVN117.pdf> (дата обращения: 10.01.2020).
3. Башкір О. І. Імпровізація як наукова проблема [Електронний ресурс] / О. І. Башкір // Педагогіка і психологія. – 2013. – № 43. – С. 97–103. – URL : http://irbis-nbuv.gov.ua/cgi-bin/opac/search.exe?C21COM=2&I21DBN=UJRN&P21DBN=UJRN&IMAGE_FILE_DOWNLOAD=1&image_file_name=PDF/znpkhnpu_ped_2013_43_16.pdf (дата звернення: 11.01.2020).
4. Альгин С. А. Импровизация как основа музыкального оформления урока классического танца [Электронный ресурс] / С. А. Альгин // Концепции фундаментальных и прикладных научных

- исследований : сб. ст. Международной научно-практической конференции (13 ноября 2016 г., г. Омск). В 3 ч. Ч. 2 / под ред. А. А. Сукиасян [и др.]. – Уфа: МЦИИ ОМЕГА САЙНС, 2016. – С. 148–151. – URL : <http://os-russia.com/SBORNIKI/KON-139-3.pdf#page=148> (дата обращения: 12.01.2020).
5. Алферова О. В. Значение, методы и приёмы преподавания танцевальной импровизации в профессиональном обучении хореографа [Электронный ресурс] / О. В. Алферова // Профессиональная подготовка специалистов в системе художественного образования : материалы II Всероссийской научно-практической конференции «Совершенствование профессиональной подготовки специалиста сферы культуры и искусства» / под ред. Л. И. Бушуевой. – Чебоксары: Плакат, 2018. – С. 172–181. – URL : <https://elibrary.ru/item.asp?id=36360838> (дата обращения: 12.01.2020).
 6. Жадан О. Н. Вокальная импровизация как одно из педагогических условий формирования творческого потенциала учеников-вокалистов [Электронный ресурс] / О. Н. Жадан // Проблемы педагогики. – 2018. – № 2 (34). – С. 83–86. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/vokalnaya-improvizatsiya-kak-odno-iz-pedagogicheskikh-usloviy-formirovaniya-tvorcheskogo-potentsiala-uchenikov-vokalistov/viewer> (дата обращения: 12.01.2020).
 7. Новиков В. Е. Импровизация в системе профессионального музыкального образования [Электронный ресурс] / В. Е. Новиков // Народные инструменты в русской и мировой музыкальной культуре : сб. науч. ст. по материалам II Всероссийской научно-практической конференции, 13 апреля 2018 г. / под ред. Р. Н. Бажиллина [и др.]. – Тамбов, 2019. – С. 34–42. – URL : <https://elibrary.ru/item.asp?id=38219580> (дата обращения: 12.01.2020).
 8. Толшин А. В. Импровизация в обучении актёра [Электронный ресурс] : учеб. пособие / А. В. Толшин. – СПб: Чистый лист, 2005. – 66 с. – URL : [https://impropedia.ru/Импровизация в обучении актёра.pdf](https://impropedia.ru/Импровизация%20в%20обучении%20актера.pdf) (дата обращения: 12.01.2020).
 9. Васильев Ю. А. Резонансная техника речевого голоса и чувство импровизации [Электронный ресурс] / Ю. А. Васильев // Театрон. – 2014. – № 2 (14). – С. 90–100. – URL : <https://rucont.ru/file.ashx?guid=5ed36302-3669-4394-9013-b8e3cc4441dc> (дата обращения: 12.01.2020).
 10. Пальчиков В. П. Импровизация на телевидении и в кино [Электронный ресурс] / В. П. Пальчиков // Театр. Живопись. Кино. Музыка. – 2010. – № 1. – С. 164–170. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/improvizatsiya-na-televidenii-i-v-kino/viewer> (дата обращения: 12.01.2020).
 11. Быкова С. А. Роль деловых игр и импровизации в обучении устному переводу [Электронный ресурс] / С. А. Быкова // Японский язык в вузе : материалы научно-методической конференции / под ред. Л. Т. Нечаевой [и др.]. М.: Ключ-С, 2017. – С. 44–48. – URL : <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28967985> (дата обращения: 12.01.2020).
 12. Захарова О. Ю. Развитие профессиональной компетентности психологов в условиях студенческого акмеологического театра [Электронный ресурс] / О. Ю. Захарова // Управление развитием профессиональной компетентности личности: история, теория, практика : сб. материалов Международной научно-практической конференции (27 ноября 2017 г.). В 2 т. Т. 1 / под ред. Н. И. Исаевой [и др.]. – Белгород: ИПК БГИИК, 2017. – С. 163–168. – URL : <https://elibrary.ru/item.asp?id=31793430> (дата обращения: 12.01.2020).
 13. Шаранов Ю. А. Импровизация в структуре субъектогенеза личности сотрудника органов внутренних дел [Электронный ресурс] / Ю. А. Шаранов, В. М. Статный // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2013. – № 1 (57). – С. 206–214. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/improvizatsiya-v-strukture-subektogeneza-lichnosti-sotrudnika-organov-vnutrennih-del/viewer> (дата обращения: 12.01.2020).
 14. Ben-Horin O. Towards a professionalization of pedagogical improvisation in teacher education. Cogent education, 2016, vol. 3, pp. 1–17. Available at : <https://www.cogentoa.com/article/10.1080/2331186X.2016.1248186> (accessed 10.01.2020). DOI: 10.1080/2331186X.2016.1248186.
 15. Ступин С. С. Импровизация как модус художественного творчества [Электронный ресурс] / С. С. Ступин // Искусствознание. – 2008. – № 1. – С. 272–298. – URL : <https://elibrary.ru/item.asp?id=12108368> (дата обращения: 12.01.2020).
 16. Тучкова Е. Ю. Побуждающий эффект импровизации в моделировании ситуаций общения [Электронный ресурс] / Е. Ю. Тучкова // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2017. – № 2 (202). – С. 52–56. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/pobuzhdayuschiy-effekt-improvizatsii-v-modelirovanii-situatsiy-obsheniya/viewer> (дата обращения: 12.01.2020).

17. Тютюева И. А. Генезис создания сказочных импровизаций детьми дошкольного возраста [Электронный ресурс] / И. А. Тютюева // Концепт. – 2015. – № 12. – С. 1–15. – URL : <https://e-koncept.ru/2015/75192.htm> (дата обращения: 12.01.2020).

Поступила в редакцию 25.06.2020 г.

**THEORETICAL FOUNDATIONS OF THE INTERDISCIPLINARY APPROACH TO THE
FORMATION OF SUPPLEMENTARY EDUCATION TEACHER'S PROFESSIONAL
IMPROVISATION CULTURE**

N.A. Surkova

The general and distinctive interpretation features of the «improvisation» concept in the specialists' of various profiles professional activities are discussed in the article. In view of the requirements in the extracurricular education system for its employees, the relevance of applying an interdisciplinary approach to the formation of a culture of their professional improvisation is substantiated. This approach allows us to consider it as one of the main «soft» skills of supplementary education teacher.

Key words: professional improvisation, supplementary education teacher, interdisciplinary approach, «soft» skills, postgraduate education.

Суркова Наталья Александровна

Заведующий отделом воспитания и развития творческой личности ГОУ ДПО «Донецкий республиканский институт дополнительного педагогического образования».

E-mail: nata_surkova@mail.ru

Surkova Natalie Alexandrovna.

Person's Development, Department head of the Education and Creative, SEI APE «Donetsk republican in-service-teachers' training institute».

E-mail: nata_surkova@mail.ru

УДК 377.2.014.6-047.44"18/19"(477.61)

**АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ УПРАВЛЕНИЯ
КАЧЕСТВОМ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СИСТЕМЕ
СРЕДНИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ НА РУБЕЖЕ
XIX–XX ВЕКОВ НА ПРИМЕРЕ ВОСТОКА УКРАИНЫ**

© 2020. *Е.В. Тищенко*

ГОУ ВО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко»

В статье рассмотрены компоненты системы управления качеством отечественного образования в средних профессиональных учреждениях на рубеже XIX – XX веков на примере востока Украины. Раскрыты цели и задачи управления качеством образования в системе средних профессиональных учреждений, их особенности на данном историческом этапе. На основе анализа особенностей управления качеством отечественного образования в Российской империи на рубеже XIX – XX веков определены основные тенденции развития системы средних профессиональных учреждений начала XX века.

Ключевые слова: качество образования, управление, управление качеством, средние профессиональные учреждения, система средних профессиональных учреждений.

Развитие современного производства различной направленности, в соответствии с мировыми стандартами обуславливает необходимость в обеспечении его развитию образования на территориях, которые принадлежали нынешней территории востока Украины, посвящены труды педагогической и исторической направленности высококвалифицированными специалистами, что является целью среднего профессионального образования. Исследование и анализ системы управления качеством среднего профессионального образования в разные исторические периоды является важным условием создания современной качественной системой.

Так, Н. Романоф в своей диссертации [10] рассматривает вопросы развития профессионального образования в восточноукраинском регионе во второй половине XIX – первой половине XX века. В работе Т. Медведовской [6] исследована профессиональная подготовка горных инженеров в Украине с 1899 г. по 2005 г., основу которой было заложено в Екатеринославском высшем горном училище. Диссертационное исследование А. Емелевой [1] посвящено особенностям развития трудового обучения в народных школах Екатеринославской губернии (конец XIX – начало XX вв.). Развитие общего образования на территории, принадлежавшей востоку Украины, посвящены труды О. Белецкого, Л. Лихачевой, С. Нестерцовой.

Становление и развитие среднего специального образования на территории Украины в разные периоды исследовали М. Лысенко, Е. Луценко, О. Кривописин. По проблеме развития образования в Украине работал В. Курило, который является автором работ в области исследований по развитию образования в восточноукраинском регионе [4]. Также существует ряд исторических исследований, связанных с развитием технического образования востока Украины. Так, историческая диссертация П. Чернобая посвящена формированию технической интеллигенции на востоке Украины в конце XIX – начале XX вв. В диссертациях Ю. Кострици, Т. Липовской, В. Мирончук исследован процесс формирования педагогических кадров Донбасса и политика украинизации обзорно-описательного характера.

Вопросы развития управления системой среднего профессионального образования востока Украины учеными педагогами на наш взгляд не достаточно исследовано, поэтому представляется обоснованным научный интерес к историческому

опыту подготовки специалистов среднего звена на территории нынешней восточной Украины на рубеже XIX – XX веков на примере востока Украины.

В конце XIX – начале XX века структура управления профессионально-технических учебных заведений на территории Украины входящей в состав Российской империи существенно расширялась. Однако ее развитие по сравнению с предыдущими годами отставало от потребностей промышленности, транспорта и сельского хозяйства в квалифицированном техническом персонале.

В целом в Российской империи, на территории нынешней восточной Украины, в исследуемый период, профессиональные учреждения относились к специальной категории в зависимости от профиля обучения. Заведения были классифицированы по требованиям заказчиков на индустриально-технические, производственные (предприятия-заказчики) и социально-политические.

Технические учебные заведения принадлежали к категории специальных, которых в Российской империи во второй половине XIX века было двенадцать групп. Соответственно с «Главными положениями о промышленных училищах» 1888 года [7] по всей территории Российской империи устанавливались три типа технических учебных заведений: средние, низшие и ремесленные училища. Позже были созданы другие типы учебных заведений, которые были более доступными для широких слоев населения: школы ремесленных учеников, низшие ремесленные школы, ремесленные и технические учебные мастерские и курсы, ремесленные классы при разных учебных заведениях и др. Кроме этих типовых образовательных учреждений, открывались также специальные школы и училища технического образования, которые имели свои собственные уставы. На них приходилась значительная часть ремесленного образования Российской империи [7].

Содержание образования в указанных учебных заведениях определялось, исходя из местных условий и потребностей местных отраслей промышленности и сельского хозяйства. На образовательный уровень, кроме развития ремесел в данном регионе влияли поставленные цели обучения, степень подготовленности учащихся. Наиболее распространенными видами ремесленных специальностей на территории нынешней восточной Украины, были кузнечная, слесарская, портняжная, обувная, в которых обучались преимущественно лица мужского пола [11, с. 69].

Таким образом, мужское население вовлекалось в систему среднего профессионального обучения гораздо более интенсивнее женского.

На рубеже XIX–XX веков в рамках общей проблемы женского профессионального образования был поднят вопрос об обучении различным видам ремесел девочек. Так, по положению о женском профессиональном обучении предусматривалось создание двух типов учреждений [9]. Школы первого типа устанавливали срок обучения 7 лет. При этом первые 5 лет обучения предполагали изучение общеобразовательных предметов, а следующие два – специальных ремесленных предметов [9]. В школах второго типа срок обучения составлял 4 года с преподаванием как общеобразовательных, так и профессиональных учебных предметов в течение всего периода обучения [9]. Но, все таки, женское образование в конце XIX столетия существенно отставало от мужского образования.

Россия к концу XIX – началу XX веков стремительно набирало темпы промышленности. При этом, не смотря на приложенные, усилия профессиональное образование в России было на недостаточном уровне развития. Планируемые преобразования не были завершены в силу прежде всего политической ситуации в стране: буржуазной революцией, началом Первой мировой войны и др. факторов.

Для преодоления отставания была предпринята попытка реформирования системы профессионального образования по европейскому образцу в 1915–1916 гг.,

когда Министерство народного просвещения Российской империи в лице графа П. Игнатьева инициировало разработку закона и положения о профессиональном образовании в стране, которые были новаторскими для этого времени [8]. Под влиянием Министерства начали создаваться трехлетние технические училища, которые должны были давать основательную практическую подготовку. Но короткое время пребывания на посту министра не позволило П. Игнатьеву продолжить реформу профессионального образования. Она продолжилась под руководством Министерства торговли и промышленности, которое было заинтересовано в развитии профессионального образования. Предложенный этим министерством проект предусматривал создание в стране единой системы профессиональных учебных заведений. Согласно данному документу в 1915 году предполагалось создать единую систему профессионально-технического образования, в которую входили бы несколько типов учебных заведений: высшие начальные училища (технические училища, ремесленные училища, ремесленные школы), двухклассные сельские училища и начальные школы.

Следует отметить, что П. Игнатьевым были разработаны ряд документов и законопроектов. В частности, это документы, предусматривающие школьную реформу – «Закон о средних общеобразовательных училищах Министерства народного просвещения» с «Положением о гимназиях» [5, с. 483], по которым предполагалось создавать гимназии с 7-ми и 4-х летним обучением. Также предусматривались подготовительные классы, дополнительные курсы и высшие начальные училища.

Законопроект 1915 года имел целью значительное упрощение самой процедуры основания ремесленных учебных заведений, чтобы их могли создавать частные лица, общественные организации, учебные учреждения, предприятия.

Общей чертой всех законопроектов этого периода стали предложения по резкому увеличению количества профессиональных учебных заведений, упорядочению системы их деятельности и сочетанию низших и средних технических училищ в один тип учебного заведения [9, с. 149, 154].

Были приняты так же законопроекты, такие как «Об учреждении четырехклассных гимназий и трехклассных реальных училищ» [2, с. 246-249], «Об учреждении мужских гимназий и реальных училищ в составе только старших классов» [3, с. 306-307], во многом определили вектор развития советского образования. Однако, реформа не была реализована в полном объеме, но не смотря на смену государственного строя России ее основные положения во многом определили вектор развития советского образования.

Таким образом, важной проблемой профессионального образования в конце XIX – начале XX столетия было отсутствие объединяющего органа так, как часть профессиональных заведений находилась под руководством различных ведомств (Министерство народного просвещения, Министерство земледелия, Министерство торговли и промышленности и др.). Основным способом решения проблемы профессионального образования начала XX века по мнению П. Игнатьева и его единомышленников было создание Совета по делам профессионального образования.

Идеи прогрессивных педагогов в образовании, а так же постепенное развитие производства в Российской империи в целом и восточной, нынешней Украины, в начале XX века повлияли на отношение со стороны государства к изучению основ ремесел по разным типам учебных заведений. Роль профессиональной подготовки учащихся в учреждениях значительно изменилась. Возникла жизненная потребность в усовершенствовании общетеоретических знаний учащихся и умений применять их в практической деятельности с целью преодоления кризиса квалифицированных кадров.

Буржуазные события 1917 года внесли свои коррективы в структуру управления профессионального образования. Вновь создаваемые и реорганизуемые элементы

управления образования были нацелены на преодоление критической ситуации в сфере профессионального образования вызванные историческими событиями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Емелова А.П. Развитие трудового обучения в народных школах Екатеринославской губернии (конец XIX – начало XX ст.): автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / А.П. Емелова – Луганск, 2014. – 20 с.
2. Законотворчество думских фракций. 1906-1917 гг. : Документы и материалы [Текст] / под общ.ред. П.А. Пожигайло. – М. : РОССПЭН, 2006. – 768 с.
3. Кузьмин Н. Н. Вопросы реформы средней общеобразовательной школы Министерства народного просвещения в период нового революционного подъема и Первой мировой войны (1910 – февраль 1917 г.) [Текст]: дис. ... канд. пед. наук / Н.Н. Кузьмин. – М., 1958. – 387 с.
4. Курило В.С. Образование в Донбассе (XIX – начало XX в.) / В.С. Курило, В.И. Подов. – Луганск : ГУ ЛНУ им. Т. Шевченко, 1999. – 300 с.
5. Материалы по реформе средней школы. Примерные программы и объяснительные записки, изданные по распоряжению министра народного просвещения [Текст]. – Петроград, 1915. – 554 с.
6. Медведовская Т.П. Развитие профессиональной подготовки горных инженеров в Украине (1899 – 2005 гг.) : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / Т.П. Медведовская. – К., 2011. – 23 с.
7. Министерство торговли и промышленности: Сборник статистических сведений о состоянии среднего и низшего профессионального образования: Ч.1. – Спб, 1910. – 326 с.
8. Пригожин И. Р. Порядок их хаоса: Новый диалог человека с природой / И. Р. Пригожин, И. Стенгерс. – М.: Прогресс, 1986. – 431с.
9. Реализация традиций обучения истории 60-70-х гг. XX века в современной школе [Электронный ресурс] // Pandia.ru – интернет-издание: сайт. – URL: <http://pandia.ru/text/79/449/22864.php> (дата обращения 26.02.2018).
10. Романоф Н.О. Развитие профессионального образования в восточнукраинском регионе во второй половине XX столетия : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / Н.О. Романоф. – Луганск, 2012. – 20 с.
11. Тищенко Е.В. Управление качеством отечественного образования в средних профессиональных учреждениях в начале XX века / Материалы Республиканской научно-практической конференции «Качество обучения как проблема контроля и оценки образовательной деятельности учебного заведения», Луганск, 5 декабря 2017. – Луганск: Книта, 2018. – С. 68-69.

Поступила в редакцию 25.06.2020 г.

THE ANALYSIS OF PECULIARITIES OF QUALITY MANAGEMENT OF NATIONAL EDUCATION IN THE SYSTEM OF SECONDARY PROFESSIONAL INSTITUTIONS AT THE TURN OF XIX – XX CENTURIES BY THE EXAMPLE OF EASTERN UKRAINE

E.V. Tishchenko

The article deals with the components of the quality management system of domestic education in secondary vocational institutions at the turn of XIX – XX centuries on the example of Eastern Ukraine. The goals and objectives of education quality management in the system of secondary professional institutions, their features at this historical stage are revealed. On the basis of the analysis of features of quality management of domestic education in the Russian Empire at the turn of XIX – XX centuries the basic tendencies of development of system of average professional institutions of the beginning of XX century are defined.

Key words: quality of education, management, quality management, secondary professional institutions, system of secondary professional institutions.

Тищенко Екатерина Васильевна.
аспирант ГОУ ВО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко»
E-mail: authoressKatyusha@yandex.ua

Tishchenko Ekaterina Vasilievna.
postgraduate, SEI HPE LPR "Luhansk Taras Shevchenko national University».
E-mail: authoressKatyusha@yandex.ua

УДК 371.39

НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПРОГНОСТИКИ В УСЛОВИЯХ МЕТАОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВУЗА

© 2020. С.Ф. Уманец

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В настоящее время педагогическая прогностика развивается в трех ведущих направлениях – компьютерная педагогика (лейтмотив – «Наука читается там, где начинают измерять», – Д.И. Менделеев). Энергоинформационная педагогика (лейтмотив – «Истинная наука – это изучение непознанного; остальное – это приложение знаний», – А. Эйнштейн). Метаобразовательная педагогическая концепция (лейтмотив – «Человек – это целостная система, поэтому в педагогике необходим целостный подход», – С.Ф. Уманец). Метаобразовательный подход позволяет педагогическую систему «студент-образование-профессия» исследовать как целостное педагогическое явление. Цель статьи – обосновать, что в условиях метаобразовательного пространства педагогического вуза открываются новые возможности для подготовки студентов к осуществлению прогностической деятельности. Метаобразовательный подход позволяет привлечь в процессе профессиональной подготовки студентов к осуществлению прогностической деятельности метазнания, накопленные нашей цивилизацией в различных областях человеческой деятельности, учитывая, при этом, индивидуальные психолого-педагогические и личностные особенности каждого обучающегося.

Ключевые слова: метаобразовательное пространство, педагогическая прогностика, педагогические условия, квазипрактика, целостный подход.

Введение. Актуальность темы исследования заключается в том, что оставаясь в рамках когнитивно-информационной парадигмы высшего профессионального образования, выявить и реализовать новые возможности педагогической прогностики очень сложно. Приведем краткий анализ трех основных направлений педагогической прогностики, обозначенных в аннотации статьи на предмет их перспективности в плане развития ценностно-мотивационных состояний студентов, как основного компонента профессионально-педагогической компетентности будущего педагога профессионального образования.

Рассмотрим первое направление исследований в педагогической прогностике – это компьютерная педагогика, которая использует вычислительные методы в первую очередь для статистической обработки результатов педагогических экспериментов, отыскания математических уравнений, которые бы описывали соотношения между переменными, которые участвуют в эксперименте, создание и проверка информационных моделей для получения новой информации (Т.И. Бугайова, М.Г. Коляда и др.) [4]. При всей важности и актуальности компьютерной педагогики как современного направления прогнозирования педагогических процессов и явлений ее реальные возможности в настоящее время несколько ограничены.

Второе направление исследований в педагогической прогностике – это энергоинформационная педагогика (А.К. Дроздовский, С.Е. Дромашко, И.П. Подласый и др.), в основе, которой лежит теория детерминированного хаоса [1; 2; 5]. Однако, данное направление для практической педагогики пока малоэффективно.

Третье направление исследований в педагогической прогностике – это метаобразовательный подход, в основе которого лежит идея целостного метаобразовательного пространства (А.В. Гайворонская, Е.Н. Ковалевская,

С.Ф. Уманец, П.А. Хроменков и др.) [3; 6; 9]. В метаобразовательной педагогической концепции студент рассматривается как целостная личность, что позволяет, например, успешно формировать его ценностно-смысловой идеал как будущего педагога [8]. Данный подход мы считаем наиболее уместным и успешным в современных условиях высшей профессиональной школы. Цель статьи – обосновать, что в условиях метаобразовательного подхода открываются новые возможности для подготовки студентов к осуществлению прогностической деятельности.

Основная часть исследования. Говоря о прогностической деятельности студента в условиях метаобразовательного пространства, имеется в виду развитие его индивидуальных задатков (когнитивных, коммуникационных, артистических, эмоционально-волевых и др.) в процессе обучения в вузе. При этом, метаобразовательный подход не вступает в противоречия с компьютерной педагогикой и энергоинформационным подходом. Доказательством этого утверждения служит тот факт, что в метаобразовательном подходе широко используются статистические методы обработки экспериментальных данных, а это, как известно, является прерогатива компьютерной педагогики. Методы, которые используются в психологии и эзотерике, хорошо работают, как в метапедагогике, так и в энергоинформационном подходе.

Прежде всего, метаобразовательное пространство расширяет *палитру научного знания* за счет философского и культурологического аспектов педагогического образования – это что касается первой научной возможности метаподхода.

Во-вторых, метаобразовательное пространство расширяет *содержательную базу* процесса обучения в педагогическом вузе за счет межнаучных связей предметов из различных образовательных циклов (философский, культурологический, психологический, педагогический, научно-методический).

В третьих, метаобразовательное пространство расширяет возможности коллективной формы совместной учебно-прогностической деятельности преподавателя и студентов в виде *новой формы обучения студентов как квазипрактика*.

В четвертых, обучаясь в метаобразовательном пространстве, студент нарабатывает индивидуальный профессионально-педагогический опыт работы в условиях квазипрактики, приобретая необходимые *производственно-педагогические компетентности* – научную и методическую подготовку к уроку; философское осмысление своей педагогической деятельности; психологический настрой на ведение открытого учебного занятия; отработку вербальных и невербальных способов коммуникации с аудиторией; отработку ораторских приемов; умение адекватно и быстро реагировать на любые вопросы студентов; эмоциональное вовлечение студентов в совместную учебную деятельность.

Для наглядности сравнительного анализа традиционного образовательного процесса педагогического вуза и процесса обучения в метаобразовательном пространстве приведем сводную таблицу 1 «Сравнительный анализ педагогических образовательных пространств». Эта таблица содержит названия педагогических компонентов учебного процесса и собственно педагогические пространства, подлежащие анализу.

Как видно, из табл. 1, метаобразовательное пространство и традиционное не вступают в противоречие. Особенность метаобразовательного пространства состоит в том, что оно расширяет познавательные возможности учебного процесса за счет метазнания, то есть культурологического аспекта. А вторая особенность состоит в том, что метаобразовательное пространство расширяет совместную учебно-педагогическую и совместную учебно-прогностическую деятельность субъектов учебного процесса за счет такой формы обучения студентов как квазипрактика.

Таблица 1

Сравнительный анализ педагогических образовательных пространств

Педагогические компоненты учебного процесса	Традиционное образовательное пространство	Метаобразовательное пространство
Содержание учебных знаний	Узкопрофессиональные: педагогические; психологические; научно-методические	Межнаучные знания: философские; культурологические; психологические; педагогические; научно-методические.
Формы аудиторных занятий	Лекция; семинар	Лекция; семинар; металекция; метасеминар; квазипрактика.
Педагогические компетентности и приемы	Узкопрофессиональные компетентности и приемы: общепедагогические; общепсихологические; научно-методические	Метапрофессиональные компетентности и приемы: философской направленности; культурологической направленности; ораторские; вербальные и невербальные; эмоциональные; приемы адекватного поведения перед аудиторией.
Эмоционально-волевой аспект педагогического процесса	Нейтрально-деловой направленности	Эмоциональная насыщенность учебных занятий; наличие личностного подтекста в выступлениях и учебной деятельности студентов; волевой компонент в процессе формирования и отстаивания своей научной, методической или педагогической позиции перед аудиторией.

О каких же метазнаниях, в первую очередь, идет речь в нашем исследовании? – О современной русской литературе? Не только! В данном случае современная русская романистика является философским, культурологическим, психолого-педагогическим содержанием, фоном, формой и средством решения различных педагогических задач. И что самое ценное в таком литературно-культурологическом подходе является то, что практически все педагогические задачи оформленные, например, на содержании романа «Импозилы» имеют жизненное амплуа, а не чисто теоретическое педагогическое звучание. Формируя профессионально-педагогические компетенции студентов, мы отошли от узкопрофессиональной направленности учебного содержания, перейдя к метазнаниям, то есть таким знаниям культурологического и философского толка, которые опосредованно связаны с педагогическими и психологическими процессами педагогической деятельности студента как будущего педагога. В данном случае, говоря о культурологическом подходе, речь идет о современной русской литературе. На практических (семинарских) занятиях студентам предлагается провести психолого-педагогический анализ в контексте педагогической тематики учебного плана изучаемой дисциплины, например, «Проектирование пространства образовательной среды образовательной организации», «Педагогическое мастерство» или «Педагогика начального образования», тех или иных жизненных ситуаций, заимствованных в таких психолого-педагогических романах, как: «Импозилы», «Предиктория Фуфланта», «Экологи Душ» [7]. Кстати, автором этих психолого-педагогических романов является автор данной статьи. Студенты, видя писательский азарт преподавателя в его собственных психолого-педагогических романах, сами эмоционально вовлекаются в

учебно-познавательный процесс. Другими словами, повышается их уровень мотивационных состояний к плодотворной учебно-прогностической деятельности на открытых уроках квазипрактики.

Заключение. Таким образом, описанные выше новые возможности педагогической прогностики в условиях метаобразовательного пространства, значительно расширяют коммуникационный аспект взаимодействия преподавателя и студентов педагогического вуза на аудиторных занятиях. Традиционная педагогическая практика студентов, которую они проходят в образовательных организациях среднего уровня, значительно расширяет свои пространственные рамки и соответственно дидактические возможности за счет организации в педагогическом вузе квазипрактики (теоретической практики), организованной в условиях метаобразовательного пространства. Традиционные узконаправленные педагогические знания приобретают статус метаэпистемных, когда к ним подключаются современная психолого-педагогическая русская романистика в контексте культурологического и философского подходов.

Применяя такую форму профессиональной подготовки студентов, как квазипрактика (теоретическая практика) с привлечением в образовательном процессе дидактических материалов философского, культурологического толка (например, современная русская литература), в ходе формирующего педагогического эксперимента удалось повысить уровень ценностно-мотивационных состояний студентов на 18 % – высокий уровень; на 23 % – средний уровень и низкий уровень, при этом, понизить на 11 %. Анализируя результаты формирующего эксперимента, и сравнивая его данные с исходной базой констатирующего эксперимента, приходим к выводу, что в условиях метаобразовательного пространства перед педагогической прогностикой открываются новые возможности по формированию профессионально-прогностических компетентностей будущих педагогов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дроздовский А. К. Исследование связей свойств нервной системы с психодинамическими характеристиками личности: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.02 – психофизиология / Дроздовский Александр Кузьмич; Российский гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. – Санкт-Петербург, 2009. – 46 с.
2. Дромашко С. Е. Мозг, интеллект, нейроинформатика: учеб.-метод. пособие / С.Е. Дромашко, Р.В. Телятников. – Минск, 2010. – 54 с.
3. Ковалевская Е. Н., Гайворонская А. В. Формы и приемы организации деятельности педагога в образовательном метапространстве // Вестник Томск. гос. пед. ун-та. – 2013. – № 2 (130). – С. 182-185.
4. Коляда М. Г. Педагогическое прогнозирование: теоретико-методологический аспект: монография (укр. яз.) / М. Г. Коляда, Т. И. Бугайова. – Донецк: Изд-во «Ноулидж» (донецкое отделение), 2014. – 268 с.
5. Подласый И. П. Продуктивная педагогика: Книга для учителей / И. П. Подласый. – М.: Народное образование, 2003. – 496 с.
6. Уманец С. Ф. Метаобразовательное пространство как методологическая основа профессиональной педагогики // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. – 2019. – Т 19, вып. 2. – С. 231-235.
7. Уманец С. Ф. Импозиция. Роман. Серго Земной – Санкт-Петербург: ООО «СУПЕР издательство», 2017. – 190 с.
8. Уманец С. Ф. Совместная учебно-прогностическая деятельность преподавателя и студентов педагогического вуза: методология, теория, методика: монография / С. Ф. Уманец. – Екатеринбург: Издательские решения, 2019. – 268 с.
9. Хроменков П. А. Межнаучная коммуникация в интеграции педагогического образования студентов вуза: дис. ... доктора пед. наук: 13.00.01 – общая педагогика / Хроменков Петр Александрович. – М., 2010. – 393 с.

Поступила в редакцию 20.06.2020 г

NEW POSSIBILITIES OF PEDAGOGICAL PROGNOSTICS IN THE CONDITIONS OF THE META-EDUCATIONAL SPACE OF THE PEDAGOGICAL UNIVERSITY

S.F. Umanets

Currently, pedagogical prognostics developing in three leading areas – computer pedagogy (leitmotif – “Science begins where they deign to measure”, – D. Mendeleev). Energy information pedagogy (keynote – “True science is the study of the unconscious: the is the application of knowledge”, – A. Einstein). Meta-educational pedagogical concept (leitmotif – “Man is a holistic system, therefore, a holistic approach is needed in pedagogy”, – S.F. Umanets). The meta-educational approach allows “the student-education-profession” pedagogical system to be investigated as a holistic pedagogical phenomenon. The purpose of the article is to justify that in the conditions of the meta-educational space of a pedagogical university, new opportunities are opened for preparing students for prognostic activities. The meta-educational approach allows us to involve in the process of professional preparation of students in the implementation of prognostic activities metasnairas accumulated be our civilization in various fields of human activity, taking into account, at the same time, the individual psychological, pedagogical and personal characteristics of each student.

Key words: meta-educational space, pedagogical forecasting, pedagogical conditions, quasi-practice, holistic approach.

Уманец Сергей Федорович

Кандидат педагогических наук,
доцент кафедры дошкольного и начального
образования ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет».
E-mail: umanecsf@mail.ru

Umanets Sergey Fedorovich

Candidate of Pedagogical Sciences
Associate Professor at the Department
of pre-school and primary educational.
Donetsk National University.
E-mail: umanecsf@mail.ru

УДК 372.851, 378.1

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ВНУТРЕННЕЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ МАТЕМАТИКЕ В УСЛОВИЯХ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ В ИНЖЕНЕРНОМ ВУЗЕ

© 2020. *Е.Ю. Чудина, Т.В. Жмыхова*

ГОУ ВПО «Донбасская национальная академия строительства и архитектуры»

В статье рассмотрена роль электронного тестирования при организации педагогического контроля, освещена его актуальность в условиях дистанционного обучения. Рассмотрены основные принципы дифференциации обучения и возможность их реализации при организации контроля успеваемости обучающихся.

Ключевые слова: дистанционное обучение, электронное тестирование, дифференциация.

В связи с переходом в марте 2020 г. на дистанционную форму обучения в педагогической практике отечественных вузов возникли задачи эффективной организации учебного процесса и поиска форм и методов обучения, соответствующих современным реалиям.

На Федеральном портале проектов нормативных правовых актов 26 июня 2020 г. был представлен проект постановления Правительства Российской Федерации «О проведении в 2020–2022 гг. эксперимента по внедрению целевой модели цифровой образовательной среды в сфере общего образования, среднего профессионального образования и соответствующего дополнительного профессионального образования, профессионального обучения, дополнительного образования детей и взрослых» [1]. Он предполагает проведение образовательного эксперимента в 14 регионах Российской Федерации. Цель проекта – создание цифровой образовательной среды (ЦОС). ЦОС, согласно тексту проекта, – это «совокупность условий для реализации образовательных программ с применением электронного обучения, дистанционных образовательных технологий, с учетом функционирования электронной информационно-образовательной среды, включающей в себя электронные информационные ресурсы, электронные образовательные ресурсы, совокупность информационных и телекоммуникационных технологий, соответствующих технологическим средствам, обеспечивающих освоение обучающимися образовательных программ в полном объеме независимо от места нахождения обучающихся». В тексте проекта постановления указывается, что целью создания ЦОС является обеспечение равных условий качественного образования детей вне зависимости от места их нахождения».

Одним из функциональных требований в платформе ЦОС является «проведение диагностики образовательных достижений обучающихся в целях осуществления текущего контроля знаний и промежуточной аттестации» (в том числе с применением электронного обучения, дистанционных образовательных технологий, технологии прокторинга, т.е. процедуры контроля на онлайн-экзамене или тестировании) [1].

Таким образом, организация контроля образовательных достижений студентов является одной из задач организации учебного процесса с использованием дистанционных технологий на государственном уровне. Безусловно, одним из основных способов контроля знаний в современном обучении является тестирование, а педагогическое тестирование – одна из наиболее технологичных форм автоматизированного контроля, применяемых в электронном обучении.

Преимуществом электронного тестирования является то, что при такой форме организации контроля знаний оценивание происходит автоматически, исключая фактор субъективного оценивания со стороны преподавателя. Это исключает конфликт интересов преподавателя и студента, делая оценивание, таким образом, открытым и объективным. Немаловажным является тот факт, что данная форма контроля является более предпочтительной с точки зрения студентов, поскольку электронные технологии прочно вошли в жизнь современного «цифрового поколения» [2].

Следует отметить, что тестирование, как форма контроля, позволяет реализовать дифференцированный подход при организации обучения в вузе, который может осуществляться на основе внешней и внутренней дифференциации. Внешняя дифференциация реализуется в создании однородных групп обучающихся по способностям (в средней школе это классы с углубленным изучением определенных дисциплин), организации факультативных занятий, а также в организации учебно-воспитательной деятельности профильных учебных заведений. В высшей школе, на наш взгляд, принципы внешней дифференциации реализованы достаточно полно за счет уже осуществленного студентами выбора изучаемой специальности [3]. Внутренняя дифференциация также лежит в основе реализации личностного подхода к организации обучения групп учащихся с разнородным уровнем успеваемости.

Использование электронного тестирования позволяет реализовать принцип внутренней дифференциации при обучении математике. В своей практике нами этот принцип был реализован при организации итогового контроля (при проведении семестрового экзамена), а именно была реализована следующая схема. Обучающиеся, которые по результатам работы в течение семестра достигли хорошего и отличного уровня успеваемости, согласно Положению о текущем контроле успеваемости и промежуточной аттестации студентов при кредитно-модульной системе организации учебного процесса в Донбасской национальной академии строительства и архитектуры от 26.12.2017 г. [4], могли получить оценку по результатам работы в течение семестра. Те обучающиеся, которые не в полной мере выполнили учебную программу дисциплины «Математика», допускались к прохождению экзаменационного тестирования на Портале системы дистанционного обучения ДонНАСА (<http://dl.donnasa.org>).

Педагогические тесты по методологии интерпретации результатов тестирования классифицируются на нормативно-ориентированные и критериально-ориентированные [5]. Нормативно-ориентированный педагогический тест позволяет сравнивать учебные достижения (уровень подготовки, уровень профессиональных знаний и умений) отдельных тестируемых друг с другом. Критериально-ориентированный педагогический тест позволяет оценивать, в какой степени испытуемые овладели необходимым учебным материалом. Критериально-ориентированные педагогические тесты применяются для интерпретации результатов тестирования в соответствии уровнем обученности испытуемых [5]. Как подчеркивает С.В. Пашнин, тест должен быть спроектирован таким образом, чтобы распределение результатов теста (баллов) было близким к нормальному. По его словам, «критериально-ориентированный педагогический тест представляет собой систему заданий, позволяющую измерить уровень индивидуальных учебных достижений относительно определенного критерия, функционально связанного с полным объемом знаний, навыков и умений, которые должны быть усвоены обучаемым».

По О.И. Рушингиной, при разработке педагогических тестов «эффективным условием формирования общенаучных компетенций является разработка

содержательной части, которая требует такой формулировки, которая бы ориентировала обучающихся на применение общенаучных компетенций и способствовала продуктивному усвоению знаний на основе деятельностного подхода. При этом задания должны быть с различным индексом трудности, позволяющие дифференцировать процесс обучения и реализовывать идеи развивающего обучения, которые заложены в ФГОС» [6].

Критерием оценивания учебных достижений обучающихся мы выбрали успешность овладения общими и профессиональными компетенциями с позиции компетентностного подхода. В рабочей программе дисциплины «Математика» направления 07.03.01 «Архитектура» согласно ФГОС определены следующие компетенции, которыми должны овладеть обучающиеся: ОК-11: способность находить оптимальные организационно-управленческие решения в нестандартных ситуациях и готовностью нести за них ответственность; ОПК-1: умение использовать основные законы естественнонаучных дисциплин в профессиональной деятельности, применять методы анализа и моделирования, теоретического и экспериментального исследования; ОПК-3: способность осуществлять поиск, хранение, обработку и анализ информации из различных источников и баз данных, представлять ее в требуемом формате с использованием информационных, компьютерных и сетевых технологий.

Успешность выполнения тестовых заданий по дисциплине «Математика» возможна при:

- 1) владении обучающегося первичными навыками и основными методами решения математических задач (ОК-11);
- 2) способности производить самостоятельный выбор методов и способов решения задач профессиональной деятельности (ОПК-1);
- 3) знании методов представления математических данных и основных методов работы с ними (ОПК-3).

Основываясь на вышесказанном, нами был разработан контрольный тест критериально-ориентированного типа, содержащий задания двух уровней сложности. Первый уровень содержал 15 заданий закрытого типа (задания множественного выбора) с четырьмя вариантами ответов, и 6 заданий открытого типа второго уровня. Платформа Moodle, на основе которой реализован сайт дистанционного обучения ГОУ ВПО «ДонНАСА», позволяет формировать случайные билеты для прохождения тестирования. Задания первого уровня оценивались по 1 баллу при условии выбора правильного ответа, задания второго уровня – по 3 балла. Таким образом, общая сумма баллов составила максимум 33 балла. По решению кафедры к тестированию допускались обучающиеся, набравшие по результатам семестра 59 баллов.

Банк заданий составил: более 130 заданий первого уровня и более 100 заданий второго уровня. Таким образом, количество случайных билетов, которые система может предоставить обучающимся для прохождения тестирования, составило более $1,78 \cdot 10^{71}$.

Приведем примеры заданий, соответствующих содержанию дисциплины «Математика» направления 07.03.01 «Архитектура».

Задания первого уровня:

1. Применяя метод интегрирования по частям, имеем $u = x$, $dv = \sin x \, dx$, тогда

А) $du = \frac{x^2}{2}$, $v = -\cos x$;

Б) $du = dx$, $v = \cos x$;

В) $du = \frac{x^2}{2}, v = \cos x;$

Г) $du = dx, v = -\cos x.$

2. Интеграл $\int x^n dx = \ln|x| + C$ при n равном

А) 0;

Б) 1;

В) -1;

Г) $e.$

Задания второго уровня:

1. Найти значение частной производной по x в точке $(\pi; 1)$, если $z = x \sin(xy)$. Введите ответ, деленный на π .

Ответ: -1.

2. Решением уравнения $y'' - 4y' + 4y = 0$ является функция $y = e^{ax}(C_1 + C_2x)$. В ответ введите значение a .

Ответ: 2.

По данным системы дистанционного обучения ДонНАСА, 86 участников итогового тестирования получили следующие баллы (рис. 1). Наблюдается некоторая правосторонняя асимметрия распределения оценок, что на наш взгляд объясняется особенностями организации дистанционного обучения, не всегда достоверно подтверждающих самостоятельность выполнения заданий обучающимися. Средняя сумма баллов, полученных студентами этой выборки при тестировании, составила 20,60 (из 33), оценка среднеквадратического отклонения – 9,46 баллов. Коэффициент вариации составил 45,66 %, что говорит о неоднородности выборки, однако вариация умеренная.

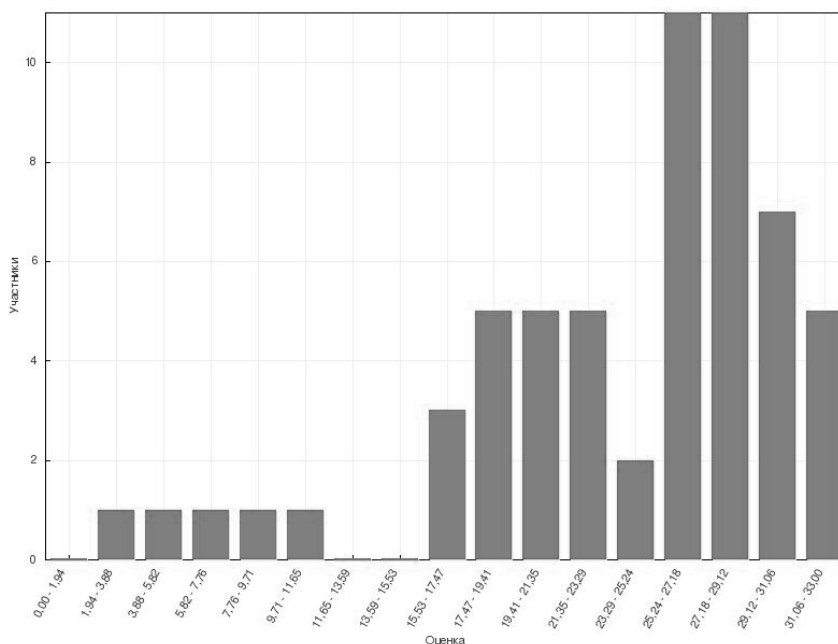

Рис. 1. Распределение баллов тестируемых

Заключение. Исходя из необходимости создания цифровой образовательной среды и реализации образовательных программ с применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий, разработка и реализация электронного тестирования является одной из задач специализированного контроля, характерного для дистанционного обучения. Это определяет на сегодняшний день спецификацию

этой формы контроля, наиболее эффективно реализующей педагогический контроль учебной успеваемости обучающихся.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Проект постановления Правительства РФ. О проведении в 2020-2022 годах эксперимента по внедрению целевой модели цифровой образовательной среды в сфере общего образования, среднего профессионального образования и соответствующего дополнительного профессионального образования, профессионального обучения, дополнительного образования детей и взрослых [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=105396> (дата обращения: 26.07.2020).
2. Чудина Е.Ю. Электронное тестирование как эффективный метод педагогического контроля. Эвристика и дидактика математики: VI Междунар. научно-методич. дистанционная конференция-конкурс молодых ученых, аспирантов и студентов. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2017. – 108 с. – С. 86-88.
3. Чудина Е.Ю. О проблеме дифференциации самостоятельной работы студентов при обучении математике. Сборник научно-методических работ. – Вып.10. – Донецк: Дон-НТУ, 2017. – 299 с. – С. 282-286.
4. Положение о текущем контроле успеваемости и промежуточной аттестации студентов при кредитно-модульной системе организации учебного процесса в Донбасской национальной академии строительства и архитектуры от 26.12.2017 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://donnasa.ru/docs/dokumenty/lokalnye_normativnye_aktvy_po_osnovnym_voprosam_organizacii_i_osuschestvleniya_obrazovatelnoy_deyatelnosti/polozheniya/polozhenie_o_tekuschem_kontrol_e_izm._2015_ska_n.pdf (дата обращения: 26.07.2020).
5. Пашнин С.В. Педагогические тесты в современном образовательном процессе, их классификация // Современная высшая школа: инновационный аспект. – № 4. – Челябинск, 2009. – 111 с. – С. 34-41.
6. Рушингина О.И. Педагогическое тестирование как метод формирования общенаучных компетенций школьников // Наука и школа. – № 3. – Москва: МПГУ, 2017. – 210 с. – С. 184-189.

Поступила в редакцию 05.10.2020 г.

THE IMPLEMENTATION OF THE INTERNAL DIFFERENTIATION PRINCIPLE IN TEACHING MATHEMATICS IN DISTANCE LEARNING ENVIRONMENT IN THE ENGINEERING UNIVERSITY

K.Y. Chudina, T.V. Zhmykhova

The article considers the role of electronic testing in the organization of pedagogical control; it highlights its relevance in the context of distance learning. The main principles of differentiation of training and the possibility of their implementation in the organization of the students' progress monitoring are considered.

Key words: distance learning, electronic testing, differentiation.

Чудина Екатерина Юрьевна

кандидат педагогических наук,
доцент кафедры высшей математики и
информатики ГОУ ВПО «Донбасская
национальная академия строительства и
архитектуры»
E-mail: eka-chudina@yandex.ru

Chudina Katerina Yuryevna

Candidate of pedagogical science,
Associate Professor of Higher mathematics and
computer sciences department,
SEI HPE "Donbas National Academy of Civil
Engineering and Architecture"
E-mail: eka-chudina@yandex.ru

Жмыхова Татьяна Владимировна

кандидат физико-математических наук, доцент,
доцент кафедры высшей математики и
информатики ГОУ ВПО «Донбасская
национальная академия строительства и
архитектуры»
E-mail: zhmykhovatanya@mail.ru

Zhmykhova Tetiana Vladimirovna

Candidate of sciences in physics and mathematics,
Docent, Associate Professor of Higher mathematics
and computer sciences department,
SEI HPE "Donbas National Academy of Civil
Engineering and Architecture"
E-mail: zhmykhovatanya@mail.ru

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. Для публикации в журнале «Вестник Донецкого национального университета. Серия Б: Гуманитарные науки» принимаются не опубликованные ранее научные работы, содержащие новые результаты исследований в области истории, философии, педагогики. Статьи, представленные для публикации в других журналах, к рассмотрению не принимаются. Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала после рецензирования, учитывая научную значимость и актуальность представленных материалов. Рукописи, не соответствующие редакционным требованиям, и статьи, не соответствующие тематике журнала, к рассмотрению не принимаются. Если рецензия положительна, но содержит замечания и пожелания, редакция направляет статьи авторам на доработку вместе с замечаниями рецензента. Автор должен ответить рецензенту по всем пунктам рецензии. После такой доработки редколлегия принимает решение о публикации статьи. В случае отклонения статьи редакция направляет авторам либо рецензии или выдержки из них, либо аргументированное письмо редактора. Редколлегия не вступает в дискуссию с авторами отклонённых статей, за исключением случаев явного недоразумения. Рукописи авторам не возвращаются. Статья, задержанная на срок более трех месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить редакционную правку рукописей. Корректур статей авторам не высылаются.

2. Рукопись подаётся в одном экземпляре (на русском или английском языках), напечатанном с одной стороны листа бумаги формата А4 (экземпляр подписывается авторами). Объём рукописи, как правило, не должен превышать 15 000 – 20 000 знаков, включая рисунки, таблицы, список литературы. Страницы рукописи должны быть последовательно пронумерованы. Параллельно с рукописью на адрес редколлегии (elena_andrienko8@mail.ru) высылается во вложении полный текст статьи (в формате WORD, Office 97-2010). В случае невозможности передачи в редколлегию рукописи на электронную почту редакции высылается во вложении полный текст статьи в формате pdf.

Основной текст статьи – шрифт Times New Roman, размер 12 пт., с выравниванием по ширине;

Резюме, список литературы, таблицы, подрисуночные подписи – шрифт Times New Roman, размер 10 пт.

Текст набирается без автоматической расстановки переносов.

Поля **зеркальные**: верхнее – 20 мм, нижнее – 25 мм, слева – 30 мм, справа – 20 мм. Междустрочный интервал – одинарный.

Абзацный отступ – 1 см.

3. Текст рукописи должен быть построен по следующей структурной схеме:

- Индекс УДК в верхнем левом углу страницы (без абзацного отступа).
- **НАЗВАНИЕ** статьи – полужирный, по центру (прописными буквами без переноса слов);
- Через строчку: копирайт ©, год (без точки), (три пробела), инициалы и фамилия авторов: полужирный, курсив, выравнивание по левому краю без абзацного отступа (полужирный курсив).
- На следующей строке: официальное название организации (курсивом).
- Через строчку: аннотация на русском языке (10 кегль) объемом до 500 печатных знаков (с пробелами), которая должна кратко отражать цели и задачи

проведенного исследования, а также его основные результаты. *Ключевые слова* (это словосочетание – курсивом) (3–5 слов).

Образец оформления начала статьи

УДК 811.161.1'373.611

ГЛАГОЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С ПРЕДЛОГОМ ПОД СО ЗНАЧЕНИЕМ СРАВНИТЕЛЬНО-УПОДОБИТЕЛЬНЫМ

© 2016. А. В. Петров

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

В статье проанализированы глагольные конструкции с предлогом *под*, имеющим сравнительно-уподобительное значение. В глагольных конструкциях исследованы компоненты логической формулы сравнения, их состав и лексическая наполняемость: отнесённость к именам одушевлённым или неодушевлённым, именам нарицательным или собственным, конкретным или абстрактным, арте- или биофактам.

Ключевые слова: глаголы со значением подобия, глагольные конструкции с предлогом под, сравнительно-уподобительное значение предлога под, логическая формула сравнения.

– Через строчку – текст статьи (12 кегль), который включает введение, основную часть и заключение.

Введение: постановка проблемы в общем виде и связь с важнейшими научными и практическими задачами, краткий анализ последних исследований и публикаций, в которых начато решение данной проблемы и на которые опирается автор, выделение нерешенных ранее частей общей проблемы, которым посвящена статья, формулировка цели и задач статьи.

Основная часть: основные материалы исследования с полным обоснованием полученных научных результатов; как правило, содержит такие структурные элементы: постановка задачи, метод решения, анализ результатов.

Заключение: констатация решения поставленных во введении задач, перспективы дальнейших изысканий в данном направлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ (10 кегль без абзацного отступа). Перечень литературных источников (СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ) приводится общим списком в конце рукописи в порядке ссылок в тексте (а не в алфавитном порядке) на языке оригинала в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ 7.05-2008 «Библиографическая ссылка». Ссылка на источник дается в квадратных скобках. Ссылки допускаются только на опубликованные работы. Необходимо включение в список как можно больше свежих первоисточников по исследуемому вопросу (не более чем трех-четырёхлетней давности). Не следует ограничиваться цитированием работ, принадлежащих только одному коллективу авторов или исследовательской группе. Желательны ссылки на современные зарубежные публикации.

Словосочетание **СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ** (Полужирный) выравнивается по левому краю.

Образец

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М. : Наука, 1990. – С. 5–33.

2. Белозерова Е. В. Текстовые реализации лингвокультурных концептов / Е. В. Белозерова // Профессиональная коммуникация: проблемы гуманитарных наук : [сб. науч. тр.]. – Волгоград : ВГСХА, 2005. – Вып. 1. Филология, лингвистика, лингводидактика. – С. 10–17.
3. Леонтьев А. А. Психолингвистические особенности языка СМИ [Электронный ресурс] / А. А. Леонтьев. – Режим доступа: [http : // genhis.philol.msu.ru/article_286.shtml](http://genhis.philol.msu.ru/article_286.shtml) (дата обращения: 25.10.2014).
4. Магера Т. С. Текст политического плаката: лингвориторическое моделирование (на материале региональных предвыборных плакатов) : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Т. С. Магера. – Барнаул, 2005. – 18 с.
5. Методология исследований политического дискурса : [сб. научн. тр. / под ред. Васюткина Е. С.] – М. : Мысль, 2000. – 347 с.

– Далее приводится текст на английском языке (10 кегль):

- название статьи (полужирный шрифт – выравнивание по центру),
- инициалы и фамилия автора (авторов) (полужирный курсив – выравнивание по ширине),
- аннотация, ключевые слова (словосочетание **Keywords:** – полужирный курсив) – выравнивание по ширине.

Образец.

VERBAL CONSTRUCTIONS WITH THE PREPOSITION ‘UNDER’ IN THE MEANING OF COMPARISON AND SIMILARITY

A.V. Petrov

The study deals with the constructions formed on the pattern «the verb with the meaning of similarity + preposition *under* with the meaning of comparison and similarity + the noun in the Accusative case». The components of the logical formula of comparison have been considered as well as their structure and lexical characteristics. The following lexical features have been revealed: their relatedness to animate or inanimate names, concrete or abstract names, generic names or proper names, artifacts or bio facts.

Key words: verbs with the meaning of similarity, verbal constructions with the preposition *under*, the preposition *under* in the meaning of comparison and similarity, a logical formula of comparison.

– В конце статьи обязательно параллельно в таблице на русском и английском языках указываются (10 кегль, выравнивание по ширине, без абзацного отступа) следующие сведения об авторах (для каждого автора отдельная таблица):

- Фамилия, имя, отчество всех авторов полностью (полужирный);
- Ученая степень и звание (без выделения).
- Полное название организации – место работы каждого автора в именительном падеже, страна, город (без выделения).
- Должность (без выделения).
- Адрес электронной почты каждого автора.

В конце каждой строки ставится точка.

Образец:

<p>Петров Александр Владимирович. Доктор филологических наук, профессор. Заведующий кафедрой русского, славянского и общего языкознания факультета славянской филологии и журналистики ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского». E-mail: liza_nada@mail.ru.</p>	<p>Petrov Alexandr Vladimirovich. Doctor of Philology, Professor. Head of Russian, Slavic and General Linguistics Department, Taurida Academy of Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. E-mail: liza_nada@mail.ru.</p>
---	--

4. Отдельным файлом подаются сведения об авторах (фамилия, имя, отчество, учёная степень, учёное звание, место работы, должность, почтовый адрес, телефон, E-mail) – для авторской картотеки «Вестника».

5. В отдельном файле и на отдельном листе подаются **фамилия и инициалы автора**, а также **название статьи на русском и английском языках**. При этом

фамилия и инициалы автора набираются через неразрывный пробел и с разреженным межбуквенным интервалом (3 пт).

Образец

Петров А. В. Глагольные конструкции с предлогом под со значением сравнительно-уподобительным.

Petrov A. V. Verbal constructions with the preposition 'under' in the meaning of comparison and similarity

6. Аспиранты и соискатели вместе со статьёй подают рецензию научного руководителя.

7. Авторы научных статей несут персональную ответственность за наличие элементов плагиата в текстах статей, в т. ч. за полноту и достоверность изложенных фактов и положений

8. Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

9. Контактная информация:

83001, г. Донецк, пр. Гурова, 14, Кафедра философии (ауд. 509, 510).

Ответственный редактор: **Андрienко Елена Владимировна**, д-р филос. наук, доцент, профессор кафедры философии Донецкого национального университета (E-mail: elena_andrienko8@mail.ru).

Ответственный секретарь: **Разумный Виталий Витальевич**, канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры всемирной истории ДонНУ (E-mail: razumnyi.vitalii@yandex.ru).

Научное издание

Вестник Донецкого национального университета

Серия Б. Гуманитарные науки

Научный журнал

2020. – № 3

На русском и английском языках

Технические редакторы: *Дорохина Е.В., Атакишиева Л.Ш., Фоменко М.В.*

Свидетельство о регистрации СМИ № 000076 от 21.11.2016 г.

Подписано в печать 28.12.2020 г.
Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Печать – цифровая. Условн. печ. л. 28,46.
Тираж 100 экз. Заказ №

Издательство ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
83001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.
Тел.: (062) 302-92-27.

Свидетельство о внесении субъекта издательской деятельности
в Государственный реестр
серия ДК № 1854 от 24.06.2004 г.